

К 1502 749

Татьяна Андреева

Своим чередом

(О нашей жизни — всерьёз, и не очень)

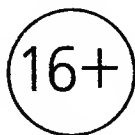
Вологда
2018

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Татьяна АНДРЕЕВА

Своим чередом

(О нашей жизни – всерьёз, и не очень)

Вологда
Киселев А.В.
2018 г.

УДК 821.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)6-4
А65

Андреева, Т. А.
А65 **Своим чередом:** (О нашей жизни – всерьёз, и не очень) / Татьяна Андреева; [лит. ред. А. К. Сальников]. – Вологда: Киселев А. В., 2018. – 392 с. – 16+
ISBN 978-5-906945-23-5

Новая книга прозы Татьяны Андреевой «Своим чередом» представляет собой сборник рассказов разного содержания и величины – от сюжетно развёрнутых художественных произведений до иронических текстов, полных публицистического накала, юмористических миниатюр, бывальщин и баек. Читатель встретит в книге также статьи, в разное время публиковавшиеся в журнале «Вологодский «Лад», а последняя глава и вовсе состоит из сказок.

Автору удалось объединить все эти, казалось бы, несовместимые вещи в единое, гармоничное целое, где одно дополняет и раскрывает другое с помощью невидимого средства – времени. Первая глава посвящена детству, молодости и зрелости людей, в жизни которых так или иначе принимала и принимает участие автор. Относительно временной составляющей построены и все последующие главы. Время становится здесь и стилистическим приёмом, стержнем, на который нанизывается повествование, и героем книги, благодаря чему её содержание становится притягательно узнаваемым.

Книга «Своим чередом» рассчитана на самый широкий круг читателей, однако есть у неё и целевая аудитория – учителя, библиотечные работники, родители, дедушки и бабушки, врачи и социальные работники, а также пишущие люди – журналисты и литераторы.

ISBN 978-5-906945-23-5

УДК 821.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)6-4

© Андреева Т. А., 2018
© Оформление. ИП Киселев А. В., 2018

Содержание

Своим чередом	1
Предисловие	10
Глава I.	
Люди, годы, жизнь	12
Мамина помощница.....	12
Смерть предателям.....	13
Сладкая жизнь	15
Ангелы и гении.....	17
Сясёк Гававов.....	22
Находчивый Даня и звуки	23
У родни в деревне.....	24
Дитя нового времени.....	25
ОК, Гугл, или Учит ли электроника самостоятельности?	26
Возраст – понятие относительное	27
Весенние чудеса	29
Лето!	30
Библиотека для бабушек.....	30
Знаток русского языка из 3«А».....	32
Кающийся грешник.....	33
Али его лизали?!	35
Мне и с бабушкой хорошо!	35
Я же не лаю!.....	36
У вас всё лучшее впереди!.....	37
Смекалистая повариха	37
Два мира, два кефира (маникюр бабы Зюзи)	38
Булочки	39
Вот когда заживём!	39

В Париж!	44
Отношение к учителям	44
Что такое пенсия?	45
Встреча с мечтой	45
В моём мире не... ..	48
Пассионарная Лидочка	51
Мы и они	55
Два в одном – ум и красота	57
Всё познаётся в сравнении	57
Женщина-праздник	58
Свадьба племянницы на изломе времён!	59
Зависть	60
Правду бают: нет худа без добра	67
Vox populi (глас народа)	69
Вот это сервис в Данилове!	69
Условный рефлекс как средство укрепления молодой семьи	71
Хочу работать!	72
Изобретатель	72
Ностальгия	73
О русском характере	75
Воля провидения	75
Две жизни	78
Память старых фотографий	82
Нас встречают по одежке	96
В том же духе	97
Тётя Густя и молодёжь	98
Дамское чтиво	99
Хочется-1	99
Хочется-2	100
Непреклонный возраст	101
Тебе всё можно!	102
Моя бабушка пела частушки, пела частушки бабушка моя	102

И Моте казалось, что она живёт	114
Перестройка, секс и деревенские старики	117
Мамочка, не переживай!.....	118
«Старикам везде у нас почёт»?	120
Конечно же, красота спасёт мир!	120
День старух.....	121
Находчивая бабушка	122
Носи за бархат	122
Так и почувствовали себя жителями Нью-Йорка!	123
Нечего на компьютер пенять.....	124
Замуж? Ещё чего!.....	125
Активное похудение и сила воли	126
Узелок на память	127
«Ангел Мэри, пей коктейли, дуй вино».....	127
Телефон с автоответчиком	129
Я – Николай из Череповца!	129
Очаровательные франты советских лет	130
Провинциальные щеголихи советских лет	140
Ничего себе за солью сходила!	156
Не приведи, Господи!	156
Мамины письма-2	157
Тихий Женька	158
С лица не воду пить!	159
Новогоднее.....	160
«А на кладбище всё спокойненько»... ..	161
Чудо	166
Послушание	171
Не может быть!.....	172
Неприятные звонки	173
Пенсионное моё счастье.....	174

Глава II.
Блики счастья 178

В поисках утраченных возможностей.....	178
Дети и отцы.....	186
Жить надо на позитиве!	187
Люсино счастье	188
Вологодские святые и счастье	196
Ответ на вопрос	197
Учителю для счастья нужно.....	197
Подари счастье	199
Счастье есть	200
Не в деньгах счастье, особенно когда их нет	201
Простое человеческое счастье	202

Глава III.
Неотразимые приметы любви 204

Любовь – кольцо	204
Истинный путь любви	219
Неотразимые приметы любви.....	220
Ещё раз про любовь	222

Глава IV.
Зона рискованного земледелия 224

Вологодская деревня – матрица возрождения родного края	225
Беженцы	234
На Николу Вёшнего	244
«Гвозди бы делать из этих людей!»	245
Знакомство с соседями.....	246
На ту же тему.....	247
Навозна одёжа	247
Готовые пельмени.....	248
Хорошо тому живётся, у кого одна нога... ..	248

Помылся	249
Последний аргумент.....	250
Среднее образование	251
Поняли друг друга.....	252
Старое – новое словцо – 1.....	252
Старое – новое словцо – 2.....	253
Китайский след в Рослятине	253
Грузинский след в Вологодском районе	256
Зашумела	257
Ответ с того света.....	257
Ответственная работница	258
Дорога жизни.....	259

Глава V.

Всё как у людей 260

Собачья жизнь-1. Любовь зла.....	260
Собачья жизнь-2. Всё как у людей	262
А вы знаете?.....	263
Мышки – кошки.....	263
Сообразительный коток.....	273
Новый Мюнхгаузен.....	274
Рыба ночью не видит!.....	275
Джувльбарс.....	275
Персик.....	277
Заяц	278
По грибы.....	279
Вороний ум.....	280
Собачьи университеты	280
Покой на грани стресса: весенние страдания кота Василия.....	281
Шурик Ангелиныч Орлов	282
Суп для Бимки	284
Апрель – пора любви.....	285

Глава VI.

Особенности русского языка, книга, чтение и творчество

в переходный период времени 287

Год литературы: книга и дети	287
«Ах, эта музыка!»	297
Откуда берутся прозвища.....	297
Когда переводчик не требуется.....	299
Своё – чужое	300
Юбилей М. Ю. Лермонтова.....	300
Прибалтика и настенные письма.....	302
Новый взгляд на французский язык.....	303
Волшебная страна «Закулисье»	303
Новые слова для людей родом из XX века.....	305
Ешшо чего?!	305
Я вологжан узнаю по словечку!	307
Бабкина присказка.....	307

Глава VII.

Больничный оптимизм 308

Давай с тобой поговорим об этом.....	308
«Я у тяти сын один».....	310
Давайте, девчонки, не будем о болячках!	311
Здоровье.....	315
Конкретно запал.....	315
Сижу в поликлинике и думаю.....	316
Пора бабу менять.....	317
Инфаркт.....	317
Страшное решение	319
Новое средство от гриппа!.....	319
Приключения длинного белого жакета.....	320
Настоящий рентгенолог!.....	321
Старые кадры.....	322

Глава VIII.

Иное сказание, или Сказка-подсказка 324

Венька-дурак и ядрёна Феня.....	324
Кенюшка-царевич и «Серый волк»	329
Бог есть!	336
Столичная штучка	345
Тоже мне кризис!	
А не попить ли нам чайку, ребята?.....	346
Коша	350
Граница, или Хрен редьки не слаще!	351
Дневник домового Сани.....	360
Василиса Премудрая спешит на помощь	376

Послесловие 392

Предисловие

Смотрю на все, рассыпанные на столе рукописи: рассказы и рассказыки, статьи, сказки и фантазии. Как их сложить в книгу? Хочется, чтобы в ней, как в жизни не было различий между внешне серьёзными событиями и мелочами, кажущимися незначительными. В тех и других, как в зеркале, отражаются вчерашние и сегодняшние реалии: переменчивость, турбулентность, зыбкость и пестрота. Хочется разобраться в том, что происходит вокруг, упорядочить свои мысли и чувства, показать читателю, что именно из мелочей складывается большое и значительное, ободрить его.

Объединяющим фактором всех частей книги мне представляется время. В книге так же, как и в жизни, оно идёт **своим чередом**, собирая и объединяя истории моих героев в одно целое.

В первой главе для простоты и удобства восприятия я распределила тексты по возрасту персонажей на детские, молодёжные и взрослые. Конечно, это условное разделение, хотя у каждой возрастной группы есть свои особенности и своё собственное время. Например, ребёнок может остановить мгновение, в одной точке совместив совсем далёкое прошлое (даже исключаящее его существование), более близкое прошлое и настоящее, как в миниатюре о маленьком мальчике, который спрашивает маму: «Мама, в древности, когда ты маленькая была, тебе какой мобильный покупали?»

Молодые люди в большинстве своём не интересуются, скажем, прошлым веком, да и прошлый год видится им как в тумане: они живут настоящим. Даже будущее для них интересно только в связи с настоящим, то есть с выходом лишь на ближайшую перспективу.

А для моих сверстников, взрослых и пожилых людей важнее всего прошлое, советское время, в котором они росли и воспи-

тывались, когда происходили основные события их жизни. Однако для них также важно настоящее и будущее, поскольку они воспринимают жизнь с позиций опыта, знаний и ощущения ответственности за своих детей и внуков.

О будущем мы фантазируем все: строим планы и прогнозы, хотя оно во многом скрыто от наших глаз.

В последующих главах, исходя из материала, я подобрала и объединила рассказы тематически: о любви, счастье, деревне, домашних животных, здоровье, языке, чтении и творчестве — в общем, о том, что происходило и происходит с людьми ежедневно, о чём они думают и говорят, что удивило и заинтересовало меня, когда я собирала и писала эти истории, о том, что показалось мне достойным остаться в памяти вологжан и всех, кто заинтересуется этой книгой.

В последнюю главу я включила сказки новых времён, в которых волшебство цепко держится за земную реальность. Я обратилась к написанию сказок осознанно, пытаясь передать в них то, что наболело. Например, показать губительность «новояза», полного иностранных слов, уродливых жаргонизмов из самых разных сфер человеческой жизни и общения — подобия языка, пытающегося вытеснить из нашей культуры прекрасный классический русский язык; по мере возможности рассказать о вызовах современности вообще. Избегая лобовой назидательности, понимая, что сказка — тонкая материя, иносказание, в котором важно не переборщить с «уроками добрым молодцам», я старалась обратить внимание читателя на ценности традиционной русской культуры.

Чередование названных тематических глав не совсем произвольно: хотелось избежать однообразия и предсказуемости содержания текстов, из которых они состоят.

Представляя на суд читателю эту книгу, хочу сказать, что мне самой интересно и дорого всё, что здесь написано: я много думала и работала над каждым рассказом, над каждой сказкой — все они прошли через моё время и сердце. Итак...

Глава I.

Люди, годы, жизнь

Детский лепет. От двух до пятнадцати

МАМИНА ПОМОЩНИЦА

В шестидесятые годы прошлого века шестилетняя Надя жила с родителями и старшими братьями, Витькой и Колькой, в деревянном двухэтажном доме на улице Клары Цеткин (ныне — Благовещенской), сплошь застроенной такими же домиками. Водопровода в них ещё не было, а ближайшая колонка находилась в ста метрах от дома. В Надиной семье воду обычно носили взрослые или старшие братья, но в тот день алюминиевый бак в прихожей стоял пустым, а девочка почему-то осталась в доме одна. Она давно мечтала стать маминой помощницей и заслужить долгожданную похвалу. И наконец случай представился. Надя взяла в коридоре самое большое ведро и отправилась на колонку. С огромным трудом девочка налила в ведро воды (надо было ещё дотянуться до ручки колонки) и попыталась его поднять. Но ведро не поддавалось. Надя задумчиво смотрела на него и не знала, что делать дальше. Мимо проходил незнакомый дяденька.

— Да кто же это заставил такую кроху воду таскать? Дай-ка я тебе помогу, — сказал он ей, подхватил ведро и быстро понёс к Надиному дому.

Всю дорогу он возмущался её родителями, спрашивал, где они сейчас находятся, и, узнав, что на работе, ещё раз посочувствовал Наде, внёс воду в прихожую и ушёл по своим делам.

Смекалистая Надежда ковшиком перелила воду в бак и снова отправилась на колонку. Она сделала несколько ходок туда и обратно, и каждый раз какой-нибудь сердобольный дяденька

или добрая тётенька несли ведро с водой к дому, обвиняя Надиных родителей в изуверском отношении к ребёнку.

Надя не прислушивалась к тому, что ей говорили, и думала лишь о том, как все удивятся, когда вечером увидят полный бак воды, похвалят её и назовут помощницей. Однако последнее ведро ей помогла нести соседка и рассказала обо всём маме. Мама очень расстроилась:

— Ну, теперь все соседи будут думать, что я просто изверг рода человеческого, заставляю малого ребёнка заниматься непосильным трудом, да ещё жалобу куда-нибудь напишут! Господи, как это в голову-то тебе пришло, наказание моё? В общем, не оценила мама Надин трудовой порыв.

СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯМ

Эта история приключилась с Надей зимой. Она играла во дворе и случайно услышала, как к её старшему брату Витьке пришли взрослые соседские ребята и сказали:

— Тебе уже десять лет, взрослый мужик, пора курить начинать. Кстати, твой отец курит? — поинтересовались они.

— Да, «Беломор-канал». И у него папирос много, целая большая коробка.

— Вот и хорошо, будешь доставать из каждой пачки по одной папиросине в день и нам отдавать, он ничего и не заметит. А курить будем вместе.

— Ладно, только как же я буду доставать папиросы из заклеенных пачек?

— Ну, это просто! Будешь отклеивать кончик пачки, доставать одну папиросу иголочкой и незаметно заклеивать пачку обратно.

На том и порешили. Надя из-за угла видела, как они закуривали папиросу, которую принесли с собой, и угощали брата.

После курения Витька вёл себя как пьяный: громко смеялся и говорил, что у него голова кружится. С этого дня он регулярно добывал из отцовских запасов по одной папиросе. И всё бы шло своим чередом, если бы отец не заметил, что в каждой пачке не хватает одной штуки. Он даже в магазин сходил, где возмущённо доказывал, что на табачной фабрике мошенничают, в пачки кладут папирос меньше, чем положено. Продавщица очень удивилась, но спорить не стала, а заменила ему всю коробку.

Вечером перед мамой отец разносил в пух и прах недобросовестную папиросную фабрику. Надя это услышала и рассказала отцу, что фабрика тут ни при чём и что это Витька виноват. Отец очень рассердился, но сдержался и попросил маму позвать обоих сыновей, хотя младший Колька и не курил. Посадил их за стол и строго сказал:

— Я ругать вас не буду, вот, возьмите по листку бумаги и пишите под диктовку: я, такой-то, больше никогда не возьму того, что мне не принадлежит, и обязуюсь не курить в течение всей моей жизни. Подпишитесь.

После этого отец сложил листочки вчетверо и положил в верхние кармашки курток братьев. Они понуро вышли за дверь, однако Витька тут же сказал, что ему плевать на эту бумажку и порвал её. А Колька оставил бумажку у себя.

Братья стали рассуждать, кто же это мог Витьку родителям выдать, и поняли, что кроме Нади, никому.

— Ну, я Надьке отомщу! Предательница! — зло сказал Витька.

На следующее утро, он, как ни в чём не бывало, предложил Наде идти во двор, прыгать с крыши сарайки в снег. До этого братья её не то что не приглашали, а не пускали на крышу, заботясь, как бы она себе что-нибудь не сломала.

Надя с радостью согласилась, хотя Колька шёпотом её предупреждал:

— Не ходи с Витькой на крышу!

Но она пошла. Витька сбросил её в снег вниз головой, так, что она целиком ушла в сугроб, а сам прыгнул сверху и, утапывая над ней снег, кричал:

— Смерть предателям! Смерть предателям!

Колька бросился на помощь Наде, он плакал и звал её, пытаюсь вытащить из сугроба, чтобы сестрёнка не задохнулась. Вскоре Витька тоже испугался, вдвоём они быстро откопали девочку и отвели домой.

Всё кончилось хорошо, если не считать того, что Надя простудилась и пролежала в постели почти неделю, а братья носили ей то конфетку, то пряник. Она лежала под ватным одеялом и думала: «Больше маме с папой ничего про братьев не рассказу, потому что я — не предатель!»

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

Мне тогда было всего шесть лет. После Великой Отечественной войны мы жили в деревне и никогда не видели сахара, только слышали, что он необыкновенно вкусный и с ним пьют чай.

Папа чудом достал где-то в городе сахарную голову — так называли большой твёрдый, как камень, и сверкающий голубоватыми кристаллами округлый белый слиток сахара.

С довоенных времён у нас в семье хранились стальные щипчики, которыми отщипывали от головы маленькие кусочки и с ними пили чай вприкуску. Этот сахар долго не таял во рту, сохраняя волшебный сладкий вкус. А поскольку сахар был редким и дорогим удовольствием, то с одним таким кусочком выпивали по несколько стаканов чая.

Папа отщипнул нам с сестрой по малюсенькому кусочку. Лучше мы ничего в жизни не пробовали. Остальной сахар отец завернул в синюю бумагу, затем в полотенце и спрятал подальше. Как же тяжело было знать, что сахар в доме есть, но трогать его нельзя!

Однажды, когда родителей не было дома, я случайно нашла сахар в кухне на полке, высоко под потолком, и тайно стала каждый день откалывать от головы по кусочку и с наслаждением съесть его. Прошла неделя, другая, и я заметила, что сахара осталось совсем немного. Что было делать? Я положила сахар на русскую печь и залила водой, подумав, что от воды он разбухнет, потом высохнет, и никто не заметит пропажи. Но сахар не хотел сохнуть, от воды он разъехался по всей печке, и сладкая каша капала вниз.

Отец первый заметил это странное явление и полез на печь, посмотреть, не прохудился ли потолок. Пришлось признаться родителям, что это я ела и испортила остатки сахара. Не помню, чем дело кончилось, кажется, меня отругали. А вот про мёд помню.

Как-то раз папа принёс домой банку мёда и сказал, что это ему дальний родственник подарил и что есть этот деликатес полагается только по праздникам. Сначала папа поставил банку в кухонный шкафчик, а потом перенёс его в крыльцо и спрятал в чулане. Мне очень хотелось попробовать мёд, и я нашла банку. У мёда был запах лета и чудесный сладкий вкус. Я подумала, что, если попробую немножко, в банке не убудет. В тот момент, когда я пальцем зацепила одну капельку и уже собиралась её лизнуть, появилась сестра. Ну и, конечно, мы обе попробовали эту сладость. Мы решили, что будем пробовать по чуть-чуть и не каждый день. Однако всё когда-то кончается, кончился и мёд. В праздник отец сказал маме:

— Принеси-ка баночку с мёдом, дадим девчонкам полакомиться.

Мы с сестрой от стыда и страха чуть сквозь землю не провалились. Когда разгневанная мама внесла в горницу пустую банку, папа всё понял и сказал:

— Сделай детям тюрю (покрошенный в тарелки чёрный хлеб, приправленный луком и солью и залитый холодной кипячёной водой) и не наказывай, *не отнимай у них ум!*

Больше я ничего без спроса не брала, каким бы сильным ни был соблазн.

АНГЕЛЫ И ГЕНИИ

Все маленькие дети — ангелы и гении. Ангелы потому, что ещё безгрешны и чисты, а гении потому, что в них уже есть всё, что дала каждому конкретному человеку природа, и даже то, что взрослые со временем утрачивают, как бы за ненадобностью. Как они ошибаются! Что Бог дал, всё пригодится. Родителям только рассмотреть это надо вовремя и развивать дальше.

Малыши всё понимают, только сначала не всё умеют сказать, а некоторые и говорят.

Моя дочка Маша родилась в прошлом веке и начала говорить в девять месяцев. Первое слово, которое она выговорила, было «папа», второе — «баба» и наконец третье — «мама». Я даже забеспокоилась, когда она обо мне вспомнит? Спустя некоторое время я удостоверилась, что малыши первым начинают называть того человека, который для них важнее. Для моей дочки папа всегда был важнее всех, и сейчас тоже. Бабушка — на втором месте: она ближе и понятнее малышу. Помните: что старый, что малый? Ну, а присутствие мамы — само собой разумеется, она ещё «плоть от плоти», неотделима, ощутима и всегда рядом.

Совсем маленькой Маша придумала игру, которая была больше похожа на проверку прочности нервной системы взрослых. Стоя в кроватке, она, будто невзначай, роняла куклу на пол и, глядя на меня невинными глазами, говорила: «упа», то есть упала. Я поднимала куклу и отдавала ей. Через минуту она снова «роняла» игрушку и монотонно говорила своё «упа»! Этот фокус повторялся многократно, пока моё терпение не лопалось и, к Машиному разочарованию, я просто убираала игрушку.

Вечерами, когда у меня накапливалась постирушка и нужно было приготовить еду Маше и нам, взрослым, папа брал дочкину любимую книгу-раскладушку в твёрдой обложке с большими и яркими рисунками, укладывал ребёнка рядом с собой поперёк нашей, взрослой, кровати и начинал читать.

Начинал торжественно и чинно с названия книжки: «Цыплёнок»! Дальше он медленно прочитывал текст до конца и останавливался. Надо было видеть в это время Машино личико — очень серьёзное и глубоко сосредоточенное. Как только отец произносил последнее слово, Маша говорила: «итай», то есть читай снова! И так продолжалось долго, до тех пор, пока папа уже видеть не мог этого цыплёнка. Но ребёнок просил, вернее, требовал: читай. И папа читал — с конца к началу, со середины к концу, придумывал новых персонажей: корову с телёнком, петуха и куриц, кошек и собак, ворон и скворцов, но главным героем оставался цыплёнок. Маша слушала с таким вниманием, будто заучивала текст и старалась его понять, как можно лучше. И поняла. До двух лет она играла исключительно в цыплёнка. На нашей кровати она делала из пледа «гнездо» и молча, важно сидела в нём. Если я спрашивала, что она делает, отвечала:

— Я — птенц! Высиживаю птенчиков. Яйца у меня хаошие-хаошие, кгутые-кгутые! (У Маши с рождения был диатез, и яйца ей давали только сваренные вкрутую и в основном белок, поэтому она считала, что они самые лучшие).

Дочка привставала в «гнезде» и показывала мне шесть «яиц», маленьких белых, перевёрнутых чашечек от кукольного сервиза! То есть всё было серьёзно, продумано и исполнено в лучшем виде. И, конечно же, навеяно чтением книжки «Цыплёнок» и папиными комментариями.

Представляете, как активно работает память малыша! Если бы я думала тогда об этом, то могла бы запрограммировать судьбу своего ребёнка. К сожалению, не думала. Впрочем, во взрослой жизни она вполне достойно реализовалась. Главное, ей самой нравится то, чем она занимается.

Кстати, о «Цыплёнке». Несмотря на то, что Маша впоследствии стала специалистом в области иностранных языков, она до сих пор с восторгом ездит с папой в деревню, работает на огороде и общается со всей окрестной живностью: курами, кошками,

собаками и прочими одухотворёнными существами. А таковыми мы с ней считаем всё живое.

С годика моя девочка говорила не переставая и начала образовывать слова в соответствии со своими малыми знаниями и отсутствием навыков говорения. Например, «голуби прилетяливают», «у меня на учке ожгон» (у меня на ручке ожог), стоять «на дыбочках», про шишку на лбу — «штучка от стука» (слова «шишка» ещё не знала, зато догадывалась, отчего она появлялась). Если я просила её убрать игрушки, она говорила: «я ленивлюсь». Если я говорила ей: «Маша, не шали!» — она отвечала: «Никакая я вам, Маша!» Или, когда уставала, просила: «Зимни меня на учки!» Магазин называла «мазгин», холодильник — «хадигак», бабулю — «бабуЛЯ», картинную галерею — «катинная балесея». Про себя гордо заявляла: «Я зенана» (женщина) и «Дьужконная мамаша» (то есть мама любимого деревенского пса Дружка). Однажды мы с ней гуляли в сквере у вокзала, рядом с памятником-зениткой. Идём, а навстречу нам бежит ничейная собака, грязная и голодная. Я с большим сочувствием говорю:

— Машенька, посмотри, бездомная собачка бежит, никто её не кормит, никто не любит.

Она же мне в тон замечает:

— А вон сдомная собачка идёт, со своим мужем гуляет! — так впервые она продемонстрировала своё умение образовывать слова по сходству с помощью префиксов.

Маша росла творческой личностью. Она отлично рисовала, и я храню все её рисунки. Время от времени перебираю их и удивляюсь буйной фантазии маленького человека и отражению в его творениях всего виденного и слышанного. Читать и писать печатными буквами она научилась ещё до школы, вернее, бабушка Марта научила. И первым делом стала писать «книжки» и выпускать «журнал» под названием «Семейные события». Первую книжку она нарисовала, когда ей исполнилось шесть лет. Это была толстая тетрадь с автопортретом на обложке. Судя по портрету, Маша видела себя в макияже, с модной причёской, в

серьгах и в бусах. Внутри тетради она в основном рисовала кошек, рыбок, принцесс и сказочных персонажей — ещё не была уверена в своих письменных навыках.

В конце этой же тетради записано первое Машино произведение — сказка о старом батюшке и трёх дочерях, явное подражание русской народной сказке. Заканчивается её сказка трагически — гибелью батюшки, жаль, что невозможно передать каллиграфию этого замечательного текста. Вот он.

«Гаварила старшая сестра кагже, без, батюшки грусна» (сохраняю орфографию и знаки препинания), «вторая, сестра, гаварила, кагже плоха бз батюшки», «а третья, сестра, гаварила, кагже скучна без батюшки и, жывут ань ниеладна, и, дела, у ных, неладна».

Вторая книжка (согнутые пополам листки плотной серой бумаги), уже авторская, на ней написано: «Маша Мухина (она у меня под отцовской фамилией живёт), «Книга об овощах», 1992 год». На выборе темы сказалось влияние всё той же бабушки, заядлой дачницы и огородницы, которая возила Машу на дачу с двух лет и приучала к сельскому труду. Надо признаться, что рисунки в книжке мы делали с дочкой вместе. Я рисовала, она раскрашивала и подписывала рисунки простым карандашом большими печатными буквами. Очень красиво получилось, хоть и однотонно. Редька получилась фиолетовая, редиска — алая, помидор — красный с жёлтым боком, яблоко — розовое с жёлтым, а капуста — зелёная.

Следующую «книгу» Маша создала в конце первого года обучения в школе. Здесь с текстом и оформлением уже всё в порядке. На обложке нарисован особый знак автора — ёлочка в овале и название разноцветными печатными буквами — «Пушок» (произведение о нашем замечательном и всеми любимом коте). На первом развороте — автопортрет автора в рамке и подпись. Далее сведения об авторе (причём я ей ничего не подсказывала, всё, что надо, ребёнок подсмотрел в других книгах) — Мария Сергеевна. Сказка. Я не удержалась и приведу здесь весь текст «книги», небольшой, но яркий:

«в один прѣкрасный день. мальнький, глупый котёнок. пушок. захотел погулять. он очень любил лето и он запел. песню. я котёнок не про-

стой я котёночек смешной. котёнку нравилась утренняя пенка птиц. он даже запел песню потому что ему очень нравилось это утро. но вот кто-то подошёл к котёнку и сказал сдравствуй пушок! пушок повернулся, и увидел перед собой маленького утёночка. ВСЁ».

Обратите внимание, что текст уже вполне связный и логичный, хотя и сжатый.

Журнал «Семейные события» претерпел пять выпусков, когда Маша училась в четвёртом классе. Обложка всех журналов, состоявших из одного сложенного вдвое листка бумаги, оформлялась акварельными красками, вверху располагалось собственно название, под ним, сокращённо в жёлтом квадрате — ССЯ и рядом синий кружок, как я понимаю, для красоты. Внизу написано: «Автор: Мухина Мария Сергеевна». На задней странице обложки — исходные данные, номер, дата и указание издателя: «продукция компании Мухин: Продакшнз». Содержание первого журнала я тоже приведу полностью. Вот, собственно, сам текст.

Дружное катание

Сегодня дочь семьи пошла гулять, она каталась на фанере со своими друзьями, их зовут: Саша Потова и Денис Зюзин. Они так закатались что даже не заметили как Маша сильно измокла. (Запятых нет). Когда Маша пришла домой и начала (ударение стоит на А) раздеваться... Она была вся мокрая вплоть до трусов.

Вчера мать семьи порезала сильно палец. Порез был действительно большой. Носо временем всё прошло.

С Новым Годом и рождеством Христовым, дорогие наши читатели. Следующие статьи читайте в новом выпуске.

«Семейные события». ССЯ.

Чтобы не утомлять читателя, закончу это повествование трогательным письмом-поздравлением с Женским днём восьмого марта, написанным Машей в пятом классе.

Моя мама

Я не хочу обижать других детей, но моя мама для меня самая умная, красивая, добрая и ласковая. Иногда она меня балует, а иногда бывает строгой. Тогда она кричит: «Мухина, убери свои вещи и оставь

в покое кота!» Мамочка много трудится и на работе и дома. Старается, чтобы нам с папой было уютно и хорошо. Я люблю свою мамочку!

После окончания пятого класса тяга к письменному творчеству у моей девочки, к сожалению, прошла. А потом, несмотря на мои попытки помочь, любовь к чтению тоже постепенно исчезла. И это очень жаль, ведь, как установили генетики, человека делают чтение и память. Конечно, у Маши возникли другие интересы и предпочтения, но детская непосредственная гениальность уже не проявлялась так ярко, как прежде.

СЯСЁК ГАВАВОВ

(Памяти друга нашей семьи Александра Шагалова)

Маленькая Маня (так мы любовно называли дочку Машу) очень любила нашего с мужем друга – Сашу Шагалова. Он часто заглядывал к нам на огонёк – посидеть, чайку попить и поболтать о жизни, а то и помочь в каком-нибудь житейском деле: у Саши были золотые руки, он умел делать всё на свете, от мелкого ремонта любых приборов до мебели. Сердце у него тоже было золотое, поэтому, услышав о проблеме у друзей или их родственников, немедленно бросался на помощь. Жена его, Ира, по этому поводу добродушно ворчала:

– Ну конечно, дома-то ему нечего делать, только ремонт квартиры остался, и всё!

С моим мужем Сергеем у них были общие интересы: оба в то время работали инженерами связи и могли увлечённо копаться в старом радиоприёмнике, телефоне или телевизоре часами.

Однажды, как только Саша вошёл в дом, Маня от избытка чувств начала нарезать вокруг него круги и приговаривать, пытаясь привлечь к себе внимание:

– Сясёк, Сясё-о-ок! Сясёк Гававов! – при этом она заглядывала ему в лицо снизу вверх и пыталась обнять где-то под коленкой.

А он, смущённый её настойчивым вниманием и занятый разговором с Сергеем, мягко отвечал:

— Маня, Маня, Маня, не мешай! — безнадежно пытаюсь от неё избавиться.

После того раза мы с мужем между собой стали называть его Сясёк Гававов. Таким он и останется в нашей памяти навсегда — милый, смущённый и улыбающийся. Дорогой друг...

НАХОДЧИВЫЙ ДАНЯ И ЗВУКИ

Пятилетний Даня, рождённый в двадцать первом веке, не выговаривал звуки «р» и «л», и его бабушка Лена, педагог со стажем, научила ребёнка чётко произносить эти звуки с помощью скороговорки «Карл у Клары украл кораллы». Первый опыт бабушке удался, и она пошла дальше, ведь Даня и другие звуки неверно произносил: вместо «ш» говорил «с», например: «Бабуска, ты, сто, разве этого не знаес?» Или вместо «шучу», говорил «сучу». Это, конечно, звучало мило и забавно, но надо было исправлять — в садике уже мало кто говорил неправильно. И бабушка Лена предложила внуку заучить скороговорку «Шёл Фрол по шоссе в шашки играть». Даня очень старался, он вообще старательный ребёнок и любит, чтобы его хвалили, и, когда бабушка предложила ему повторить выученную скороговорку, он чётко и медленно начал:

— Шёл Фрол... — затем остановился и спросил, — у Фрола что, другого пути не было?

Как видите, направление мысли и рассуждения у Дани более практические, чем были у моей Маши.

У РОДНИ В ДЕРЕВНЕ

Лида приехала к родне в деревню. Перед обедом вымыла руки и спрашивает маленького племянника, у которого половина молочных зубов выпала:

- Васятка, где тут у вас полотенце?
- Нету!
- А чем же вы руки вытираете?
- Мамка — юбкой, папка — бахой, а я так хожу!

Следующий рассказ — история о современной пятнадцатилетней девочке. Глядя на неё, я вспоминала, какими были мои подружки и я в её возрасте. Мы тоже тогда считали себя большими, старались выглядеть, как взрослые девушки, и модничать. В девятом классе у меня было пять любимых подруг — Рита, Валя, Тома, Лида и Света. В то время ходить в школу полагалось в одинаковой форме, в коричневых полушерстяных платьицах, в чёрных сатиновых фартуках и в хлопчатобумажных чулках на резинках. Обувались мы примерно одинаково в чёрные и коричневые ботинки и туфли отечественного производства, конечно, без каблучков. Причёски тоже были у всех одинаковые, косы: у Риты — пшеничная коса с золотистым отливом, у Лиды, Тома и у меня — тёмные, толстые косы, украшенные бантами, то чёрными, то белыми, то цветными, но не яркими. У Вали волосы, всем на зависть, вились, хоть её коса и не отличалась особенной толщиной. У Светы, которая появилась в нашем классе недавно, косы были совсем светлые, будто крашенные. Косы тогда были предметом гордости их владелиц и предметом восхищения мальчиков. О макияже и косметике в пятнадцать лет мы даже не мечтали. Из вольностей в причёске разрешалась чёлка! И у всех нас были чёлки — короткие и длинные, прямые и зачёсанные набок, кому как нравилось.

Мобильные телефоны ещё не были задуманы. Стационарный телефон и тот был большой редкостью. Зато мы с удовольствием встречались и общались друг с другом, и даже из школы домой ходили вместе: не могли в классе наговориться. А ещё мы запоем читали и делились впечатлениями о прочитанном. Книга — это был главный источник информации, главный советчик и воспитатель. Поэтому родители и учителя строго следили за тем, что мы читали. Мы с подружками вместе ходили в библиотеки, в кино и в театр. Я никогда не чувствовала себя брошенной, одинокой, и даже стремилась подчас уединиться, чтобы прочесть что-нибудь из того, что в школе запрещали, например, Мопассана или Бальзака, и побыть наедине с собой и своими мечтами.

А сейчас каждый ребёнок живёт сам по себе, часто без родительского присмотра, без друзей, наедине со смартфоном или компьютером...

ДИТЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Сегодня по дороге в больницу я сидела в автобусе рядом с молоденькой девушкой, примерно лет пятнадцати. Она ни на секунду не отрывалась от дешёвого смартфона и резво бегала по клавишам большими пальчиками с неухоженными ногтями, накрашенными алым лаком. Такое соседство позволяло мне открыто удовлетворять любопытство по поводу нового поколения. Лицо девушки была неумело и густо покрыто жидкой пудрой и румянами. Тонкие, невымытые волосы до плеч потеряли природный блеск из-за ядовитой чёрной краски, бровки превращены татуировкой в бровищи, губы — в губищи. Эти жуткие губы в тёмно-красной помаде, прибавляли ей лет десять, если не больше, создавая впечатление, что за плечами малышки стоит недюжинный опыт недетских отношений с противоположным полом.

От короткой чёрной курточки из искусственной кожи и такого же чёрного рюкзака резко воняло пластиком, китайские

обтягивающие джинсы сквозь модные дыры обнажали худые сизые коленки. Образ завершали китайские же слипоны с джинсовым верхом. Однако общий дешёвый вид не мешал ей чувствовать себя уверенно и независимо.

От всей этой «красоты» в голову лезли разные нехорошие мысли. Таких девчонок и соответствующих им мальчишек полным полно вокруг. Конечно, одёжка и раскрас вызывают жалость и желание поведать ребёнку о разумном, добром и вечном, но ведь слушать не станет или вообще пойдёт подальше, да ещё обидится. И по большому счёту будет права: это мы, взрослые, виноваты, в том, что дети такие, мы поздно обращаем на них внимание. За разнообразными заботами, большими и маленькими, мы забросили их, а ведь свято место пусто не бывает. Нам некогда, другие найдутся – своему научат, по-своему оденут и воспитают. Этак мы скоро свою страну не узнаем...

ОК, ГУГЛ, или УЧИТ ЛИ ЭЛЕКТРОНИКА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ?

Перед шестиклассниками во время воспитательного часа выступает ветеран труда и говорит:

– Вот у нас в детстве никаких, прости Господи, гаджетов не было и, ничего, справлялись. Зато мы были самостоятельными, родители над нами не кудачтали, воспитывали своим примером, поэтому мы всё сами умели делать и с вопросами к ним не обращались. В школу ходили и ездили сами, во дворе играли без присмотра, и, ничего, как видите, я жив и здоров. И в лес в походы ходили без родителей, воспитателей и смартфонов. Например, захочется в лесу по нужде, сделаешь свои дела и подотрёшься листком подорожника. А сейчас что? Пустит ребёнка в лес одного, он подорожника от крапивы не отличит. Так и

представляю себе, сидит такой недоросль под кустом, погадил и берётся за смартфон со словами: «ОК, Гугл, я тут поср..., чем задницу вытереть?» И ведь будет ответа ждать!..

В детстве, да и в юности я не интересовалась возрастом взрослых людей, они все казались мне одинаково старыми. Забавно вспоминать, как однажды, будучи семнадцатилетней студенткой первого курса института, я отправилась с одной из своих подруг в Ленинград. Уже в городе Петра мы ехали в гости к родственникам моей попутчицы на метро и, сидя в уголке вагона, с любопытством смотрели на входящих и выходящих людей. Здесь всё было не как в Вологде: пассажиры одеты моднее, и разговаривают иначе: акают, почти как в Москве. Недалеко от нас стояли, держась за поручень, две девушки и кокетливо поглядывали на молодого человека, который сидел рядом с нами. Одна из них в разговоре упомянула свой возраст — двадцать пять лет. Мы с подружкой переглянулись, и она прошептала мне на ухо: «Такая старуха, а всё парням глазки строит!»

ВОЗРАСТ — ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЕ

Сын моей знакомой Гоша — четырёхлетний любознательный смальчик. Ему родители с двух лет покупают детскую энциклопедию и читают всё подряд. Им самим это очень интересно, ведь в их детстве таких энциклопедий не было.

И вот как-то раз едут мама с Гошей в автобусе. Гоша устал и, засыпая, громко спросил маму:

— Мама, ты живых динозавров видела?

Весь автобус засмеялся.

— Не видела, — ответила мама. Разочарованный Гоша заснул. На следующей остановке автобус тряхнуло, и он спросонок опять спросил:

— А ты с Лениным здоровалась?

Автобус застонал от смеха.

Похожую историю мне рассказала молодая подруга Оля А. Её пятилетний сынок как-то спросил:

— Мама, в древности, когда ты маленькая была, тебе какой сотовый покупали?

Мы посмеялись, и я вспомнила, как недавно читала свои сказки ученикам второго кадетского класса в областной детской библиотеке. После чтения они задавали мне вопросы о том, как я стала писателем, чем ещё занималась в жизни, сколько иностранных языков знаю, в каких странах бывала и так далее. И в конце один мальчик спросил:

— Сколько вам лет?

Я незамедлительно ответила:

— Семьдесят.

Наступила мёртвая тишина: дети в уме подсчитывали, когда же я родилась, а вдруг живых динозавров видела! Тогда я спросила:

— Ребята, в каком веке мы сейчас живём?

— В двадцать первом! — дружным хором ответили мои кадеты.

— Так вот, в наше время семьдесят лет — это молодость, понятно? — весело сказала я.

— Понятно! — хором ответили они.

А на прошлой неделе мне довелось встретиться со старшей группой детского сада. Воспитательница прочитала им мою книжку «Волшебная повесть о городских птицах», и они пожелали увидеть «живого писателя». (Это у меня такой новый статус теперь!)

На встрече воспитательницы рассаживали детей на маленькие стульчики напротив моего стола, когда малыш, сидящий в первом ряду этого беспокойного собрания, обратившись ко мне, звонким голосом растерянно сказал:

— А я думал, вы молодая!

— Нет, я — старая, — разочаровала я ребёнка.

— Как же вы написали такую молодую книжку? — продолжал он.

— Наверное, я внутри молодая, а старая только снаружи.

Он помолчал, а потом добавил:

— Зато вы — красивая.

— Спасибо, милый! — с облегчением заметила я и пошла к нему обниматься.

Всё-таки возраст — понятие относительное, правда? Каждое поколение относится к нему по-своему.

ВЕСЕННИЕ ЧУДЕСА

В тот апрельский день мне нужно было ехать в свою поликлинику на приём к терапевту. На троллейбусной остановке было пусто, и я, как всегда, «ловила ворон»: рассматривала форму облаков на ярком апрельском небе, радовалась теньканью синичек, сидевших на старой яблоне за ближайшим забором... Неожиданно рядом со мной появился мальчишечка лет девяности. За спиной у него висел неподъёмный ранец, а в обеих ладошках он крепко сжимал по букетику солнечных цветков мать-и-мачехи. Ребёнок стоял и, бормоча что-то себе под нос, пересчитывал и перекладывал из одной руки в другую эти простенькие цветы. Я покосилась на него и подумала: «Вот и весна пришла, как хорошо!»

Вдруг мальчик подошёл поближе и протянул мне три цветочка:

— Это вам, — сказал он.

— Милый ты мой, — обняла я ребёнка, — спасибо, живи сто лет, будь здоров и счастлив! Ты знаешь, мне ещё ни разу в жизни не дарил цветов мужчина твоего возраста. Кстати, сколько тебе лет и кому ты несёшь цветы? Наверное, маме?

— Мне девять лет. А букет я несу учительнице.

Ну, что тут ещё скажешь. Мы проехали вместе четыре остановки, и он всю дорогу рассказывал мне о нелёгкой жизни тре-

тьеклассника. А потом мы расстались, но весь тот день я ходила в приподнятом настроении и всем рассказывала, какое испытала счастье, когда незнакомый ребёнок неожиданно-негаданно протянул мне три весенних цветочка.

ЛЕТО!

Одна моя приятельница как-то рассказывала: «У меня есть двоюродница Нина. Летом она регулярно приезжает к нам из Архангельска и отдыхает на даче с двумя сынишками, младшими школьниками.

Этим летом мы для внука поставили на даче большой пластмассовый бассейн, наполнили водой и ждали тепла, чтобы его опробовать. Однако июнь стоял прохладный, и мы купанье всё откладывали. Двоюродница приехала, увидела бассейн и скомандовала: – Дети, лето!

Мальчишки тут же скинули одежду и нырнули в холодную воду, визжа от восторга. По сравнению с Архангельском наша погода и в самом деле казалась им летней. Так что дети, несмотря на прохладу, не вылезали из бассейна все две недели, пока гостили у нас. По истечении этого срока мать снова скомандовала:

– Одеваться! Едем домой, там теперь тоже лето!»

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ БАБУШЕК

Как-то раз, моя подруга ехала в автобусе № 1 в сторону городской больницы. Напротив неё сидела мама с маленькой дочкой на руках. По ходу автобуса водитель громко объявлял каждую остановку. Девочка внимательно слушала.

– Следующая остановка – «Областная библиотека имени Бабушкина», – в очередной раз объявил водитель. Девочка спросила:

– Мама, а почему бабушкина?! Она что, только для бабушек?

Мама объяснила, что Бабушкин – это фамилия вологжанина, очень известного в нашей стране революционера. Дочка согласно кивнула головкой. В этот момент автобус остановился рядом с библиотекой, дверь открылась и в автобус, как на грех, одна за другой с большим трудом поднялись пять стареньких бабушек.

К общему удовольствию пассажиров автобуса девочка звонко и гневно сказала:

– Мама, ты зачем меня обманываешь?!

Как говорится, слово – не воробей, вылетит – не поймаешь! Произнесёшь его и, может быть, пожалеешь об этом, особенно если это слово ненормативное, грубое, ругательное.

В детстве я слышала такие слова только на улице, поскольку в нашей семье нецензурная брань никогда не приветствовалась. Я ни разу не слышала, чтобы моя мама, учительница, когда-нибудь выругалась. Даже отец, крестьянский сын и бывший военный, а в армии не обходилось без крепких слов, не позволял себе выражаться при детях и женщинах.

В школе строго запрещали матерно ругаться, и дети в основном соблюдали это правило. Поэтому, когда я слышала мат на улице, меня просто в жар бросало от оскорбления и негодования. Со временем, однако, всё поменялось. В семидесятые годы прошлого века в интеллигентской среде стало модно блеснуть крепким словом, и им не пренебрегали даже дамы и девушки из «хороших» семейств. Матерные слова от частого употребления потеряли тогда часть своей ругательной и оскорбительной функции и стали восприниматься с юмором. Но я до сих пор вздрагиваю, когда слышу грязное слово из уст молодой девушки или ребёнка.

ЗНАТОК РУССКОГО ЯЗЫКА ИЗ 3«А»

— Феденька, что нового было сегодня в школе? — спросила бабушка десятилетнего внука.

— Ничего особенного, бабуля. Нинка, б....., в школу после болезни вернулась.

У бабушки, учительницы русского языка на пенсии, в глазах потемнело:

— Федя, что ты говоришь?! Я думала, ты такие неприличные слова в речи не используешь!

— А что я такого сказал?

— Вот это ужасное слово на букву «б»! Ты что, не знаешь, что оно ругательное, и мальчики из хороших семей их никогда не употребляют?

— Не расстраивайся, бабуля, это слово используют как связку между другими словами!

— Кто это тебе сказал?

— Старшеклассники объяснили. И, вообще, в школе Нинку так всегда называют и других девчонок тоже.

— Послушай, мой мальчик, — нашла бабушка, — а попробуй-ка ты заменить это слово другим, литературным. Например, называй Ниночку и других девочек «сударынями». Пусть ребята удивляются, а ты им объяснишь, что в девятнадцатом веке все настоящие мужчины именно так девочек и женщин называли.

Феденька поразмыслил и, решив не расстраивать бабушку, но и не выделяться среди одноклассников, сказал:

— Ладно, бабуля, попробую. Вот так пойдёт? Сударыня, верни, б....., мой учебник по арифметике!

Бабушка схватилась за сердце и пошла на кухню пить вальерьянку.

В мои школьные годы среди детей активно велась антирелигиозная пропаганда. Советские идеологи считали, что религия — это опиум для народа, она отвлекает людей от борьбы с мировым капитализмом и империализмом, насаждает в незрелые умы идеи, противоречащие научному взгляду на жизнь, который считался единственно правильным. Поэтому в школах, в пионерских и комсомольских организациях регулярно проводились мероприятия по борьбе с религией. И мы верили не во второе пришествие Христа, а в скорое пришествие коммунизма, который обеспечит нам настоящую райскую жизнь. Но вышло так, что мировой капитализм и империализм мы не победили, коммунизм так и не наступил, и мы, поруганные и обворованные внешними «партнёрами» и внутренними мошенниками всех мастей, бросились к Богу, моля его о прощении и спасении от всех бед. У нас теперь даже высшие власти верят в Бога или имитируют эту веру, чтобы хоть как-то держать в узде разочарованный и обманутый народ.

А детей теперь можно спокойно водить в храмы, учить вере и призывать к молитве — и слава Богу!

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК

Пятиклассник Вовка Кузнецов обожает свою бабушку Настю. Сколько он себя помнит, бабушка всегда истово верила в Бога. Она и сейчас ежедневно читает молитвы, соблюдает посты, по субботам ходит в храм и исповедуется в грехах. Бабушка каждый раз серьёзно готовится к исповеди: записывает грехи последних дней, чтобы ничего не забыть.

Однажды она оставила свои записи на столе и ушла за хлебом, а Вовка их увидел, прочитал и очень удивился. Например, баба Настя писала: «Косо посмотрела на подругу дочери». Во-первых, непонятно, как это «косо посмотрела»: глаза, что ли, скосила? Во-вторых, какой же это грех, Вовка каждый день соседу по парте в тетрадку искося заглядывает, чтобы свериться, правильный ли ответ на вопрос написал.

Или вот: «Пожелала Мишке из квартиры напротив, пьянице и дебоширу, чтобы его черти в аду так мучили, как он свою семью и соседей изводит». А что ещё можно этому гаду пожелать, он собственную жену и детей до синяков лупит и всем окружающим по полночи спать не даёт!

Или: «Прошла мимо нищего и не подала ему денежку». Вовка этого нищего каждое утро видит, когда в школу идёт. Грязный и страшный, он стоит с ржавой консервной банкой в протянутой руке напротив входа в бабушкин храм, «на хлебушек» просит. А когда Вовка из школы возвращается, он уже лежит на газоне пьяный и ругается матом или спит. Получается, что он не на хлебушек, а на водку просит. Многие люди мимо идут и ничего ему не подают, а некоторые подают, и он на эту милостыню напивается. Мама как-то раз зашла в храм и спросила служащую, нужно ли алкоголику деньги давать? И та ей ответила, пусть лучше милостыню в храм отнесёт на ремонт и на помощь нуждающимся, а пьющему человеку эти деньги всё равно не впрок, и даже могут его погубить: напьётся и, не дай Бог, помрёт. И вот это уже будет на её совести грех.

А ещё в бабушкиной записке значилось: «Часто лукавлю, когда защищаю внука перед его матерью, или утаиваю от дочери истину о своём здоровье, чтобы не волновалась». «Утаиваю» — значит вру? Баба Настя и врёт? Что-то тут не так. Вовка крепко задумался над этим последним грехом и, когда бабушка вернулась из булочной, попросил:

— Бабуля, дай мне денег!

— Для чего они тебе?

— Мне нужно срочно свечку в церкви поставить!

— Зачем, милый, ты ведь в Бога не веруешь?

— Много грешу, бабушка, — покаянно вздохнул внук, — вру маме каждый день!

Бабушка обняла Вовку и, улыбаясь, сказала:

— Конечно, дам, грешник ты мой кающийся.

В Вологде и Вологодской области многие до сих пор говорят на «о» и употребляют в речи диалектные слова и выражения. Как филолог и местная жительница, я очень люблю наш диалект и говоры, которые в него входят. В каждом из двадцати шести районов Вологодской области свой говор.

АЛИ ЕГО ЛИЗАЛИ?!

Дело было в районном центре Никольске. Мама помогала дочке, ученице младших классов, прочитать, заданный к уроку литературы рассказ «Воробышко» и после прочтения добавила, что автор этого произведения – писатель Максим Горький.

– Горькой? Али его лизали? – спросила изумлённая девочка.

Вот какую интересную ассоциацию у ребёнка вызвало имя знаменитого писателя прошлого века.

Что хорошо в русском человеке, так это с детства присущее ему чувство собственного достоинства. Особенно замечательно, если оно не перерастает в гордыню.

МНЕ И С БАБУШКОЙ ХОРОШО!

Недавно бабушка пятилетнего внука Матвея стала свидетельницей такого дачного происшествия. Мотя стоял на лужайке рядом с картофельной грядкой и с любопытством рассматривал большую зелёную лягушку, которая важно сидела на кромке картофельной борозды, заполненной после дождя водой, и не обращала на него никакого внимания. У забора соседской дачи, напротив, стояли похожие друг на друга, как две новые монеты по рублю, близнецы-второклассники, Витька и Мишка, и смотрели то на Мотю, то на лягушку. Они очень

любили поддразнивать малыша, и он, предчувствуя это, насупился и приготовился, если понадобится, дать отпор. Витька скорчил рожицу и протянул:

— Ма-а-атвей! Поцелуй лягушку! Поцелуй, может, она царевной станет!

Мальчик героически молчал, только нижняя губа начала предательски подрагивать. Мишка это заметил и в тон брату проговорил, как пропел (это у братьев такая насмешливая манера разговаривать была):

— М-а-атвей! Ну, поцелуй лягушку, она точно царевной станет!

Матвей насупился и твёрдо ответил:

— Не буду! Сами целуйте, если вам царевна нужна. А мне и с бабушкой хорошо!

Скрытая большим кустом смородины, бабушка весь этот разговор слышала и беззвучно смеялась, а потом сказала:

— Мотя, мне тоже никого, кроме тебя, не надо, пойдём, дружок, чай с малиновым вареньем пить!

И они разошлись по разным сторонам: Витька с Мишкой — к себе домой, «царевна-лягушка» ускакала к пруду, а бабушка обняла Мотю, и они отправились на чаепитие.

С радостью замечаю, что в детях и теперь живо сострадание.

Я ЖЕ НЕ ЛАЮ!

Внуку моей подруги Лены только-только пять лет исполнилось, а он такой разумный и рассудительный, бабушка не радуется.

В этом прекрасном возрасте человек ещё прочно связан с природой, он правильно полагает, что люди и животные недалеко ушли друг от друга и, в любом случае, между ними царит взаимопонимание.

В семье подруги есть собачка, Ника, которая внезапно заболела. Лена отвезла её к ветеринару, а тот прописал собаке уколы, которые моя подруга решила делать сама: в клинику не наездишься. Делает Лена Нике уколы, а та лает и норовит из рук вырваться. Внук же стоит рядом и внимательно смотрит, а потом очень серьёзно и с сочувствием говорит собаке:

– Ну, что ты лаешь?! Когда мне уколы делают, я же не лаю. Я просто плачу.

Хороший из него человек вырастет, может быть, ветеринарным врачом станет.

Мне жаль ленивых людей. А, может быть, я им завидую?

У ВАС ВСЁ ЛУЧШЕЕ ВПЕРЕДИ!

Третьеклассник Федя по каким-то одному ему известным причинам учиться не любит и слышит записным «троечником». Вот как-то и говорит он с горечью своему деду-пенсионеру:

– Хорошо тебе с бабушкой, деда: у вас всё лучшее впереди! А мне ещё учиться и учиться...

Как мы легковёрны! И всегда такими были, потому что ни от кого не ждём подвоха. Особенно от тех, кому доверяем.

СМЕКАЛИСТАЯ ПОВАРИХА

В вологодском детском садике №... работает смекалистая повариха. Каждый день она даёт трём группам по пятнадцать детей молоко, по желанию – кипячёное и некипячёное. А ей некогда возиться с разными кастрюлями и тяжело таскать их с кухни в столовую и обратно. И она придумала такую хитрость: в полдник ставит на общий стол большую кастрюлю с охлаждён-

ным кипячёным молоком, по обе стороны от кастрюли выстраивает в ряд чашки, берёт в руки половник, проводит им посередине кастрюли, как бы разделяя молоко на две части и говорит:

– Ну, детки, кому кипячёного молока, садитесь слева, а кому сырого – справа.

И начинает разливать молоко всем из одной кастрюли, но с разных боков! Ни разу ни один ребёнок не заподозрил обмана и, не капризничая, пил то, что нравится!

ДВА МИРА, ДВА КЕФИРА (МАНИКЮР БАБЫ ЗЮЗИ)

Дело было летом на даче. Ирина, или баба Зюзя (так её почему-то называют трёхлетние двойняшки-внуки Нюся и Борюся), моложавая ухоженная женщина с ярким маникюром на длинных ногтях, забыла дома резиновые перчатки и полола морковку голыми руками. В результате её красные, гелевые ногти как-то странно извело, и под них чёрными ободками набилась влажная земля. В тот момент, когда Ирина разогнулась над грядкой и с сожалением рассматривала свой испорченный маникюр, к ней подошла Нюся глянула на её руки, скривилась и сказала:

– Фу, Зюзя, какие у тебя страшные ногти и глазки у тебя страшные, и вся ты растрёпа страшная!

Не успела Ирина рот открыть, как к ней подбежал Борюсик и сказал:

– Зюзя моя, какая ты красивая и пальчики у тебя красивые, только немножко грязные, и глазки красивые. Как я тебя люблю!

Что тут скажешь? Женщины и мужчины с самого раннего возраста, когда они ещё кефир вместо кофе пьют, – два мира, два кефира!

К вопросу об отношении детей к различию полов в разное время.

БУЛОЧКИ

Тамара Ивановна, женщина средних лет с пышной грудью, рассказала мне, как в молодости водила в детский садик своего пятилетнего сынишку. Там она познакомилась с другими мамочками и подружилась с одной из них. У той тоже был сынок довольно любознательный и наблюдательный. Однажды он спросил маму, показывая на грудь своей воспитательницы:

– Мамочка, а почему у Тамары Ивановны там булочки, а у воспитательницы ничего нет?

Маме пришлось быстро перевести разговор с ребёнком на другую тему, а что делать? Тут и взрослому-то не объяснишь, что к чему да почему, а дитю малому тем более.

Однако сейчас даже маленькие дети знают, что у женщин на груди булочек не бывает.

ВОТ КОГДА ЗАЖИВЁМ!

(Вредные советы, или Краткое методическое пособие на тему, как быстро и наверняка превратить ребёнка в современного дикаря, то есть в чистого потребителя)

Говорят, что у нас в стране слишком много от «совка» осталось. Некоторые учителя пытаются детей по-старому учить, слишком много знаний в школах дают. Библиотек, опять же, слишком много, я уже не говорю о книгах. Пишут и пишут, а их ещё с позапрошлого и прошлого веков осталось — не перечитать! Зачем только люди тревожатся, сочиняют! И мучила

меня мысль, что этак мы никогда не достигнем истинной демократии, не войдём в потребительский рай по образу и подобию западного.

Неправда это! Почти свершилось, пришло к нам счастье! Можно сказать, привалило! Мы уже стоим у дверей в это заветное царство, ещё самая малость — и мы такие же демократы и потребители, как весь просвещённый мир. Такие же современные дикари, как все.

Тут, однако, стоит пояснить, кто такой современный дикарь. Во-первых, само слово «дикарь» — не ругательное, оно всего лишь обозначает человека, находящегося на ступени первобытной культуры. **Дикарь современный** — это существо прекрасное, наделённое многими достоинствами: оно модно одето, обвешано новыми гаджетами, весёлое и беззаботное. Изредка, если его разозлить, бывает опасным: при случае может даже покалечить. Легко поддаётся влиянию толпы и лидеров, формальных и неформальных. Независимо от социальной и политической принадлежности этих лидеров, пойдёт за ними куда угодно, будет делать, что угодно, лишь бы дали «бабла». Не работает и не учится (как правило, живёт за счёт «отсталых предков» — родителей, бабушек и дедушек, или ворует). Но хочет иметь всё, что считается престижным, — «крутую тачку», «хату», «мобилу», «чику, а также подтверждение «крутости» в виде моря «смайликов». Разговаривает на смеси мата, тюремного жаргона и набора элементарных слов. У потребителя-дикаря нет веры, нет национальности, нет ни уважения, ни любви к Родине и к старшим, как нет и прочего старого хлама, с которым давно пора распрощаться.

Поскольку процесс выращивания потребителя, то бишь дикаря, продолжается, могу предложить ускорить его с помощью собственного свода правил или краткого методического пособия:

1. Родителям ни в коем случае не следует любить своё чадо и заботиться о нём, кормить и одевать, это — пошло. Пусть сам себе добывает то и другое — вырастет настоящим раз-

бойником и бойцом, всё равно за что. Родители вообще должны забыть о его существовании, а для этого каждый день напиваться, смотреть по «ящику» все сериалы, постоянно ругаться, а ещё лучше драться друг с другом не на жизнь, а на смерть. Жилище никогда не убирать, пусть знает, что жизнь — штука суровая, грязная и дурно пахнет. Тогда ребёночек сам убежит на улицу к таким же нелюбимым, как он. Никаких детских садиков, школ и кружков по умственному развитию — потребителю это вредно. По телевизору давать смотреть только детективы и рекламу.

2. Никогда не покупать чаду книг и не записывать его в библиотеку, постоянно объяснять опасность влияния книги на человека. Хорошо бы вообще позакрывать все эти библиотеки к чёртовой матери, а книги выбросить на помойку или сжечь — это будет демократичнее всего. Читая, он, не дай Бог, станет умнее всех, изобретёт что-нибудь полезное, сделает что-нибудь хорошее для людей, или сам книгу напишет, и его будут презирать за это, обзывать дурными словами и постоянно лупить. А ещё он познакомится там с другими любителями почитать, и ему может понравиться ходить в библиотеку, тогда всё предыдущее воспитание пойдёт насмарку. И, наконец, случится самое страшное — у него появится собственное мнение о вас, родителях, и о своих друзьях, но главное — о демократии с её замечательным потребительским обществом. Он перестанет покупать всё, что рекламируют по телевизору. У него пропадёт желание влиться в стройные ряды героев, выступающих против всех и всего, собираться на «майданы» независимости и бороться за безбедную, голодную и холодную жизнь, как сейчас на Украине! А этого допустить никак нельзя.

3. Как можно раньше обучайте детей пить пиво и водку, лучше без закуски, учите мату и всем самым грязным и обидным словам. Покажите чаду, как красиво эти слова

- смотрятся на стенах домов и подъездов. Покажите, как они нравятся соседям и другим людям. Из ласковых слов по отношению к детям следует употреблять только: «сволочь», «гад», «спиногрыз» и «чтоб ты сдох». Книг, если они по недоразумению попали в семью, детям в руки не давать.
4. В самом раннем возрасте следует учить ребёнка гадить и мочиться, где придётся, можно в собственном подъезде и под дверями соседей.
  5. Расскажите своим детям, что все учителя – сволочи и как они всё детство издевались над их родителями, заставляя заниматься непосильным трудом, а именно: читать и писать.
  6. Если он всё-таки по недоразумению попадёт в школу, не покупать учебников, не давать денег на обеды, пусть добывает их в честном бою со слабаками. Не следить за его успеваемостью, хвалить за двойки и приговаривать: «Отец твой тоже был неучем, а какой классный из него получился мужик, никому спуска не даёт, от него весь микрорайон содрогается».
  7. Впрочем, современная школа важна для ребёнка – нельзя лишать его общения с подобными ему особями. Иначе он не научится впоследствии сбиваться в стаи и почём зря колотить других, особенно слабаков, туда им и дорога. Ведь известно, что в потребительском обществе, как в джунглях, выживает сильнейший.
  8. Если он по недоразумению попадёт в институт или университет, там таких сейчас много околачивается, то надо научить его пропускать занятия, бить морду профессорам, которые не ставят зачёты и заставляют сдавать экзамены, насильники этакие! Предлагать этим же профессорам взятки и в то же время постоянно показывать им, какие они неучи и «совки», и в современной жизни ничего не понимают.
  9. В идеале ученик, а затем студент должен превратиться в безмозглую, бездарную, злую скотину, простите, особь,

интересующуюся исключительно такими проблемами, как пожрать, напиться и спариться с самкой.

10. Обязательно купите ребёнку смартфон, чтобы он мог, не отрываясь от коллектива, развивать в себе клиповое сознание: читать и слушать только тексты в три строки (ещё лучше – в одну строку), разговаривать только на своём дикарском языке (см. определение «дикарь современный»). Советуем научить его постоянно сидеть в сетях, особенно там, где читать почти не надо или совсем не надо. Добивайтесь, чтобы ребёнок до головокружения любил себя и страстно ненавидел других, а для этого постоянно делал «селфи» и выставлял их в «инстаграме» и в «ютюбе» – пусть видят, гады, что у него «мобила» классная и сам он «супер». Пусть снимает все драки со своим участием. Особенно те, в которых он издевается над кошкой, собакой и лупит слабака или девчонку.
11. Научить беззаветно любить не Родину, а деньги, особенно американские доллары, ведь это самые дорогие и красивые деньги в мире. На них можно всё купить: жвачки, чипсы и смартфоны, друзей и чик в будущем, если оно, при таких замечательных демократах, вообще состоится. Можно потом и местечко престижное купить – охранника в большом супермаркете или «секьюрити» при каком-нибудь крутом дядьке, типа владельца борделя или сауны. Ну, и жить при всех делах. На рубли, конечно, тоже можно, но доллары круче. У них там, в Америке и в Европе, вообще круче. Негров метелят только так. У всех пистолеты и автоматы есть, стреляют, где хотят: в школах и в университетах – прикольно! В Европе, правда, сейчас что-то странное происходит, беженцы из Африки и Азии цивилизацию топчут. Если так дальше пойдёт, на солнце погреться и за шмотками некуда будет съездить. С другой стороны, зажрались эти европейцы, пора с людьми делиться.

Больше советов можно не давать. Дальше деточки сами образуются: папку с мамкой будут почём зря лупить и на улицу выгонять, у бабки с дедом пенсию отбирать, верующих презирать, ненавидеть всех и каждого, кто не говорит на их недоношенном языке, смеяться над народной культурой, не знать, что такое Родина, и пресмыкаться перед Западом. В общем, стать полноценными современными дикарями.

Вот когда у людей глаза откроются! Вот когда заживём!

В ПАРИЖ!

— **В**от ты, бабушка, всё время мечтаешь поехать в свою деревню Клокуново, а я хочу в Париж! — говорила пятилетняя Светлана. — Там так красиво: Эйфелева башня, Монмартр, кафе, магазины и всюду цветы!

— А ты откуда знаешь как там, в Париже?! — удивилась бабушка.

— Так ведь я там уже была с мамой и папой! Помнишь?

И бабушка вспомнила, что пять лет назад её дочь на девятом месяце беременности вместе с мужем ездила во Францию. «А ведь и в самом деле была! — улыбаясь, думала она. — Потом ещё три года только и разговору было, что о Париже». А внучке сказала:

— Ну что же, проси маму, чтобы она нам с тобой путёвку купила, и ты покажешь мне Париж!

ОТНОШЕНИЕ К УЧИТЕЛЯМ

(Рассказ деревенской учительницы)

Нынче дети почти ко всем учителям относятся без должного уважения: могут нагрубить, задание не выполнить, на уроке посторонними делами заниматься и с соседями по пар-

те болтать. А вот в середине прошлого века, когда я начинала в школе работать, мы для детей были высшими существами. Они думали, что учитель не ест, не пьёт и в туалет не ходит!

ЧТО ТАКОЕ ПЕНСИЯ?

Мой пятилетний внук интересуется:
– Бабушка, что такое пенсия?

– Ну это, когда не работаешь, а деньги получаешь.

Внук подумал и уверенно сказал:

– Хочу на пенсию!

ВСТРЕЧА С МЕЧТОЙ

Ятогда работала учительницей начальных классов в школе, которая находилась в райцентре – в четырёх километрах от нашей деревни. Мой сын, пятилетний Васятка, жил мечтой о школе: все его старшие друзья уже учились.

И вот однажды зимой он встал пораньше, надел лыжи и отправился в школу. На лыжах Васятка ходил очень хорошо, успел ко второму уроку в моём классе. Вместе с ребятами с трудом просидел за партой все сорок пять минут: не привык долго на одном месте находиться.

После урока я ему сказала:

– Иди, милый, домой играть!

Он убежал и до семи лет в школу не просился: не узнал свою мечту – раньше времени встретил!

Пока всё о детях. Замечу только, что, несмотря ни на какие перемены в современной жизни, малыши такие же любознательные, активные, умные, находчивые и милые, как в прошлом веке и как всегда, такие же легковёрные и незащитные, подверженные любому внешнему влиянию. Не оставляйте их на попечение соцсетей, а тем более чужих людей, дарите им как можно больше внимания и любви.

Не успеете оглянуться, а они уже вырастут, и вы пожалеете, что не насмотрелись на их чудесные лица, не наслушались замечательно умных детских речей...

Молодость на изломе времён

«Молодым везде у нас дорога», — так начиналась очень популярная в советские времена песня, полная оптимизма и веры в прекрасное настоящее и светлое будущее. Сейчас эти слова воспринимаются неоднозначно: с одной стороны, так и было, большая часть городской и сельской молодёжи могла поступать учиться в средние и высшие учебные заведения (вузы) и получать избранную профессию. Однако поступить, особенно в вузы, было не просто: отбор проходил серьёзный со сложными экзаменами и высокими проходными баллами. Обучение велось бесплатно для всех и как бы в долг перед государством. Если студенты учились на «хорошо» и «отлично», то получали стипендию. Взамен государство требовало от выпускников учебных заведений хорошей работы в будущем и в тех местах, куда оно их направляло.

Однако молодым людям из бедных, неблагополучных и неполных семей дорога широко открывалась лишь на стройки, целину, на промышленные предприятия в рабочие коллективы. Рабочей молодёжи предлагалось учиться заочно и на вечерних отделениях институтов. Туда шли те немногие, у кого хватало

желания, сил и упорства после тяжёлой физической работы сидеть в библиотеках и на лекциях. Качество такого обучения оставляло желать лучшего.

Сейчас всё по-другому. Мы живём в эпоху перемен, когда меняется общее направление развития нашего общества. Поэтому студенты часто относятся к учёбе несерьёзно, считают, что главное — это получить диплом либо купить его «на всякий случай», и работают потом не по специальности. Многие молодые люди не могут найти себя в новых условиях. Им объявили капитализм, а как в нём жить, не научили. Их пугает отсутствие перспективной работы, отсутствие жилья, экономическая, социальная неопределённость внутри страны, обманывает иллюзорная открытость миру.

Тем не менее в обществе появились обнадёживающие ростки нового, возникшие вопреки идеологическому вакууму и отсутствию социального заказа. Это внушает надежду, что страна всё-таки оправится от потрясений. Растёт число молодых «пассионариев», людей неравнодушных, стремящихся к изменению жизни к лучшему — к большему материальному благополучию, и при этом думающих, обращённых в ближайшее будущее и добывающихся всего собственным трудом. Такой молодёжи особенно много в торговле и обслуживании, где упорный труд часто приносит заметный успех.

Однако есть и основания для тревог. Молодые люди в большинстве своём направляют силы не на созидание, а на обслуживание потребителей. В молодёжной среде продолжается материальное расслоение, впрочем, как и в обществе в целом, происходит резкая люмпенизация части молодёжи, которая становится равнодушной ко всему, не желает трудиться, но одновременно хочет пользоваться всеми благами цивилизации, например, модными дорогими вещами и гаджетами.

Между тем последние исследования американских учёных доказывают, что, например, смартфоны снижают IQ человека и производительность труда на треть! Есть о чём задуматься, было бы кому...

В МОЁМ МИРЕ НЕ...

Дело было в Питере. Холодным сентябрьским вечером в пятницу Марина с мужем Андреем пошли поздравить двоюродную сестру Катю и её сожителя Петра с переездом в новую комнату в съёмной четырёхкомнатной квартире. В остальных трёх комнатах жили такие же, как они молодые люди, по одному и парами. Все быстро передружились, часто вместе ужинали на общей кухне и даже гостей принимали сообща.

Что касается Петра, то он сожитель поневоле: сколько раз предлагал возлюбленной руку и сердце. Но она всё чего-то тормозит, всё ей какая-то свобода мерещится. Может быть, потому, что ей нравятся независимые, бородатые и усатые хипстеры. Она и Пётр часто с ними общаются, и уже сами почти хипстеры. Почти – потому что оба много работают, а в хипстерской тусовке принято не напрягаться. Вот по профессии они вполне вписываются в общий тренд: Пётр – репортёр интернет-издания, а Катя – архитектор. Несколько лет назад она окончила университет, но по специальности почти не работала. Её больше привлекал дизайн во всём его разнообразии. Она то оформляла интерьеры, то делала довольно милую бижутерию и наконец нашла себя в изготовлении керамической посуды. Свою комнату она тоже оформила по-дизайнерски. На полках во всю стену расставила и разложила свои изделия, низкий подоконник расширила несколькими досками в виде подиума, бросила на него матрас и подушки, чтобы можно было лежать и сидеть. Напротив, красовался, откуда-то привезённый Петром большой пень, у которого несколько ролей: он то изображал стол, то стул. А сегодня, когда его увенчала собой Катя в винтажной, длинной жёлто-лимонной юбке и в немислимой кофточке небесно-голубого цвета из секонд-хенда, с наполовину выбритой головой (причём вторая половина выкрашена в цвет «баблгам»), этот пень казался королевским треном. Впечатление от такой

красоты усиливали китайские фонарики, асимметрично развешенные над подиумом. Маринин муж, Андрей, просто обалдел от этих фонариков и зашептал жене на ушко, что дома такие же хочет!

Сегодня в гостях у Кати с Петром и их соседей – целая компания хипстеров. Перед тем, как усесться на свой пень-трон, Катя разнесла по всем комнатам угощение для гостей: кому кофе, а кому чай с хлебом и хумусом собственного изготовления. Хипстеры после кофе и чая немного «бухнули», и кто чем занимается – беседуют о том, кто на каких концертах и спектаклях побывал, последний «хайп» обсуждают, курят самокрутки. Кругом царит атмосфера безоблачного благодушия и покоя, всё остальное им «по барабану».

Марина с Андреем устроились на подиуме напротив Кати. В этот момент в комнату вошёл Пётр. У него сегодня был полный рабочий день, и, немного выпив с гостями, он, «с устатку и не евши», захмелел. Пётр сел напротив Кати, и интеллигентно прикрывая рот ладошкой, стал громко и часто икать то ли от вина, то ли от хумуса. Все делали вид, что ничего необычного не происходит. В какой-то момент Пётр затих, и в наступившей тишине вдруг громко пукнул. Марина с Андреем не выдержали и засмеялись. Катя, не говоря ни слова, перстом указала сожителю на дверь, а затем, покраснев, тихо, но гневно добавила: «В моём мире не пукают!» И он послушно вышел в соседний мир. Оставшиеся в комнате гости хохотали до слёз, хотя смешного тут ничего нет.

Катя живёт в своём мире, в котором не пукают, в нём нет извращенцев, наркоманов, воров и другой нечисти. В нём царят гармония, утончённость и красота, покой и душевное равновесие. В нём нет места горю, страданиям, боли, ненависти и смерти. Даже заботы в этом мире простые, лёгкие и приятные. Например, какой лук нынче в моде, что смотрят и читают, о чём говорят, что едят и пьют продвинутые люди, не замороженные на неистовом добывании хлеба насущного или бешеных денег.

Катя живёт, как её друзья хипстеры, спокойно, счастливо, не обременённая детьми и заботами о них, она чужда каких-либо обязательств и никому не позволит разрушить или хотя бы поколебать устои этого идеального мира. Даже любимому мужчине.

В принципе, ничего нового в этом нет. В прошлом веке в США ещё в сороковых годах зародилась молодёжная субкультура хипстеров, «инди кидов», из которых в шестидесятые годы вышли хиппи. Оба эти названия имеют один корень «hip». «To be hip» означает «понимать, знать, быть в теме». Хиппи оказали огромное влияние на ход развития мира, хотя выглядели несерьёзно. Они называли себя детьми-цветами, мужчины и женщины носили длинные волосы и яркую цветную одежду. Они выступали за мир, равенство и за свободную любовь, но не за разврат. Протестовали против применения ядерного оружия и войны во Вьетнаме, а ещё пели, устраивали музыкальные сейшены, много пили, курили марихуану, открыто занимались любовью. Они считали свою субкультуру альтернативой консервативному порядку и пуританским ценностям общества того времени. По большому счёту обе эти субкультуры – некий вид эстетски обставленного эскейпизма, побега от жестокого и жёсткого внешнего мира. Но мы знаем, что произошло с хиппи. Многие просто выросли и стали такими же, как все; правда, сначала они разочаровались в своих идеалах. Одни хиппи спились, другие стали наркоманами и быстро расстались с жизнью.

Наши хипстеры – это «пригламуренные» хиппи, они ни с кем и ни за что не борются. Это просто модные, оригинальные молодые люди, стремящиеся выделиться, но при этом остаётся в стороне от общественных проблем, хотя они и ориентируются на представителей элиты.

P.S. Для взрослого читателя я решила пояснить некоторые термины:

- хипстер – человек в теме, модник, прикольный человек,
- секонд-хенд – бывший в употреблении,
- винтажный – старинный, старый,

- цвет «бэблгам» – розовый, цвет жевательной резинки,
- хумус – холодная закуска из нута (бараньего гороха) с тхиной (кунжутной пастой) и пряностями,
- хайп в этом тексте означает модную одежду,
- лук – внешний вид.

ПАССИОНАРНАЯ ЛИДОЧКА

Мы познакомились случайно в её магазинчике с ивановским хлопчатобумажным трикотажем, незатейливым товаром, который отличается своей натуральностью, вполне приличным пошивом, относительной дешевизной и особо ценится среди небогатой публики, пенсионеров и работников с маленькими зарплатами.

Её зовут Лидия Александровна, а мне сразу захотелось называть её Лидочкой, потому что она милая и ей всего двадцать шесть лет. Предпринимательством она занялась в двадцать три года и уже владеет двумя небольшими магазинами. Двадцать шесть лет – тоже немного, тем более что выглядит Лидочка очень молодо: тоненькая, хрупкая, светловолосая и светлокожая, без макияжа и украшений, одевается чаще всего в скромные брючки и свитер.

Заняться торговлей ей посоветовала свекровь, которая в своём бизнесе стартовала в начале девяностых и поднялась на волне перестройки. Лидочка говорит, что свекровь начала зарабатывать первые деньги на пустом месте, брала в долг: кредитов тогда не давали, системы такой не было. Она работала днём и ночью, на свой страх и риск, полагаясь лишь на жизненный опыт. Доставала дешёвую одежду и обувь в Москве и Ленинграде, а здесь развозила всё это по деревням и сёлам, как правило, не представляя, что будут у неё покупать, а что – нет. Конечно, всякое бывало, но желание заработать и упорный труд оправда-

лись; теперь она состоятельная женщина и ей больше не надо метаться по области. Она возит китайскую одежду из Москвы и продаёт в городе. От этой торговли и живёт. Безбедно.

Многие тогда начинали своё дело именно так. Правда, одни возили вещи, скажем, из Польши, а другие, как Лидочкина свекровь — из наших столиц. Я знаю нескольких человек, которые начинали «челноками», то есть везли за границу наш товар, с небольшой наценкой продавали его, там покупали то, чего у нас тогда не было, привозили сюда, продавали тоже с наценкой. Повторялся этот нехитрый маневр многократно. Постепенно, копейка к копейке, эти труженики (чаще всего труженицы) накапливали первоначальный капитал для более престижного бизнеса. Например, одна моя знакомая возила в Польшу на продажу утюги и эмалированную посуду (там всё это, разумеется, было, но значительно дороже), а сюда везла пуговицы, бижутерию, дешёвый трикотаж и бельё. Сейчас она — владелица одной из уважаемых строительных фирм. Что говорить, «челночное дело» было тяжким физическим трудом, да и опасным тоже: сколько пришлось нашим отчаянным предпринимательницам страхов натерпеться, сколько поборов выдержать по обе стороны границы. А рэкет «за бугром» и дома?! Челночная торговля была одним из самых трудных, но самых честных путей накопления капитала. Кто прошёл его, тому честь и хвала. Сегодня это — уже история.

Все эти женщины, проработав много лет учителями, врачами, инженерами, в зрелом возрасте полностью перестроили свою жизнь и начали торговать, чтобы в трудное время заработать семьям на хлеб. Лидочка, напротив, с детства знала, чего хочет. Она мечтала много зарабатывать и иметь всё, что нужно для безбедной жизни: дом, машину, мужа и детей. Её собственное деревенское детство было, мягко говоря, трудным: семью поднимала мать, которая ушла из жизни, когда Лидочка была подростком. И знала девочка голод и холод, обман и предательство. Она перебралась жить в город. В поисках поддержки Ли-

дочка рано вышла замуж, но вскоре развелась — молодой муж её не понимал, трудиться не хотел, но желал жить красиво. Тогда Лида навсегда усвоила очень важную вещь: замуж надо выходить только по любви и за человека, который смотрит на жизнь так же, как она. Во второй раз она вышла замуж осознанно и теперь счастлива. Кстати, внебрачные отношения она не признаёт, сказывается православное воспитание матери. Всем правильным поступкам Лидочку научила трудная и трудовая жизнь, в которой всё просто: не будешь работать — помрёшь с голоду, не будешь трудиться до седьмого пота — никогда не вылезешь из нищеты, будешь жить, с кем попало, — пойдёшь по рукам и превратишься в грязь, презираемый отброс общества.

В своём бизнесе она сама себе хозяйка. Расширяя дело, напрасну денег не тратит, из наёмных работников у неё только две продавщицы. Всё остальное: аренду помещения, закупки, поездки за товаром, бухгалтерию и рекламу ведёт она сама. А когда надо, и за прилавком стоит. Лидочка так заинтересовала меня, что однажды я осталась с ней в магазине на пару часов, посмотреть, как она работает.

Как? Очень сноровисто, здраво и внимательно. В день нашей встречи в магазине было много народу, кто разглядывал вывешенный по стенам товар, кто приценивался и задавал вопросы, кто просто любопытствовал. Ничто не ускользало от острого хозяйского взгляда. Лидочка успевала со мной словом перебраться, уследить за покупателями, вовремя подойти к вешалкам, дать совет, показать товар лицом, предложить скидку, если покупательница брала не одну вещь, продать товар и принять деньги. При этом её сосредоточенное лицо выражало уважение к покупателям, доброе расположение к ним и желание помочь определиться с покупкой. Ни разу не прочла я на её милом личике раздражения, неудовольствия или злости, желания «втюхать» недоброкачественный товар, да такого у Лидочки и нет.

В какой-то промежуток между покупателями я спросила, где она взяла стартовые деньги. Лидочка ответила:

— Свекровь тридцать тысяч рублей в долг дала.

Моя советская душа, было, возмутилась: я бы, конечно, снабдила жену сына средствами без всякой отдачи, однако, подумав, я решила, что свекровь поступила логично, правильно и мудро. Во-первых, ей самой эти деньги не с неба упали, а во-вторых, лёгкие деньги, как правило, впрок не идут. По всей видимости, Лидочке занятые тридцать тысяч впрок пошли и сейчас она мечтает открыть ещё два магазина. Я выделила это слово потому, что в работе и в жизни этой молодой женщины оно ключевое...

— Вот вы спрашиваете, как мне удалось магазины один за другим открыть? — говорит она. — Всё просто, я всегда мечтаю о том, чего хочу, представляю себе, как это будет. Мечтаю — значит не только воображаю себе что-то, хотя и это тоже, но как бы заранее продумываю каждый следующий шаг, оцениваю ситуацию, планирую всё до мелочей. Ну и, конечно, постоянно вкалываю! Муж у меня тоже такой, он никогда не останавливается на достигнутом. Например, недавно купил новую машину, едем с ним на работу, а он мне говорит, что уже другую присмотрел, ещё лучше этой. Вот и мне всё время надо больше: больше работать, больше зарабатывать, больше иметь. Может быть, это пока мы молодые, а потом будет по-другому?

Я ей отвечаю:

— Не надо по-другому, вы ведь не воруете, никого не обманываете, а трудитесь и зарабатываете свои деньги, а на что их тратить, это уже ваше дело.

Не устаю восхищаться этой хрупкой молоденькой женщиной, её силой и несгибаемой волей, её разумом и пониманием того, что происходит сейчас в стране и в городе. Единственное, чего не может понять доброе и отзывчивое Лидочкино сердце, почему некоторые друзья теперь, когда они с мужем стали успешными, отвернулись от них, перестали общаться. Тут причин может быть несколько: и банальная зависть к успеху, и боязнь выглядеть бледно рядом с Лидочкой и её мужем. Может быть, желание отойти в сторону, чтобы самим догнать успеш-

ных друзей. Хочу утешить Лидочку, такое происходит со всеми людьми на свете: одни друзья уходят, другие появляются, и даже лучшие из них со временем покидают нас, переселяясь в область памяти. И хорошо, если мы сами вспоминаем их с радостью и благодарностью за прошлое обоюдное счастье общения.

Я уверена, что у Лидочки всё получится, что все её мечты сбудутся. Хотелось бы мне, чтобы все вокруг жили и работали, как эта молодая семья, а не сидели сиднями в ожидании, когда им на голову упадёт удача, чтобы искали её, придумывали что-то новое, а главное — не опускали руки.

В наших беседах Лидочка говорила, что таких, как она, сейчас много. Во всяком случае, среди большинства её друзей и знакомых. И это радует.

МЫ И ОНИ

Рано утром еду на автобусе по любимому Советскому проспекту вдоль реки Вологды и люблю старинными деревянными домами с резными наличниками на окнах. В старину и в начале прошлого века это место называлось Фрязиновской слободой. В те времена здесь традиционно жили и торговали купцы из Западной Европы: итальянцы, немцы, голландцы и англичане, и было у них в России общее имя — фрязины.

На остановке напротив бывшего речного вокзала сидит представительница «новых людей» — девушка с длинными светлыми волосами. Склонившись над смартфоном, она читает или просматривает что-то на экране, и делает это так внимательно и отрешённо, что не замечает никого и ничего вокруг.

Оттого, что «новые люди» живут в другом мире, мне даже немного завидно: там, наверное, проще и веселее. Честное слово, немного завидно. Интересно, они знают, что такое «честное слово»? Ох, они много чего не знают, и знать не хотят. Надеюсь,

это временно, вот подрастут, и думать, и говорить научатся, и узнавать захотят...

Глядя на девушку, вспоминаю, как с таким же выражением лица и так же увлечённо молодые люди двадцатого века склонялись над книгой. Мы читали всегда и всюду, каждую свободную минуту — в автобусах, метро, в поездах, в парках и на остановках. Мы читали в библиотеках, на книжных выставках и в книжных магазинах. Мы выстаивали очереди, чтобы купить новую книжку популярного автора. Мы бегали на лекции преподавателей литературы и на презентации новых книг. Мы сдавали макулатуру, чтобы получить возможность купить детективы или фантастику. Мы хвастались друг перед другом новыми книгами, мы...

А они с таким же восторгом ждут новых версий смартфонов и готовы на любые жертвы, чтобы стать обладателями этого современного чуда техники. Благо других жертв, кроме денег, не требуется.

Современные дети расстаются с устаревшими гаджетами легко, потому что на пороге их ждёт нечто новое, более привлекательное и с большим количеством функций, возможностей.

Меня это и печалит, и наводит на мысль о том, что каждому поколению — свои источники информации, свои развлечения, свои радости. Вот только нас книги объединяли, мы черпали из них культуру, историю, знания, мысли. Нынешнюю молодёжь гаджеты разъединяют. И что, кроме развлечений да однозначных ответов на немудрёные вопросы, черпают из Интернета они? К примеру, вряд ли многие из них знают хоть что-то о Фрязиновской слободе, замечают старинную архитектуру родного города, деревянную вязь резьбы на окнах и палисадах и с восторгом любуются ею. И мне становится «немного жаль моей печали»...

ДВА В ОДНОМ — УМ И КРАСОТА

Больше всего на свете я хочу, чтобы у моей взрослой дочки была наполненная и радостная жизнь, чтобы она не расстраивалась из-за неудач, а искала и находила выход из затруднительного положения и шагала по жизни дальше, как говорится, с высоко поднятой головой. Она у меня такая гордая и красивая. И очень умная. Последнее ей немного мешает быть счастливой. И гордость, конечно, тоже. Ну, ум — понятие относительное: то, что вчера считалось верхом ума, сегодня может оказаться полной глупостью. А гордость при наличии ума с годами проходит или преобразуется в чувство собственного достоинства. Счастье — тоже понятие относительное, оно не может быть вечным, а потому приходит к нам с перерывами и когда считает нужным.

ВСЁ ПОЗНАЁТСЯ В СРАВНЕНИИ

Недавно моя девочка приуныла — проблемы загнали в угол. Я и так к ней, и этак, ничего не помогает. И вдруг поздно вечером ей звонит жутко расстроенная, поддатая подруга и полчаса, захлёбываясь слезами и словами, рассказывает о своих несчастьях. Я рядом сидела и почти всё слышала. После разговора дочка ко мне поворачивается и говорит:

— Да-а-а, я-то думала, это мне «фигово», а оказывается, у меня по сравнению с подругой всё просто класс!

В её годы я тоже неудачи близко к сердцу принимала, но каждый раз старалась вспомнить кого-нибудь, кому в тот момент было хуже, чем мне — главное, себя любимую не жалеть. Или шла в гости к друзьям. Их у меня много было. Ну, это естественно. В молодости ищешь общения, внимания, радости, веселья, наконец. И уж тут-то ты определённо знаешь, чего хочешь. Зна-

ешь, кого хочешь видеть, кого нет, с кем весело, а с кем можно и о проблемах поговорить, кому в жилетку поплакаться, а кого выслушать. Такой вот взаимный процесс обмена мыслями, чувствами, энергией.

ЖЕНЩИНА-ПРАЗДНИК

Вчера рядом с новым торговым центром я увидела солнечную девушку, которая, как в песне, «летающей походкой вышла из мая» и двигалась мне навстречу, стуча каблукочками. Девушка высоко несла прелестную головку и улыбалась всему миру и никому, в частности. Если бы девушка двигалась даже в густой толпе, глаза сразу же выхватили бы её из общей массы, так хороша она была: тоненькая, нежная, с тёмной гривкой длинных волос и сияющими юной радостью глазами. Девичий наряд был под стать ласковому летнему дню: модное приталенное платьице с широкой юбкой, точно такое же, в каких форсировали городские девчонки в шестидесятых-семидесятых годах прошлого века. Встреча напомнила мне об одной хорошей знакомой, с которой я училась в институте. Её называли женщина-праздник. Никто и никогда, кроме домашних, не видел её без макияжа, причёски и модной одежды. На её лице всегда сияла весёлая улыбка. Когда она заходила в дом, то все сразу чувствовали, что им подарили счастливый день: она умела разрядить возникшее среди друзей напряжение, заразить всех весёлым настроением, рассказать что-нибудь смешное. Могла посоветовать, как быть в трудной ситуации, всем дать понять, как она их любит и какой каждый из них замечательный и талантливый человек. Она с удовольствием участвовала в весёлых вечеринках с танцами, песнями и прогулками по родному городу до утра. Подруг водила в парикмахерскую к лучшей из мастериц, ходила с ними по магазинам выбирать одежду и украшения. У неё был безупречный вкус и чутьё на такие «шмотки», о

которых говорили: «последний писк моды!» Все, с кем она когда-либо общалась, вспоминают её с улыбкой: «Вы не знали N.? Как жаль, это же настоящая женщина-праздник!»

И ни один человек не догадывался, каких сил стоило ей на протяжении всей жизни оставаться женщиной-праздником, даже в болезни, даже при неудачах в работе и на личном фронте, без этого ведь тоже не бывает, верно? Она и сейчас, в свои семьдесят с лишним лет, держит марку. И сейчас на неё оглядываются мужчины и женщины. Правда, у неё поменялась главная задача: раньше она желала выделиться из толпы, а теперь лишь хочет не выглядеть смешной. Ей и это удаётся. А вы думали, женщиной-праздником быть легко, да ещё так долго?

СВАДЬБА ПЛЕМЯННИЦЫ НА ИЗЛОМЕ ВРЕМЁН!

Эту историю рассказала мне Люба из Чебоксар, недавно переехавшая с семьёй в Вологду. Племянница пригласила её вместе со старшим сыном на свадьбу, сказала, что бракосочетание будет в городском Доме культуры, а потом всех пригласят в кафе.

Свадьба — событие значительное, опять же племянница — человек близкий, не какая-нибудь седьмая вода на киселе, и по этому случаю они с сыном решили купить хороший, дорогой подарок. Приобрели плазменный телевизор за двенадцать тысяч рублей и заказали огромный букет белых роз. Кто-то скажет, не ахти какая сумма потрачена, но для пенсионерки и начинающего инженера — деньги немалые. Кроме того, новое платье, причёска, маникюр — снова расходы. А как же: нужно соответствовать событию. Другие — то гости нарядными придут.

Молодых расписали, а после гости поздравили их и вручили подарки. Молодожёны пошли фотографироваться, и с концами.

Люба с сыном долго ждали, когда их пригласят в кафе. Наконец позвонила племянница и сказала, что можно идти домой, а они с мужем и молодёжью уже в кафе празднуют...

Прошло полгода, но оскорблённая в лучших чувствах Люба до сих пор сама не своя от пережитого. Ей не жалко потраченных денег, только она не может взять в толк: как это, пригласили на свадьбу, подарки приняли, а потом без лишних слов и объяснений дали от ворот поворот.

Конечно, русскому человеку, рождённому и выросшему в Советском Союзе, трудно понять, как может племянница отказать родной тётке в праве порадоваться и повеселиться на своей свадьбе. Отказать родственнице, привыкшей видеть в свадьбе большое событие, с множеством родственников и гостей, с широким застольем, танцами и весёлыми приколами, а не тайные посиделки узким кругом в кафешке. Родственнице, пришедшей на свадьбу с распахнутой душой, с любовью, в ожидании ответной открытости и любви, а не хамского жлобства. Любе этого не понять. Как, должно быть, не понять племяннице Любу, ведь она ничего такого не сделала. Подумаешь, забыла сказать, что в кафе пойдёт только молодёжь. Получается, племянницу так воспитала её мама, росла она в духовно провальный перестроечный период, училась в современной школе, а там давно детям не объясняют, что такое нравственность, благодарность, уважение к старшим и к своему роду.

Вроде бы всё просто, а сложилась невесёлая история из жизни двух поколений в России на изломе времен.

ЗАВИСТЬ

Вечером ей позвонила подруга и передала привет от их общей знакомой. Яна быстро перевела разговор на другую тему: об этой женщине, которая интересовалась её жизнью,

даже вспоминать не хотелось. Вот уже много лет Яна Игнатовна была успешной бизнес-леди: она владела в своём городе тремя бутиками фирменной женской одежды и небольшим предприятием по изготовлению русских сувениров. Эти сувениры пользовались большим спросом за границей. Вот и в тот вечер она работала над текстом договора с одной финской фирмой.

С этим договором Яна просидела до глубокой ночи, а когда легла, долго не могла уснуть: из головы не выходил звонок подруги. «Опять Фиса пытается сунуть нос в мою жизнь, опять ей неймётся. Ну что за человек?!» — подумала Яна, шумно вздохнула и тяжело повернулась на другой бок...

После школы Янка поступила в кооперативный техникум. Городскую девчонку с отличным аттестатом приняли на ура.

В одной группе с ней училась Анфиса, которая приехала в город из небольшого северного села и на этой почве комплексовала. Из всей группы Фиса дальновидно выделила общительную, по всем приметам счастливую Янку и наметила её себе в подруги. Деревенской девушке казалось, что счастье заразительно: стоит только всё время быть рядом со счастливицей — и ты превратишься в такую же, черпанёшь полными горстями чужого счастья и удачи, и у тебя тоже всё получится. Она ждала, что Яна распахнёт перед ней двери в новую городскую жизнь, познакомит со своими друзьями, и тогда она наконец заживёт.

Несмотря на юный возраст, Фиса точно знала, чего хочет от жизни и как этого добиться. Тяжёлая деревенская жизнь её многому научила, она чувствовала себя гораздо старше всех этих городских маменькиных дочек. Конечно, ей следовало больше улыбаться и льстить им — кто же не любит, когда его хвалят. Она знала, что даже самая умная из всех этих дурочек не устоит перед комплиментами.

Фиса быстро сблизилась с Яной. В течение многих дней они почти не расставались: рядом сидели на занятиях, вместе ходили в библиотеку и выполняли домашние задания, вместе бегали в кино.

Городские друзья удивлялись, как Яну при её талантах и красоте занесло в кооперативный техникум. Ведь она была школьной отличницей, много читала, первой узнавала, в каком театре нынче премьера, какие музыканты выступают в филармонии, и таскала всех в музей на выставки. Ей прочили поступление если не в театральное училище, то в столичный университет на филфак. Объясняя свой выбор, Яна всем говорила, что после техникума поедет поступать в московскую Плехановскую академию – один из самых престижных вузов страны. Она мечтала работать в международной торговле, считая, что азы можно постигать и в родном городе, не расставаясь с любящими родителями.

Симпатичная, тоненькая, весёлая болтушка Яна была открытой девчонкой. Учёба давалась ей с необыкновенной лёгкостью, по всем предметам она получала пятёрки, поэтому позволяла себе посматривать на подруг чуть свысока и критиковать даже преподавов, особенно куратора их группы Вениамина Алексеевича, которого все называли Веником. Веник был молодой и самоуверенный, перед девчонками рисовался, особенно перед хорошенькой Янкой. На занятиях в группе он старался всячески принизить её способности, всегда спрашивал первой и довольно язвительно комментировал ответы, однако вынужден был признавать её отличные знания. Яна не понимала, за что он к ней придирается, считала самодуром и терпеть не могла, о чём не раз говорила Фисе.

Рядом с изящной Яной по-крестьянски крепко сбитая Фиса поначалу выглядела немного неуклюжей и плохо одетой. Чтобы казаться не совсем уж деревенской простушкой, она в первую очередь постриглась по последней моде – очень коротко и ярко покрасила свои большие и немного навывкате глаза. Стрижка шла к её круглому лицу, облагораживала его и делала интересным. Фиса всем широко улыбалась, демонстрируя ровные белые зубы, и создавалось впечатление, что она открытая, весёлая и общительная, как Яна.

Фиса не отходила от Яны ни на шаг, но при этом её раздражало в подруге всё: симпатичная мордашка, успехи в учёбе, свобода общения с другими людьми. Раздражало то, что Яна привлекала людей, не делая для этого видимых усилий и даже не замечая, как трудно даётся общение Фисе. Больше всего её задевало то, что Яна жила в новой пятиэтажке — в большой квартире у неё была своя комната; а Фиса жила в деревянной общаге, где она делила тёмную комнатёнку ещё с тремя студентками. Когда подруга рассказывала о родителях, друзьях и поклонниках, Фиса воспринимала её открытость как намеренное хвастовство.

У Фисы всё было с точностью до наоборот: отца она не знала, мать жила за тридевять земель от города в старой, покосившейся халупе и уродовалась на колхозной свиноферме. В техникуме Фисе приходилось часами сидеть над учебниками, ломать голову над каждым вопросом и без конца зубрить. «Почему жизнь устроена так несправедливо?!» — молча возмущалась она. Ей тоже хотелось плюнуть на всё и идти гулять или на танцы, но она не могла себе этого позволить: надо было зарабатывать стипендию, иначе пришлось бы голодать. Как противно было, когда Янка, не моргнув глазом, позволила Венику отдать свою повышенную стипендию неимущим студентам. Ещё противнее, что на следующий же день она забыла об этом! Почему Янка упорно не знакомила Фису со своими городскими друзьями?! Наверное, стеснялась, а может быть, просто не замечала, как ей этого хочется. Глядя в пол, Фиса с ненавистью слушала откровения подружки о жизни за пределами техникума.

Однажды между ними вспыхнул короткий и, казалось бы, незначительный спор. Искоса глядя на Яну и надеясь на поддержку, Фиса сказала:

— Мои одноклассницы из деревни уже все замуж повыходили и детей завели, а я тут над учебниками чахну. Ещё немного — и в старые девки запишут. В общем, хочу замуж!

На что Янка со смехом заметила:

— А я замуж не хочу, куда торопиться? Я прежде хочу выучиться, мир посмотреть и себя показать!

Неожиданно Фиса пришла в ярость. С красным лицом и со слезами на глазах она кричала:

— Не может быть, чтобы ты замуж не хотела! Ты всё врешь, ты хочешь, все хотят!

Фиса считала, что все девчонки без исключения думают так же, как она, и хотят того же, что и она: завидуют друг другу и ненавидят успешных все, все... И Янка такая же, только притворяется!

А Яна подумала: «Вот глупышка, нашла, о чём переживать! Да у нас вся жизнь впереди, замуж всегда успеется!»

Желание отомстить подруге за то, что она смеет быть не такой, как все, стало навязчивой идеей Фисы. В ней крепло желание отобрать у Яны всё, чем та легкомысленно владела и несколько не дорожила. Фиса начала тайную (ведь всё дурное делается тайно) нечистую игру против Яны. Она восхищалась подругой в глаза, а за глаза сплетничала о ней с девочками из группы. Она собирала о Яне любую самую невероятную информацию, с точной взвешенностью добавляла ядовитой лжи и докладывала Венику, что говорит Яна о нём и обо всех остальных преподавателях. По техникуму разнёсся слух, что Янка гуляет с разными парнями, бездельничает и обо всех говорит гадости. Этот слух долго сопровождал Яну, «добрая» Фиса сама ей обо всём докладывала. К пущему её раздражению Яна в ответ только смеялась и говорила, что пока о ней ходят такие слухи, ей не о чем беспокоиться: ей просто завидуют, а завидуют лучшим! И до поры все усилия Фисы унизить и растоптать Яну успеха не имели.

Тогда Фиса решила отобрать у подруги Димку, который давно увивался за Яной. Парень был разбитной, красивый, и хорошо учился. Они прекрасно смотрелись вместе; ходили слухи, что у них — отношения, которые в ближайшем будущем могут закончиться свадьбой. Фиса нашептала Димке, что Янка встречается с ним и одновременно со своим бывшим одноклассником, а над ним смеётся и болтает об этом со всеми, кому слушать охота.

Димка давно замечал, что Янкина подруга с него глаз не сводит. В отместку Яне на субботнем танцевальном вечере он от Фисы не отходил, а потом отправился провожать в общежитие.

Комната, в которой жила Анфиса, была пуста: соседки уехали на выходные к родителям.

— Хочешь чаю? — спросила Фиса и выставила на стол бутылку креплёного вина.

— А давай! — засмеялся он. — За что пить будем?

— За любовь и дружбу! — ответила она и разлила вино по стаканам.

Они весело болтали. Фиса ухитрялась пить маленькими глоточками, а гостю всё подливала вина. Будильник на тумбочке показывал полночь, когда Димка хотел, было, двинуться домой, но девушка обняла его и прошептала:

— Ну, куда ты пойдёшь в таком виде и так поздно, глупенький? Оставайся, тут места много.

И он назло Янке остался...

Фиса ликовала, предвкушая, как расстроится Яна, когда узнает об этом. Та, конечно, узнала и расстроилась, но во всём обвинила неверного парня, а подругу простила. Впрочем, и Фиса недолго радовалась победе: парень чувствовал, что она воспользовалась им в неведомых для него целях и встречаться с Анфисой не стал.

В последний год учёбы в техникуме начали формировать группу старшекурсниц для отправки в Москву на курсы подготовки к поступлению в Плехановку. Яна была уверена, что её как лучшую студентку включают в эту группу и не волновалась. И, когда увидела список, очень удивилась, что её фамилии в нём нет, а на первом месте стоит фамилия Фисы. «Наверное, это какое-то недоразумение, — сочла Яна, — всё изменится, и я тоже поеду в Плехановку». Она стала ждать, что будет дальше: ходить в деканат, задавать вопросы и унижаться Яна считала ниже своего достоинства... Однако во время зимних каникул Фиса и ещё три девочки из техникума отправились в Москву, а Яна осталась дома.

Впервые в жизни она позавидовала, и кому — Фисе! Её оглушило, накрыло чувство несправедливости всего происшедшего. «Как же так? — в смятении думала она. — За что со мной так поступили? Понятно, что это дело рук Веника, но почему именно сейчас он обошёлся со мной так жестоко?»

Глаза девушке открыла тихая Женя, которая на занятиях всегда сидела в дальнем углу аудитории:

— Какая же ты дуручка, Янка! Столько лет провела рядом с Фисой, а не видишь, что она с первого курса ненавидит тебя, завидует и постоянно бежит к Венику с доносами...

Яна не показала одноклассникам, что чувствовала в тот момент. Все каникулы она просидела в своей комнате, думая, как могло случиться, что она не разглядела настоящую Фису. Яна винила себя за самоуверенность, глупость, чрезмерную доверчивость и открытость. Она вдруг ясно поняла, что если сейчас разрешит черной зависти поселиться в сердце, то нанесёт себе непоправимый ущерб. Это страшное чувство ещё только коснулось её, а уже задушило всякую радость и вот-вот превратит жизнь в бесконечное страдание. Девушка представила искажённое болью и ненавистью лицо Фисы, ужаснулась и пообещала себе больше никогда никому не завидовать. Яна сразу почувствовала облегчение, ей стало до слёз жалко ту милую, немного нелепую девочку, с которой она подружилась в первый год учёбы.

После каникул Янка спокойно вернулась в техникум и, к удивлению девчонок, ничего не сказала Фисе. Со всеми вместе слушала восторженные рассказы бывшей подруги о Плехановке, о новых друзьях, но никак не реагировала на это. На занятиях она сидела теперь за другим столом, рядом с Женей. Как ни пыталась Фиса снова сблизиться с Яной, та мягко отвергала все её попытки и сразу после уроков уходила домой.

Закончился последний семестр учёбы, многие девчонки устроились на работу. Яна готовилась к сдаче экзаменов на экономический факультет политехнического института в своём городе — она передумала ехать в Москву...

Фиса перебралась в столицу. Первый же экзамен в Плехановку она благополучно провалила. Зато скоростно вышла замуж за московского предпринимателя, родила двоих детей. Сейчас Анфиса — жена известного в деловых кругах человека, живёт в хорошем доме в пригороде столицы, дети выросли и учатся в Европе. Их общая подруга по просьбе Фисы регулярно докладывает Яне обо всех её успехах.

Но Яна не завидует: у неё самой всё хорошо. Она окончила институт с отличием и была направлена в аспирантуру в Ленинградский университет, написала кандидатскую диссертацию по экономике и успешно её защитила. В Ленинграде не осталась, её тянуло домой. Несколько лет Яна преподавала в родном политехе, а во время перестройки подалась в бизнес. Пригодились все знания, полученные в техникуме, в институте и в аспирантуре. Её можно назвать скорее состоятельной женщиной, чем богатой: в провинции не такой деловой размах, как в столицах, однако на достойную жизнь ей с мужем и сыном хватает. Самое главное — её семейная жизнь построена на взаимной любви и уважении. Она давно простила Фису за всё, хотя желания общаться с ней нет.

В общем, обе обрели то, что желали. Засыпая, Яна Игнатовна думала: «Странно, неужели успешную Фису до сих пор терзает зависть? И какое всё-таки счастье, что меня эта участь миновала. Человек, который никому не завидует, неуязвим! И хорошо, что всё это случилось со мной в ранней молодости, когда ещё было время одуматься и всё изменить».

ПРАВДУ БАЮТ: НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Это случилось в семидесятых годах прошлого века. Однажды зимой инженер по технике безопасности Николай В. пошёл в Дом культуры на концерт всем известной и популяр-

ной вокально-инструментальной группы «Самоцветы». Для такого торжественного случая приоделся. Надел чёрный, с искоркой однобортный пиджак и узкие брюки, как у «битлов», а сверху — пальто и пыжиковую шапку. Он её недавно достал через знакомую продавщицу Центрального универмага. В Дом культуры пришёл пораньше — на людей посмотреть и себя показать, такого неженатого! Перед концертом зашёл в буфет и с удовольствием выпил стакан томатного сока. Минут через двадцать содержимое желудка Николая забурлило, закрутило и стало проситься наружу. Недолго думая, он бросился в туалет.

Дом культуры недавно ремонтировали, а в туалете двери на кабинки навесить не успели. Николай покрутился, побегал — все кабинки нараспашку стоят. Делать нечего, инженер спустил штаны и сел на унитаза. В этот самый момент в туалете появился довольно замызганный тип в старой кепке. Он подошёл к Николаю, быстро поменялся с ним головными уборами и, убегая, крикнул: «Ср... и в кепке добро!»

Не знаю, уравнило ли счастье освобождения от несвежего сока потерю новой шапки. Однако Николай, хоть и потрясённый происшедшим, решил остаться на концерте — не пропадать же ещё и билету.

На соседнем месте рядом с ним сидела миловидная девушка. Они познакомились в антракте, а после концерта девушка разрешила проводить себя домой. Всю дорогу она восхищалась спортивным видом и здоровьем Николая, в довольно сильный мороз шагавшего рядом с ней без шапки. Инженер снисходительно посматривал по сторонам, довольно улыбался и думал: «Правду бают, нет худа без добра!»

VOX POPULI (ГЛАС НАРОДА)

В начале мая 2014 года я стояла утром на остановке автобуса, который должен был доставить меня в село Молочное. Там, в Доме ветеранов, я обещала поработать в жюри по отбору лучших чтецов. Часть стихов, подготовленных на конкурс, ветераны написали сами, а часть выбрали из книг любимых поэтов.

На остановке, кроме меня, стояли ещё две пожилые женщины. Вдруг перед нами нарисовалась совершенно пьяная молодуха, огляделась и, высоко подняв сжатый кулак, гневно выкрикнула:

– Начальство в ж..у!

Остальные участники этой драмы, а с ними и я вздрогнули от неожиданности и застыли, раскрыв рты. В этот момент подошёл нужный молодухе автобус, она вскочила в него, дверь захлопнулась, и мы увидели, как она вновь подняла кулак и, обращаясь к пассажирам, громко и гневно повторила то же самое.

Автобус ушёл, и тут меня осенило: ведь именно сегодня вступил в силу городской закон об увеличении тарифов на проезд в городском транспорте. То есть нам посчастливилось слышать живой глас народа, наполненный присущим ему высоким накалом страстей и драматизмом ситуации. Это был мощный отклик на волюнтаристские действия начальства из городской мэрии.

Жаль, что начальство ничего этого не видело и не слышало.

ВОТ ЭТО СЕРВИС В ДАНИЛОВЕ!

Тридцатилетняя Наташа ехала зимой на поезде Москва – Лыбытнанги в Вологду. На остановке в Данилове она вышла на перрон с соседом по купе –дохнуть свежего воздуха и, что греха таить, выкурить по сигаретке-другой.

Как только они прыгнули с подножки вагона, к ним подошла сначала одна тётка неопределённого возраста, потом другая, и они стали настойчиво предлагать знаменитый на всю страну «даниловский лук» и местные яблоки. Насчёт лука ещё на подъезде к Данилову их предупредила проводница, ни в коем случае не брать: местные «предприниматели» закупают его в супермаркете и выдают за настоящий даниловский. Чаще всего транзитные пассажиры верят им и втридорога покупают этот товар неизвестного происхождения. Наталья с попутчиком отказались от лука, и тётки переключились на рекламу местных яблок. На это Наташа сказала:

— Да у меня в кессоне своих яблок центнер лежит!

— Это где-ита у вас? — скорчила недовольную мину одна из торговков.

— В Вологде-где! — гордо ответила Наталья. Раздосадованные тётки смолкли и шустро двинулись к следующему вагону.

Сразу за ними пробежали деловитые торговки пирожками и сладостями — популярными в Данилове вафельными трубочками со сгущёнкой, конфетами и молочным шоколадом. Они за какие-то пять-десять минут успели два раза с товаром обернуться, сбегать вдоль поезда туда и обратно.

Тем временем лёгкий снежок неторопливо ложился на асфальт, скрывая следы ушлых продавщиц. Вот уж и перрон опустел, и электровоз гукнул, предупреждая, что скоро поезд тронется, когда мимо Натальи прошла хорошо одетая дама с новой детской коляской и, не глядя по сторонам, тихо, но внятно и задушевно проговорила:

— Коньячок, пиво, водочка!

Наташа оторопело заглянула в коляску и увидела стройные ряды бутылок, слегка прикрытых от нескромных взглядов прозрачной накидкой, сквозь которую, впрочем, можно было разглядеть весь предлагаемый ассортимент.

Не дождавшись ответа, дама невозмутимо двинулась дальше вдоль поезда, всё тем же задушевым голосом повторяя:

– Коньячок, пиво, водочка!

Напоследок из-за привокзального туалета к ним вывернул невзрачный мужичок со стёртым лицом. Глядя на Наташу честными глазами, он настойчиво предложил:

– Французские духи, недорого!

И добавил с надеждой:

– А?

Путешественники засмеялись, впрыгнули в отходящий поезд и покатали в родную Вологду, взглядами провожая тёток с луком и с яблоками, торговок дешёвыми сладостями, даму с детской коляской, заряженной спиртным, и мужичка с почти французскими духами.

– Хренасе! Вот это сервис в Данилове, не ожидал! – воскрился попутчик Наташи.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Ритина племянница, тридцатилетняя Оля, недавно вышла замуж за Димку Иванова, она ещё называет его на американский манер – мой Д. Но вскоре стала с раздражением замечать, что Д. разбрасывает носки по всей комнате, ей же приходится ходить за ним и чистые убирать в шкаф, а грязные отправлять в стирку.

Желания ссориться с мужем по этому поводу у неё не было, а уговоры и даже окрики на него не действовали. Памятуя, что все мужчины – большие дети, Оля придумала игру под названием «Найди домик носочку». Она купила две корзинки синюю и красную, наклеила на них бумажки с надписями на красной корзинке «Домик для грязных носочков», а на синей – «Домик для чистых носочков». Поначалу они играли вместе, а потом Д. так увлёкся, что теперь сам с удовольствием собирает с пола бро-

шенные носки и сортирует по корзинкам. А Оля тихо радуется и думает, даст Бог, у него со временем, как у собаки Павлова, сложится динамический стереотип, то есть рефлекс на уборку, и в доме наступят чистота, порядок и благодать.

Лично я считаю, что это — гениальное изобретение, и его надо срочно внедрять в нашу жизнь во избежание домашних мелких ссор и дразг.

ХОЧУ РАБОТАТЬ!

(Разговор мамы и взрослой дочери)

- Доченька, ты где хочешь работать после университета?
- В центре города и чтобы весь день бумажками шелестеть!

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

В магазине тридцатилетняя Оля лицом к лицу столкнулась со своим бывшим одноклассником:

- Витька, ты?! Сто лет не виделись! А это сынок твой?
- Привет, Лёлька! Знакомься, мой сын Сашка, ему уже целых пять лет, взрослый мужик!
- А жена где?
- К тёще в деревню поехала, а мы тут с сыном вдвоём кантуемся.
- Ну и как, справляешься?
- А что тут сложного? Кормлю парня исправно: на завтрак — яешня, на обед — пельмени, на ужин пирогов в столовке куплю и готово дело. В разные игры с ним играю.
- В какие?
- Да я тут новую игру изобрёл, «Мавзолей Ленина» называется!

— Как это?!

— А так: я на диван ложусь и сплю, а он с деревянным ружьём в головах на карауле стоит. И оба довольны.

Оля давно так не смеялась:

— Каким ты в школе был, Витька, таким и остался! Всё делаешь, чтобы только ничего не делать, изобретатель!

НОСТАЛЬГИЯ

О любви к Отечеству сказано и написано немало. Я сама не раз испытывала острое ностальгическое чувство, когда уезжала за границу. Но настоящую память о тоске по Родине освежила мне дочка Маша, рассказав о своей недавней командировке в Сибирь.

Я, как человек, мягко говоря, взрослый, много поездивший на своём веку, очень переживала, как она за неделю объедет и облетит Красноярск, Новокузнецк, Кемерово и Новосибирск. А ведь там ещё и работать надо. Как долетит в такую даль от Москвы и обратно, где возьмёт силы, чтобы после самолёта одним днём добраться в родную Вологду на поезде?

Переживала не зря. Всё-таки Вологда по сравнению с этими гигантами — город сравнительно небольшой, уютный и спокойный. Кроме того, мы, вологжане, как истинные северяне, народ несуетливый, склонный к размеренному образу жизни. Дочка предчувствовала, что ей туго придётся далеко от дома и неожиданно для меня взяла в дорогу книжку поморских сказок Бориса Шергина, которую она любила с детства. Неожиданно — потому, что нынешняя молодёжь в руки берёт только смартфоны и планшеты, читает только в Интернете, а уж сказки не читает и подавно!

Красноярск Машу встретил дружелюбно, поразил красотой гор и Енисея, ухоженностью и почти столичным лоском. Дела пошли сразу хорошо.

В Новокузнецке тоже было много впечатлений, но совсем других. Этот город в прямом смысле слова стоит на каменном угле, даже овощи на огородах растут на угле, а угольная пыль постоянно висит в воздухе. Для Маши, страстной огородницы и приверженной деревенской жизни девушки, Новокузнецк стал олицетворением какого-то inferнального места, в котором для вологодского человека жизни нет.

Примерно такие же впечатления у неё сложились и от Кемерово. Разве что обстановку скрашивали многочисленные плакаты и растяжки с портретами и призывами к гражданам губернатора Амана Тулеева. Отечественские интонации этих призывов создавали впечатление, что она попала обратно в СССР. Кстати, Маше это даже понравилось.

Новосибирск подавил её своей величиной, многоликостью и многоголосьем, он показался вологжанке огромной перевалочной базой, стоящей на перекрестье всех путей и дорог, где в напряжённом ритме постоянного движения люди и контакты между ними намного жёстче, чем дома.

— Там, мама, даже спросить, как пройти, не сразу решишься. На тебя посмотрят, будто ты у них денег просишь! — по возвращении ёмко заметила дочь, кстати, далеко не робкая.

Маша выполнила все задания своего руководства и последние часы в Сибири думала об одном: скорее домой, в родную Вологду!

Дома, на пороге, она выронила из рук дорожную сумку, мы обнялись, и дочка сказала:

— Знаешь, на границе Ярославской и Вологодской областей нет разделительных знаков, там растут одинаковые кривые ёлки и чахлые берёзы, такие же, как у нас размытые дождём дороги, но наши всё равно лучше! Я сразу поняла, узнала, почувствовала, когда поезд пересёк эту невидимую границу! Каждая клеточка во мне пела и кричала: «Ура! Я дома!» Я была готова лечь в любую лужу и целовать мокрую глину, обнимать ёлки, берёзы и пешком бежать в Вологду и дальше, в папину деревню! А когда в поездке

мне было совсем неважно, я читала сказки Шергина, и они переносили меня домой, к тебе и к папе. Я потом их ещё раз перечитала, особенно моё любимое «Волшебное кольцо».

О РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ

Подружка моей взрослой дочери, Лида, должна скоро родить. В последние дни перед родами она записалась на курсы молодых матерей и даже пару раз сходила на занятия. На втором занятии педагог-медик ей заметила:

– Женщина, что вы сюда ходите, вам рожать пора!

Лида с возмущением рассказывала об этом Маше:

– Представь, мне эта тётка говорит: рожать пора! Какое рожать, у меня на ремонт квартиры ещё не все материалы куплены!

– Да, – смеясь, сказала я дочке, – сразу видно, Лида не знает старой русской поговорки: «Ср... да рожать, нельзя подождать!»

А впрочем, расставленные Лидой приоритеты вполне в духе истинно русского человека.

ВОЛЯ ПРОВИДЕНИЯ

Недавно я ехала по делам из Вологды в Петербург. Поезд стоит на перроне целых двадцать минут, у каждого пассажира есть билет, что называется, с местом, и всё же у входа в вагон люди всегда толпятся и немного нервничают. Когда уже объявили отправление поезда, я вошла в вагон вслед за молодым человеком в плаще и дамой с большой сумкой. Мы втроём оказались в одном купе и чинно расселись на нижних полках в ожидании проводницы. Она не заставила себя ждать. Взяла билет у меня, у дамы и повернулась к молодому человеку:

— Ваш билет, пожалуйста.

— Минутку, — ответил молодой человек и начал рыться в карманах плаща. — Странно, он у меня тут в левом кармане был, а его только что в руках держал.

— Женщины, — в расстройстве обратился он к нам, — вы же видели, подтвердите, что я не безбилетник, а я ещё поищу, — и он полез в портфель, недоумевая и ещё больше расстраиваясь от тщетных попыток найти билет.

Проводница начала нервничать. Повышая тон разговора, она предложила молодому человеку выйти из вагона, пока ещё поезд не отправился, и поискать билет: может быть, он его выронил где-нибудь по пути.

— Да как же я мог его выронить, когда он только что у меня в руке был! И вообще, вы же его у меня пять минут назад проверяли!

Проводница дошла до точки кипения и, заявив, что сейчас начальника поезда приведёт, с достоинством покинула наше купе. Молодой человек в полной растерянности метался от купе к тамбуру и обратно, но билет словно испарился. Проводница вернулась назад с начальником поезда. Проблему нужно было как-то решать. Молодой человек в отчаянии сел на полку, скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу и провозгласил:

— Я никуда не уйду. Мне срочно нужно в Петербург, у меня бизнес горит!

В этот момент мы с попутчицей одновременно заметили на подошве ботинка молодого человек какую-то белую бумажку. Каково же было всеобщее облегчение, когда этой бумажкой оказался пропавший билет! Наверное, в посадочной суете он выпал у нашего соседа из рук и упал на довольно грязный пол, а там приклеился к подошве своего владельца.

Ничего не скажешь — воля провидения! Должно быть, парню и в самом деле нужно было скорее попасть в Питер!

Непреклонный возраст

В России пенсионеры разного возраста — люди самые непреклонные, смелые, терпеливые, работающие, не поддающиеся попыткам либералов переформатировать их сознание в соответствие с западными представлениями о демократии, умеющие выживать в любых условиях и по большей части излучающие добро.

Они родились, воспитывались, жили, работали и получали закалку в советское время, в двадцатом веке. Тогда на их долю выпали жесточайшие испытания: две революции (перестройку я тоже считаю революцией) и три кровопролитные войны: Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная. Причём после каждой войны и революции наша страна обнуляла время своего развития, начиная строить и жить на пустом пепелище заново. Наши пенсионеры — родители, бабушки и деды, вновь отстраивая свой мир, — переживали смертельный голод, холод, их пытались уничтожить собственные правители и внешние враги. Не думайте, что на нас давят извне с такой силой только сейчас, так было всегда, с момента появления государства Российского на карте мира: уж очень лакомый кусок российские просторы и недра для всех наших «партнёров», будь они неладны.

Однако мы всегда поднимались из пепла и возрождались, каждый раз становясь сильнее, чем прежде. Надеюсь, что так будет и сейчас. Наши пенсионеры несут с собой в двадцать первый век и передают детям и внукам необыкновенное жизнелюбие и непреклонность, способность противостоять всем и всяким бедам и врагам. По своим родителям знаю, что старики живы за счёт прошлых духовных накоплений, постоянно сравнивают прошлое и настоящее, ворчат, но стремятся догонять время, полноценно участвовать в новой жизни. Они стараются не разочаровываться, а идти вперёд, учиться понимать молодых и помогать им, искать применение своим знаниям и силам, хотят работать.

Нашим старикам и пожилым людям посвящается этот раздел с желанием показать читателям, что и в прошлом, и сейчас в их жизни было много простой, обыкновенной радости, доброты и сострадания.

*Записано со слов моей матери,
Марты Васильевны Андреевой*

ДВЕ ЖИЗНИ

Кмоей маме несколько лет назад обратились журналисты из железнодорожной газеты «Северная магистраль» и попросили её, как участника войны и ветерана труда, написать о себе небольшую статью по случаю Дня Победы. Мама написала короткие заметки, мы с ней их обсудили и дополнили, а статью назвали «Две жизни».

Недавно мама была на приеме у лечащего врача.

— На что жалуетесь? — спросил он.

— Да ни на что не жалуюсь. Что толку в жалобах? На днях у меня был юбилейный день рождения, мне исполнилось 85 лет. Поздравляли родные и близкие, коллеги по прошлой работе, знакомые, даже глава Вологды неожиданно прислал мне поздравление с наилучшими пожеланиями. Он благодарил меня за проявленное мужество в годы войны и за самоотверженный труд на благо Родины, а на конверте было написано: «Ветерану Великой Отечественной войны Андреевой Марте Васильевне». Получается, что меня и помнят в основном как ветерана войны.

Как у большинства людей моего поколения, война оставила во мне глубокий след, разделивший всю мою жизнь пополам. Так и делю её на две части: военную и мирную. Война — это тяжкое бремя, и тяжесть её не только в боях, в бомбежках и

длительных переходах. Подчас труднее терпеть голод и жажду, мерзнуть ночами под открытым небом осенью и зимой, мокнуть во время дождей. На фронте никто не делает различий между мужчинами и женщинами, спрос с тех и других одинаковый. Война — это ещё и тяжелый физический труд, и страх неожиданной смерти, да много чего еще. Тогда нас спасала молодость и бесшабашность.

Военная моя жизнь началась в 1941 году, когда мне исполнилось 15 лет. В то время мы с мамой жили на Украине, в городе Николаеве, где я окончила первый курс Николаевского кораблестроительного техникума. Уже все знали, что война будет, и молодежь, как могла, готовилась к ней: мы рыли окопы во дворе техникума, ходили с противогазами, носили значки «Ворошиловский стрелок» на лацкане форменного пиджачка.

Помню, пелось в простенькой народной песне: «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война!» Сразу развернулась эвакуация николаевских кораблестроительных заводов, вместе с техникой по железной дороге вывозили инженеров и рабочих. Мы съехали на Волгу в город Горький, теперь это Нижний Новгород. Эшелоны в пути постоянно бомбили немцы, но через две недели мы все-таки добрались до места. Мой старший брат, Юрий, и я работали в прокатном цеху в пригороде города Сормово. Завод срочно переоборудовался под выпуск танков.

24 января мне исполнилось 16 лет, и я по путевке райкома ВЛКСМ стала красноармейцем. Через два с половиной месяца военной подготовки я уже умела ходить в строю, стрелять из карабина и выучилась на радиста-оператора второго класса. Мне присвоили звание сержанта. Работа радиста очень ответственная, особенно когда ищешь в эфире среди сотен других сигналов нужную тебе радиостанцию, чтобы не пропустить передаваемый именно тебе сигнал. По принятым сообщениям командир решал судьбы солдат и судьбу боя: идти в атаку, ждать помощи танкистов или авиации, а может быть, нужно направить баталь-

он в помощь рядом воюющей части. Если нужно, то радист передавал сообщения своего командира другому радисту, который слушал и, может быть, ждал далеко, где-нибудь в пятидесяти или трехстах километрах, там, где эта информация была нужна. Такую работу я уже вела в Горьком, где немцы каждую ночь бомбили наши заводы. В 1942 году я служила в войсках противовоздушной обороны, защищавших Москву. 1943 год прошел в боях за Белоруссию. В 1944 году с войсками прошла от Вильнюса до Пруссии. Победный май 1945 года встречала в освобожденной нашими войсками Польше.

Я расскажу вам всего три случая из моей военной жизни (больше в короткой статье не уместить). Они — не героические, но поразившие меня, тогда неопытную в жизни и в ратном деле девчонку.

Помню, где-то под Смоленском подали состав с пополнением. Полк выгрузился, построился и сразу пошел в бой, солдаты — одни восемнадцатилетние мальчишки. К вечеру от полка осталось двенадцать человек...

Один раз осколок артиллерийского снаряда (смотрели, задрав головы вверх, как идет ночной бой в небе) задел мне кончик носа и врезался в ботинок на ноге.

Однажды немецкая двухсоткилограммовая бомба, просверлив дом, в котором мы ночевали, прошла через четыре этажа, упала в подвал и не взорвалась.

Всего три случая. За одним стоят жизни почти девяносто человек, за двумя другими — моя собственная жизнь и моё везение. Кстати, ранений я тоже не получила, Бог миловал, хотя из трёх с половиной лет, которые я была на войне два чистых года, по сведениям военкомата, находилась во фронтовых войсках, и случиться могло всякое.

Но даже если вы уцелели и у вас не осталось видимых увечий, война переворачивает всю вашу последующую жизнь, она входит в вас и остается навсегда — болью, воспоминаниями, ночными кошмарами, болезнями, другим будущим, не тем, о ко-

тором вы мечтали. Навсегда остается «водораздел» до и после, и ничего с этим не поделаешь.

В мирной, второй моей жизни было всё просто: муж – военный (мы нередко переезжали с места на место), родила троих детей, вырастила и, как говорится, вывела в люди. Заочно окончила педагогическое училище, затем педагогический институт, отработала 34 года в школах страны, пройдя путь от пионерской вожатой в 1947 году до директора средней школы. Старалась трудиться так же, как все в то время. Последние двадцать пять лет работала в железнодорожных школах города Вологды. Была заведующей швейной мастерской в интернате № 1 СЖД, воспитателем, старшим воспитателем, учительницей истории, директором школы № 8 СЖД.

Служба в Советской армии и педагогическое образование дали мне многое: понимание общей обстановки в стране, умение найти главное в своей работе, умение твердо идти к цели и доводить дело до конца, всегда брать на себя ответственность за порученное дело и за людей. Будучи директором школы, всегда считала нужным воспитывать у детей любовь к малой родине, учить их быть патриотами своей страны. Поэтому большое место в моей работе занимала профессиональная ориентация детей на получение железнодорожных профессий в Вологодском железнодорожном техникуме и в московских вузах. В школе были организованы группы девушек, которые в течение учебного года получали профессии кассиров, проводников и связистов. Совместно с военруком мы закладывали в школе навыки военной подготовки. Считаю, что именно вследствие этой работы сейчас в нашей школе есть кадетские классы, где девушек и юношей готовят к поступлению в Череповецкое высшее училище связи.

В 85 лет я продолжаю трудиться там, где могу, – на любимой даче. На своих четырех сотках выращиваю овощи, ягоды, яблоки. Все делаю сама: ремонтирую дачный домик и забор, убираю мусор, да мало ли работы на даче! А еще я дружу с окру-

жающими меня людьми и всегда готова поделиться с ними своими знаниями, опытом и воспоминаниями, то есть всем, что у меня есть.

Ваша,

Марта Васильевна Андреева,

участник Великой Отечественной войны,

бывший директор железнодорожной школы № 8 города Вологды.

P.S. Сейчас моей маме девяносто три года, но она по-прежнему, хоть и с палочкой, ездит в деревню к зятю, работает там по мере сил, делает заготовки овощей и ягод на зиму, а потом раздаёт соседям, друзьям и просто старым людям, которым, как она считает, живётся плохо.

ПАМЯТЬ СТАРЫХ ФОТОГРАФИЙ

(Разговор с отцом

Александром Андреевичем Андреевым)

Давно пора разобрать фотографии, которые годами лежат в целлофановых пакетах и кучками засунуты в переполненные старые альбомы. Они стареют, как люди: у карточек засыхают и горбятся уголки, появляются трещины-морщинки, выцветают и желтеют давно снятые родные лица. Кажется, они глядят из прошлого с затаённой грустью и осуждают меня за небрежение и слабую память.

Простите меня, дорогие: как и все немолодые люди, я много сучусь, занимаюсь будничными делами, устаю, болею и просто ленюсь. Простите!

Папа, мой семейный альбом начинается с твоих фотографий. Я смотрю на тебя и думаю: как же мало внимания я тебе уделяла, как не ценила наши встречи и разговоры, не старалась

понять тебя и если любила, то скорее бессознательно, как любят все дети своих родителей! А ведь я очень похожа на тебя, и чем больше размышляю об этом, тем больше нахожу сходства и понимаю, какой ты для меня дорогой человек: был, есть и остаёшься.

Сегодня я разложила твои снимки на столе и вспоминаю всё, что ты рассказывал мне. Вот передо мной самая ранняя твоя фотография, вернее, не только твоя; это большой общий снимок подростков, собранных из самых дальних уголков Вологодчины и привезённых в начале тридцатых годов на слёт первых пионеров. Ты – во втором ряду, в центре, единственный в пионерском галстуке, гордый и исполненный сознания важности происходящего.

Кстати, я храню снимок, запечатлевший день, когда меня принимали в пионеры. На нём у меня точно такое же выражение лица, как у тебя. Только у тебя на груди ситцевый галстук, а у меня – шёлковый.

На фото вы все такие худенькие и одеты очень бедно: в самодельные рубашки, курточки и пальтишки, перелицованные и перешитые из поношенных вещей старших братьев и отцов. У большинства мальчиков на головах – старопрежние картузы, девочки – в платочках. Только у немногих городских детей на головах – кепки и шалочки. Ты мне рассказывал, что родился и вырос в деревне Павлово Рослятинского уезда. Дедушку Андрея Логиновича Андреева, как самого бедного крестьянина в деревне, после революции назначили председателем только что созданного колхоза. Ну, а ты, сын председателя, стал первым пионером.

Следующая фотография переносит меня в август 1936 года. На ней ты и несколько сельских пареньков из Тотмы, Никольска и Рослятина. Вы направились поступать в военное училище в Ленинград, по дороге остановились в Вологде и зашли сфотографироваться на память. Кто-то из вас робеет, но храбрится, другие полны предвкушения новой жизни в большом городе. Тебе двадцать два года, ты взрослый по тем временам человек,

школьный учитель. Учитель тогда был уважаемым человеком на селе. На тебе новая одежда — признак того, что ты, как сельский интеллигент, немного лучше обеспечен, чем твои товарищи и занимаешь видное положение в обществе.

Боже, как давно это было! Но чем дальше мы расходимся с тобой во времени, тем дороже ты мне становишься. Странно, но мы и удаляемся друг от друга, и одновременно сближаемся. Я всё дальше ухожу от тебя по тропе времени, но догоняю по возрасту. Через какой-нибудь десяток лет мне стукнет столько же, сколько было тебе в 1992 году, когда твоё время остановилось.

Вот три фотографии 1937 года. На них ты уже курсант 1-го Ленинградского Краснознамённого военного пехотного училища имени С. И. Кирова. Как идёт тебе военная форма! Ты ждёшь каких-то больших испытаний, хочешь стать героем, но тебе ещё неизвестно, будет ли Финская война. И ты пока не представляешь, как это — воевать, убивать врагов и замерзать в окопах на линии Маннергейма. Всё это ещё впереди.

А на этом снимке у тебя такое нежное, прекрасное мальчишеское лицо: сияющие чистотой глаза, пухлые, словно рисованные губы, густые прямые брови, чуть приподнятые над переносицей домиком. В сочетании с гладкой молодой кожей у глаз, чистой линией скул и подбородка, с мягкой волной волос надо лбом они придают тебе мечтательное выражение. В двадцать два года я была удивительно на тебя похожа, только то, что в тебе как в мужчине было прекрасно, мне как женщине это не очень шло. У меня тоже были широкие брови, которые я потом выщипала, повинаясь моде. Твоя линия подбородка утяжеляет моё лицо и делает его излишне волевым. Во мне слились признаки двух сильных характеров — твоего и маминого, и это всегда отпугивало от меня кавалеров, а по мере взросления — мужчин. Многие говорили, что побаиваются меня. А я тогда не понимала, чем я хуже других девчонок.

Мне особенно нравятся два групповых курсантских снимка. На одном вы стоите с ребятами в чистенькой форме, бравые,

подтянутые, правая рука у всех упирается в бок, что ещё больше подчёркивает ваше задорное настроение, а посередине сидит парень с баяном и разводит меха. Вы улыбаетесь весело и открыто, готовые хоть сейчас идти в бой. На второй фотографии — те же лица, но вы уже выпускники училища, на головах — будёновки, в руках — наганы. Вы явно немного выпили «для куражу», и вас выдают предательски блестящие глаза. А ты, как всегда, — в центре, и я думаю: тебя любят и уважают товарищи. Ромбы на воротнике показывают, что ты уже младший командир. С 1937 года и до своего последнего дня ты всегда оставался командиром, отвечал за других людей, первым шёл в бой.

У меня под рукой две пожелтевшие газетные вырезки, ты хранил их с 1938 года. На первой — фотография шести курсантов-отличников, с левой стороны стоишь ты с другом Серёжей Стёпушкиным. А вот снимок, о котором ты мне рассказывал. К вам в училище приезжал заслуженный артист республики, орденосец, Николай Константинович Черкасов. К тому времени он уже снялся в «Депутате Балтики», «Детях капитана Гранта», «Острове сокровищ» и «Петре I». Публика его обожала, и вы, курсанты, тоже им восхищались. Черкасов — высоченного роста. Ты и ещё два курсанта идёте с ним по лесной тропинке (наверное, у вас были учения) и о чём-то весело разговариваете, смеётесь. Черкасов шутит, смотрит на букет полевых цветов, который вы ему подарили, и улыбается. Ты говорил мне, что великий артист запомнил вас и пригласил сниматься в массовке фильма «Александр Невский». Вы с друзьями участвовали в съёмке Ледового побоища на Чудском озере. Ты ещё удивлялся, что зимний бой на озере снимали на Дворцовой площади в Ленинграде, и лёд был сделан из картона.

Жаль, что про Финскую войну мы с тобой почти не разговаривали. Помню только, как ты однажды с улыбкой сказал мне:

— Знаешь, почему я остался жив на Финской? Потому что я маленького росточка. Всех дылд сразу снайперы перещёлкали, а меня из окопа не видно было.

Как всегда, шуточкой отделался.

Есть ещё одна фотография твоего друга, сделанная в 1940 году. На ней стоит молодой командир взвода с офицерской сумкой-планшетом, в пилотке и в форме, явно побывавшей вместе со своим хозяином на фронте. В нём нет лихой весёлости и задора курсантских лет, а во взгляде чувствуется опыт воевавшего человека. На обороте читаю: «На память другу Сашке от Кольки, город Онега, октябрь 1940 года», подпись. И всё. А сколько за этими скупыми словами стоит пережитого, знали только вы двое да ваши товарищи, не вернувшиеся из боёв.

Папа, я раскладываю твои фотографии по годам и местам, следуя поворотам твоей армейской судьбы. Ты сам почему-то никогда не рассказывал о военном прошлом. Если я задавала вопросы, переводил разговор на другую тему или вспоминал какие-то забавные истории. Я очень жалею, что никогда толком не поговорила с тобой, не расспросила о жизни и о войне. Впрочем, спустя годы, я поняла, что солдаты Великой Отечественной войны вообще не любят рассказывать о том, что им действительно довелось пережить. И всё же ты однажды обмолвился, что в партизанском отряде, одном из тех, в создании которых ты принимал участие в 1943 году на Брянщине, в Сеще, зимой вы часто спали на снегу, ложились на одну полу полушубка, а другой закрывались. Меня поразило, что при такой жизни вы почти не болели, не простужались. Но это, конечно, было не самое главное.

Много позже будет написана повесть Овидия Горчакова и по ней в семидесятых годах снимут знаменитый фильм «Вызываем огонь на себя» о партизанском движении в Брянских лесах. Впервые на телевидении он появится в 1965 году. Не от тебя, а из книги бывшего партизанского комбрига Фёдора Семёновича Данченкова я узнаю, что ты был командиром роты, а потом батальона 1-й Клетнянской партизанской бригады, что тебя за отвагу и весёлый нрав друзья называли Сашкой-партизаном. А в фильме будет эпизод, в котором партизаны обнаруживают и уничтожают дом отдыха гитлеровских лётчиков-асов. В этой

дерзкой операции принимал участие и ты! После показа фильма к нам придет твой товарищ из партизанского отряда, и вы будете долго вспоминать Сещу, Ф. С. Данченкова, связную Аню Морозову и других ребят. Тебе будут звонить твои соратники из Брянска, Минска и Киева, и, пока сможешь, ты будешь ездить туда отмечать вместе с ними День Победы. А я буду ужасно гордиться тобой и удивляться, как мало я о тебе знаю.

Ты рассказывал мне только об одном случае из своей партизанской жизни, над которым всегда смеялся (опять не боевой, но всё-таки показательный эпизод). Однажды зимней ночью 1943 года ты вышел из лесу в деревню добыть у колхозников каких-нибудь продуктов. Вы часто недоедали тогда — снабжение партизанских отрядов на оккупированной территории было делом трудным и нерегулярным. Ты пробрался в деревню, в которой стояли немцы, и тихо зашёл в одну избу. Тебе дали решето яиц. По дороге назад ты нос к носу столкнулся с немецким солдатом, который тоже ходил по деревне в надежде найти что-нибудь съестное. И у него в руках тоже было решето с яйцами. Вы стояли друг против друга с автоматами за спиной и занятыми руками. Вы застыли на время, глядя друг другу в глаза, а когда поняли, что ни один из вас стрелять в таком положении не может, разбежались в разные стороны. На войне всякое бывало! Каждому хотелось жить, а голод не тётка! И враг порой обретал человеческое лицо.

На фотографии 1945 года ты стоишь, опираясь на спинку кресла, в каком-то красивом доме освобождённого от фашистов польского города Легница (немцы называли его Лигниц). Ты — майор, помощник коменданта этого небольшого города. Какой щегольской и бравый у тебя вид! Ты в новеньком кителе, брюках галифе и в новой фуражке со звёздочкой на околыше. Начищенные до блеска хромовые сапоги собраны в лихую гармошку. На груди — орден Красного Знамени и медали. Ты ещё молод, но война уже стёрла улыбку, которая раньше пряталась в уголках рта. Я читаю в твоём лице отчаянную смелость. Не

удивительно, ведь за твоими плечами — Финская война, партизанское движение и бои на Белорусском фронте. Я унаследовала твоё упрямство и напористость, а твоя храбрость преобразовалась во мне в безрассудство. До сих пор, если у меня на глазах творится несправедливость или нечто выходит за рамки дозволенного, в душе закипает протест, и я без раздумий бросаюсь на защиту правого, с моей точки зрения, дела.

А ещё во мне живёт твоя любовь к аккуратности, щегольству. По фотографиям видно, что тебе нравилось носить военную форму. Должно быть, тебя привлекала чёткость и продуманность линий, органичное сочетание удобства и соответствия функциям, которые выполняет военный человек. А как она подчёркивала твою мужественность! Я всегда удивлялась, откуда в тебе это щегольство, этот офицерский шик, ведь ты деревенский парень из самой бедной семьи.

Шёл 1949 год. На фото — подмосковное село Ашукинское, в котором мы жили всей семьёй после окончания войны и по возвращении из Польши, где родились мы с братом Сашей. Тебя как боевого офицера, орденосца и командира направили учиться в московскую военную академию имени М. В. Фрунзе. На фотографии мы все вместе — ты, мама, я и брат — сидим на одеяле в огороде нашей хозяйки среди кустов смородины и капустных кочанов. Вы с мамой молодые, красивые и очень худые — время было голодное. Ты, как всегда, в форме, на маме надето чёрное платье с кружевной вставкой впереди. Мы с Сашей тоже худющие, смотрим исподлобья.

Дальше была твоя учёба, новое звание — подполковник — и переезд в Архангельск. Жизнь в одном из барачных домов на окраине, за которой простирались безлесные торфяные болота — предмет неустанного интереса детей военных, живших в этих домах.

Архангельских снимков много. Я их рассортировала на летние фотографии и зимние. Северяне ценят каждый день лета, особенно такого короткого, как в Архангельске, поэтому спе-

шат получить от него как можно больше солнца и удовольствий. Вот и мы вместе с другими семьями офицеров отдыхаем за городом, в Чёрном Яру. Я точно не помню, где это, но знаю, что Черный Яр находился в перелеске на высоком берегу Северной Двины. Вокруг скатерти с едой и напитками, разложенной на траве, сидят взрослые, и тут же играют дети. Ты немного пополнел, но всё ещё стройный, загорелый, спортивный и крепкий. Вы пьёте и едите, разговариваете, смеётесь. Ты очень любишь эти выезды на природу: бывшему крестьянину тесен и малопривычен город, в котором почти нет ни деревьев, ни травы. Ты постоянно испытываешь потребность во встречах с товарищами, в простом, весёлом разговоре, в движении на воздухе: летом это игра в волейбол, зимой — лыжные соревнования. Ты мне потом рассказывал, что в ранней молодости вы с друзьями могли на лыжах дойти от Рослятина до Никольска, а это немногим меньше сотни километров. Во время поездок в Чёрный Яр я впервые поняла, что вы с мамой не ладите, и очень расстраивалась из-за этого. Почти на всех снимках того времени у меня грустное или насупленное лицо. Много позже пришло осознание, что вы с мамой были очень разными людьми. Обладая сильными характерами, вы неизбежно спорили и ссорились. Во время ссор я всегда была на маминой стороне. Прошло много лет, прежде чем я смогла понять тебя и простить за причинённые маме обиды. Мне довелось много ошибаться самой, успешно и безуспешно исправлять свои ошибки, переживать собственные неудачи и разочарования. Счастье, любовь и семейная жизнь — это не только радость, но и огромный труд, требующий терпения и готовности идти на уступки. В молодости это понимают не все.

В 2010 году я встретила свою бывшую одноклассницу Нину из Грязовца, где мы вместе учились когда-то в четвёртом классе. Она рассказала мне историю, которая навсегда отбила у меня охоту судить сгоряча, сделала мягче и добрее к тебе и вообще к старшему поколению. Отец Нины вернулся с войны инвалидом, он перенёс несколько контузий и, когда боли становились невы-

носимыми, пил, дико кричал и дрался. Жена и дети прятались от него у родственников и соседей. Нина ненавидела его тогда всей душой. Однажды зимой он в очередной раз напился так, что ноги не держали. Грязовец невелик. Нина знала, где проводит время отец, и ждала его на улице. Она видела, как он вышел от собутыльников и упал, как поднимался, снова падал и звал на помощь. Мать была в это время на работе, поэтому десятилетней Нине с двумя младшими братьями пришлось взвалить его на детские санки, чтобы не замерз, и везти по обледеневшим мосткам домой. Санки то и дело соскальзывали с мостков и увязали в глубоком снегу. Вытаскивать их из сугробов с каждым разом становилось всё труднее. Нина плакала, а мальчишки ругали отца на чём свет стоит. В это время мимо проходил военный в папахе и длинной шинели. Нина узнала тебя. Ты рывком вытащил санки на твёрдую дорогу и спросил Нининога отца:

— Где воевал, солдат?

Это подействовало на пьяного отрезвляюще. О чём они говорили и долго ли, Нина не помнит, но хорошо и на всю жизнь усвоила твою последнюю фразу:

— Не обижайтесь на отца, ребята, это война в нас до сих пор стреляет.

В Архангельске ты часто фотографировался со мной и с братом. Мама говорит, что ты всегда любил маленьких детей. Я думаю, что эта любовь к малышам коренится в твоём деревенском детстве. Тогда ведь как в деревне жили? Матери рожали детей почти каждый год, но им приходилось много работать и в доме и в поле, а младенцев отдавали в руки бабушек и старших детей. Ты в семье был старшим, значит, постоянно нянчился с младенцами и научился любить их. Да и можно ли их не любить? В нашей семье в 1955 году родится моя младшая сестрёнка Лена. Ты будешь обожать её, нянчить и носить на руках так же, как когда-то нас с Сашей. А тогда летом в Архангельске мы с тобой ходили на пляж в черте города купаться в Северной Двине. На фотографии, которую я держу в руках, ты сидишь на тёплом пе-

ске, светит солнце и с тобой рядом — мы с Сашей. На другом снимке ты стоишь в воде с братом и держишь его за руку. Вы оба в мокрых трусах, грудь колесом и у вас геройский вид, хотя Сашка докупался до синевы, даже на фото видно, как он стиснул зубы, чтобы они не стучали от холода.

В 1956 году тебя перевели по службе командовать полком в Вологодскую область, в посёлок, который назывался «город Грязовец». У меня мало фотографий той поры. На одной из них ты стоишь у штаба. И одноэтажный штаб, и клуб, и казармы в полку — деревянные. Полковые постройки отделяются от финских домиков, в которых живут старшие офицеры, высоким деревянным забором. На тебе — зимняя полковничья форма: длинная серая шинель, погоны с тремя звёздами и папаха с кокардой. Ты уже зрелый человек, тебе сорок два года, и на пополневшем лице лежит отпечаток этих лет, а в глазах кроется печаль солдата, прошедшего войну. В Грязовце ты всегда очень занят: полк — это огромное хозяйство, это масса людей, за которых ты отвечаешь. А мы с братом и сестрой растём и тоже требуем внимания. Зимой ты ходишь с нами на лыжах в лес, а летом мы всей семьёй отправляемся на юг, в солнечный городок Генчешек на мелком Азовском море. Безоблачные, полные безмятежного покоя дни, проведённые с тобой и с мамой на юге, — одни из самых счастливых дней моей жизни. Такого ощущения целостности нашей семьи, родственной близости и в то же время такой внутренней свободы и радости я больше не припомню.

Не берись оценивать то, что произошло потом. В 1960 году началось сокращение Советской армии, её уменьшили на треть, уволив почти всех офицеров-фронтовиков. Ты был отправлен в запас «с правом ношения военной формы одежды». Ты переживал это событие тяжело, страдая не только за себя, но и за соратников, за армию в целом, в которой остались молодые, не обстрелянные офицеры и новобранцы-солдаты. В то время ты был полный сил сорокашестилетний мужчина, блестящий офицер, прекрасный военный специалист. Ты досконально знал

военное дело — и вдруг стал не нужен своему государству, которому ещё совсем недавно преданно служил. Думаю, что ты так и не оправился от этого удара. Потрясение было столь велико, что со временем привело к тяжёлой болезни, которую ты уже не смог победить.

Мы уехали из Грязовца в Вологду, на семью из пятерых человек тебе дали квартиру с двумя проходными комнатами и пятиметровой кухней. И началась твоя жизнь на гражданке. После командования полком тебе предложили работу директора маленькой обувной фабрики, на которой ремонтировали старую обувь и шили немного новой. Ты был так потерян, что не искал ничего другого. Но оказалось, что и на гражданке есть жизнь. Тем более что на обувной фабрике трудились в основном инвалиды войны: контуженные, безногие, иногда сильно пьющие, но близкие тебе по духу люди, которые сразу тебя приняли и до конца называли Батей. Это помогло смириться с новым положением.

Потом тебя выбрали председателем Вологодской секции ветеранов войны, ты пробыл на этом посту больше десяти лет. У меня хранится несколько снимков заседаний вашей секции. Вы собирались обычно в областном краеведческом музее или в городском комитете комсомола. На одном групповом снимке ты скромно стоишь с краю рядом с Героем Советского Союза А. Морщининым, уважаемым и любимым тобой. А вот фотография, на которой восемь ветеранов с молодыми комсомольцами инсценируют партизанскую встречу в лесу у костра. Ты сидишь на толстом чурбаке, как будто на пеньке, протянув руку к «костру», и рассказываешь, как всегда, что-то смешное, потому что все улыбаются. Ещё на одной фотографии ты выступаешь со сцены на празднике, посвящённом Дню Советской армии. Ты при полном параде: в полковничьем кителе, в галифе и начищенных сапогах, при орденах и медалях. Орден и медалей так много, что они едва помещаются на твоей груди. Позади тебя сидят ветераны, а рядом с

тобой — девушка, явно комсомольский работник, и тоже что-то говорит публике.

Твоя общественная работа не сводилась к собраниям и выступлениям перед молодыми людьми, хотя и это само по себе было очень важно. Вологодские ветераны шли к тебе со всеми своими бедами и проблемами. И ты помогал им. Многие получили новые квартиры или улучшили жилищные условия благодаря твоим хлопотам. Кому-то ты помогал собрать необходимые документы, кому-то — «выбить» прибавку к пенсии. Ты просил и хлопотал за всех, кроме себя.

Постепенно ты привык к новому образу жизни и к новым людям вокруг. Помимо фабричных дел и общественной работы, у тебя было три любимых занятия: поход в лес за грибами, рыбалка на ближайших речках Вологде и Комёле, обустройство любимой дачи.

Лес — это отдельная тема, тут твои и мамины интересы всегда совпадали, таких страстных грибников, как вы двое, — поискать! Никогда не забуду, как ты радовался, когда находил белый гриб. Ты сначала танцевал рядом с ним цыганочку, потом срывал и целовал крепкую шляпку. И вы с мамой соревновались, кто больше грибов наберёт. Мама всегда обгоняла тебя, брала количеством. Наученная собирать грибы на своей родине, в Подмосковье, она складывала в корзинку все съедобные грибы: кубари, лисички, сыроежки, волнушки, путники и подберёзовики, а также жёлтые и чёрные грузди, даже свинушки. У вас в Рослятине всегда брали только белые, красноголовики (так ты называл подосиновики), грузди и рыжики, а остальные грибы презрительно обзывали «собачьей губой» и оставляли в лесу. Поначалу собранные мамой грибы ты не ел, но потом распробовал, потому что она готовила превосходно. Вот передо мной снимок, на котором ты сидишь счастливый, как ребёнок, на полянке в траве рядом с молодыми ёлочками и показываешь нам два больших белых гриба.

Ты был очень фотогеничным, папа, и тебя часто снимал замечательный вологодский фотограф Абрам Наумович Бам,

который любил ветеранов войны. Однажды он пришёл к нам домой сфотографировать тебя для газеты или какого-то стенда. В тот день я приехала из Тарногского Городка домой: начались школьные каникулы. Это был 1968 год. На снимке Абрама Наумовича мы сидим с тобой на диване лицом друг к другу и смеёмся. Я рассказываю о своей работе в тарногской школе, а ты вспоминаешь, как когда-то работал в школе рослятинской. По твоему лицу видно, что ты рад моему приезду. Тебе уже пятьдесят четыре; всего пятьдесят четыре года. Ты выглядишь хорошо, и ничто, как будто, не предвещает проблем со здоровьем.

Это случилось через девять лет, в 1977 году. Однажды ты неожиданно рано вернулся домой. Я открыла дверь и увидела, что ты стоишь на одной ноге, держась за дверные косяки, покачиваясь и пытаясь что-то сказать. Я решила, что ты пьян, и сухо сказала:

— Заходи, — а потом вернулась в комнату.

Прошло несколько минут, я слышала, как ты с трудом сажусь на скамеечку в нашей тесной прихожей, как разувался, с шумом вставал, и с раздражением думала: «Ну надо же, так крепко днём выпил, сейчас пойдут разговоры на повышенных тонах, неудовольствие всем и вся!» Но когда ты не вошёл, а впрыгнул в комнату на одной ноге и всё безуспешно пытался что-то сказать, я поняла, что выпивка здесь ни при чём. К счастью, меня в институте немного учили медицине и тогда, глядя на твои неуверенные движения и похожее на маску лицо, я догадалась, что у тебя случился инсульт. Как ты в таком состоянии дошёл до дома, как поднялся на четвёртый этаж и остался жив, я до сих пор не понимаю. Видимо, только человек с невероятной волей, годами смотревший смерти в лицо, мог преодолеть и это. Я вызвала скорую помощь и тебя увезли в военный госпиталь. Приходивший к нам потом военврач говорил, что ты выжил только чудом.

В то время тебе было шестьдесят три года. Я не помню, чтобы до этого ты когда-нибудь болел, лежал в постели или пил таблетки. В тебе от природы было заложено могучее здоровье,

твоя мать прожила девяносто лет, а бабка — сто пятнадцать! И если бы не войны, невероятные физические и душевные перегрузки, которые ты испытал, если бы не горькое расставание с армией, ты мог бы жить и жить. Ты прожил ещё пятнадцать лет, ещё пятнадцать лет боролся с инсультом, а потом с диабетом — осложнением после инсульта. У тебя был коварный диабет второго типа, не требующий инсулина, но медленно разрушающий человека, гангреной съедающий ноги. Ты перенёс несколько операций, прежде чем обезножил совсем и уже мог только сидеть на своём диване поближе к ванне и туалету. Эти годы дали тебе нелегко, особенно если помнить, какой ты прежде был весёлый, компанейский и подвижный человек. И маме они дали тяжко. Ей приходилось ворочать, обмывать и переодевать твоё неподъёмное тело, сносить твои капризы, готовить тебе особую еду и убирать за тобой.

А под конец Господь даровал тебе последнюю настоящую радость: у тебя появились ещё две внучки — моя дочка Маша и Леночкина дочка Соня. Передо мной лежат два последних твоих снимка при жизни. Мы пришли к тебе и к маме в гости, наверное, седьмого ноября. По этому случаю ты надел свой полковничий китель с орденами и сидишь на диване в окружении малышни. Маше — четыре года, а Соне — годик. Девочки смешные и прекрасные. Маша держит Соню на руках, а ты смотришь на них с такой нежностью, что сердце замирает. У тебя постаревшее, измученное лицо, но в глазах светится радость. Ты как будто вернулся в далёкие годы, когда жил в большой деревенской семье и нянчил своих меньших братьев и сестёр. И я точно знаю, что своим детям — мне, Саше и Лене — ты передал способность любить, которую унаследовал от родителей, северорусских крестьян. Низкий тебе поклон за это и за любовь, которой ты одарил нас!

НАС ВСТРЕЧАЮТ ПО ОДЕЖКЕ

Моей тётушке Августе — девяносто два года, она ходит с палочкой, но, несмотря на болезни, ведёт активный образ жизни и всё, что может, делает сама. Как старая и опытная хозяйка, она любит ходить на рынок присматривать то, что ей нужно, а то и просто полюбоваться обилием фруктов, овощей, мяса и рыбы.

Тётушка — от природы миниатюрная женщина, а к почтенному возрасту стала ещё меньше, как говорят в народе, утопталась и похудела. Так что если не знать её железной воли и нестигаемого характера, вполне можно принять её за немощную, слабую старушку.

Одеваться на рынок как-то по-особенному она не считает нужным. Вот и на этот раз она отправилась туда в дачной одежде: в старых, выдавших виды брюках и в такой же старой курточке, а на голову надела заношенную хипстерскую чёрную шапочку своей младшей внучки. Ничего другого под рукой не оказалось. В общем, вид у неё в этом «прикиде» был самый жалостный.

На рынке тётя Густя подошла к мясному ряду и долго стояла около одной торговки, разглядывая товар. Торговка понаблюдала за ней и сказала:

— Чё, баушка, мяса на супчик хочешь взять?

Тётя Густя кивнула и показала на небольшой кусок говядины с косточкой.

— Бери, бери, баушка! Я это мясо по двести рублей продаю, а тебе отдам за сто пятьдесят! — в её голосе звучало искреннее сочувствие и удовольствие от того, что она может помочь старому больному человеку. Она внимательно посмотрела на Густю и дрогнувшим голосом добавила, — а на остальные пятьдесят купишь себе хлебушка!

Тётя ошеломлённо посмотрела на продавщицу, молча расплатилась, забрала покупку и двинулась к выходу, обуреваемая

самыми разными мыслями и эмоциями. Рассказала она мне эту историю по телефону сразу, как вернулась с рынка. Надо было срочно поделиться новыми впечатлениями.

– Представляю, что было бы с этой продавщицей, узнай она, что твоя пенсия участницы войны больше, чем зарплата у многих людей! – засмеялась я.

Тётя Густя помолчала и сказала:

– Подумать только, она меня за нищую приняла! Я сначала расстроилась, а потом подумала и решила, что теперь всегда на рынок буду внучкину шапку надевать.

В ТОМ ЖЕ ДУХЕ

Так она и сделала, снова пошла на рынок в своём любимом «прикиде». На этот раз, когда она выбирала мясо, рядом встал мужчина восточного типа и сказал продавщице, чтобы она бабушке покрупнее и получше кусок мяса выбрала. Тётушка попробовала протестовать, но он сам выбрал ей покупку, расплатился и ушёл.

Тётушка в недоумении вернулась домой и в полном расстройстве позвонила мне. А я вспомнила, что на дворе – священный месяц Рамадан, время, когда мусульмане помогают старикам, беднякам и угощают их хорошей едой.

– Что же мне делать? Я ведь с перепугу его даже не поблагодарила! – сказала тётушка.

– Помолись за него нашему Богу, – посоветовала я.

ТЁТЯ ГУСТЯ И МОЛОДЁЖЬ

— Таня, неужели я так ужасно выгляжу, что все нороят каждую минуту мне на помощь прийти? — в очередной раз звонит мне тётя Густя.

— Ну, выглядишь ты, прямо скажем, на все свои девяносто с гаком. Что случилось?

— Да иду я с дачи, вернее, тащусь от автобуса домой, несу маленькую корзинку с картошкой и огурцами, на палку опираюсь для твёрдости духа и походки. Иду по краюшку дороги — там тени больше, чем на тротуаре, и никому вроде не мешаю. Вдруг слышу — сзади машина тормозит. Оглянулась: шикарный такой большой автомобиль, из него молодой мужчина выглядывает и спрашивает: «Бабушка, вас подвезти?» — «Спасибо, — отвечаю, — не надо, я тут близко, в двух кварталах живу».

Он внимательно так посмотрел на меня и из машины вышел. Взял мою корзинку, меня под руку подхватил и посадил в автомобиль. До дому довёз и на четвёртый этаж вместе с грузом доставил.

— Ну, посочувствовал человек пожилой женщине, так ведь это прекрасно! А может, ему твой кепарь с рисунком ветки конопля понравился, может, он подумал: «Какая продвинутая старушка, с наркоманией борется, или сама на марихуану подседа!»

— Не смейся, это Сонькина кепка (внучатой племянницы), знаешь ведь, что мне надо от солнца беречься. И в этом случае кепка ни при чём.

— А что, и другие случаи были?

— Были. Недавно на том же месте мотоциклист предлагал меня до дому подбросить. Этот точно на кепку внимание обратил. Я тут же представила, как мне надо будет расщепериться, чтобы сзади него усесться, причём в одной руке будет палка, а в другой корзинка и сумка! А чем за парня держаться? Ведь упала бы с мотоцикла и рассыпалась на запчасти. Вот и пришлось от-

казаться. А здорово было бы прокатиться, я никогда в жизни на мотоцикле не ездила!

ДАМСКОЕ ЧТИВО

У тётки Густы есть молодая приятельница – шестидесятилетняя Валентина. Они вместе на дачу ездят. Одинокая Валя обожает читать дамские романы о любви и тётю Густю приехавшую. Тётя читала эти романы целый год и как-то раз поделилась со мной мыслями по этому поводу:

– Какая дура я была в молодости!

– С чего это ты такой вывод сделала?

– Знать бы, какая любовь бывает, я вашему дядьке сто раз бы изменила. А так всю жизнь верность ему, паразиту, хранила. Он-то себе всё позволял – и попивал, и погуливал.

А ещё говорят, что массовая культура безвредна! Раз она так разлагающе действует на девяностолетних старушек – как эта культурка на молодёжь влияет?! Стоит задуматься.

ХОЧЕТСЯ-1

В этом году тётя Густя уже в конце февраля начала собираться на любимую дачу. В первых числах марта она выкинула все цветы с подоконников и поставила лотки с землёй для рассады. Рассада быстро вошла и ждала переселения в теплицу.

– Вот приеду на дачу, – размечталась тётушка, когда я пришла её навестить, – высажу рассаду в теплицу, и уже на майские праздники у меня будет своя зелень. Вскопаю две грядки, больше не осилить. Остальную территорию разрешу приятельнице ковырять и сажать, что ей вздумается. И земля не будет пусто-

вать и мне веселее. Думаю, что в этом году посадить, кроме картошки, морковки, свёклы и капусты. Огурцы сажать не буду, у меня зубов нет их грызть, а тёртые я есть не могу, от одного вида тошнит, да и пользы никакой.

— Ну как же никакой пользы, — встречаю я, — а витамины, коллоидные металлы и минералы?

— Ты меня непонятными словами с толку не сбивай! В общем, огурцы сажать не буду, посажу помидоры.

— Так тебе же врач запретил помидоры есть.

— Да запретил, а я всё равно посажу!

— А мороки с ними сколько: рассаду вырастить, на дачу дотащить, поливать, каждый день теплицу открывать, закрывать, а потом ещё и не есть, а отдать кому-то!

— Всё равно посажу!

— Но зачем?!

— Хочется! — победно глянула на меня тётя Густя.

ХОЧЕТСЯ-2

Утром не смогла дозвониться до тётя Густя. Как нить дать на дачу уехала! Так и оказалось. Звоню вечером:

— Ну как дела, тётушка?

— Всё, в последний раз сегодня на даче побывала, больше там делать нечего, — отвечает. — Слушай, я тебе рассказывала, что внучка вчера ехала с друзьями из деревни домой и на пути они зашли в лес? Нет? Так вот, она привезла два белых гриба, сыроежек и кучку чёрных груздей! Я белые ей с картошечкой поджарила, сыроежки отварила, а грузди замочила — на балконе в тазу стоят.

— Ну и тебе, конечно, в лес захотелось!

— А ты как думаешь?! Грибы растут, а я здесь прохлаждаюсь! Да я за ними хоть на автобусе, хоть пешком! Представь, вот

стою я сейчас в коридоре у телефона — усталая, босая, ещё в дачной одежде, голодная и холодная. Но если бы кто-нибудь сказал мне: «Густя, через пять минут едем в лес!» — я бы сунула в один карман кусок хлеба с солью, в другой компас, надела бы резиновые сапоги и побежала к машине! Потому что в лес хочется! Так хочется, что и словами не передать!

И ведь поехала бы! Мне тоже очень в лес хочется, но я понимаю, что с моими болячками это невозможно, а девяностодвухлетняя Густя готова с палочкой и бегом с четвёртого этажа лететь туда, где растут грибы!

Главное, она грибов не ест, но собирать их любит страстно. В общем, хочется!

НЕПРЕКЛОННЫЙ ВОЗРАСТ

Каждый день, разговаривая с тётей Густей по телефону, я твержу, что из-за преклонного возраста ей нельзя делать то и это.

А сегодня мне пришло в голову: какой же он преклонный, когда она в свои девяносто с хвостиком, ходит в магазины и на рынок, таскает покупки на коляске домой, часто сама поднимает её на четвёртый этаж, готовит себе еду, делает заготовки, убирает квартиру, стирает бельё руками и моет окна, всю весну, лето и осень через день ездит на автобусе на дачу и там работает (!), любит анекдоты, каждый день читает книги, особенно любит фэнтези и любовные романы и освоила электронную книгу, а также обожает хоккей и футбол! В общем, я её возраст буду называть непреклонным!

ТЕБЕ ВСЁ МОЖНО!

Насмотревшись телепередач о здоровье и диетах, тётя Густя с пристрастием допрашивает меня:

- А мне можно кофе пить?
- Можно.
- А сало есть?
- Можно.
- А жареное мясо с картошкой, пельмени, холодец и колбасу можно?
- Да.
- А коньяк, вино и водку тоже можно?
- Тётушка, в девяносто три года можно всё!

МОЯ БАБУШКА ПЕЛА ЧАСТУШКИ, ПЕЛА ЧАСТУШКИ БАБУШКА МОЯ

(Записано со слов Маргариты Михайловны Бурьгиной)

Бабушка и её таланты

Я всегда мечтала написать о своей бабушке Паше по маминной линии. Я её очень любила и всю жизнь с благодарностью вспоминаю о ней и о нашей жизни в прошлом веке.

Бабушку звали Парасковия Григорьевна Кукушкина, или, как она выговаривала свою фамилию, — Кокушкина. Родилась и выросла она в деревне Борисково Лежского района. Она даже внешне во многом отличалась от своих деревенских земляков. Родные подшучивали над ней: Параня — русская женщина, а в лице много чего собрала от бывших завоевателей матушки Руси что с запада, что с востока. Помню бабушку ещё не старой женщиной с ярко-зелёными глазами и взглядом, проникавшим в самую душу.

Помню её тонкий нос с горбинкой, иссиня-чёрные густые волосы, будто навсегда уложенные в причёску, чёрные с изломом посередине брови, такие же чёрные густые ресницы и всегда крепко сжатые губы. Она отличалась особой статью, которая сохранялась у неё до глубокой старости. Во всём её облике было что-то интеллигентное, что, кстати, нередко встречалось в крестьянах среди особенно трудолюбивых и глубоко верующих людей.

Незнакомые с нашей семьёй люди часто спрашивали меня, не была ли бабушка в молодости сельской учительницей или медицинским работником. А она была простой крестьянкой с двумя классами церковно-приходской школы. Но природный ум, талант к обучению, тяга к знаниям позволили ей научиться бегло читать Библию на церковнославянском языке. Благодаря этим познаниям её часто приглашали в близлежащие деревни отпевать умерших, а в старости соседские старушки (баба Саня, баба Лиза, баба Дуня, баба Граня и баба Натолья) приходили к Парахе — так они её называли — слушать молитвы из красивой старинной книги, вздыхали и потихоньку мелко крестились. Голос у бабушки Паши был низкий, грудной и при этом очень звучный и сильный. Даже когда она уже была замужем и имела детей, без неё не обходился ни один праздник, ни одна свадьба. Дед, конечно, был очень этим недоволен, но земляки «не отступались» и она давала себя уговорить — без её голоса, плясок и частушек на праздниках было невесело.

Навсегда запомнились мне бабушкины частушки, складные и всегда к месту. Позже, когда я выросла и обзавелась своей семьёй, то очень дорожила утренними часами, которые мы проводили с бабушкой вдвоём перед моим уходом на работу. Мы вместе пили чай, и я всегда удивлялась тому, что она сопровождала каждое наше действие частушкой. Например, я надевала фартук, а бабушка немедленно выпевала:

*Я у дроли чай тила,
Белый фартук облила.
Не сердися, милой мой,
Кути голубенькой с каймой!*

Наливаю чай — она продолжает:

*Я не буду чаю пить —
Потеряла аппетит,
Я того буду любить,
Которой сливки кипятит.*

Беру чайник и слышу:

*Чайник новой, чай духовой —
Кипячёная вода,
Ушёл дроя — на здоровье,
Кипятила про себя.*

Замужество

Вышла замуж баба Паша в соседнюю деревню Крюково за Ивана Стенановича Заварина из зажиточной семьи. В замужестве бабушка «принесла» (родила) десятерых деток, из которых выжили только трое — Коська, Шурка (моя мама) и Нинка, самая сильная из всех. Все остальные умерли, по словам бабы Паши, от каких-то непонятных хворей, хотя некоторые дожили до четырёх-пяти лет. Её мужа Ивана Степановича все уважали. Он, единственный во всей деревне, ко всем обращался по имени-отчеству. Идёт, бывало, навстречу какой-нибудь пьянчуга, а он его спрашивает: «Здорово живёте, Пётр Демьяныч?» В ответ слышит: «Хреново, Иван Степанович!»

Однако дома Иван Степанович проявлял недюжинный нрав, уж если что в голову заберёт, так не остановить и не переубедить. Попервоначально жили они с Параней в большом красивом доме, да вздумалось Ивану поменять этот дом на чёрную избу. Так ему, видите ли, захотелось, и он незамедлительно своё желание исполнил. «Уж и сколько выла я, и в ногах у него валялась, и ругань устраивала — ничто не помогло, мозги у него перевернулись как-то», — вспоминала бабушка.

Ещё был её муж безмерно ревнив. Как он ревновал свою певунью и плясунью, которую все очень любили! А любили её за

весёлый, незлобивый нрав да за трудолюбие и доброту. Параху все приглашали в помощь. Бывало, позовут соседи картошку копать или лён тереть, она первая тут как тут, да всё с частушкой, с прибаутками. Ну, и ей, конечно, помогали.

Особенно дед почему-то ревновал её к заведующему молочной фермой, на которой бабушка работала телятницей и дояркой. И придумал он, что Нинка, младшая, не его дочь, а бабушкиного начальника. Как увидит заведующего фермой или его жену, так и орёт в окно: «Заберите свою девчущку!», а то и «Когда заберёте вашу девчущку?» А они не скандалили и вежливо отвечали: «Заберём, Иван Степанович, обязательно заберём!» Вот ведь стыд-то какой! Они, в отличие от деда, не хотели ссориться с соседом-ревнивцем. Бабушкин начальник Параню успокаивал: «Не расстраивайся, Параха, у каждого мужика свои причуды! Вон у Машки Егорихи мужик ещё хуже твоего, перед всей деревней заголит ей подол и вожжами по жопе возит, да приговаривает: «Мужик в избу — баба к печи!» Сердился, когда приходил с работы, а у жены щи не сварены или не разогреты.

Как бабушка хулиганила

Бабушка Паша уехала из деревни, когда дед помер. Мама позвала её в Вологду водиться со мной и с моей сестрой. Бабушка приехала к старшей дочери по первому зову, не заработав в колхозе пенсии, бросив жильё. Она очень любила нас и воспитывала на свой лад как умела — никогда не кричала и не била. Но уж если мы очень её доставали, могла пообещать: «Сейчас вицу из голика (веника) выломаю и отхожу раза два, три по жопам, сразу поумнеете!» Когда и это не помогало, усаживала нас на стол рядом, сама садилась на «тибуреточку», обнимала наши коленки и пела, как говорила мама, хулиганские частушки. При этом бабушка Паша искренне удивлялась: «Почто не дило-то говоришь? Але это хулиганские? Матюгов-то ведь нету!» Вот эти частушки:

*Меня били, колотили
у соседнего крыльца,*

*Все соседи-то сказали,
так и надо, подлеца!*

Или:

*Я калоши не ношу,
Берегу их к лету,
А почему я не ношу?
У меня их нету!*

А потом:

*Шура плачет и рыдает,
Во ногах валяется,
У Шуры маленькой мальчишка,
На руках качается!*

Или:

*Не бейте меня
И не ругайте меня,
Только выломите вишу
Постегайте меня!*

И так продолжалось долго до тех пор, пока мы не успокаивались.

Бабушка — озорница

Веду я бабушку как-то зимой к главному врачу, стоим на остановке автобуса. Она хоть и старая, а спину держит ровно, одета в плюшевый жакет на вате — писк моды времён бабушкиной молодости, в длинную юбку, на ногах — валенки. На остановке много людей и все мёрзнут. А она удивляется и говорит: «Хм, чего все и ожигаются (мёрзнут), я вот стою, старуха, без штанов, а мне не холодно!» Мужчины засмеялись: «Неправда ведь!» А бабушка вдруг заголилась, подняла верхнюю и нижнюю юбку. Все так и ахнули, увидев розовую, подтянутую задницу и белые ноги в чулках на круглых резинках. (Надо сказать, что в деревне такой веский аргу-

мент зазорным никогда не считался.) Бабушка Паша притопнула ногой и закончила этот эпизод триумфально, спев частушку:

*Моя попка крепка,
Что в огороде репка,
Она кругла, как орех,
Так и просится на грех!*

Мужчины были посрамлены и покинули поле боя, то бишь остановку.

Бабушка, петухи и азарт

В Вологде во всех деревянных домах раньше старались держать живность: кто козу, кто куриц непременно с петухом; на окраинах даже коров держали. Петухов всегда называли по фамилии хозяев — демидовский, смириновский и так далее. Самый противный и злобный был левтяковский петух, он всегда с другими петухами дрался и побеждал всех. Он даже на людей нападал. Особенно не любил красный цвет и нашу бабушку Пашу, должно быть, за то, что она за всех заступалась и отбивала от него — то вицей стегнёт, то водой обольёт. Я много от этого разбойника страдала. Надену, клетчатый красный с чёрным платок, а петух, откуда и возьмётся, — взлетит на голову и давай прямо в красные клетки своим «железным» клювом долбить. Я наклоню голову, чтобы в глаза не попал и ору не своим голосом: «Бабушка, помоги!» А она не то что бежит — прямо летит ко мне и давай левтяковского вицей охобачивать да приговаривать: «А ну, сволочь левтяковская, отпусти мою дивку, а то пришибу ненароком!»

Слово «сволочь» у бабушки было самое ругательное, но с разным по ситуации отношением. Петухи в нашей округе часто дрались, и эти бои собирали много зрителей: бабушек, ребятишек и мужиков — любопытствовали, чей победит. Болели за своих, как на футболе. Громче всех кричала бабушка Паша: «Укокошьте кто-нибудь левтяковского-то: всем надоел, зараза, проходу людям не даёт!» После победы нелюбимого петуха с невольным уважением говорила: «Гли-ко, гли-ко, левтяковской-то укутошил вахрушев-

ского. Вот ведь, сволочь, сильной какой и характерной!» И шла жалеть вахрушевского — кормить его крошками.

Также и людей могла назвать, правда, с некоторой долей сочувствия. Смотрит, бывало, в окно и рассказывает, что видит: «Вон чья-то сволочь пьяная домой пойдёт, корми его, обстирывай. Сволочь она и есть сволочь беспонятная». Когда я стала старше и делала бабушке замечания по поводу её деревенского лексикона, она удивлённо смотрела на меня и говорила, обращаясь к маме: «Шурк, гли-ко, какую умную дивку я тебе взрастила, баушку уж учит!» И заявляла мне: «Ещё не едино яйцо ни едину курицу ничему не учило и не научит: вот так-то, дивонька». И мне становилось стыдно.

Бабушкина наука

Раньше в деревне не принято было скандалы устраивать. Даже если среди соседей возникали серьёзные споры, их старались разрешать мирным путём, договариваться. Могли у себя дома в углу недовольство высказать, а чтобы на люди выносить — такого не было, потому что Бога боялись, в смысле боялись, что Бог от них отвернётся.

Вот и моя бабушка была, как сейчас говорят, неконфликтная. Когда я совсем выросла и вышла замуж, она учила меня разговаривать с мужем, когда тот приходил домой поздно или навеселе.

Она говорила: «Чем ругань устраивать, лучше спой ему частушек». И учила меня этим частушкам. Вот они, может, и вам пригодятся.

*Ты, цветочек аленький,
Не напивайся пьяненький,
А напьёшься — упадёшь,
Тебя домой не доведёшь.*

*Моего милёночка
Избаловала водочка,
Сладкая наливочка,
Гуляет, как картиночка.*

*Мой милёнок, как телёнок,
Только разница одна:
Мой милёнок любит водку,
А телёнок никогда!*

*Ты крапива некрасива,
Покосить надо тебя,
Тебе, дроля, не спасибо,
Позабыл ноне меня!*

*Не изменявай-ко, золотко,
И я не изменю!
Сроду этого не сделаю,
Измены милому!*

Подруженьки

Когда мы жили в старом деревянном доме по улице Урицкого, бабушка Паша водила дружбу с несколькими старушками из ближайших домишек. У каждого такого дома был клочок земли с маленьким огородом и несколькими кустами, под окнами росли две-три черёмухи или рябинки. И в каждом доме обязательно жила старенькая бабушка, которая присматривала за внуками, готовила еду и ухаживала за огородом. В свободное от работы время соседские старушки с удовольствием собирались вместе. Внуки, как правило, состояли при них, поэтому я и помню всех этих милых старушек. А поскольку я очень любила свою бабу Пашу, то часть этой любви перешла на её подружек, которых я тоже с нежностью вспоминаю.

Баба Граня была очень полная женщина, она любила носить яркие халаты и платья, а волосы забирала в тугую кучку на макушке. Её дочь, Варвара, старая дева, работала врачом. Поскольку они жили вдвоём, баба Граня всегда была при деньгах и с удовольствием ссужала подругам в долг, но любила, чтобы

отдавали деньги вовремя, как договаривались. Все это знали и рассчитывались аккуратно. А едва вернув должок, чаще всего у неё же и занимали: жили трудно, но по-людски, по-честному, как любила говорить баба Паша.

Баба Дуня, напротив, была очень худенькой и маленькой. Она одевалась скромно, но выглядела всегда чистенько. Особую опрятность придавали ей неизменный белый платок и фартук поверх платья. Фартук был всегда новый, но это была единственная обновка, которую баба Дуня могла себе позволить, и всегда ходила в обносках после дочери — крикливой толстой проводницы, имевшей кучу детей и мужа пьяницу. Моя бабушка жалела бабу Дуню и старалась подкормить чем-нибудь вкусеньким или подарить что-нибудь дельное, как она говорила.

Баба Лиза была нашей соседкой и моей крёстной. Она жила со своим старшим сыном, который относился к ней уважительно и никому не позволял обижать, даже своей жене, которая работала в магазине. Баба Лиза — высокая, прямая, носила короткую причёску и одевалась красиво. Она единственная во всей округе носила шляпы, за что получила от нашей бабушки прозвище Фасонистая. Баба Лиза любила печь пироги и поговорить о своих болезнях. Моя баба Паша сочувствовала подруге, но не без улыбки говорила: «Вот, бедолага, столько и болезней-то на свете нету, сколь их Лиза накопила».

Были ещё баба Натолья и баба Саня, но они ничем таким особенным не отличались.

Подруженьки, так называла своих соседок баба Паша, часто собирались посумерничать (попить чайку и поболтать) то в одном доме, то в другом. Каждая старалась угостить товарок как можно лучше. Баба Граня угощала чаем с дорогими конфетами и печеньем, баба Лиза пекла замечательные пироги с капустой и «наливушки» со сметаной. Моя бабушка начинала беспокоиться за неделю до встречи гостей: так не хотелось ей ударить в грязь лицом. И мама ей помогала, покупала килограмм подушечек «Дунькина радость» и мятных пряников. Вдобавок к конфе-

там и пряникам бабушка подавала к столу свои дивные блины, тонкие с хрустящими краешками – вкус их я не забуду никогда!

На этих посиделках подружки часто пели – когда старинные, грустные и длинные песни, а когда весёлые частушки, и тут уж бабе Паше не было равных. Подруженьки охали, ахали, подпевали, хлопали и притопывали. Любили петь и слушать частушки на семейные темы – о свекровях, золовках, деверях. Грустили, что вышли замуж по воле родителей, а о любви только по песням и знали.

Мы, внучата, многих старинных слов и частушек не понимали, но слушать любили, от души веселились, хлопали в ладошки и даже пробовали плясать. А бабушки радовались как дети: «Давай веселяё, дробИ-то помельче, шибче крутись, руки-то не держи как палки, а взмахивай, как крылушками, али на боки ставь!» Вот частушки, под которые мы, дети, лихо отплясывали.

*У меня деверья много,
Все девицы дивятся,
Это, дивушки, не диво,
Жинятся, отдилятся!*

*У меня золовок много,
Деверей только один.
Это, дивушки, не горе,
Всех золовок отдадим.*

*Дивушки желанныё,
Бабы окаянные,
Поживут нидилёк пять,
Охота в дивушки опять.*

*Белой полушалочек,
Мне не по головушке,
Выйду замуж за милого,
Подарю золовушке.*

Как баба Паша к труду внучек приучала

У нашего дома со двора было большое, удлинённое крыльцо, дом защищал его от ветра и яркого солнца. Баба Паша ласково называла это место тираской, которая безраздельно ей принадлежала. Там по бабушкиному разрешению любили собираться домочадцы и гости, каждый со своим делом: дети с игрушками, взрослые с книгой или с газетой, бабушкины гости с вязаньем или шитьём. Бабушка мыла и подметала на тираске пол, даже домотканые половики своей работы положила, не пожалела.

Однажды баба Паша решила «избавить нас с сестрой от лени», научить правильно, по-деревенски мыть полы. Учебным полигоном была выбрана тираска. Бабушка сходила за водой на пруд, а нас отправила за тряпками. Где искать тряпки маленьким девочкам? Мы всюду посмотрели – нашли их в тазу, где лежало грязное бельё, приготовленное мамой для стирки. Обучение было долгим и утомительным. А чтобы мы не сильно страдали, бабушка в кратких перерывах на отдых пела нам частушки. Вот они:

*А запою, так голосочек
Раздавайся там и тут,
Выйди, дряля, на крылячко
Хоть на несколько минут.*

*Что-то голосу не стало,
Куда голос улетел!
На красивое крылячко,
Где мой дрялечка сидел.*

*А я вышла на крыльцо,
Мама плюнула в лицо.
Ты не плюй, родимая,
Не буду жить без милого.*

Мы все страшно устали, устала и наша бабушка. Устала объяснять, да ещё и перемывать за нами. Каких только слов мы не наслушались: «безрукие, неумёхи, ленивицы, и лень-то впереди нас родилась, и руки-те не отгудова у нас растут, и пол-от мы несуразно трём: не вдоль, а поперёк!»! А у самой пот в три ручья по лицу течёт, юбка заткнута за пояс, платок сбился набок. И мы выглядим не лучше. Вся троица с сырыми подолами, но очень довольная — стоим, любимся на «чистой» пол. Тряпки прополосканные и свёрнутые, чтобы ими ноги вытирать лежат тут же.

Вдруг за нашими спинами раздаётся мамин голос:

— Чем вы тут занимаетесь?

Мама пришла с работы. Мы бросились её обнимать, рассказывать, что научились мыть полы. И тут мама увидела тряпки, которыми мы пользовались, развернула их и спросила бабу Пашу:

— Что здесь делают хорошая наволочка и личное полотенце? Неужели во всём доме не нашлось старых тряпок?

Мы испугались, что нас накажут: ведь это мы нашли тряпки. Но бабушка отвернулась и тихо проговорила:

— И как чиловик не уразумиёт, её ж дивок работать учила!

А потом повернулась к маме и громко, голосом, не терпящим возражений, произнесла:

— Важон ризультат, а трепки — дило наживное!

Мама вздохнула, и спорить не стала. Вот какая была наша бабушка Паша — уж скажет так скажет!

Память моей бабушки

У моей бабушки память была необыкновенная. Она столько частушек знала, что и представить себе трудно, да ещё и умела сама их сочинять. А в частушках, сами знаете, нет-нет, да и ядрёное словцо встретится. Однако за всю свою долгую жизнь, восемьдесят семь лет, бабушка ни одного матерного слова не сказала. Она была православной верующей и матерщину считала большим грехом. Но при этом в мужских устах мат терпела, а вот женщинам выражаться не позволяла, считая, что женщина, как мать и продолжательница рода, никогда не должна материться:

на детях скажется, а уж если вырвалось грязное слово, то его нужно отмаливать. На восемьдесят восьмом году бабушка решила, что пришла пора ей умирать и легла на лавку головой к семейной иконе. Лежит она и уже плохо дышит, когда к ней подходит мой муж и, чтобы подбодрить, заводит частушку: «Ух, ух, я петух, кто меня потопчет?» Бабушка отвечает: «Кабы курочкой была, петушку б топтать дала»... Засмеялась и испустила дух!

С частушкой жила с частушкой и померла, весело и легко. Царствие ей небесное!

P.S. После смерти бабушки снится мне как-то сон: будто живу я в квартире одна, скучаю. Потом вижу себя на улице Благовещенской, иду по одной стороне, смотрю, а по другой моя баба Паша идёт, босая, неприкаянная какая-то. Я ей через дорогу говорю:

— Бабушка, пойдём домой, я тебе обувь в кладовке найду!

Вот пришли мы домой, бабушка стоит у двери в кладовку, держится за неё и молчит. Вдруг она отошла от двери, та и захлопнулась. Я кричу:

— Бабушка, что же ты отошла? Мне темно!

А она неожиданно отвечает:

— А мне какво? Я всегда в темноте!

Я проснулась и побежала в храм грехи замаливать да за бабушку молиться. С тех пор всё и хожу!

И МОТЕ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ОНА ЖИВЁТ

(Жизнь после перестройки)

Отсутствующим взглядом пенсионерка Матрёна, в простонародье баба Мотя, смотрела из окна своей комнаты в бывшем заводском общежитии на высокий кирпичный забор напротив и силилась понять, из чего платить за коммуналку. Представитель фирмы, которая выкупила у государства обще-

житие, требовал за комнату немислимые деньги — шесть тысяч рублей в месяц из её семи пенсионных. За забором темнело мёртвое здание разорившегося предприятия, на котором баба Мотя «отгубила» чернорабочей тридцать пять лет. У бывшей проходной вокруг высоких тополей вились и о чём-то сердито спорили вороны...

Ей было тринадцать, когда умерла мать, Матрёна старшая. В раннюю могилу матушку свело много чего: беспросветная бедность, послевоенный голод, непосильная работа на конюшне и дома, на своём хозяйстве, пьющий муж-инвалид и двое маленьких детей, которых нужно было чем-то кормить и во что-то одевать. Мотин отец ненадолго пережил жену, запивая горе самогоном, который гнал сосед из смешанной с землёй патоки, кем-то пролитой на колхозном картофельном поле. Он замёрз зимой на собственном дворе в хлеву, где мычала вечно голодная корова Малька. Пошёл ночью хмельной, вспомнив, что с вечера не задал кормилице соломы, поскользнулся на обледеневших досках, ушал и расшибся так, что ни встать, ни позвать на помощь уже не смог.

Мотиного меньшого брата увезли в детдом, а за ней обязалась присматривать родная тётка. В детдом не отдала: скоро девке четырнадцать стукнет, может на ферму идти работать — всё помощь какая-то и дармоедкой не будет.

Почти все её сверстницы работали в колхозе на ферме, трудились доярками, как говорится, без выходных и проходных. Засветло тропками пробирались на окраину деревни к коровникам и в темноте возвращались домой. Корм задавали коровам вручную, вилами убирали навоз, лопатами чистили кормушки и доили — всё делали вручную. Весной, летом и осенью работали в заношенных серых халатах и в резиновых сапогах, а зимой в тех же халатах, но надетых на фуфайки, а вместо сапог валенках с галошами. Деньги за работу начали платить только в семидесятых годах — от тридцати пяти до пятидесяти рублей. Поначалу эти деньги показались крестьянам огромными, но оказалось,

что купить на них можно было немного, да и в деревне почти никакого товара в магазине не было. И в перспективе — такая жизнь до самой смерти.

Однако Мотя мечтала совсем о другом. Ей казалось: если попасть в город — всё переменится. Она найдёт хорошую работу где-нибудь на заводе. Будет работать лучше всех — ей не привыкать. Зарплату дадут большую — не то что на ферме. Получит квартиру — в городе все получают! А там, дай Бог, и суженого встретит, своей семьёй обзаведётся, деточки пойдут, вот счастье-то! С этими мечтами Мотя и сбежала из деревни, думая, что уж в городе-то она заживёт!

Тогда с трудом уже можно было получить в сельсовете паспорт и вырваться на свободу. Помог призыв партии и правительства ехать на новые предприятия, где не хватало рабочих рук. Мотины рабочие рукигодились в сборочном цеху механического завода, где она стала подметать полы и мыть окна: на другую работу не хватало квалификации. Получала Мотя ежемесячно сначала шестьдесят, потом восемьдесят рублей, а перед пенсией с учётом всех жизненных перемен, включая отмену Советского Союза и несколько инфляций, аж семь тысяч! А ещё ей дали комнату в общежитии и поставили в очередь на однокомнатную квартиру. Правда, до конца очереди Матрёна так и не дошла: перед ней оставалось всего пять человек, когда её проводили на пенсию. Зато не выселили из общежития, и ей казалось, что она живёт.

Через пять лет работы на заводе к ней стал захаживать столяр Пашка из строительной бригады ремонтников. Он тоже был деревенский, немногословный, но рукастый — всё умел починить и настроить. От него приятно пахло свежеструганными досками и строительным клеем. Пашка молча выпивал по семь чашек чая за вечер, краснел и потел, а потом прощался и уходил в свою комнату на другом этаже общаги. Однажды весной он остался у Моти ночевать, и она не противилась: свой, да и сама уже на возрасте, в деревне таких девок перестарками считают. И вообще замуж пора. И ей казалось, что она живёт.

Мотя страсть как хотела семью и деток. Но забеременеть не смогла, и Пашка её бросил. Неделю она ходила с опухшим от слёз лицом, а потом записалась в общежитский хор и поступила на курсы кройки и шитья. Ей понравилось петь, а на курсах она лучше всех кроила и шила. Затем увлеклась вышиванием и вышила крестиком все накидки на подушки, скатерть, салфетки и носовые платки. А после было новое увлечение — вязание крючком и на спицах. Она всем подругам и себе связала модные тогда свитера...

Уже на пенсии, чтобы купить что-нибудь из одежды, Мотя мыла лестницы в соседней школе, а когда дворник запивал, ей предлагали подметать двор общежития. Вместе с приработком у неё выходило десять тысяч чистого дохода, и ей казалось, что она живёт!

И жила, пока не разорился завод и не продали общежитие вместе с такими же, как она, никому не нужными стариками и старухами.

Баба Мотя отвернулась от окна и подумала: может быть, ей только казалось, что она живёт...

ПЕРЕСТРОЙКА, СЕКС И ДЕРЕВЕНСКИЕ СТАРИКИ

Вразгар перестройки я работала в своей деревне сестрой милосердия. Делала односельчанам уколы, медицинскую помощь оказывала. А так как я часто ездила в райцентр, то и мелкие заказы пенсионеров выполняла: лекарства покупала, газеты привозила, сигареты и тому подобное.

Часто захаживала к деду Порфирию. По старости он уже круглый год носил валенки с галошами и драный полушубок. Такой же был у него дружок — дед Боря. Оба участники Великой Отечественной войны — орденосцы и в прошлом знатные колхозники. Я у них два раза в неделю бывала.

Прихожу как-то к Порфирию с сигаретами, а его жена, Настасья, из-за печки выглядывает и рукой машет, мол, иди, что скажу. Я — к ней.

— Ох, беда у меня! — говорит. — Фиря с Борькой совсем того. Внук летось навешшал и оставил газету, будь она неладна, «Спидинфо» называется. Так эти два старых дурака всю её от корки до корки прочли, рассмотрели и крыша у их поехала. Они теперь что ни день эту газетёнку достанут, от меня скроются и на эти самые темы разговаривают. Думают, я не знаю, что там всякие безобразия описывают и фотографии голых баб печатают. Но это полбеда, беда, что он вчера ночью ко мне полез и требовал секса. А какой от меня секс в восемьдесят-то годов! Дак он мне говорит: «Если не дашь, выпишу девок из Вологды, у меня пенсия большая, могу себе позволить!» Посоветуй, что делать?

— Ну, ночью, если опять полезет, скажи ему, что у тебя месячные, а потом что-нибудь придумаем. А если у меня «Спидинфо» будут заказывать, скажу, что газету президент запретил, потому что она отрицательно действует на умственно незрелых стариков, сбивает их с толку. А ещё лучше скажи: «Давай попробуем!» Не думаю, что у него получится.

Ведь это надо же, какое непредсказуемое воздействие оказала перестройка на половую жизнь деревенских стариков! Если бы не она, сидели бы Порфирий с Борисом во время деревенского праздника на брёвнышке около высоких качелей да молодым девкам под юбки заглядывали — вот и весь секс!

МАМОЧКА, НЕ ПЕРЕЖИВАЙ!

Иду и думаю: вот мама опять вся испереживалась, который раз за день звонит и всё об одном и том же спрашивает, как там зять в деревне с дождём и с потопом сражается? Картошка в воде стоит, стебель уже желтеет, а цвета почти нет, наверное,

пропадёт. Морковка и свёкла сгнили, только трава до пояса вымахала. И зачем он четыре раза за лето косит траву на участке, надрывается? Не надо ли ему косу электрическую подарить, всё легче, чем бензиновая? Спина, поди-ка, болит, немолодой ведь. А ему ещё новый домик достраивать, старый-то скоро на голову упадёт: может, надо деньгами помочь, чтоб скорее достроил?

Я ей говорю:

— Ты лучше самому зятю всё это скажи и вопросы задай. Всё равно я тебе на них ответить не могу — я в городе сижу. И овощи мне не спасти: я природные катаклизмы останавливать не умею! Насчёт кос могу сказать, что у него и так их две, хоть и обе бензиновые. Электрическую косу он не хочет, потому что у неё шнур только сто метров длиной, а участок большой, во всех углах траву не достать! И деньги он у тебя не возьмёт, даже не заикайся, обидится. Про себя думаю: знала бы ты, милая, сколько стоит домик достроить, даже такой маленький, как наш. Твоей пенсии на два бревна не хватит!

А она мне:

— Выходит, тебе дела до мужа нет, ты за него не переживаешь! А ты его, вообще, любишь? Он там один в деревне бьётся!

А я ей:

— Мамочка, я его люблю и переживаю, но ничем помочь не могу: болею я!

— Ну да. Я забыла, — не поверила мне мама и повесила трубку.

Поздно вечером я уже спать собралась, звонит снова:

— У меня только что была твоя дочь. Сейчас ушла домой. Я очень переживаю, как она до дома доберётся? Одна. В такую темень! Ты ей через полчаса позвони и спроси, как добралась, а потом мне перезвони.

Сама же внучке не звонит, боится на неприятный разговор нарваться. Я ей отвечаю:

— Так ведь уже полночь будет!

— Ничего, я подожду, — говорит мама.

Сколько раз я объясняла маме: переживай — не переживай от этого ничего не изменится. Огород в деревне всё равно зато-

пило. Зять всё равно будет косить участок четыре раза за лето — он крестьянин и ему лучше знать, что делать. Домик со временем достроится; и дочка всё равно по ночам ходить будет: у неё дневного времени на родственников не хватает, работает много. А мама всё равно переживает.

Но самое интересное, что я сама точно так же переживаю и за маму, и за мужа, и за дочку, и за огород... За всех и за всё на свете!

«СТАРИКАМ ВЕЗДЕ У НАС ПОЧЁТ?»

Выйдя из автобуса, быстро иду к пешеходному переходу, останавливаюсь в нерешительности перед зеброй, смотрю налево, направо и не верю своим глазам! Колонны автомобилей по обе стороны дороги встали, как вкопанные, и ждут, когда я соизволю перейти на другую сторону. Никто не рвётся вперёд, никто не крутит пальцем у виска, никто не торопит меня другими говорящими жестами и не подкрепляет их «тёплыми» словами! Неужели у нас научились уважать пожилых людей? В полном недоумении, но с достоинством я прохожу между двумя потоками блестящих на солнце иномарок. И... упираюсь в живот высокому, здоровому офицеру ГАИ с жезлом в руке.

Тут меня осенило, я засмеялась и сказала офицеру:

— Так вот почему они замерли в торжественном строю! А я-то думала, это они мне честь отдают!

Гаишник тоже засмеялся и взял под козырёк.

КОНЕЧНО ЖЕ, КРАСОТА СПАСЁТ МИР!

Какую хорошенькую миниатюрную бабулю с палочкой я сегодня встретила на остановке автобуса! На мой взгляд,

ей было лет восемьдесят с гаком. С большим гаком. Возраст определила по рукам, по истончённой пергаментной коже с пигментными пятнами на внешней стороне ладоней и по глубоким продольным морщинам на пальцах с тыльной стороны.

Несмотря на возраст, она была вся ухоженная, чистенькая, но не подчёркнуто аккуратной чистотой бедности, когда старая одежда просто хорошо отстирана, отглажена, отпарена, а настоящей чистотой новой одежды, не столько модной, сколько практичной и удобной. По причине дождя на ногах её красовались резиновые сапожки, белые с мелким рисунком в виде чёрных завитушек. Из-под новой розовой стёганой куртки виднелись серые со стрелкой брюки-кюлоты, укороченные и широкие, которые очень популярны в этом сезоне, их обычно носят более молодые особы. Шею украшал нарядный шарфик в тон брюкам, а чистые седые волосы пострижены по последней моде, коротко, и уложены волосок к волоску, что не всегда свойственно пожилым женщинам. Она чувствовала, что привлекает внимание, и держала спинку ровно, с достоинством поглядывая по сторонам, так что я даже не решилась помочь ей сесть в автобус.

Она уехала, а я стояла и думала: «Красота точно спасёт мир, а красота каждой отдельной женщины любого возраста постоянно спасает маленький кусочек мира вокруг неё».

ДЕНЬ СТАРУХ

Еду в автобусе и слышу разговор двух пенсионерок преклонного возраста. Одна говорит той, что постарше:

— Лизка, на мероприятие в драмтеатр двадцать восьмого сентября пойдёшь?

— Какое ещё мероприятие?

— День старух!

— Не пойду! Я себя старухой не считаю.

P.S. Сегодня на эту историю откликнулся один знакомый. К моему восторгу он рассказал, что его тесть называет День пожилых людей «День пожилого пацана»!

НАХОДЧИВАЯ БАБУШКА

— У меня очень хорошая большая семья, — рассказывала моя соседка, — все у нас замечательные: бабушка и дедушка, мама и папа, муж и дети. Живём дружно, друг друга не обижаем. Из всей семьи только дед отличался плохим характером, точнее, вредной привычкой: любил выпить. Как, бывало, выпьет, совсем дурной делался: ругал бабушку на чём свет стоит, а когда и руку на неё поднимал. В те времена в области жили по старинке: жена мужа должна была слушаться, не прекословить и не сопротивляться. И бабушка не прекословила и прощала ему такое обращение. Тем более что детей и внуков он никогда не трогал. Лично я его очень любила: он меня, как младшую внучку, всегда баловал.

И вот бабушка, когда ей совсем неважно становилось, покупала деду путёвку в дом отдыха или в санаторий какой-нибудь подальше от дома. Накануне отъезда она покупала бутылку водки, следила, чтобы муж выпил, собирала чемодан и отправляла в путь-дорогу. Я до сих пор помню, как они с дедом шли на вокзал. Покачиваясь, он важно шествовал впереди, а она тащила сзади огромный чемодан. Сажала деда в поезд и стояла на перроне до самого отправления, чтобы он, не дай Бог, не отстал от поезда и не вернулся домой. Поездки деда на отдых она считала своим отпуском, и все эти дни была счастлива и весела. А дед, возвращаясь, всегда привозил ей что-нибудь в подарок и всем рассказывал, какая у него жена умная и заботливая.

НОСИ ЗА БАРХАТ

Жили мы в пятидесятые годы довольно бедно: семья большая, доходы маленькие. Дед работал обходчиком на железной дороге, бабушка — уборщицей в школе, а мама с папой — в колхозе. Но все очень любили делать друг другу подарки. Помню, бабушка дарила мне отрез самого дешёвого ситца на платье и важно говорила: «Носи за бархат!»

ТАК И ПОЧУВСТВОВАЛИ СЕБЯ ЖИТЕЛЯМИ НЬЮ-ЙОРКА!

Сидим с мужем вечером за столом, ужинаем. Он мне говорит:

— Как тяжело жить! Придёшь в магазин, а там чего только нет, столько всего! Даже ничего не хочется!

— Тоска! — поддакиваю я.

А сама думаю, столько лет у нас магазины пустые стояли, и мы боролись буквально за всё. Мы с боем добивались желаемого и радовались добыче. Мы привыкли сопротивляться нехватке хорошей еды и одежды. Нас плохо кормили — все работали на дачах, сами выращивали овощи, фрукты и ягоды; нас одевали в одинаковую одежду, за которой приходилось стоять в очередях — мы изворачивались, как могли: «доставали» по блату, покупали у спекулянтов. К тому же все умели шить и вязать. Мы своими руками строили дачи из подручных материалов, например, из старых шпал; сами ремонтировали квартиры. «Охлёстывали» стены старыми газетами, а сверху клеили одинаковые бумажные обои местного производства (как я сейчас понимаю, они были гораздо экологичнее нынешних, синтетических). Каждый был сам себе дизайнер, столяр, маляр и строитель. Зато мы

— единственные во всём цивилизованном мире — не боялись, что вдруг отключат воду — знали, что пойдём с ведром на колонку и принесём воды сами. Знали, что у нас не случится коллапс и нас не охватит смертельный ужас, как это было в Нью-Йорке, если на сутки вырубят электричество...

И вдруг у нас появилось всё, о чём мы раньше мечтали, и теперь нас одолевает скука и тоска.

Всё иметь — опасно для нашего здоровья, этак мы иммунитет к трудностям потеряем. Но уверяю вас, пока говорить об этом рано, ещё живы мы, рождённые и выросшие в СССР.

P.S. А недавно два дня подряд то воды не было, то электричество отключали! Ну, и сидели как без рук — ни тебе посуду помыть, ни суп сварить, ни помыться, ни постирать! Я уж не говорю, что вместо телевизора и Интернета пришлось книгу открыть и по старинке почитать.

Так и почувствовали себя жителями Нью-Йорка!

НЕЧЕГО НА КОМПЬЮТЕР ПЕНЯТЬ

(Разговор с подругой)

Есть пенсионеры, которые лихо управляют с разными гаджетами, но есть и другие...

Моя подруга Тоня обещала послать мне письмо по электронной почте: ей муж только что новенький персональный компьютер поставил. Жду неделю, уж на вторую перевалило, а письма всё нет! Позвонила и спрашиваю:

— Тонечка, где же письмо?

— И не спрашивай! Я на компьютер разозлилась!

— Как это?

— Да пыталась перебросить фотографии из «Инстаграма» в «Контакт». И, как ни билась, не смогла. Так разозлилась, что у нашего батюшки спросила, что делать. Великий пост, а я злюсь...

– Посмеялся, наверное, отец Александр?

– Нет, совершенно серьёзно сказал, что на время поста развлечения можно и отложить. Я сразу успокоилась. Вот ведь как важно иногда посмотреть на известное по-новому! Так что я тебе письмо после Пасхи пришлю, не обидишься?

– Конечно, нет. Жду.

ЗАМУЖ? ЕЩЁ ЧЕГО!

Моя подруга Света недавно отметила шестидесятилетие, но продолжает работать в Доме культуры библиотекарем и по совместительству массовиком-затейником или, как теперь говорят, аниматором.

Света выглядит молодожаво, любит модно одеться, сделать макияж и обильно украсить себя бижутерией. С моей точки зрения, она в этом немного перебирает, но её работе это не вредит, и даже наоборот: всегда сияющая, блестящая Света привлекает к себе всеобщее внимание. Она ещё песни сочиняет и под гитару поёт. Сокровище, а не специалист!

В тот день она сильно устала: всё время на ногах, к тому же по этажам туда-сюда... В общем, домой вернулась никакая. Плюхнулась на пуфик перед зеркалом, глянула на себя и вспомнила, что сегодня к ней подошёл один постоянный посетитель Дома культуры и неожиданно предложил выйти за него замуж!

– Замуж?! – улынулась она своему отражению. – Этого только не хватало! У меня, дети, внуки, работа – я и так безумно устаю.

Затем она сняла любимый парик, вынула изо рта вставные зубы, сбросила туфли на высокой шпильке и пошла, смывать косметику, бормоча про себя:

– Замуж? Ещё чего!

АКТИВНОЕ ПОХУДЕНИЕ И СИЛА ВОЛИ

У Светы есть сорокапятилетняя приятельница, Марина, администратор того же Дома культуры, моложавая, симпатичная женщина. В последнее время из-за сидячей работы и постоянных перекусов она начала прибавлять в весе. Это обстоятельство сильно огорчало Марину. Она считала, что именно накопленный вес мешает ей найти претендента на руку и сердце. Самостоятельные попытки избавиться от лишних килограммов ни к чему не привели, и она решила обратиться за помощью к столичным специалистам: нашим вологодским свою красоту не доверила.

Не знаю, что там, в Москве, и за какие деньги с ней делали, но по возвращении домой она оставила перекусы, ест по часам небольшими порциями и начала активно худеть. Прямо на глазах менялась. И все восхищались результатами лечения и её силой воли. Внешне всё было прекрасно: она хорошо и молодо выглядела. Но чем меньше Марина ела, тем скучнее становилась и больше жаловалась, что постоянно находится в нервном напряжении и часто срывается на родных.

В отличие от неё, Маринины коллеги по работе – «девчонки в возрасте» – насчёт похудения не парились: их и так мужчины не обходили вниманием. Они ежедневно чаёвничали между завтраком, обедом и ужином. А чай у нас, как водится, не пьют пустым, обязательно чем-нибудь да заедают, при этом особенным почётом пользуются пироги, пирожные и тортики. В связи с этим настроение у подруг Марины постоянно поддерживалось на высоком уровне.

В один из дней они сидели в буфете и пили кофе. Марина со скучающим видом вертела в руках стакан с минералкой. Света решила побаловать подруг вкусненьким, принесла из бара несколько порций торта на тарелке и поставила на стол. Подружки с удовольствием взяли по кусочку и из вежливости предложили Марине присоединиться. Та, хотя до этого случая отказывалась, жадно

схватила кусок торта и быстрее всех его проглотила. А одна из подруг, тоже сторонница похудения, смакуя торт, сказала:

— Что-то, девки, торт сухой, надо бы пожирней взять!

«Девки» переглянулись и захохотали. Вот вам и похудение! Вот вам столичное лечение и сила воли!

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

Моя бабушка, бывало, ложась спать, что-то напёптывала и при этом узелки на память завязывала. А утром встанет, узелки перебирает и думает: «Что же это я такое запомнить хотела?»

Я об этом подумала, когда сегодня утром не могла вспомнить, куда очки положила, обыскалась вся. Бабушка по этому поводу говаривала:

— Нетути, чёрт хвостиком накрыл! — и продолжала, — чёрт, чёрт, поиграй и отдай!

Мне это присловье всегда помогало, вот и сейчас только выговорила его, как очки нашлись.

«АНГЕЛ МЭРИ, ПЕЙ КОКТЕЙЛИ, ДУЙ ВИНО»...

(Весело о грустном)

В последнее время я всё меньше смотрю телевизор потому, что телевидение меня разочаровывает. Смотришь какую-нибудь популярную передачу и думаешь: «Интересно, для кого они у нас в провинции всё это показывают? А ведь провинция — это большая часть нашей страны!»

Всё реже смотрю любившуюся мне когда-то передачу «Модный приговор», всё меньше радуюсь встрече с глубоко уважаемыми мною Александром Васильевым и Эвелиной Хромченко,

несмотря на то, что они, несомненно, большие профессионалы в своём деле. Александр Васильев всегда поражал меня невероятными возможностями варьирования мужского костюма и глубокими знаниями истории вопроса. Я иногда даже вздрагивала от неожиданности при виде его нового облачения и лука, как он выражается. А Эвелина Хромченко так умна, изящна, так погружена в свою профессию, так много может рассказать об одежде и продемонстрировать, не жалея себя, последние новинки моды! И, как правило, они чудесно смотрятся на ней.

Однако при этом почему-то вспоминается одна фраза из учебника, вбитая мне в голову в молодости: «Страшно далеки они от народа»! Ну, кому, скажите, адресует милая, с иголочки одетая и дивно причёсанная Эвелина Хромченко, меняющая даже очки как перчатки, изящное рассуждение о необходимости каждой нашей женщине иметь в гардеробе маленькое оранжевое платье для коктейля?

Я сразу представила себе гардероб среднестатистической вологжанки от пятидесяти пяти и старше. Обычно он состоит из одного всесезонного стёганого пальто неопределённого, немаркого цвета, одной весенне-осенней куртки такого же цвета и самостоятельно вязаной шапочки, а также одного шарфа, «винтажных» чёрных брюк (одна пара) модели семидесятых годов, одной тёплой кофты и футболки, фетровых полусапожек с говорящим названием «Прощай, молодость», стоптанных чёрных туфель, а также тапок, резиновых сапог на слякоть и зимних рукавиц. Ещё у неё есть и домашний гардероб: халат, старая ночнушка, треники с пузырями на коленках, рваные колготки, которые даже под «винтажные» брюки надевать неудобно, и фартук.

Маленькое оранжевое платье для коктейля почему-то совершенно не вписывается в этот гардероб. Тем более что мы, среднестатистические вологжанки, предпочитаем не бывать в обществе, где пьют коктейли — у нас собственная гордость!

ТЕЛЕФОН С АВТООТВЕТЧИКОМ

Александр Иванович, начальник среднего уровня (секретарша ему была не по чину), мужчина предпенсионного возраста, поставил на работе телефон с автоответчиком. Всем отвечал приятный молодой женский голос.

Как-то раз звонит ему на работу жена, которая не знала, что такое автоответчик, и слышит:

– Извините, Александра Ивановича нет на месте.

Жена звонила ещё и ещё, каждый раз разговаривала с автоответчиком.

Когда вечером Александр Иванович вернулся домой, она в сильном раздражении крикнула ему:

– Ну что ты там за бестолковую б.... завёл? Целый день ничего от неё добиться не могла!

Я — НИКОЛАЙ ИЗ ЧЕРЕПОВЦА!

Водном вологодском санатории к моей подруге Оле, яркой женщине и массовику-затейнику подошёл бодрый пенсионер лет семидесяти с явным намерением поближе познакомиться и представился:

– Я — Николай из Череповца! А если б денег было много, то был бы Николай Петрович!

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ФРАНТЫ СОВЕТСКИХ ЛЕТ,

они же щёголы, стилияги, пижоны и т. п. в провинции

Писать о женщинах, придающих значение своей внешности и ежедневно пекущихся о красоте, — только впустую бумагу марать и потому, что об этом написаны горы книг и статей, и потому, что наряжаться для женщин так же естественно, как дышать. А вот о франтах-мужчинах, особенно в советской России, мы знаем мало, ибо существовало расхожее мнение, что русский мужик должен быть немного красивее обезьяны, а всё остальное неважно.

И всё-таки они были в нашей советской стране, эти «очаровательные франты минувших лет», которых называли то щёголями, то стилиягами и пижонами, в зависимости от временного фона и профессиональной среды, в которой они находились.

Нужно заметить, что в течение советского периода русским франтоватым мужчинам жилось не всегда легко и путь их не был усыпан розами. Помнится, что в послевоенное время в городском окружении отношение общества к ним было самое что ни на есть негативное. Например, в шестидесятые, семидесятые годы двадцатого века щёголей (их тогда называли стилиягами и пижонами) осуждали, о них писали фельетоны, на них рисовали карикатуры в сатирическом журнале «Крокодил». Их сторонились и пытались гнать, поскольку многие из них любили то, что считалось чуждым советской личности: зарубежное кино, рестораны, вечеринки с девушками, не всегда комсомолками и отличницами. Как ни странно, они знали, что в нашей жизни секс и тому подобные неприличности бытуют, несмотря на то, что власти делали вид, будто ничего подобного в стране победившего социализма нет и быть не может.

Однако по прошествии исторически небольшого отрезка времени мы из социализма совершенно неожиданно для себя

шагнули в капитализм. И оказалось, что, в сущности, щёголь — это просто жизнелюбивый, безобидный человек, в привычках которого не было и нет ничего криминального, и картина жизни людей в советском обществе была бы без него неполной. Если он и наносил какой-либо ущерб, то только себе самому и своей бессмертной душе, подчас даже не подозревая, что он щёголь и чем-то отличается от остальных людей.

На своём довольно длинном жизненном пути я встречала нескольких настоящих франтов. Ради краткости я напишу только о трёх из них, самых ярких — таких разных и, конечно, являвшихся продуктом своего времени, воспитания и среды. Для меня они представляют собою как бы архетипы советских франтов. Впрочем, со мной можно спорить.

Первый щёголь, который произвёл на меня неизгладимое впечатление, был отец моего шестилетнего друга детства Мишки — наш сосед по коммунальной квартире Михал Иванович Петров. Как и мой отец, он служил в Советской армии в чине майора. Наши семьи располагались на первом этаже двухэтажного восьмиквартирного барака с двумя входами. В отсеке, где жили мы, находились две крохотные двухкомнатные квартирki с общей кухней, коридором и уборной. Две семьи — это немного. Мы дружили и любили друг друга почти по-родственному. Двери всех комнат оставались всегда открытыми. Для детей — меня, моего маленького брата Вовки и Мишки — эта территория была общей. Мы звали соседа дядей Мишей, а его жену — тётёй Раей. Мишка тоже величал наших родителей дядей и тётёй. Матери по очереди кормили нас и выпускали во двор погулять. У Мишкиной мамы не было дочки, поэтому она относилась ко мне с особенной нежностью и, взяв на руки, говорила:

— Расти, Танюшка, Мишка на тебе женится, и вы родите мне внучку!

Я важно соглашалась, понимая, что без девочки Мишкиной маме никак нельзя. Наши отцы оба воевали в Финскую и в Великую Отечественную. На их парадных кителях места сво-

бодного не было от орденов и медалей, которые они оплатили кровью и бесстрашием, защищая свою Родину от немецких фашистов. Объединяло их и происхождение — оба были родом из глухих вологодских деревень, куда в осеннюю или весеннюю распутицу и добраться-то было почти невозможно по причине полного бездорожья. Как и почему стал щёголем дядя Миша, деревенский паренёк из бедняцкой семьи, который всё детство и юность крутил коровам хвосты и ходил без штанов, в длинной полотняной рубахе и в лаптях за плугом, можно только догадываться...

Михал Иваныч, плотный, весёлый мужчина маленького роста, являл собой образец аккуратности и чистоты. По утрам, одетый в белую майку и пижамные полосатые брюки, он выходил на общую кухню, снимал майку, перед осколком зеркала на стене брился опасной бритвой и долго плескался в раковине, ухая и ахая, когда жена ковшиком обливала его торс и голову ледяной водой из-под крана. Горячую воду можно было получить только из кастрюли или бачка на плите, которая отапливалась берёзовыми дровами. Мы стояли поодаль и, открыв рот, наблюдали за этой процедурой. Ничто не могло ускользнуть от пытливого детского взора. После мытья дядя Миша щедро лил в ладони одеколон «Шипр» (кстати, с тех пор запах «Шипра» почему-то вызывает у меня некоторое отторжение), смачивал им своё розовое лицо и растирал пухлые щёчки, затем расчёсывал и укладывал маленькой расчёской влажный полубокс, наводя идеальный пробор, и с удовольствием смотрел на себя в зеркало. Далее дядя Миша следовал в уборную. В жизни он всё делал с удовольствием, и в уборной, совершая утренний ритуал освобождения от остатков вчерашней пищи, громко и фальшиво пел арию Мельника из оперы «Русалка» А. С. Даргомыжского. Дядя Миша обожал оперу с тех пор, как после войны учился в Академии Генштаба в Москве.

Завтрак Михал Иваныча обычно состоял из трёх яиц, сваренных им самолично вкрутую, и трёх толстых кусков свеже-

го хлеба с маслом. Рядом с собственной его тарелочкой стоял стакан в металлическом подстаканнике с горячим, крепким, сладким чаем. Дядя Миша был чрезвычайно брезглив, и вся посуда, которой он пользовался, стояла отдельно даже от посуды его семьи. И не дай Бог, было кому-нибудь случайно взять его чашку или тарелку! Думаю, что эта брезгливость коренилась в старообрядчестве его предков — их вера запрещала пользоваться одеждой и посудой чужих людей, и свои вещи они не давали никому, разве что единоверцам.

После завтрака он отпаривал через кусок марли стрелки на военных брюках и гладил свежую рубашку, не доверяя эту важную и приятную работу жене, а затем приступал к подготовке, в зависимости от погоды и сезона ботинок или сапог.

Стоит задержаться на его отношении к собственной персоне. Дядя Миша трогательно и нежно любил себя. Всё, что касалось частей его тела или деталей одежды, он называл уменьшительно-ласкательными словами: тело своё он называл «тельце», руки и ноги — «ручками» и «ножками», и так далее. Соответственно, ботинки и сапоги назывались «ботиночками» и «сапожками». Уход за ними составлял отдельную страсть Михал Иваныча. Он начищал свою обувь до зеркального блеска перед каждым выходом на улицу, как будто собирался на парад. Сначала он протирал обувь влажной тряпочкой, потом щедро наносил на мыски и пятки чёрную ваксу и другой тряпочкой растирал её по поверхности ботинка или сапога и оставлял на некоторое время, чтобы вакса впиталась в кожу. И наконец, надев сапоги, брал две щётки и драил их до тех пор, пока они не начинали сиять и отражать окружающую действительность — довольное, красное от усилий дядимишино лицо и тусклую лампочку на потолке коридора. Сапожки Михал Иваныч заказывал мастеру, поскольку был обладателем маленькой изящной ножки тридцать шестого размера, и найти на него готовую форменную обувь было невозможно. Дядя Миша снабжал сапожника мягчайшим хромом, офицерам его тогда выдавали на службе, и приказывал спать

сапоги, удобнее и краше которых не существовало на свете. И в самом деле, сапожки нашего соседа в готовом виде являли собой произведение искусства.

Любо-дорого было видеть, как ухоженный, наглаженный, начищенный дядя Миша надевал новенькую фуражечку, тем самым как бы ставя точку в завершении облика образцового советского офицера, и отправлялся в полк на службу.

Мне так хорошо помнится его идеально стриженная голова — ни одна волосинка не смела покинуть предназначенного ей места! Не забыла я его счастливую улыбку, уверенного в своей неотразимости человека: будто и сейчас слышится мне скрип сияющих сапог, видятся идеальные стрелки на брюках. Невольно думаю: а любил ли он ещё кого-нибудь, кроме себя? И вспоминаю, что да, любил — и жену, и маленького Мишку, и нас с братом. Он никогда не забывал чмокнуть в щёку свою Раю на прощание, потрепать Мишку по голове и улыбнуться нам с Вовкой. Он отдавал жене большую часть зарплаты, оставляя себе заначку «на мелкие расходы». Он даже приносил тётке Рае по праздникам пучок полевых цветов. Но по-настоящему счастлив он бывал именно в те утренние часы, когда «творил» из себя красавца, бравого гусара, которому и чёрт не брат. Это ли не франт, не щёголь?

Вторым моим любимым щёголем был директор школы, в которой я училась с шестого по одиннадцатый класс. Его звали Виталий Александрович Нездешний. Как шла ему эта фамилия! Во время Великой Отечественной войны он попал к фашистам в плен, бежал из концентрационного лагеря, попал к партизанам, вместе с ними присоединился к регулярным войскам и с боями дошёл до Берлина. После войны (с таким-то пятном в биографии, когда и за меньшие провинности, чем вражеский плен, попадали в сибирские лагеря!) умудрился получить высшее образование, стал учителем английского языка и в кратчайший срок прошёл карьерный путь до директора школы. Конечно, этому способствовало и то, что мужчин в сфере об-

разования мало, но Виталий Александрович был ещё умён и талантлив, занимался наукой и в описываемое мною время только что защитил кандидатскую диссертацию по английской литературе. По научным делам он часто ездил в столичные города, и весь вид его говорил о том, что он... нездешний! Когда наш директор шёл по коридорам школы или по улице, невозможно было не обратить на него внимания. Он производил впечатление человека, только что покинувшего Бродвей или на худой конец Невский проспект. Когда он входил в класс, как будто волна свежести поднималась и опала на наши пустые головы. Эта свежесть была изрядно сдобрена тончайшим и моднейшим мужским парфюмом. И это происходило в те времена, когда мы понятия не имели, что такое парфюм, тем более мужской. И это завораживало.

Виталия Александровича я помню до мельчайших подробностей. Умная седая голова с залысинами была подстрижена по последней моде, с маленькими аккуратными бачками, набрилинена и причёсана аккуратно, волосок к волоску. Ухоженные, мягкие ладони с длинными пальцами и чистыми, подпиленными ногтями выдавали его регулярные походы к маникюрше. Тонкая щёточка усов намекала на то, что он им уделяет много мысли и времени: весёлые с хитринкой маленькие глаза меняли цвет в зависимости от того, как мы себя вели — от прозрачно-серого до стального.

А как он был одет! Мы считали, что Виталий Александрович одет, как английский лорд! И были недалеки от истины. Он одевался как будто скромно, но видно было, что эта скромность дорогого стоит. Вещи, которые составляли его костюм, были исключительно импортные. Обычно он предпочитал тёмно-серые или чёрные, хорошо отглаженные классические брюки, безупречно белую рубашку с крахмальным воротничком и манжетами, которую менял ежедневно. Виталий Александрович всегда носил строгий тёмный галстук, пристёгнутый к рубашке изящной золотой заколкой, а манжеты

украшали тяжёлые золотые запонки. (Заметим, что золото в те времена стоило дешёво.) Поверх рубашки он любил надевать пиджак из мягкого твида в тонкую, почти незримую некрупную клетку. Пиджак был более светлого оттенка, чем брюки, и вносил в ансамбль едва заметную неформальную ноту. А обувь! Он носил только импортную обувь, меняя в зависимости от оттенков костюма цвет и форму ботинок. Это были либо чёрные узконосые туфли, либо коричневые ботинки с мягко закруглённой носовой частью и всегда абсолютно чистые. Никогда, даже летом, мы не видели на нём ничего похожего на сандалии. Обувь Виталия Александровича хоть и приближалась к модным образцам, но не переходила грани приличия: в ней не было той нарочитости и крайностей, которые позволяют себе модники всех времён. Его девизом была корректность и сдержанность в одежде и в поведении.

Садясь перед нами на стул, он приподнимал штанины кончиками пальцев, и нашим взорам предстали чистейшие тёмные носки в рубчик, на которых мы не видели ни единой морщинки или складочки. Предполагаю, что культуру одежды он вынес из английской литературы, которую знал блестяще.

Увы, вам современные гопники и раздолбай, у вас не было и уже никогда не будет такого учителя и директора, как наш блестящий Виталий Александрович! Он был для нас чудом и примером для подражания.

В шестидесятые и семидесятые годы среди моих друзей и одноклассников было уже много щёголей. Время наступило такое. Сталинская стальная жёсткость сменилась хрущёвской оттепелью, и с Запада потянуло свободой — ещё не мысли: свобода касалась выбора музыки, одежды, манеры поведения. И «пошла плясать губерния» в прямом и в переносном смысле этого выражения. Молодёжь переделалась в модные разноцветные вещички и плясала рок-н-ролл, твист и чарльстон.

Стиляги и пижоны занялись поиском и перепродажей модных вещей. Фарцовка превратилась чуть ли не в профессию,

которая считалась незаконной, но на существование фарцовщиков, по-старому спекулянтов, смотрели уже как бы сквозь пальцы и привлекали к уголовной ответственности только крупных дельцов, которые спекулировали валютой или шмотками по-крупному. Вот откуда тянутся корешки нынешнего легального торгового бизнеса, который гордо называет себя предпринимательством.

В нашем городе в дни моей юности одним из самых ярких пижонов и фарцовщиков был длинный, тощий Слюнявый Жорж, или просто Слюнявый, а в простонародье – Юрка Копейкин. Слюнявым его прозвали за то, что в запальчивости он говорил быстро, шлёпая толстыми красными губами и брызгая слюной. Жорж занимался фарцовкой не только для заработка, он отдавался делу со всей душой, на себе демонстрируя новейшие модные веяния. Это был случай, когда призвание мирно уживалось в человеке с жадностью. Он появлялся в компании в американских синих джинсах и с пеной у рта доказывал, что они не «палёные», а настоящие «левиса». Так он называл джинсы фирмы «Леви Строс». В доказательство чистоты помыслов и желания угодить клиентам Жорка совал нам под нос кожаный «лэйбл» с названием фирмы на заднем кармане, снимал с себя эти великолепные джинсы и ставил в угол. Шастая по комнате в одних плавках и майке, он перебирал тощими ногами с редкой рыжей порослью и захлёбывался от количества информации:

– Видите, видите, какие жёсткие, сами стоят, мать их! А как красятся! Настоящая американская «джинса» должна краситься, мать её! У меня до третьей стирки ж..а синяя была, во, какое качество! Берите, ребята. Отдаю дорого, но зато ни у кого в городе таких джинсов нет!

Мы смеялись над Жоркой, но всегда находилась охотник купить его «левиса», финские сапожки или модный батничек. Да и источники его товара были самые что ни на есть надёжные. Мы, используя выражение Владимира Ильича Ленина, называли их «три источника, три составные части» доходов Слюня-

вого. Его мамаша служила в отделе торговли в облисполкоме и регулярно бывала на обкомовских дачах. На этих дачах существовал незаметный, но заветный магазин-распределитель, в который завозили импортные товары прямо из-за границы. Там Жорка и окормлялся. Кроме того, где-то в дебрях Заречья вполне легально располагался магазинчик лесников. Наши лесники в те годы (как, впрочем, и сейчас) торговали с Финляндией круглым лесом, поэтому в магазине всегда лежали финские модные вещи. Жорка, конечно, знал, где находится этот магазин, но хранил информацию при себе — он добывал одежду на перепродажу и там. Со временем нашла его и я, это помогло мне самой добывать себе «импорт». Третий источник — Жоркин друг Витька Смирнов — жил в Ленинграде и ходил на торговом судне в заграничавания. Из Швеции и Норвегии он привозил американские сигареты — «Кэмэл», «Филипп Моррис» и «Мальборо». Слюнявый сбывал их в розницу от пачки до одной сигареты с большой наценкой. Но кто мог устоять перед этой красотой и нездешним ароматом? Те, кто покупал у него целый блок, считались недосыгаемо богатыми счастливыми. Ещё Витька привозил ему модные польские духи «Быть может» и «Пани Вавлевска», а также серебряные цепочки и крестики, бывшие тогда в большой моде. Привозил он и ленточные бобины с модной музыкой, особенно котировались записи «Битлз» и «Роллинг Стоунз». Жорж множил эти записи у себя дома и тоже продавал.

Кажется, занимаясь таким делом, человек должен бы из осторожности сам одеваться скромно и незаметно. Но Жорка был в душе маркетологом, хотя и не знал этого слова, по его прикиду всегда можно было определить, что сейчас носят в столицах и, может быть, даже за границей. Жорка первым в городе нарядился в широченные брюки клёш, красную приталенную рубашку и ковбойские ботинки на каблуке. У него первого появился стильный кожан. А однажды он поразил всех, явившись на встречу с клиентурой в белой рубашке с широкими рукавами и жабо! Многие считали его, как выразились бы теперь, иконой

стиля. Однако всё на нём смотрелось как будто через увеличительное стекло, кричало и бросалось в глаза. Кроме того, недо-ставало Копейкину трогательно-нежного отношения к себе Ми-хал Иваныча и тонкости вкуса Виталия Александровича.

Он остался в моей памяти человеком, резко выделявшимся среди моих друзей. Мозги у него были устроены не так, как у всех нас: уже тогда он желал стать богатым и жить широко. Он тре-петно относился к своей торговлишке, к заграничным вещам, ко-торые в ту пору отличались высоким качеством. Отечественная одежда и обувь, к сожалению, не выдерживали сравнения с ними. Для меня Жорка был ярким пятном в наших серых буднях, и хотя в глубине души я почти презирала его за излишнюю привержен-ность к вещам и деньгам, но его щегольство, живость, умение заставить жизнь бурлить вокруг себя, открытое отношение ко всем как-то оправдывало Слюнявого в моих глазах. Несомненно, он сильно разнообразил вологодскую провинциальную жизнь. И Бог с ними, с деньгами: за всё время знакомства с Копейкиным я купила у него только японский зонтик, осенние польские сапоги и духи «Быть может». Не сильно он на мне нажился!

Сейчас всё так изменилось, что найти подобных моим геро-ям людей почти невозможно. Они так любили жизнь, столько сил и умения тратили на свою внешность (пусть и впустую), так верили в свою привлекательность и непогрешимость, в то, что именно они украшают собой существование окружающих, что это делало их неотразимо забавными и вполне достойными па-мяти. Теперь наше общество расслоилось на очень богатых лю-дей и голытьбу: интеллигентов, пенсионеров, студентов и гош-ников. У богатых столько денег, что щегольство приносит им лишь мимолётную радость. Все остальные живут скучнее, чем раньше. Одежды для бедных много, но она унифицировалась, упростилась и стала более серой, что ли. В этом смысле мы те-перь живём, как все люди в мире, обладающие малым достат-ком. Лично меня это не волнует, у меня теперь другие ценности, чего и вам, читатель, желаю.

P.S. Дядя Миша и Виталий Александрович давно покинули этот бранный мир. Они испытали все тяготы войны, много потрудились и оставили о себе светлую память. Дядя Миша умер от инсульта в семьдесят восемь лет, будучи военным пенсионером, полковником, заслуженным человеком. Больное сердце Виталия Александровича отказало, когда ему было семьдесят. Доктор филологических наук, профессор, он был известен не только в нашей стране, но и за её пределами. А вот Жорка жив и процветает, зовут его нынче Юрий Иванович Копейкин, он – известный в городе предприниматель и богатый человек. Не миллионер, конечно, поздно обогащаться начал – во время перестройки, зато регулярно отдыхает в Испании, где прикупил недвижимость в виде домика на случай, если социализм вернётся. И ведь не боится призрака коммунизма, хоть и сильно похудевшего, но всё ещё бродящего по Европе. Помните революционную фразу: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»?

P.P.S. Всё описанное в этом рассказе – чистая правда, но образы персонажей собирательные, каждый из них вобрал в себя особенности нескольких знакомых мне людей, и искать в них сходства с кем-нибудь из ныне живущих в нашем городе будет пустой тратой времени и сил.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЩЕГОЛИХИ СОВЕТСКИХ ЛЕТ

Никогда не говори никогда! Ведь клялась же я себе не писать о советских женщинах-модницах. Оказалось, не так много о них и написано, а о провинциальных щеголихах – и того меньше, почти ничего. Да и «Очаровательные франты советских лет», по моему ощущению, требуют логического продолже-

ния темы. Несомненно, щеголеватых женщин в мире и в нашей стране гораздо больше, чем мужчин-модников, а значит, и тема есть, и предмет описания. И какой предмет! С уверенностью могу сказать: нет на свете женщин краше русских! Они не только красивые, но ещё и умные, работающие и покладистые. Стало быть, грешно не написать об их предпочтениях и пристрастиях в одежде в разное время.

Ах, какие женщины!

Сейчас скажу чистую банальность: каждая женщина стремится выглядеть привлекательно, она хочет нравиться себе, другим женщинам и мужчинам. Себе — для повышения самооценки; другим женщинам — чтоб завидовали; мужчинам — чтобы «падали от восторга и сами в штабеля складывались», ну и, чтобы было за кого замуж выходить и строить прочную ячейку общества. Для этого мы на протяжении всей истории человечества выработали целую систему оболъщения мужчин. Кстати, в этом нам помогали они сами, зная свои запросы и прихоти изнутри.

В эту систему входит широкое понятие моды, включающей в себя самые новые направления в создании одежды, обуви, украшений, духов, средств макияжа, ухода за телом, волосами, кожей лица и ногтями. То есть заботиться надо о каждом сантиметре женского тела — от макушки до кончиков пальцев. И это оправданно: согласитесь, ухоженная дама выглядит гораздо привлекательнее неухоженной.

Ах, мужчины, если бы вы знали, на какие жертвы именно для вас идёт почти каждая женщина! В борьбе за своего единственного она способна при самых скромных внешних данных сотворить из себя красотку, богиню, а выйдя замуж, ею оставаться, если хочет крепкой семьи. Да-да, оставаться красавицей, хотя в нашей стране никто не отменял в жизни женщины пробежки по магазинам за продуктами после работы, а в прошлом веке — очередей! О, эти многочасовые очереди за продукта-

ми и модными шмотками! Они укорачивали жизнь и те часы, что каждая из нас могла бы провести со своими любимыми! Ещё совсем недавно мы стирали бельё руками и полоскали его в речке зимой в проруби! Постоянно готовили завтраки, обеды и ужины, мыли горы посуды. Погода в доме зыбко держалась на чистоте, готовке, рождении детей, кормлении, одевании, воспитании и сопровождении их в детские сады и школы. Сколько надо было иметь сил и стойкости, чтобы, выполняя всё это, как само собой разумеющееся находить время для любимого, отвоёванного у других желающих. А грядки и посадки в деревне или на даче, поездки в лес за грибами и ягодами? Последнее рассматривалось исключительно как отдых. А если женщина плюс ко всему училась в институте, потом в аспирантуре и, например, писала стихи и прозу (вот баловство-то!) или занималась общественной работой? Такой женщине надо бы памятник при жизни ставить.

Пиджак наброшенный и речной жемчуг

Вообще, у нас памятник надо ставить каждой женщине, особенно деревенской. На этом месте я задержусь. В советское время крестьяне у нас были как-то не в чести, государство отводило им второстепенную роль, может быть, из политических соображений, памятуя, что в деревне всегда был крепок частный сектор. Крестьянин, имевший хозяйство, не сильно радовался революционным преобразованиям, поскольку мог прокормить семью и без посторонней помощи. Принято было в городе надуть щёки и через губу, с презрением, говорить о сельском жителе: «Деревня! Ни одеться, ни вести себя не умеет». Между тем в нашем городе Вологде про каждого можно сказать «деревня», ибо все мы из неё вышли.

На самом деле любой мало-мальски неглупый человек понимал: жизнь и работа в деревне была каторжной, до семидесятых годов прошлого века самой низко оплачиваемой, село незаслуженно принижали. А уж деревенская женщина, особенно после

революции и всех последних войн, работала за себя и за всех не вернувшихся домой мужиков. Она и слова такого не слышала — «мода», лишь бы было чем тело прикрыть от холодов и дождей. Но даже в глухой деревне женщина оставалась женщиной, она хотела быть красивой и привлекательной.

Очередная банальность: особую привлекательность женщине всегда придавали чистота и опрятность в одежде и облике. Этим-то и славились русские крестьянки. Хотя и бедная на них была одежонка, зато щёлоком стиранная, на солнце высушенная и чугуном утюгом на углях глаженная. Помнится, бабушка Сима из нашей деревни летом всегда носила длинную тёмную юбку, светлую блузку из домотканого льна, вязаную из овечьей шерсти длинную кофту, по погоде — резиновые сапоги или тапки и через день меняла фартук: единственное, что она могла себе позволить часто менять. На голове всегда сиял белизной видный издалека, с дороги, платочек. По нему мы определяли — дома баба Сима, в огороде или ушла в коровник, в поле, в лес. В холодные сезоны она на ту же блузку с кофтой надевала телогрейку, на белый платочек — вязаный шерстяной платок, а на ноги — валенки с галошами. Зимой на выход (например, для поездки в райцентр) одевалась в жакетку из чёрного плюша на вате, доставшуюся ей по наследству ещё от собственной мамы — вот и вся мода.

Молодые женщины и девушки летом носили ситцевые платья и платки, где-то добывали отечественные ботинки, но в основном тоже ходили в кирзовых и резиновых сапогах; чулки носили незатейливые — хлопчатобумажные — они держались на ногах круглыми резинками. Платья, юбки и блузки шили сами или заказывали у деревенской швеи, которая не отличалась фантазией и одевала всю деревню одинаково. Там, где не было ни швеи, ни швейной машинки, одежду мастерили с помощью иглы и ниток. Как же аккуратно и красиво получалось — стежочки ровные, одинаковые, ни за что не догадаешься, что это ручная работа! В праздник особым шиком было надеть поверх платья мужской пиджак, в уши вдеть скромные серёжки, а шею

украсить старинной ниткой бус неровного речного жемчуга. Туфли в обиходе тоже случались, но их носили только во время поездок в город — в дороге переобувались.

Волосы заплетали в косу или в две косы и убирали под платок: так они меньше мешали работать.

Из косметики деревенские женщины знали лишь помаду, да и то начали ею пользоваться в семидесятых годах, но не все, и только по праздникам — в клубе да на танцах и с большой осторожностью: деревенские парни и мужики не любили, когда бабы и девки красились.

Городские щеголихи. Офицера жена — тётя Галя

Самыми большими модницами в провинции считались офицеровы жёны, особенно в пятидесятых, шестидесятых годах. Чувствуете, какая неприязнь сквозит в этих словах? Причиной тому служило тщеславие жён военных, их желание выставить напоказ свои тряпки и безделушки перед голодным и раздетым после войны женским большинством. Часто вслед расфуфыренной даме язвительно замечали: «Вон жертва моды пошла!»

Мы жили тогда в Архангельске. Офицеровой женой и жертвой моды называли тётю Галю — соседку и маму нашего с братом дружка, Юрки. Но мне она казалась самой красивой и шикарной женщиной на свете.

На дворе стоял 1956 год, в военном городке показывали много привезённых из побеждённой Германии фильмов с Гретой Гарбо, Мэри Пикфорд и Марлен Дитрих в главных ролях. Журналов мод мы тогда не знали, и эти фильмы служили неисчерпаемым источником модного вдохновения тётя Гали и прочих дам из нашего городка. Они копировали даже причёски американских кинозвёзд. Причём кудрей тогда добивались самым изверским способом — с помощью электрической завивки. Так и вижу дородную тётю Галю перед зеркалом в парикмахерской, куда мы с Юркой и братом Сашкой неизменно её сопровождали. Ей только что разделили волосы на пряди и закрепили каки-

ми-то резиновыми штучками, потом чем-то смочили, на что-то накрутили, проложили бумажками и включили электричество. Вся экзекуция длилась минут пятнадцать, затем волосы остывали и с головы всё снимали, оставляя тонкие спиральки смешных кудряшек и противный запах горелых волос. Говорили, такая завивка держалась очень долго, почти полгода, поэтому её ещё называли шестимесячной. Однако волосы со временем отрастали, приходилось начинать всё снова, но предварительно ножницами следовало срезать старую завивку, иначе могла подгореть и отвалиться вся шевелюра.

Тётя Галя, вслед за любимыми артистками, ярко красила губы, сурьмила свои широкие брови, сросшиеся на переносице, и пуховкой наносила на красные щёки и нос рассыпчатую розовую пудру из хрустальной круглой пудреницы. Ей нравились узкие юбки длиной до середины икры, с разрезом сзади, и шёлковые блузки. Она носила расклепённое драповое полупальто и туфли на высоких толстых каблуках, вставленные в чёрные резиновые ботинки на кнопочках. Её маленькую голову на полной шее украшала миниатюрная шляпка с вуалькой — этакая фетровая полоска от уха до уха, с резным бантиком сбоку. Шляпа чудом держалась на голове с помощью тонкой резинки, заправленной сзади под волосы.

В отличие от деревенских красавиц, тётя Галя была счастливой обладательницей шёлкового белья и прозрачных чулок со стрелками. Скорее всего, эти шикарные вещи покупались в комиссионках, куда их сдавали моряки. Они возили из-за границы особенно пользующееся спросом импортное бельё: белые, розовые и чёрные бюстгалтеры, пояса с резинками, шёлковые панталоны и комбинации. Отечественный бельевой трикотаж среди офицерских жён не котировался, он не отличался красотой, хотя был крепким и носким.

Многие женщины в военном городке не работали, и тётя Галя тоже. В будние дни дома она попеременно носила два халата. Один «китайский» — шёлковый, украшенный восточным

рисунком с широкими рукавами. Другой – ситцевый в цветочек, с длинной широкой юбкой, щедро отделанной рюшами. Она зябко прятала руки в широких рукавах «китайского» халата или кокетливо запахивала разлетающиеся во время ходьбы полы ситцевого халатика. В праздники тётя Галя наряжалась в шикарные платья из панбархата или крепдешина. Её обшивала чудо-портниха, Муся. Из небольшого отреза невероятными усилиями добытой в комиссионке ткани она умудрялась выкроить юбку «полусолнце», а верх платья приладить по фигуре, подложив большие плечики, бывшие тогда в моде. Тётя Галя выглядела во всём этом великолепии совершенно неотразимо.

Среди полковых дам популярностью пользовались драгоценности – полные ручки тёти Гали были унизаны кольцами с камушками, а запястье перетягивал массивный золотой браслет. Обручальные кольца тогда не носили, как пережиток прошлого, но даже у моей скромной мамы были ручные часики в золотом корпусе и комплект, состоявший из тонкого колечка и небольших серёжек с настоящими крошечными рубинами. Мама подарила мне этот комплект на окончание школы, а я его благополучно потеряла.

Спасительные курсы кройки и шитья

Моя мама не считалась модницей. В отличие от тёти Гали, она имела троих детей и работала в школе. Как я понимаю, у неё не хватало времени, а может быть, и денег, чтобы ходить к портнихе или искать вещи по комиссионкам. В общем, одевать себя, нас с братом и сестрёнкой мама приспособилась сама – после окончания курсов кройки и шитья. Эти спасительные курсы были очень популярны и позволяли многим женщинам экономить средства на еду.

С тех пор и до конца семидесятых годов юбки, платья и даже костюмы себе, мне и моей младшей сестре мама шила сама. А брату шила ситцевые трусы и летние брюки. Зимой мы носили школьную форму, уж она-то всегда присутствовала в магазинах. Мамины и мои платья были довольно скромными.

Ткани для них покупались в простых магазинах — там, где на полках лежали свитки холста, бельевого хлопка, ситцев, сатинов и поплинов, полушерсти и изредка шёлковых тканей. Дети росли, раз в два года мама шила по ситцевому, летнему платьицу каждой из девочек. И мы с радостью носили эти обновки, они позволяли, не задумываясь, бегать по лужам, влезать на заборы и крыши сараев — в общем, предаваться счастливой детской жизни.

А вскоре наша лёгкая промышленность начала выпускать вполне приличные вещи с тем только недостатком, что в магазины в большом количестве целыми партиями поступала совершенно одинаковая одежда и обувь. Купит мне мама, бывало, плащ или пальто, надену его — и встречу по пути в школу (в десятом, одиннадцатом классах) или в институт «Родных сестёр», точно в такой же одежке.

Невероятные семидесятые

В начале семидесятых годов мои сверстницы и я почувствовали себя уже взрослыми девушками. И мы, конечно, интересовались модой. У нас появились журналы мод из Москвы и Риги. Рига казалась чем-то далёким, недоступным и почти заграничным, поэтому и рижский журнал мод пользовался особенным спросом.

Кроме официальной моды, среди молодёжи существовала собственная мода, она внезапно вспыхивала и молниеносно распространялась. К примеру, среди девочек вдруг остро модными стали мужские зимние шапки, и этот тренд держался не менее десяти лет. У меня такой шапки не было, хотя очень хотелось!

А что делалось с появлением плаща «болонья», так называлась итальянская ткань, из которой такие плащи шили. Их хотели иметь все, от мала до велика! Этот короткий, прямой плащ коричневого или стального цвета чудесно шуршал при каждом движении и был пределом наших мечтаний. Его носили стар-

шекласницы и старшекласники, конечно, те, кому удавалось это счастье достать. Тогда же в нашем лексиконе появилось слово «достать», то есть проявить недюжинные способности и оборотистость, чтобы заполучить желанную вещь. В нашей семье заниматься «доставательством» считалось позором; мама — коммунистка, учительница истории, а потом директор школы, считала это недостойным занятием для советского человека и особенно школьницы. Так что у меня плаща «болонья» не было. Но я по этому поводу не переживала — зависть мне была чужда.

Большую роль в провинциальной моде, как прежде, играло кино. В одиннадцатом классе многие девочки под влиянием французского фильма «Бабетта идёт на войну» отрезали косы и научились начёсывать волосы. Взбитая причёска так и называлась — «бабетта». Как ни сопротивлялись учителя и родители, мы все возводили на своих молодых и глухих головках нечто похожее на «бабетту», а затем под влиянием нового итальянского кино почти всем классом сделали стрижку «под мальчика». Я тоже стремилась идти в ногу со временем и со всеми, хотя у меня была толстая красивая коса до колен. Мама целый год не разрешала мне остричь косу, но потом под напором моих доводов, просьб и слёз сдалась.

Одна девочка из нашего класса, приехавшая с родителями из Германии, где служил отец семейства, повергла в культурный шок весь класс и всю школу, появившись на одном из праздничных вечеров в широкой нейлоновой юбке колоколом с подъюбником на пластмассовом обруче. Обручей в Вологде мы не нашли, но юбки и подъюбники тут же смастерили. И как шикарно было отплясывать в них чарльстон и твист на школьных вечерах! Из-под модных туфель-тапочек на плоской подошве только пыль летела!

Тогда же у нас возникла мода на специально сшитые школьные формы. В старших классах я училась в привилегированной школе, её посещали дети семейств, живших в центре города, к ним относились военные, учителя, врачи и партийные работ-

ники. Эти семьи не бедствовали, мои одноклассницы живо реагировали на перемены в моде того времени. Самые красивые и популярные девчонки сразу переоделись в новые формы из бордовой, тёмно-коричневой шерсти и из вельвета, сшитые в «Доме одежды». Даже фартуки этим девочкам шили из поплина и шерсти. Кто-то придумал украшать формы белыми, воротничками и манжетами, вязаными крючком. Многие научились вязать ради такой красоты. Я осталась в старой форме, но воротнички и манжеты вязала не хуже других.

В начале семидесятых годов в провинции революционно изменилась обувная мода. Появились узконосые лодочки, туфли на тонком невысоком каблучке — «гвоздике», или «шпильке», за ними следовали сапожки! Эти вожаделенные туфли и сапоги мы тоже впервые увидели в кино. Такую обувь уже можно было, отстояв очередь длиною в день, купить в специализированном отделе центрального универмага. Эта обувь поступала в универмаг из стран социалистического лагеря — Польши и Чехословакии.

Как ни странно, спрос на модные товары порождал не дополнительное производство или закупку, а дефицит — новое понятие, относившееся ко всему, что не лежало на полках в магазине, но было сокрыто в недрах директорского фонда и под прилавком у продавцов, поднаторевших в нелегальных продажах. Они продавали товар «своим», и не без выгоды лично для себя. Поэтому купить дефицитные вещи можно было «по благу», «из-под полы» или у фарцовщиков. Спекулянты предлагали нам модные шмотки из стран соцлагеря, а японские зонтики, импортную косметику, сигареты и ультрамодные джинсы — из капстран.

Джинсы «форэвэ» (навсегда)!

Мода на джинсы, эти немаркие рабочие брюки из плотного хлопка, смерчем ворвалась тогда в нашу страну и до сих пор царствует среди всех слоёв населения. Им все возрасты покорны. Даже моя девяностотрёхлетняя мама носит сегодня мои старые «Левиса» и совершенно счастлива, так ей в них удобно.

У меня с джинсами своя любовная история. Впервые я попала за границу в 1966 году, студенткой первого курса иняза Вологодского пединститута. Меня пригласила в гости девочка Мила из словацкого городка Свит, что в Высоких Татрах. Я переписывалась с ней с седьмого класса. В первый же день моего приезда Мила критически обследовала мой гардероб и заявила, что все вещи — два платья, юбка и брюки, сшитые мамой, никуда не годятся и их надо срочно переделать. Она была на год моложе меня, но в практичности и во многих женских навыках могла дать мне фору. Первым делом Мила существенно укоротила мои платья и юбку, заявив:

— У нас так не носят, юбка должна быть двадцать сантиметров над коленями!

Я во всём соглашалась с подружкой, не хотела выделяться среди её товарищей и казаться смешной. Мы сходили в детский магазин и купили мне недорогие серые джинсы для мальчиков словацкого производства. За вечер моя подруга волшебным образом превратила их в модные брючки, существенно заузив и укоротив штанины. Далее она проделала очень сложную операцию: поменяла на джинсах застёжку — вместо пуговиц вшила в гульфик металлическую молнию. Теперь отличить меня от окружающих можно было только по русскому языку и по знанию разговорного английского. Эти простенькие джинсы, хранившие тепло Милиных рук, я носила все четыре года учёбы в институте и не забуду их никогда. Они были первыми в чередё других, более модных и современных, прописанных на своей родине, в США.

Дневные красавицы

Одна моя подружка называла дневными красавицами накрашенных девиц, резонно полагая, что на ночь они смывают всю красоту!

В провинции семидесятых в моду вошла косметика. Мы не видели и не знали импортной косметики, так что верхом совершенства нам казались отечественные духи «Красная Москва»,

«Белая сирень», «Серебристый ландыш» и простая чёрная тушь для ресниц в маленьких картонных коробочках с пластмассовой щёткой. Поплюёшь, бывало, на эту тушь, разотрёшь щёткой – и красишься в своё удовольствие. Пудра и помада считались средствами ухода для взрослых женщин. Краски для волос и бровей использовались только в парикмахерских и тоже для взрослых. А как хотелось иногда, просто из любопытства, попудриться или накрасить губы!

В одиннадцатом классе мы с девчонками втайне от родителей учились подводить глаза, чёрным карандашом рисовали на верхнем веке чёрточку, похожую на большую запятую. Специальной косметики для этого в стране не существовало, и мы пользовались мягкими чертёжными карандашами. Взрослые продвинутые модницы поверх карандаша красили веки неизвестно где добытыми голубыми и бирюзовыми тенями. Ресницы отечественной тушью с добавлением хозяйственного мыла доводили до состояния стоячих стрел, а потом пальцем загибали вверх.

Школьницы в старших классах ещё не пудрились и губ не красили. Зато осторожно подкрашивали глаза и взбивали завитые на стальных бигудях волосы. А потом за отсутствием лака обрызгивали их подслащённой водой из пульверизатора для одеколona. Шикарный образ довершался юбкой-колоколом или укороченным платьем-трапецией, или каблучками-шпильками и шёлковыми чулками со стрелкой. Поскольку мы всё равно понемногу носили то одно, то другое, то третье, учителя смотрели на модниц сквозь пальцы, особенно если те хорошо учились. Троечницам и двоечницам их «неземная красота» ставилась на вид. В общем, в школе мы пользовались косметикой сдержанно, но за её стенами старались одеваться и краситься так, как нам нравилось, и в силу собственного понимания моды и красоты. Какие же мы были глупые и смешные!

В институте право пользоваться косметикой и модно одеваться обрело законные основания.

Модная жизнь уже тогда текла под девизом: можно всё! Под влиянием Запада у нас, пусть запоздало, но появились свои хиппи. Мы тоже хипповали — отрастили волосы до плеч, оделись в цветастые батники, приталенные короткие блузки и в широкие брюки клёш, обулись в тяжёлые ботинки на широком каблуке и толстой подошве под названием платформа! А я после поездки в Чехословакию сделала химическую завивку и стрижку «Длинный паж» а-ля Анджела Дэвис, так что волосы стояли торчком вокруг лица и придавали мне несколько странный и нездешний вид.

Весь этот, как сейчас говорят, лук (вид) необычайно шёл молодым и стройным девочкам и ребятам, хотя и сообщал им некоторую развязность.

Среди девушек в моду вошло курение. Это очень раздражало старших. Свобода в одежде, граничившая с неряшливостью и нарочито изображаемая свобода нравов, наводила на мысль о том, что молодёжь без дела болтается по городу, курит, пьёт, танцует и в голове у неё ветер. На самом деле лишь малая часть молодых людей могла себе позволить подобный образ жизни. Большинство же, несмотря на модные тряпки и причёски, училось в институтах и университетах, за комсомолом бежали на целину, в Сибирь и на БАМ — осваивать новые земли и работать в поте лица. В моду вошли студенческие строительные отряды, позволявшие молодым людям во время летних каникул заработать денег на учёбу и на почти безбедную жизнь. Модно было покупать и читать книги, писать и читать публице стихи, петь песни под гитару и обсуждать события, происходившие в родной стране и во всём мире.

Ударим «красотой» по бездорожью

В 1968 году я закончила учёбу в институте и в сентябре отправилась по распределению работать в Тарногский Городок. Тогда в эти места только самолётом можно было долететь. Представляете, какая «красота» полетела в райцентр на кукурузнике преподавать английский язык в сельской школе? На мне была серая мини-юбочка, расширенная к низу, с маленьким кармашком

(пришитым мамой для красоты), вязкая сине-белая полосатая блузка с коротким рукавчиком, на ногах — жёлтые чешские босоножки на невысоком толстом каблучке, а на голове — короткая стрижка с начёсом. Этот «стильный» вид подчёркивался ярко накрашенными глазами — голубыми тенями, чёрной подводкой и чёрной тушью на ресницах. К чести местных учителей надо сказать, что они и глазом не моргнули, когда увидели меня в первый раз: наверное, пожалели.

Вслед за мной в Тарногу прилетела одноклассница Геля. В модном смысле мне до Гели было как до Луны. Она сразу обращала на себя всеобщее внимание: и тем, что была хороша собой, и великолепным вкусом в одежде. Впрочем, её боевой раскрас мало чем отличался от моего, а волосы отливали одновременно тремя цветами — своим тёмным, светлым и местами рыжим, так краски легли. Среднего роста, с женственной фигурой, Геля была одета так, будто только что сошла с обложки модного журнала. Если на мне в основном были вещицы, спитые мамиными руками, то Геля носила импортные кофточки, платья и узкие юбки. Её хорошенькие ножки летом украшали чешские лодочки на шпильке, а зимой — австрийские замшевые полусапожки тоже на шпильке, и от них трудно было отвести глаза. Взрослые мужчины и мальчики из старших классов и не отводили.

Я зимой ходила в чёрном пальто на вате фирмы «Маяк» с воротником из овчины и в самостоятельно связанной шапочке из чёрной шерсти, а Геля носила шикарную шубку из каракульчи и кокетливый берет, сделанный из жутко модного и ещё мало доступного мохера. Другое дело, что зима нас быстро уравнила в одежде, поскольку в январе того года холод стоял небывалый: средняя температура воздуха составляла минус тридцать градусов по Цельсию, а в отдельные дни опускалась, страшно сказать, до минус пятидесяти двух градусов. Спасла от обморожения хозяйка, у которой мы с Гелей снимали комнату на двоих. Добрая женщина дала нам, непутёвым, по паре валенок и по шерстяному платку.

Жизнь в Тарноге была довольно суровой с её холодом и отсутствием городских удобств, так что почти на год о любой моде пришлось забыть.

Самый жуткий вид судьбе не помеха!

Я вернулась в город в самом начале восьмидесятых. Там текла совсем другая, новая жизнь, и у меня появились новые друзья и подруги. Кто-то познакомил меня с Галей С., художницей по трикотажу. Знакомство с ней я расценила как подарок судьбы: оно открыло мне дорогу в трикотажную мастерскую, превратившуюся впоследствии в фирму «Вологодский трикотаж», сокращённо — «Волтри». Даже просто смотреть на Галю было сплошным удовольствием, она демонстрировала на себе все новейшие модели, ею же и созданные. Не каждой женщине удавалось заказать в «Волтри» то, что мы видели на ней. Это были эксклюзивные, авторские вещи.

Помню первую встречу с Галей у наших общих знакомых. Невысокая, с большими карими глазами, худенькая, как и положено художнице и модели, она предстала передо мной в платье машинной вязки из тонкой шерсти в чёрно-терракотовой палитре. Оно было в полоску — от самой тонкой до широкой полосы в двух местах, у талии и по низу юбки. Верх платья, с широкими ультрамодными накладными плечами, с напуском, был собран на талии под поясок. Юбка, тоже широкая и длинная (в моду вошли миди и макси), мягкими складками обтекала Галину фигурку. Почти всё платье, связанное в роспуск, было полупрозрачно. Маленький плотный чёрный воротничок и такая же планка с пуговицами на груди завершали это сказочной красоты произведение искусства. Через некоторое время Галя продала его мне, а себе связала новое, ещё лучше. Я была выше и шире её в плечах, но художницу это не смутило, она загадочно глянула мне в глаза и молвила: «Танюша, трикотаж — понятие растяжимое!» Я до сих пор в этом уверена!

А потом были ещё платья, свитера и костюмы с модным люрексом и без, с рукавами «летучая мышь», да всего не перечесать. Галя стала для меня, как теперь выражаются, иконой стиля. Мне нравилось в ней всё: не только безусловный талант художника, но и вкус, и умение найти всё необходимое для своих шедевров. Удивлял парадоксальный ход её рассуждений, приводящий к точному воплощению замыслов. Она начинала создавать платье или костюм с покупки пуговиц! И уже к пуговицам подбирала нитки, рисовала модель и отдавала мастерицам в производство. А как просто и понятно она учила меня делать дневной макияж: «Надо накладывать пудру и краски бледно-бледно, но много-много!» И это в то время, когда от модной косметики с её кислотными оттенками, блёстками и перламутром рябило в глазах.

На зависть окружающим, во всяком случае мне так казалось, я ходила с короткой асимметричной стрижкой и рыжими от хны волосами, глаза подводила зелёным карандашом и красила ресницы зелёной тушью; гордо носила шикарные Галины платья, золотые босоножки на платформе с высоченной шпилькой и деревянные бусы – каждая бусина с голубиное яйцо.

Удивительно, что именно тогда я встретила своего будущего мужа, скромного и малоразговорчивого инженера, но замечательного человека. Он оторопел от моей «красоты» и влюбился – то ли в «красоту», то ли в смелость и бесшабашность. Это я к тому говорю, что даже самый странный и подчас жутковатый вид не может помешать судьбе свершиться.

Все оттенки моды и её роль в обществе

На этом я, пожалуй, поставлю точку. В девяностые годы Советский Союз исчез безвозвратно. В прошлое ушло многое с ним связанное, в том числе и советская мода. А новая Россия и новая мода ещё только рождались в муках. Мода – лёгкая и весёлая муза. Она отступает в тень во время революций, войн и тяжёлых перемен. Мода любит мир, покой, развитие, благоденствие и деньги.

Одно время мне казалось, будто мода легкомысленна и необязательна, то есть не нужна. Оказалось, это совсем не так. В современном мире мода всегда сопровождает человека, а может быть, опережает его. Она одевает и согревает, дарит радость, веселит, иногда раздражает, часто приводит в отчаяние, но без неё жизнь невыносима. Она имеет свою историю, науку, технологию и производство, социальную подоплёку; она зарабатывает огромные деньги, разъединяет и объединяет отдельных людей и целые народы. Она — объект культуры и средство влияния! Вот что такое мода, поэтому я взялась писать о ней, а ещё потому, что в Советском Союзе были уникальные и непривычные условия её появления, развития и существования.

НИЧЕГО СЕБЕ ЗА СОЛЬЮ СХОДИЛА!

Стою в супермаркете у кассы, жду своей очереди и с тоской смотрю на переполненную тележку — половину того, чем она загружена, я вовсе не собиралась покупать. Поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с пожилой женщиной впереди, у неё тоже тележка напоминает гору Арарат: сосиски сверху, как оползни над пропастью, свисают. Женщина качает головой и обречённо говорит:

— А ведь я за солью пошла...

НЕ ПРИВЕДИ, ГОСПОДИ!

На моей улице стоит небольшой домик с острой крышей, обитый евравагонкой светлого цвета. На нём сияет яркая вывеска с гордым названием «Столовая «Фуд Сити», ниже красными буквами бегущей строкой идёт реклама «С вами навсегда!!!»

Милые мои, не приведи, Господи, чтобы вы с нами — и навсегда! До пенсии я работала даже не в столовой, а в ресторане, и точно знаю, из чего и как там готовят, и как посуду моют и чем, ну и так далее... Я лучше буду целый день чёрный хлеб кипячёной водой у себя на кухне запивать, чем навсегда с вами!

МАМИНЫ ПИСЬМА-2

На встрече с читателями я прочла свой старый рассказ «Мамины письма» — трогательную историю, рассказанную мне несколько лет назад Лидией Шаховой, уроженкой Кичменгского Городка.

Участвовала в нашей встрече Галина — пожилая деревенская женщина, очень активная, интересующаяся литературой. Она поведала свою историю на эту тему:

— Моя мама была довольно суровой женщиной и не ласкала нас, своих детей. Когда я уехала из деревни, мы с мамой стали переписываться. И в письмах она впервые назвала меня «дорогой Галинкой», «доченькой», «милушкой». Она поинтересовалась моей жизнью, успехами и здоровьем, чего раньше никогда не было. Некоторым людям легче проявлять свои чувства на расстоянии. Мама моя была, видимо, таким человеком, и в письмах щедро дарила доброту и ласку.

Мама уже давно умерла, а я всё храню её письма, читаю и перечитываю, особенно в трудные моменты: в бессонные одинокие ночи или если расстроюсь из-за чего-нибудь. Письма от многолетнего чтения состарились, истрепались... Иногда я подумываю, не выбросить ли их. Да и младший сын твердит, чтобы перестала хранить эту рухлядь.

Но дорожке этих писем у меня ничего нет. Муж бросил после тринадцати лет совместной жизни, дети выросли и разъеха-

лись — одна-одинёшенька я на всём белом свете. Не выброшу! Мамины письма — живая, хранящая тепло её рук память.

Я слушала Галину, и мне хотелось крикнуть всем взрослым и не очень взрослым детям: «Пишите письма — или хотя бы записки своим мамам, дорогие! Телефон письма не заменит. Что вам, трудно открытку или конверт на почте купить? Пишите и потом, когда сами постареете, дети ответят вам тем же».

ТИХИЙ ЖЕНЬКА

Моя давняя подруга Соня в первый раз вышла замуж по большой любви. Её муж Женька выпивал, но умеренно, и это никак не вредило их семейному счастью. Незлобивый Сонин супруг, выпив, становился ещё ласковее.

Вместе они прожили двенадцать лет. В девяностых годах дурная Женькина привычка переросла в потребность. Чтобы как-то содержать семью, ему пришлось переквалифицироваться из патентоведов в чернорабочие: его специальность стала никому не нужна. В результате Женька всё чаще приходил домой «на бровях». Но поскольку он вёл себя тишайшим образом, Соня жалела и терпела его. Правда, терпеть с каждым днём становилось всё труднее. По вечерам, встречая мужа с работы, Соня с ужасом заглядывала в его пустые стеклянные глаза, и её мутило от стойкого запаха перегара, который он вместе с объяснениями выдыхал ей в лицо. Все попытки жены как-то поменять ситуацию ни к чему не приводили, а сам он, похоже, уже ничего менять не собирался. В библиотеке, где работала Соня, подруги сочувственно перешёптывались за спиной: уже все всё знали. Сонино уважение, любовь, желание дальше оставаться с Женькой таяли — их совместная жизнь висела на волоске.

Точку в отношениях поставило последнее мужнино приключение на свадьбе друзей в ресторане «Север», куда Соня и

Женька были приглашены ещё полгода назад, весной. В назначенный день на дворе стоял снежный декабрь, но в ресторане было жарко: там гуляла широкая свадьба. Праздник затянулся на всю ночь.

Кутру Соня устала и поняла: пора собираться домой, тем более что счастливые новобрачные уже отбыли по направлению к брачному ложу. Тут-то она и хватилась своего благоверного. Сначала Соня осмотрела все углы и закутки гостиной, заглянула даже под стол, но мужа нигде не было. С близкой подругой Нинкой они обошли все помещения ресторана — напрасно! Соня испугалась: вдруг Женька вышел раздетый на улицу, упал и замёрз! Её паника передалась остальным гостям, и все бросились искать пропажу. Однако совместные поиски тоже ни к чему не привели! Женька испарился, исчез в тонком пространстве алкогольных паров! Соня в истерике упала на диван у входа в зал и зарыдала. Друзья очень сочувствовали, но помочь больше ничем не могли и стали потихоньку разбредаться по домам.

В раздевалке гости разбирали сапоги, пальто и шубы. Расстроенная Соня вспомнила, что её новые сапожки с вечера положили в массивный шкаф у стены. Она открыла дверцу шкафа и... о, Боже! В шкафу на корточках рядом с её сапогами безмятежно спал Женька.

Разбудить его никто не сумел. Соня с помощью друзей погрузила в такси застывшее в позе эмбриона Женькино тело. В дороге она горько плакала и твёрдо решила: «Всё, хватит! Пора кончать с такой безобразной жизнью!»

Утром она объявила мужу о разводе. Он не сопротивлялся...

С ЛИЦА НЕ ВОДУ ПИТЬ!

Своё шестидесятилетие Нина из Сямжи решила отметить в известном вологодском санатории. В составе развлекатель-

ной программы на выходные дни там значилась поездка в деревню Сизьма Шекснинского района. Нина прослышала, что если в тамошнем храме три раза проползти на четвереньках под чудотворной иконой Божией Матери и попросить об обретении мужа, то желание сбудется. И она записалась на поездку с твёрдым намерением заполучить нового спутника жизни, старый-то после двадцати четырёх лет совместных страданий её бросил.

На месте Нина всё сделала как надо: где надо проползла и попросила у Господа мужа непьющего, некурящего и негулящего. И каково же было её изумление, когда буквально через несколько дней после возвращения домой к ней подошёл незнакомый мужчина, приехавший в их места по делам из другого района, и предложил выйти за него замуж. Он божился, что не пьёт, не курит, а смотреть будет только на свою жену Нину, буди, она согласится ею стать.

Нина оторопело рассматривала жениха – высокий, не худой и не толстый, сильный на вид, вот только с лица не больно хорош: щёки из-за спины видать, нос картошкой, да ещё и большие оттопыренные уши. «Сама виновата, – думала она. – Надо было вдобавок красавца попросить!»

Миша, так звали Божий дар, настойчиво ухаживал за Ниной полгода. В конце концов она перестала замечать недостатки его лица, тем более что он оказался справным мужиком с крестьянским хозяйством, и руки у него растут из правильного места. Так что Нина согласилась с ним жить. Они уже два года вместе. А все знакомые одинокие бабы ей завидуют и втихаря расспрашивают, как добратся до Сизьмы.

НОВОГОДНЕЕ

Сегодня, тридцатого декабря 2017 года, иду из магазина домой вдоль пятиэтажки на восемь подъездов. Передо мной

движется праздничная группа людей: впереди – поддатый Дед Мороз с мешком и посохом, за ним музыканты под руки тащат чуть тёплую Снегурочку. Дед Мороз оборачивается и говорит ей:

– Людка, держись! Два подъезда обслужить осталось!

«А НА КЛАДБИЦЕ ВСЁ СПОКОЙНЕНЬКО»...

(Ненаучная фантастика)

В самом начале знойного лета 2016 года я во второй раз шла на давно закрытое для массовых захоронений кладбище, где похоронен мой отец, и думала: «Господи, как же мне всё это выдержать, куда пойти, кому свою беду отнести?»

В прошлый раз встречалась с заведующей кладбищем и смотрительницей. У меня с папиной могилой проблема образовалась. Случилось так, что последние два года я много болела и несколько раз лежала в больнице, так что в прошлом году на кладбище к папе только мама ходила, а ей уже тогда девяносто лет исполнилось, и она, плохо видя, никаких перемен не заметила. Я же только в этом году с силёнками собралась и решила к празднику Великой Победы пойти навестить папу, прибраться, приветы от родных и друзей передать. Пришла и неприятно удивилась: отцовское захоронение, которое в проекте было и на маму рассчитано, чтобы, значит, и на том свете они не расставались, уменьшилось почти вдвое, и прохода к нему нет. А рядом, где был похоронен другой человек, за счёт папиной могилы захоронение расширили, упокоив рядом с ним супругу. Могила очень красивая получилась – выложенная чёрной блестящей плиткой и увенчанная мраморным памятником. Только меня и маму никто не спросил, согласны ли мы на такие перемены.

И так мне обидно за отца стало, не передать. Не утешала даже мысль, что покойникам всё равно, где и с кем рядом лежать, кто и как их похоронил и что все эти мавзолеи и аллеи тешат только души неразумных и безбожных родственников усопших.

Я всю жизнь горжусь тем, что мой папа — полковник, участник Великой Отечественной войны, перед демобилизацией командовал полком и в прошлом много лет возглавлял городской совет ветеранов войны. Горжусь, что при этом он был очень скромным человеком: никогда не просил у властей какого-то особого к себе отношения, хотя имел на это право. Поэтому я и решила поговорить с заведующей кладбищем, узнать, как это всё получилось и можно ли исправить положение.

Однако на встрече выяснилось, что виновников в этой ситуации не найти. Поскольку отца хоронили в 1992 году, документов, подтверждающих это событие, на кладбище нет. Мне сказали, что я, конечно, могу жаловаться или подать в суд, но делать этого не стоит, потому что суд продлится не меньше года, и никто ещё таких процессов не выигрывал. После вышесказанного поплакала я дома, полечилась в очередной раз в больнице на кардиологии, а смириться не могу: характер у меня упрямый, дотошный и во всём справедливости требует. Почти сразу после лечения опять тащусь на кладбище и опять думаю, что же мне делать, где правду искать? То ли поговорить с теми людьми, что на папину могилу заехали, то ли в городскую мэрию обратиться — а может, сразу в городскую прокуратуру?

Жара стояла несусветная, в гудящей голове мысли путались, и образы перед моим внутренним взором вставляли какие-то уж совсем невероятные...

Мерещилось мне, будто подхожу я к администрации кладбища и вместо равнодушных тёток с бегающими глазами, меня встречают две милые женщины: словно ангелы, летят они мне навстречу с распростёртыми объятиями и одна из них говорит:

— Где же это вы так долго были, дорогая Тамара Алексеевна? Мы очень беспокоились о вашем здоровье: вы в прошлый раз

уходили отсюда совсем никакая. Мы ведь не звери какие-нибудь и приставлены сюда властью не только территорию соблюдать, но и совершенно бесплатно всячески помогать несчастным родственникам усопших, а заодно смотреть, чтобы они землю друг у друга не оттяпывали и вавилонов из оград не строили, чтобы было кругом благолепие, чистота и порядок, чтобы на любую могилку, даже и вашего папы, пройти можно было не только боком, но и анфас, так сказать, и чтобы вокруг памятник можно было бы на коленках ползать и травку лишнюю выщипывать. И мы, обратите внимание, когда вы в прошлый раз были недовольны тем, что к могилке вашего папы подойти невозможно и что рядом с ней расположена помойка, сделали всё от нас зависящее. Помойку убрали! Проход к могилке сделали, правда, сзади. Но зато выкинули к чёртовой матери остатки чужой ограды. Её соседи вместо вашего уголка, который они же и выкинули, поставили, и даже прикрутили к своей ограде проволокой. Да и зачем вам эта железка, когда вашего папу со всех сторон могилы других усопших окружают. И ничего, что они немножко вашу территорию сузили — для одного усопшего места как раз хватает. А то, что вы говорите, будто у вас в 1992 году два места на захоронение было выделено, так это давно было и подтвердить никто не может.

И в самом деле, думаю, правы мои благодетельницы! Ведь нет у меня таких документов! Опять же как это я с первого раза не заметила, какие здесь замечательные работники. Как горят у них глаза и плачут сочувствием сердца, как они всей душой стремятся мне помочь и всё время спрашивают: «А что вы от нас-то хотите? Что ещё мы для вас можем сделать?» Я от такой доброты и заботы просто онемела. Стою, как тупая курица, и молчу. А мой гнусный характер подсказывает, спроси у заведующей, кто же это разрешение давал, чтобы половину папиной могилы другим людям отдать? И как фамилия этих других людей, а заодно хорошо бы их телефончик узнать, чтобы встретиться и заглянуть в их честные глаза, они ведь понимали, что делают, когда...

Заведующая кладбищем, как будто мысли мои читает и говорит:

— Да мы сейчас всю информацию вам дадим и по этим людям, и по смотрительнице, которая им разрешение на захват вашей земли давала. Если она ещё у нас, конечно, работает — чёрствая и на руку нечистая особа, не то, что мы.

Но информацию по соседям давать передумала, дескать, это их личные данные и она не имеет права их разглашать. Я её, конечно, успокоила, сказала, что эти данные я и без неё в Интернете найду.

Она же в глаза мне ласково смотрит, и я догадываюсь, что при всём своём великодушии и самоотверженности она меня слабоумной считает, но озвучить это никак не решается по причине хорошего воспитания и ответственности перед начальством и народом.

Я, как в бреду, обещаю себе: вот сейчас выскажу ей всё! Думаю при этом одно, а язык как бы сам в другую сторону поворачивается и молвит искренне и даже несколько восторженно:

— Дорогая заведующая, кладбище у вас, простите за выражение, самое лучшее в городе! И нигде так быстро не убирают с глаз дотошных родственников усопших гниющие помойки, нигде после скандала так виртуозно не проделывают дорожки к местам захоронения, даже когда кажется, что это практически невозможно сделать. Наконец, нигде так ответственно не соблюдают положения СанПиНа. А таких прекрасных и кристально честных работников, бессребрениц, как вы и смотрительница, днём с огнём не сыскать! И, конечно же, я сама во всём виновата — недоглядела, что папину могилу обокрали: не вовремя заболела, старая кочерга. Да я просто недостойна смотреть в ваши честные глаза. А уж если бы у меня были деньги, я бы должна была вам заплатить уже за одно это неистребимое желание помочь, за ваше сочувствие, идущее из самой глубины сердца. За то, что вы лично один раз со мной на могилку папы вышли и окинули её своим начальственным взором и вообще за то, что вы на свете есть!

Тьфу ты, напасть какая! Эта жара — чистый морок и колдовство!

А вот и кладбищенская администрация. Встала я в тенёчек, смотрю на часы — семь тридцать утра и из живых людей вокруг никого. Господи, день-то какой хороший, оказывается! Солнышко светит, тишина кругом истинно кладбищенская, только слышно, как птички в густых зарослях кустов и травы поют, белки с дерева на дерево перебегают и с любопытством на меня посмагривают. Вокруг администрации расположены могилы известных в городе людей. Справа находится так называемая аллея Славы, на ней нашли последнее пристанище чиновники, крупные партийные и профсоюзные деятели и просто бывшие богатые люди. Здесь, конечно, порядок и уют — ровные дорожки посыпаны песком, с высоких мраморных памятников на меня смотрят знакомые лица. Становится даже немного не по себе, такое впечатление, будто они на демонстрацию вышли или хотят со мной по-приятельски поболтать. Слева могилы сплошь заросли травой, но и там я замечаю известные фамилии. Из-за ограды одной из них выходит серый кот и с независимым видом направляется ко мне. Замечает, что еды у меня в руках нет, и равнодушно сворачивает в сторону. Из высокой травы выбирается мокрая от росы кладбищенская собака и тоже направляется ко мне. Собака бухается прямо мне в ноги, переворачивается на спину и, поскуливая, засматривает снизу вверх, будто хочет сказать: «Еды не даёшь, так хоть доброе слово скажи или погладь для приличия!»

Вот ведь, думаю, скотинка, а понимает, что доброе слово и внимание иногда дороже дела бывает, а вслух говорю:

— Жуля, ничего у меня для тебя нет и гладить тебя — только руки пачкать!

В этот момент мимо проходит кладбищенский рабочий в серой с оранжевым жилетом униформе и кричит собаке:

— Жулька, иди я тебе пожрать принёс!

И она, конечно, убегает. И как это я догадалась, что её Жулькой зовут? От жары, наверное. Или чем-то навяло?

А вон и заведующая кладбищем со смотрительницей идут. Гляжу на них и думаю: наверное, я в первую нашу встречу неправильно себя вела, вопросы какие-то странные задавала, справедливости, правды искала. Наверное, надо, как Жулька, бухнуться в ноги и...

Но ведь я всё-таки человек.

ЧУДО

(Фантастическая история)

Димин ангел-хранитель стоял, сложив крылья, скрестив руки на груди и понутив голову, в двух метрах от своего подопечного. Время от времени он поднимал на Диму глаза, соображая, как ему помочь.

Дима, мужик лет пятидесяти в грязных хлопчатобумажных спортивках, в заношенной осенней куртке и старых зимних ботинках на босу ногу, лежал, раскинув руки на двух бетонных плитах, сложенных одна на другую. Голова его неудобно свешивалась вниз, шапка и сумка валялись рядом в снегу. Он был пьян до изумления и почти ничего не понимал, лишь какие-то отдельные несвязные слова скользили по поверхности его угасающего сознания. Дима лежал уже давно, его неподвижное тело припорошило лёгким чистым снегом. Мимо шли с работы редкие люди и не обращали на него внимания.

«Хоть бы он попросил меня о помощи, — тоскливо думал ангел, — почему-то люди считают, что наши силы ангельские бесконечны, и мы не нуждаемся в дополнительной энергии. Конечно, мы питаемся духовной пищей — вниманием и любовью к себе, а наипаче требуется нам, чтобы люди обращали к нам призывы о помощи в минуты бедствия. Димитрий же и не подозревает о моём существовании, да и Господа нашего поминает только всуе по старой привычке, воспринятой от своей бабки Маланьи, цар-

ство ей небесное». По причине невнимания с Диминой стороны ангел совсем обессилел и истончился, крылья имел какие-то поношенные, а общий вид прозрачный и хворый. Но он не роптал, такова его судьба и предназначение, спасти этого непутёвого человека. Сколько уж раз он его спасал, бывали и похуже случаи. «И люди как будто его не видят, а ведь пост Рождественский идёт, неужто ни одного верующего в округе не осталось?» В этот момент рядом с Димой остановилась женщина лет шестидесяти, подошла поближе, чтобы удостовериться, жив он или нет.

— Господи, помилуй! — прошептала она и перекрестилась.

Ангел у стенки встрепенулся. «Ну вот! — подумал он. — Хотя одна душа догадалась к Господу обратиться. Народ сейчас набегит, и мне будет легче помогать».

Тут же к женщине присоединилась девушка, они стали осматривать мужика, не решаясь к нему притронуться. Поняв, что он пьян, решили вызвать милицию. Старшая женщина уже забыла только что проявленную собственную сердобольность и ворчала:

— Милиция всю пьянь теперь сразу в больницу везёт, вытрезители-то позакрывали. Всё экономят. Лучше бы о докторах и больных подумали, каково им с алкашами возиться!

Тем временем вокруг Димы уже собралось несколько доброхотов и зевак. Какая-то тётка кричала, что нужно вызвать скорую, потому что человек не пьян, а ему плохо. Она тормошила Диму, спрашивала, как его зовут, а он даже не пытался выговорить свое имя и фамилию, лишь мычал и мотал головой, отказываясь вставать и идти домой. Тётка подложила Диме под голову его сумку, нахлобучила на голову шапку и велела всем звонить в скорую, что и было сделано незамедлительно и напрасно. Скорая приезжать не торопилась. Какой-то молодой мужчина, как в американских фильмах, наклонился и проверил, есть ли у Димы пульс, прижав два пальца к артерии на шее, и похлопал его по щекам, правда, безрезультатно.

Вместо скорой приехала милиция и увезла Диму в больницу. Ангел, сиротливо поджавшись, удалился вслед за ним. Маленькая толпа, которая собралась по этому случаю, ещё некоторое время

не расходилась, объединённая чувством исполненного долга и радостью оттого, что всё так хорошо и быстро закончилось.

— Я его вспомнила, — говорила тётка. — Мы когда-то жили рядом в старом доме на Гагарина. Зовут его Дмитрием Ивановичем, а был он тогда уважаемым доктором, ортопедом-травматологом. А потом у него жена умерла, он с горя и спился. Квартиру пропил, где и живёт теперь, не знаю.

Народ сочувственно погалдел и разошёлся по домам.

В больнице Дмитрия Ивановича узнала старая нянечка, баба Дуся. Они когда-то вместе работали в областной больнице.

— Ах ты, Господи! — причитала она. — Да что с тобой Дмитрий Иванович, голубчик? Чем помочь-то тебе, горе моё?

— А ты посиди около него ночью, Евдокия Петровна, — посоветовал дежурный врач, — может, и оклемается, чем чёрт не шутит?

— Что ты, батюшка, нечистого-то у постели больного поминать? Грешно тебе!

Медсестра взяла у Димы кровь на анализ, и уже через пятнадцать минут врачу стало ясно, что дело тёмное: сильное отравление дешёвой водкой и ещё какой-то дрянью. Дима в очередной раз находился на грани между жизнью и смертью. Как бывшего коллегу его положили «на просушку» в отдельную маленькую палату «для своих». Он лежал опутанный трубками от капельницы, как террорист-смертник проводами, и не подавал видимых признаков жизни.

Вечер клонился к ночи, и баба Дуся пришла к Диме «сидеть». Она бросила на пол тряпичную сумку, из которой торчали вязальные спицы с насаженным на них очередным шарфиком для внука, и угнездилась на старом деревянном стуле с облезлой кожаной обивкой, такой же морщинистой и коричневой, как её лицо и руки. Димин ангел-хранитель скорбно стоял у изголовья широкой реанимационной кровати, опираясь локтями на стальную спинку. Все надежды его устремились к вяжущей бабе Дусе — всё-таки старые люди ещё верили в Бога в этом городе.

Дуся вязала и, заметно окая, обращалась к Дмитрию Ивановичу:

— Ты уж, голубчик, Дмитрий Иванович, оживай! Тоже выдумал, на тот свет собираться. Рано тебе ешшо. Помнишь, какой ты светлый человек ране был? А доктор какой?! Ни одного больного без внимания, бывало, не оставишь, а уж если кто тяжёлый, так по всей ночи у его дежуришь и домой не идёшь. Особливо нашего брата стариков жалел. Уж никто не берётся лечить, помирать, говорят, пора — а ты завсегда со всем вниманием. Одной старой женщине, участнице войны, участковая докторша сказала: «Спина у тебя болит, в больницу хочешь? Да тебе скоро девяносто лет стукнет, никто тебя в больнице лечить не будет, потому что с твоими показаниями ни одной процедуры делать нельзя, рассыплешься. Пусть дети тебе муравьиного спирту в аптеке купят — им и лечись». Сказала и ушла. Возмущённая дочка привезла старую мать к тебе, и ты взялся её лечить и на ноги поставил! А потом, голубь, горе у тебя случилось, ты и запил. Что ж, всякий бы запил на твоём месте. А теперь, видать, отпил ты своё, пора и за ум браться. Что, не согласен?

Дуся сошла со стула, охнула, потёрла рукой больную поясницу и склонилась над Димой:

— Вижу, что согласен. Поглядел бы ты сейчас на себя, больной, лежишь тут бледный, даже немного синевой отдаёшь, глаза закрыты, иголки изо всех рук торчат. Страсть смотреть! Ну, да есть у меня средство как тебе помочь оклематься. Помолюсь я о твоём здравии. Встала старая Евдокия рядом с ангелом в изголовье кровати, поправила белый платочек на голове, посмотрела на Диму строго и начала читать молитвы.

С первыми же словами «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», ангел-хранитель наполнился голубоватым светом, а на «Богородице Дево радуйся» начал переливаться всеми цветами радуги. Жаль, что людям не дано этого видеть. Многократное повторение молитв вливало в него новые силы, он на глазах становился всё легче, явственнее и радостнее. И вот он уже парил в воздухе над Диминой кроватью и осенял его крестным знаменем. «Ну наконец-то, — думал ангел. — Слава тебе, Господи! Вернулись ко мне силы небесные. А при такой помощи я его не только

от смерти избавлю, но и наставлю на путь истинный. Молодец, Евдокия Петровна!»

Ангел ещё раз перекрестил болящего и сиделку. А потом направил очи, исполненные врачбы, на Диму.

Баба Дуся со словами «Господи, помилуй» повернулась к Дмитрию Ивановичу и заметила, что он пошевелился и открыл глаза. Больной не сразу понял, где находится, но, услышав слова молитвы, повернул голову и узнал свою старую знакомую.

Евдокия Петровна, — прошептала он, — это вы?

— Я, милоч, не отвлекай, немного дочитать осталось, — ласково сказала она — закончу и поговорим.

Она произнесла последние слова молитвы, перекрестила Дмитрия Ивановича, перекрестилась сама и направилась к своему стулу.

— Ну, вот я и закончила. А ты, с Божьей помощью, очнулся.

— Я как будто спал, Евдокия Петровна, и видел чудесный сон, — слабым голосом прошептал Дмитрий Иванович, — словно мне явился мой ангел-хранитель, точь-в-точь такой, о каком в детстве бабушка Малаша рассказывала — в белых одеждах, сияющий. От него такой свет исходил, что глазам больно стало, а потом окутало теплом и радостью. Он мне что-то сказал. Кажется, о том, что Господь ещё один шанс мне даёт, велел бросить пить и тебя слушаться.

Баба Дуся этим словам ничуть не удивилась и заключила:

— Вот-вот, слушайся. Как из больницы-то отпустят, поедем мы с тобой в Спасо-Прилуцкий монастырь. Там поклонимся мощам преподобного Димитрия Прилуцкого да помолимся перед иконой Божьей Матери «Неупиваемая Чаша», глядишь, и поможет тебе Господь. Не с первого разу, конечно. Но с чего-то начинать надобно.

Ночью Дмитрий Иванович спал как младенец, улыбаясь во сне.

«Трудно ему будет на свет из тьмы выйти, — думал ангел-хранитель. — Ну, а я на что же?»

ПОСЛУШАНИЕ

В районном храме батюшка очень строгий, с Западной Украины к нам на службу определён из города Мукачева. Верующим от него никаких поблажек, но и себя не жалеет, поэтому от паствы ему много доверия: чуть что случись — к батюшке за советом и за помощью бегут.

Вот хоть бы Лизка Ильюшина. Молодая ещё совсем женщина, но такая гоношистая и всего-то ей одновременно хочется: и дома жить, и уехать, куда подальше, и гулять-развлекаться, а то вдруг замуж выскочила за городского парня. Да недолго с ним нажила, сбежала домой в село. И напрямик к батюшке — на мужа слёзно жаловаться и совета просить. Батюшка перво-наперво её расспросил, что, как, да почему, и говорит:

— Что ж, раба Божия Елизавета, приходи завтра в храм, а там поглядим. Что делать-то умеешь, может, готовить? Нам как раз повариха требуется.

А Лизка:

— Не умею я готовить, батюшка, и никогда в жизни не готовила!

— Так, говоришь, муж у тебя плохой был, а ты ни в чём не виновата... Вот на кухню тебя и направлю, там готовить научишься и, даст Бог, в себе разберёшься.

Стала Лизка при храме кашеварить, а народу много накормить надо — от двадцати до сорока человек ежедневно. Тут и батюшка с матушкой, и в храме помощники, на огороде да в хлеву работники, старики немощные и дети приходящие. На такую ораву готовить — много потрудиться надо, и Лизка старалась. Однако, судя по тому, что едоки каждый раз просили её накладывать в тарелку «немножко» или совсем «чуть-чуть», получалось у неё не очень, а честно сказать, из рук вон плохо. А тут ещё ей зачем-то в город съездить приспичило, батюшка её и благословил. Отпустил, значит, а готовить некому. Посо-

ветовали ему верующие обратиться к только что вышедшей на пенсию Вере Градовой. Она на свободе с непривычки куда себя деть, не знает.

Вера явилась на беседу с бабушкой в светской одежде при маникюре и макияже. Тот посмотрел на её алые наращенные ногти, голубые тени на веках, на довольно короткую юбку и туфли на высоких каблуках, помрачнел и сказал, что негоже в храме в таком виде трудиться, но по безвыходности положения всё же пригласил её побыть у них поварихой. Вера согласилась, пока Лизки нет.

На следующий день она пришла в храм как положено: в длинной юбке, в платочке, ногти покрыла светло-бежевым лаком, но каблуки не сняла. «Не всё сразу», – решила Вера.

Она всю жизнь кормила мужа и детей, готовить любила и в первый же день сварила ароматную золотистую солянку, приготовила овощное рагу и нажарила рыбы.

Верин обед ели – только ложки хлопали! А бабушка с этого момента перестал замечать, какие у неё ногти, есть ли на глазах тени и что надето на ноги. В конце дня он только с надеждой в голосе спросил:

– А завтра вы придёте, уважаемая Вера Константиновна? Не оставите нас?

Довольная пенсионерка кивнула и отправилась на кухню чай по кружкам разливать.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

После отдыха в Турции отпускники Костя и Нина приехали из Череповца в Васютино навестить восьмидесятипятилетнюю бабушку.

Родная деревня за последнее время совсем обезлюдела: молодежь и крестьяне среднего возраста перебрались в города,

нашли там работу и осели на новых местах навсегда. В деревне остались немногочисленные старики.

Бабушка обрадовалась внукам и вместе с Ниной, собирая на стол, хлопотала у печи. Чтобы не путаться у них под ногами, Костя уселся на лавку в горнице и с восторгом рассказывал, как они здорово отдохнули:

— Купались в море и загорали целыми днями! В гостинице номера шикарные и кормили на убой! А Нинка ещё и в магазинах душу отвела: всякого модного тряпья себе накупила! Уж так в Турции хорошо, так хорошо!

Бабушка слушала, качая головой и недоверчиво поглядывая на внука, а потом сказала:

— Да неужто лучше нашего Васютина? Не может быть!

Тут стоит оговориться, что бабушка за всю свою жизнь нигде, кроме Васютина и райцентра, не бывала.

НЕПРИЯТНЫЕ ЗВОНКИ

Старой бабушке Клаше из деревни Дор внуки подарили советский телефон. А она молчит по-прежнему. Младший внук приехал к ней на выходные и говорит:

— Бабушка, что же ты на мои звонки не отвечаешь?

А она ему:

— Да, звонки-ти всё какие-то неприятные. Как в телефон взгляну, там написано: неприятный звонок.

А он:

— Дай-ка сюда телефон.

Смотрит, а там сплошь непринятые звонки.

ПЕНСИОННОЕ МОЁ СЧАСТЬЕ

Иду сегодня из продовольственного магазина счастливая! Купила срезки трески на шкуре по двести тридцать восемь рублей за килограмм. Мечтаю: вот вернусь домой, разморожу эти срезки, брошу на сковородку с лучком да с подсолнечным маслицем, потомлю их и подам мужу с нашей дачной картошечкой. Это же, как один наш приятель выражается, «и палец устанешь держать!» Да и для здоровья прекрасно!

Иду и думаю: а будь я богатой, накупила бы сейчас мясных деликатесов, масла сливочного, сёмги, икры красной и чёрной, а ещё лучше заказала бы всё это по телефону на дом. Вечером мы с мужем пошли бы в ресторан, выпили бы шампанского с фруктами, заказали бы мне сырную тарелку, а ему мясную тарелку, потом... Эх, даже фантазии не хватает описать, что бы мы заказали, выпили и съели. А потом, как все богачи, мучились бы от изжоги, от высокого давления; не дай Бог, у меня сердце бы прихватило, а у него давление подскочило бы до небес. Нет, лучше уж срезки филе трески с картошкой.

Иду, подставляю своё поношенное лицо солнышку и радуюсь, что ни до моего лица, ни до меня самой никому дела нет. Да и на мои пенсионные деньжата только «Детский крем» и можно себе позволить. Зато для всего тела подходит, включая лицо. На восьмой десяток скоро перевалит, чего переживать? Как говорит моя взрослая дочка: «Доунт париться!»

Иду дальше и думаю: будь у меня денег куча, купила бы я себе все самые дорогие кремы и тоники, а ещё лучше, сделала бы круговую подтяжку лица, подтянула бы веки, убрала бы живот и выкачала лишний жир (правда, у меня лишнего жира нет). Надела бы шикарный парик и, как дура, пошла бы на рынок людей пугать. А куда мне ещё с такой красотой деваться? Опять же как вспомню натянутые, словно барабан личики наших звёзд, ути-

ные губищи, тонкие ножки и тоску по молодости в глазах, так тошно становится. Что я, теледива какая-нибудь или кинозвезда? Даже не депутатка Государственной Думы. Да меня после таких преобразований муж не узнает и домой не пустит. Мне же без него никак, и молодые мальчики, козлята, которые при богатых тётках быстро в козлов превращаются, меня не интересуют. Не моё это — не моё!

Из любопытства по дороге зашла в самый престижный магазин нашего города. В прошлом году я там иногда себе финский хлеб покупала. С достоинством походила по магазину, как по музею, про себя поахала — и домой. Верите ли, прошлогодние, а может, и позапрошлогодние, египетские апельсины стоят, как золотые! Я уж не говорю о той части магазина, где одежда и обувь продаются. Там вообще цены запредельные. Для меня. Исполдволь поглядывала, как денежные тётки дорожные платья и джинсы брезгливо щупают. Вот дуры-то! В магазине напротив такие же искусственные тряпки в десять раз дешевле. Не хуже можно одеться. А как вам туфельки за шестнадцать тысяч?! Их только на комод для красоты поставить и пыль с них сдувать. Я — девчонка тёртая, дождусь «скидонов» в менее дорогом шопе и куплю себе такие же в сто раз дешевле. Ну, или почти такие же: в общем, очень похожие. Счастье, что есть и другие лавки. В одной из них вчера купила себе китайский шарфик за двести двадцать девять рублей — целый день радовалась. И сейчас ещё радуюсь, прикидываю, с какой любимой старой кофтой по весне носить его буду.

Иду мимо банка и думаю: какое счастье, что у меня счетов, кроме пенсионного, в банке нет. И кредиты на мне не висят. Были бы счета, пришлось бы налоги на доходы платить. А на нет и суда нет. Недавно заходила за своими пенсионными, а девушка в банке спрашивает: «Не хотите ли взять кредит по очень выгодной ставке?». А я как вспомнила все эти телепередачи о коллекторах, так сразу и отказалась. Ведь последнюю рубаху снимут! Очень вежливо, но с достоинством сказала, что пока ихние банки будут только на себя работать, я с ними

связываться, не намерена. Да и чем кредит отдавать, сами подумайте?

А будь я богатой, открыла бы валютные и золотой счета во всех приличных банках. И только бы на проценты жила. Но, думаю, ведь и тут меня облапошили бы. Да и что это за жизнь — без конца считай, где у тебя и сколько прибыло, где убыло; постоянно дрожи, как бы чего не вышло. Нет, лучше уж один пенсионный счёт иметь.

Иду дальше, смотрю вокруг и думаю: какое счастье, что у нас с мужем машины нет. Мало того, что её уже поставить негде — все дворы и улицы забиты автомобилями, так ещё какие деньжищи надо, чтобы её только содержать! Да следить за новинками, каждый год менять, а то, чего доброго богатые друзья подумают, что мы разорились или что у нас вкуса нет. Как представила мужа за рулём шикарного «Лексуса» важного, с брезгливой усмешкой на губах — тошно стало. Едет такой богатей и сразу видно, что ни о чём, кроме машины, не думает. А я не хочу, чтобы мой муж обо мне и о дочке забывал!

То ли дело автобус: он хоть старый, грязный и в нём почти всегда давка, зато время от времени вполне можно проехать. Это если куда-нибудь далеко надо ехать, а если недалеко — то и пройтись можно. Километра три-четыре даже в радость и для здоровья просто замечательно. А посмотришь на тех, которые на «Лексусах» рассекают — все как один толстые, щёки жирные висят, носа не видно, глазки заплыли, а сами то и дело охают — сердце никуда не годится, и ноги не ходят — словом, в «япчик» пора. А как же ноги пойдут, если человек даже за хлебом на машине едет, хотя магазин за углом. Хорошо, что нам это не грозит. Мы-то, пешком ходящие, ещё поживём!

Иду и думаю: весна скоро, счастье-то какое! Снова зацветёт всё живое вокруг. Муж тоже радуется: лопату точит, семена закупает. Три месяца будет на даче до посинения вкалывать. Мне что, я в городе останусь. Есть у меня небольшие болячки, которые на даче работать не позволяют: ишемия, сердечная недостаточность, экс-

тра, блин, систолия. А в городе хорошо, тоже остались места, где свежий воздух есть: немного, но остались. Опять же буду по дому потихоньку колготиться, есть чем заняться. Ничего серьёзного, конечно: убрать, помыть, подтереть, постирать, в «магазин» сползать, еду себе и чаду приготовить, в августе варенья на зиму мужу наварить, пару раз за лето окна помыть, да мало ли что ещё.

Иду и думаю: а была бы я богатой, купила бы загородную виллу, гектар земли, сад, бассейн летний и зимний – красота! Несмотря на болячки, могла бы там жить и отдыхать всласть, дышать чистым воздухом, пить чистую воду, прохаживаться с мужем по саду, купаться. Никуда и ездить не надо – ни на юг, ни за границу, будь она неладна. В доме идеальная чистота. во дворе собаки гуляют, любимая кошка на солнышке греется.

А потом подумала: это сколько же прислуги держать надо, чтобы всю эту лепоту поддерживать – минимум три человека! Да больше! И всех их кормить, одевать и зарплату платить надо. А они воровать станут и даже по пустякам нас обманывать и мечтать, чтобы со свету сжить и захватить наше богатство. Это же минимум – инфаркт миокарда! А налоги – на виллу, на землю, на всё! Нет уж, пусть лучше – развалюха в деревне и я дома на диване. Так-то спокойнее будет.

В общем, жить на одну пенсию – настоящее большое счастье! Ни тревог, ни забот и при этом масса свободного времени: хочешь на даче вкалывай, хочешь по дому суетись. На худой конец можно стихи писать или прозу...

Иду, смотрю: вот мой дом родной – пришла, значит. Там моё главное счастье дожидается – семья. Сейчас разморожу срезки филе трески и, как мечтала, брошу на сковородку с лучком да с подсолнечным маслицем, потомлю и подам родным с картошечкой. Это же «и палец устанешь держать!» И для здоровья прекрасно!

Глава II. Блики счастья

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

На излёте дней душа, пытаясь встряхнуть привычку и оживить размеренный поток существования, спрашивает: «Нашёл ли ты себя, своё счастье, человек? Сделал ли всё, что было тебе по силам? Понял ли, для чего ты здесь и каково твоё предназначение?» Вместо ответов возникают новые вопросы: почему, например, ты стал тем, кем стал, а не выбрал из всех представившихся тебе возможностей что-либо другое? Что искал ты с самого детства и до поры свершений?

Мечты и желания — движущая сила судьбы

На дворе 1951 год. Мне пять лет. Смотрю на стаканчик пломбира. Вот он передо мной на блюде — обожаю мороженое! Оно такое сладкое, сплошное наслаждение касаться его языком, постепенно слизывать сливочную холодную горку, а потом обкусывать хрусткий и пресный стаканчик! Ела бы и ела пломбир без конца, каждый день. И была бы такая счастливая. А эскимо на палочке?! Оно меньше пломбира, но зато покрыто шоколадом. Подержишь палочку в руке — и шоколад вспотеет, весь покроется мелкими прозрачными капельками. Съешь эскимо, откусывая кусочек за кусочком, вместе с ломким холодным шоколадным слоем, оближешь палочку и даже подержишь во рту. А вдруг её тоже можно съесть? Жалко, но нельзя. Больше всего на свете хочу стать продавщицей мороженого и есть его без конца...

К семи годам я выросла из этой мечты. Да и оказалось, что с моим слабым горлом, подверженным всем ангинам на свете, мороженого мне вообще нельзя. Вот и хорошо, и утрата не так горька!

Но до сих пор детский вкус того мороженого помнит мой язык. Теперь такого нет, и не будет. Не будет — какая тоска! В нынешнем-то мороженом вместо молока, сливок и сливочного масла — вода, сухое молоко, пальмовое масло и искусственный шоколад с «ароматизаторами, близкими к натуральным». Это надо же такое придумать даже выговаривается не сразу. А уж есть всё это совсем не хочется.

Гаммы для мамы, а хор для души!

— Ты будешь пианисткой, — сказала мама, подводя меня, семилетнюю, к чёрному немецкому пианино. Его привезли в 1948 году из освобождённой от фашистов Польши. — У тебя есть для этого все данные — музыкальный слух, длинные пальцы и чувство ритма.

— Хочу быть художницей, — ответила я и ни в какую не стала заниматься музыкой, хотя для мамы я научилась играть гаммы. Но, трогая белые и чёрные клавиши и прислушиваясь к высоким и басовым звукам в чреве инструмента, я не испытывала никаких чувств, никакой приязни. Пришлось пианино продать.

Как же я жалела об этом восемь лет спустя! Многие мои подружки и друзья ходили в музыкальную школу. С важным видом они носили чёрные нотные папки на верёвочках и пугали друг друга уроками по сольфеджио. О, это знакомое и страшное «сольфеджио», оно отнимало у меня друзей!

В нашем доме был радиоприёмник, из него беспрестанно лилась какая-нибудь музыка, главным образом, классическая и народная. Мы привыкли к этому и перестали её воспринимать. Музыка превратилась в привычный шум и неременный фон нашей жизни. Мне хотелось понять, что же в ней такого притягательного, что заставляет её любить? Я стала специально слушать симфонические и скрипичные концерты, оперу и оперетту, выступления знаменитых певцов и ансамблей, постепенно влюбляясь в музыку, душой устремляясь к гармонии звуков.

И в моём сердце проснулась белая зависть к счастливицам, умевшим играть хоть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Я завидовала, но учиться упрямо не шла. А вот младший брат Шура сам, не спросив маму, поступил в музыкальную школу и научился играть сначала на трубе, потом на баяне и на гитаре. Мы делили с ним комнату, и он последовательно сводил меня с ума то рёвом трубы, то упорными повторами гамм на баяне, то аккордами на гитаре. Под эту невообразимую какофонию мне приходилось делать уроки. А ещё он любил петь. У нас хорошо пела мама, и я начала петь с нею задолго до того, как запела вместе с братом. Мы с Шурой записались в хор Дома пионеров. Мама учила меня петь русские, украинские и современные песни на два голоса. Мне казалось, у нас очень славно получается, и была счастлива.

Два раза в неделю мы с Шурой пешком ходили петь в Дом пионеров. По уютной улице Батюшкова выходили на проспект Победы с его старинными, каменными купеческими домами. Дальше через центр бежали на Советский проспект и шагали мимо небольшого особняка в стиле ампир (тогда там располагался Городской отдел народного образования) и вдоль роскошной старой гостиницы «Золотой якорь». Мы вприпрыжку пробегали мимо всей этой красоты, не глядя по сторонам, но весело вращая в неё скользкими по окнам взглядами, лёгкими, невзначай, прикосновениями к её историческим стенам, и невидимыми следами ног на мостовой, а она незаметно прорастала в нас. Будто обо мне сказал в древности восточный поэт: всё, что видела я тогда, навеки «начертано остриём иглы в уголках глаз моих»... Закрываю глаза и вижу вологодские дома и улицы, такие знакомые и близкие.

Мы с удовольствием занимались пением до самого окончания школы. Желанный хор Дома пионеров! Меня туда никто не загонял, а добровольное посещение чего бы то ни было и хора в том числе раскрепощает. Ты уже не думаешь, как бы прогулять занятие, а мечтаешь только о песнях и о встрече с друзьями. Отдаёшься вместе с ними музыке, и твой голос вливается в общий стройный поток звуков.

Пение и музыка остались в душе на всю жизнь: хор Дома пионеров научил меня поверять музыкальными образами красоту и гармонию окружающего, и весь мир радостно зазвучал во мне!

Красота рождается в детстве

В детстве каждого наступает момент, когда приходит ещё до конца неосознанное понимание мимолётности и бренности красоты всего сущего, невыносимости его утраты и желания запечатлеть, сохранить то, что ты видишь, сейчас, в настоящую минуту, чтобы потом пережить его снова.

С самого первого класса я несколько лет увлечённо рисовала всем, что попадалось под руку, — карандашами, акварельными красками, гуашью, цветными мелками и углём. Карандаши оставила быстро: они были жёсткие и недостаточно яркие. Уже потом стало понятно: в них есть своя красота, и теперь карандашный набросок привлекает меня неясными границами с живой жизнью, возможностью умозрительно, в памяти, дорисовать, досказать недосказанное.

Акварельные краски, напротив, любила и люблю, хотя сначала рисовать ими было трудно. Приходилось очерчивать контур предмета простым карандашом, а потом его раскрашивать. Тонкость акварели почувствовалась не сразу, не сразу стала понятной её возможность передавать полутона, подчёркивать выпуклость предметов — хотелось класть краски на бумагу ровно, плоско, как в раскраске, избегая расплывчатости рисунка.

Очень нравилась гуашь, такая яркая, определённая, застывающая в резких границах. Мелом и углём можно было рисовать где угодно — хоть на стене, хоть на тротуаре.

Мне помнится запах и вкус моих карандашей, красок, мела и угольков. Вот они лежат на столе, и ничего не происходит, но ты берёшь их в руки, начинаешь рисовать и происходит чудо — они открывают тебе свои способности и делают немую, белую бумагу цветной и говорящей!

Масляных красок мне не купили — дорого, а я ещё ими рисовать не умела. Старательно копировала из учебника по рисованию цветы, вазы, чашки, бордюры и чувствовала себя настоящей художницей. Самостоятельно осваивала перспективу, светотени и цветовые гаммы. Пыталась рисовать пейзажи. Я могла заниматься этим часами и часто, исключительно для себя самой, делала выставки рисунков на нашем чердаке, играя в вернисаж. Но брат не терпел одиночества. Без моего участия в шалостях он долго оставаться не мог и всячески мешал творческому процессу: то краски похищал, то выставку разорял. Из-за этого мы дрались, но не сильно, а так, показать, кто старше и главнее.

Художником быть хотелось, но и с Шуриком тоже было весело, и мы бежали гонять мяч или в лес за приключениями, он находился рядом с военным городком, в котором служил тогда наш отец. Кстати, к рисованию меня приохотила мама, она и сама хорошо рисовала.

Мне не дано было стать художником. Быть им — значит с детства видеть траву не только сплошь зелёной, солнце — жёлтым, а небо — голубым. Гораздо позже пришла способность замечать многообразие оттенков вещного мира — земли, небес и водной глади, умение природы красками проводить границу между рождением, жизнью и смертью. И сейчас я вижу это, но уже не рисую, разве в воображении: нет во мне сказочности, божественности, величия и потусторонности гениальных художников...

Труды души и воспитание сердца

В шесть лет мама научила меня читать, и я полюбила книги и чтение, не ведая, что это и есть моё счастье. С тех пор каждая новая книга для меня — загадочный клад, учебник жизни, посвящающий меня в её тайны, собеседник, не способный предать, оставить в одиночестве или потребовать что-либо взамен, друг, рассказывающий дивные истории, полные мира и радости, надежды и счастья, боли и тревоги, правды и вымысла, способные заставить облиться слезами. Вырастая из каждой прочитанной

книги, я прошу мгновение остановиться, и тут же ищу другую, согласную моим потребностям, возрасту и уровню знаний. Или беру в руки старую, самую любимую, мудрую и весёлую книгу.

В детстве я начинала процесс приобщения к чтению с кажущихся простыми текстов — сказок и стихов. Годам к тридцати непрерывного чтения поняла всю красоту, изысканность и сложность языковых, культурных и исторических кодов сказок и силу многоуровневого ритмического воздействия на человека, пронизывающих и гармонизирующих его стихов. За сказками последовали рассказы, повести, пьесы, а к юности я углубилась в романы. Кстати, сейчас романы меня не интересуют: мне, как ни странно, тесно в пространстве романа и скучно в его предсказуемости. Мама одобряла мою любовь к книгам, дарила их мне, но всё же считала чтение развлечением. Это сейчас я знаю, чтение — такое же творчество, как написание книг, то есть скорее сотворчество и работа, сложная, но незаметная. Она происходит внутри человека, в мозгу, в душе и в сердце, прирастая словом к слову, мыслью к мысли, чувством к чувству.

Сейчас я не только читаю, но и пишу книги, и мне это очень нравится. Что к этому привело? Желание оставить дочке, родным и друзьям добрую память о своём времени, ведь нынче его модно ругать. Но, как философски заметил ещё в стародавние времена царь Соломон: «Всё пройдёт, пройдёт и это!» Пройдёт и злокозненное поветрие на поругание прошлого моей страны.

Зачем человеку сцена?

Зачем была мне сцена? Тому несколько причин! Самая простая — любопытство: хотелось знать, что это такое и смогу ли я играть? Дальше — самоутверждение: захочу и, как взрослая артистка, выйду к публике, на глазах у всех превращусь в другого человека, по моей воле люди будут плакать и смеяться. Научусь не бояться множества обращённых на меня глаз, чужого любопытства и неприязни. Научусь правильно и красиво говорить. Научусь быть красивой и всем необходимой...

В промежутке между детством и взрослением человек может выбрать, какое угодно занятие. Например, мне одно время хотелось стать актрисой в кукольном театре. В двенадцать лет я сшила из тряпочек две простые куклы-рукавички, нарисовала им лица, написала коротенькие тексты и устраивала спектакли дома, завесив детским байковым одеялом дверной проём, или во дворе, вывесив то же одеяло между двумя молодыми берёзками. Публику составляли соседские дети детсадовского возраста, они были в восторге, кукловод — тоже. Позже в десятом и одиннадцатом классах мы с подружками занимались в театральном кружке, его вёл прекрасный пожилой актёр областного драматического театра. Он научил нас многому, но самое главное — научил любить театр, понимать его, служить ему и не ставить себе целью непременно стать звездой. Но в школьном театральном кружке мы, конечно, чувствовали себя звёздами, нас знала вся школа, и друзья гордились нами. Первый спектакль, поставленный нашим худруком, был детской сказкой «Два клёна». Мне дали роль старухи-матери. Я сначала расстроилась — всем хочется играть красивых молодых героинь. Но худрук, непревзойдённый для меня авторитет, сказал: «Молодую героиню любая девочка сыграет, а вот изобразить старуху не каждой под силу!» Конечно, утешая, он мне польстил, и в качестве бонуса сам гримировал перед премьерой.

Увлечение театром было велико. Случайно поступив на иняз в пединститут, я сразу отправилась в самостоятельный студенческий театр и на институтских подмостках с упоением играла героинь, влюблённых и матрон.

Я не стала актрисой, вполне осознав свой удел — самостоятельную сцену. Да и мама говорила, лучше быть хорошей учительницей, чем плохой актрисой. Она, конечно, была права.

Медицина и сострадание

Итак, актрисой я не стала, но и учительницей ещё не была, когда на первом курсе параллельно с театром увлеклась меди-

щиной. Нам её преподавали на обязательных двухгодичных сестринских курсах. После этих курсов все девочки получили звание сержанта медицинской службы запаса. Я училась на этих курсах с удовольствием. Мне нравилось всё: оформлять рецепты, заучивать латинские названия лекарств, готовить вату и бинты к перевязкам, накладывать гипс и делать внутримышечные уколы. С восторгом бегала я на лекции о болезнях и способах их лечения, представляя, как потом буду помогать больным и страждущим. У нас даже была практика: мы ходили в детскую больницу учиться делать детишкам перевязки после ожогов и накладывать шины при переломах, а в военный госпиталь — учиться делать уколы. Особенно радовались нашему появлению молодые солдаты и с удовольствием подставляли для уколов все предназначенные для этого места. На нашем курсе мало кто проявлял энтузиазм в изучении медицины. Некоторые девчонки, правда, интересовались молодым красивым интерном из Ленинграда, он читал нам лекции по пневмонии.

А мне было интересно и не страшно даже в морге. Главное, я училась сострадать больным и несчастным людям: в молодости не ждёшь, что их так много...

Вместо меня отличным врачом стал брат Шура, а любовь к медицине и уважение к медикам сохранились во мне до сих пор.

Воля случая, или Провидение?

Мама советовала мне после школы поступать в наш пединститут на исторический факультет. Я колебалась: история нравилась, особенно Древнего мира, но больше нравилась новая учительница английского языка, молодая, умная и весёлая, и мы всем классом ей подражали. Итак, по воле случая моя тропинка свернула на иняз. Не потому ли, что мне очень хотелось научиться читать книги английских и американских писателей в подлиннике. Поступила с лёгкостью, но на первом курсе сразу не понравилось: оказывается, на начальном этапе иностранный язык можно освоить только с помощью зубрёжки, многократно-

го повторения одного и того же. Сопротивляясь зубрёжке, начала получать тройки, но ходить в отстающих студентках тоже не хотелось. Я напряглась и выучила правила чтения и глагольные формы. И сразу начала читать по-английски, сначала со словарём, потом без словаря. С наслаждением слушала песни «Битлз», «Ролинг Стоунз», «Квин», переводила тексты песен и пела их своим друзьям. На инязе языковая практика сопровождается теорией — общим языкознанием, лексикологией, историей языка, историей литературы и стилистикой. Погружение в эти невероятно интересные науки привело меня в научный мир.

Казалось бы, определилась моя главная дорога в жизни — преподавание английского языка и наука. Настала пора достижения результатов, воплощения мечты и исполнения желаний. Я искала себя вслепую и находила разные возможности.

И вот позади всё пройденное и утраченное в пути, будто за ненадобностью. Оглядываюсь назад и понимаю: ни одна из моих попыток найти себя не пропала зря. Ничто не прошло бесследно.

ДЕТИ И ОТЦЫ

Вчера я была счастлива целых пять минут, а потом ещё час, пока обдумывала то, что видела, а затем описывала.

Счастье — ни на что не похожее состояние, которое со всяким может случиться, но приходит не так часто, как хотелось бы, особенно чистое, ничем посторонним не замутнённое. Оно может возникнуть нечаянно, внезапно: а может быть подготовлено всей жизнью человека. И неизвестно, что дороже — ведь пик того и другого длится недолго.

Утром, как всегда, я ходила за хлебом в ближайший супермаркет, и по дороге один за другим мне на глаза попались два молодых папаши с маленькими детьми. Каждому на вид не больше двадца-

ти пяти. Одного окружали три бездетных приятеля, а в коляске важно сидел полуторагодовалый сын. Мальчишечка до смешного похож на отца. Ухоженный, одетый в милый вязаный костюмчик, мальчик смотрел на взрослых большими немного навывкате глазами и победно улыбался. Мужчины наперебой всячески восторгались смышлённостью и красотой сынишки друга, а папаша просто сиял от гордости и счастья. Оно было такой интенсивности, что меня словно тёплой волной окатило и наполнило радостью.

Не пройдя и трёх шагов, я увидела второе счастье, проплывавшее мимо меня. Это был тоже молодой мужчина, он нёс своего ребёнка на руках. Младенец спал в уютном тёплом гнезде согнутой в локте отцовской руки, а папаша, чуть склонив голову набок, смотрел на него с непередаваемой нежностью и ступал осторожно, чтобы не разбудить бесценное чадо. И это было удивительно трогательно и немного забавно потому, что отец в это мгновение напоминал Богородицу с младенцем. То есть у него было такое выражение лица, будто это он родил своего сынишку.

Неожиданно счастье этих молодых отцов передалось мне само собой. Словно зачарованная с глупой улыбкой на лице я возвращалась в свой дом, а перед глазами стоял переполненный гордостью и радостью первый папаша и умилённый, только что не воркующий, второй счастливец.

ЖИТЬ НАДО НА ПОЗИТИВЕ!

Звонит мне бывшая коллега и жалуется:
— Есть же на свете люди, которым всё плохо! Вроде бы и живут нормально, и всё у них есть, а ноют без конца — слушать противно.

— Да уж! — отвечаю. — Мало того, что сами ноют, ещё и другим настроение портят! А жить надо на позитиве: выглянула утром

в окно — там лужи, море разлитое, выбоины да колдобины — ни проехать, ни пройти. Вместо того чтобы расстраиваться по этому поводу — улыбнись и порадуйся, что зато тяжёлый транспорт у тебя под окнами не ездит и даже иногда можно свежим воздухом подышать. Красота!

Назавтра другая картина: сутки напролёт дождище хлещет, грязь непролазная. Чудесно! Дождь всю эту грязь и смывает к чёртовой бабушке! Воздух кислородом насытит, всё живое вокруг ещё живее станет.

Ночью пьяные под окнами орут и матерятся — слава Богу, что ночью: дети спят, не видят и не слышат этого безобразия.

Помойка переполнена и воняет на всю округу? Что нам вонь какая-то. Прошли мимо и забыли! Зато птичкам, бездомным кошкам и собакам есть чем подкормиться!

Сосед ночью музыку на полную громкость слушает — не переживай: сегодня он тебе Мерлина Мэнсона врубил, а завтра ты ему в ночи народные песни в исполнении Лидии Руслановой дай послушать! Вот и квиты, вот и удовольствия полные штаны!

Да если как следует подумать, вся наша жизнь прекрасна и удивительна, главное — жить надо на позитиве!

ЛЮСИНО СЧАСТЬЕ

Сегодня первое апреля — обманный день. Вроде бы весна, а её нет: на улице идёт снег, плотной белой завесой стоит перед глазами и норовит не пропустить шестидесятисемилетнюю Люсю домой. Снег скрадывает звуки, приглушает свет и мешает идти. Люся с трудом бредёт, увязая в снегу и в плотной усыпляющей тишине. Тащит сумку с продуктами и пыхтит, отдуваясь как забытый в тупике старичок-паровоз. Её никто не ждёт: муж в деревню поехал посмотреть, всё ли в порядке, скоро ли можно будет начинать весенние работы

в саду. Дочка уехала в дальнюю командировку. Настроение от всего этого мутное и тревожное. Навстречу выплывают неясные силуэты ближних пятиэтажек-«человейников» и старых, деревянных домов.

От одной из «деревяшек» навстречу ей вперевалку плетётся знакомая дворняга, такая же старая и толстая, как она сама. У собаки на морде написано, что ей тоже муторно. Не проходит и дня, чтобы дворняга не встречала Люсю в переулке, и каждый раз меланхолично подкатывалась к ногам и утыкалась мордой в колени — чует родственную душу. Сегодня она даже лаять не в силах, лишь горестно снизу вверх заглядывает Люсе в глаза, будто пытается сказать:

— До чего мне худо, ты бы знала!

Люся роняет сумку в снег, обнимает собаку и гладит её старую голову:

— Как я тебя понимаю, девочка моя! Ты посмотри, что делается! Видано ли, чтобы в первый день второго месяца весны город снегом завалило по самые твои уши! Чистое светопреставление!

Собака благодарно лижет её в щёку, и они расстаются, расползаясь в разные стороны. Дворняга — в конуру рядом с деревянным домом, а Люся — в свою пятиэтажку...

Ночью Люся лежит без сна. «Опять в атмосфере какие-то перемены, — вздыхает она. — Хоть бы растаяло всё наконец. Как я устала от постоянных скачков погоды: не успеваешь мой поношенный организм догонять все эти циклоны и антициклоны». На противоположной окну стене качается причудливая тень тополей. Свет от идущих по дороге автомобилей то отводит эту тень в сторону, то возвращает обратно. Вместо того чтобы отключиться под это непрерывное гипнотическое мелькание, Люся окончательно прощается со сном: в голову лезут какие-то обрывки разговоров, мелькают чьи-то лица. «Сегодня как-то особенно тошно, — думает она. — Поплакать, что ли, может, легче станет?» Но слёзы не приходят. «Вот несчастье-то, даже

всплакнуть не могу. Несчастье... А что же тогда счастье, и было ли оно у меня когда-нибудь или вся жизнь — сон и наваждение? Нет, ну конечно, было. Жаль только, что оно, как молодость — «быстро рвущийся товар». Кажется, вот пришло, озарило тебя радостью и уже нет его — беги вслед, ищи снова, может быть, повезёт!» Память прокручивает перед Люсиными глазами обрывки воспоминаний и вдруг останавливается...

Вот она стоит на железнодорожном мосту недалеко от вокзала и смотрит вниз на проезжающий поезд. Майский нежный ветер слегка приподнимает над острыми девичьими коленками лёгкую юбку цветастого крепдешинового платья. Люсе недавно исполнилось пятнадцать, и мама в подарок перешла ей это платье из своего любимого, старого, которое сама в молодости носила. Ветер играет с платьем, развязывает небрежно вилетённую в косу лиловую ленточку и уносит вслед за проходящим поездом. Вологда, с утра умытая дворниками, уютная и свежая, лежит по обе стороны моста, а вокруг никого и ничего — ни людей, ни машин. Купол неба выведен голубыми и золотыми красками. Люсе кажется, что от тёплого солнца, от этого невероятного неба, от горьковатого духа черёмух, плывущего сюда из палисадников старых деревянных домов, от гула поезда, летящего вдаль, она и сама вот-вот оторвётся от земли и тоже полетит...

«Удивительно, — думает Люся. — Совсем не помню, куда шла в тот день и зачем: помню только себя в невесомом платье и это удивительно счастливое чувство полёта, предвкушения летнего тепла и новой жизни. Хорошо, что оно осталось со мной навсегда. Интересно, почему счастье всегда приходит летом? Или почти всегда?»

Среди ночи кто-то позвонил в дверь к соседям.

«Ну и строить стали — каждый чих слышно, разве тут заснёшь? — Люся повернулась на другой бок и попробовала устроиться удобнее. Диван, на котором она лежала, недовольно застонал под её весом и из вредности выставил в бок старую пружину. — Как не

стыдно? — сказала дивану Люся. — А ведь мы с тобой дружим ещё со времён моей первой квартиры на Воровского»...

Ту старую однокомнатную хрущёвку Люся получила от института, в котором работала. Ах, какое это было счастье иметь свой дом! С каким удовольствием она возвращалась к себе после дневных трудов, готовила что-нибудь простое и не требующее много времени, а потом читала, принимала подруг, болтала и распивала с ними чай!

Однажды в начале августа зазвонил телефон:

— Люся, это я, Юрий. Хочешь на рыбалку? Ты когда-то говорила, что любишь ловить рыбу...

Люся замерла у телефона. Прошло ровно семь лет после их первой встречи у друзей, где Юрий неправдоподобно быстро на второй день знакомства позвал её замуж. Она, конечно же, отказала ему: так скоропалительно делать предложение незнакомой девушке несерьёзно, и они совершенно не подходят друг другу, он — технарь, она — чистый гуманитарий, он живёт с родителями в деревне, она — в городе. В конце концов ей тридцать лет, а ему всего двадцать восемь!

«Вообще-то он славный, да и зовёт всего лишь на рыбалку», — подумала Люся и ответила:

— Хочу.

— Тогда приезжай на автобусе ко мне в Пески, я тебя встречу.

— Хорошо, позвоню перед отъездом.

В Песках он подошёл к автобусу и протянул ей руку. Её ладошка легла в его большую горячую ладонь и исчезла в ней. Он посмотрел на Люсин финский спортивный костюм, на немецкие сабо и смущённо усмехнулся:

— Пойдём скорей, а то на тебя вся деревня уставилась.

— А что? Что-нибудь не так?

— Всё так, только наши проще на рыбалку одеваются.

Он повёл её по деревенской улице к лодке, чтобы переплыть на другой берег озера. Там на маленьком песчаном пляже их ждали деревенские друзья Юрия — Алексей и Наташа.

Август для Люси всегда был связан с грибными дождями, лесом и первым знаком близкой осени – жёлтыми георгинами, раскачивающимися на длинных стеблях под окном маминой дачи. Но в тот день стояла почти июльская жара. Люся скинула синюю спортивную курточку и осталась в белой футболке. Лодка быстро шла по спокойной воде. Юрий сидел на вёслах и не сводил с Люси глаз. Её тёмные волосы до плеч отливали на солнце медью, серые глаза вбирали голубизну неба и блеск воды.

– Как давно мы не виделись, – сказал Юрий.

– Давно, а как будто расстались вчера. Ты совсем не изменился, – заметила девушка.

– А ты изменилась – стала ещё лучше.

Люся засмеялась:

– Скажешь тоже! Старше не может быть лучше, а мне уже тридцать семь.

Люся никогда не скрывала свой возраст, она даже немного бравировала, называя свои настоящие годы, знала, что выглядит лет на десять моложе.

– По мне так тебе всегда восемнадцать! – он смутился и замолчал. – Прости, что завёл глупый разговор. Вот сейчас доплывём до берега и будем загорать, купаться, вечером порыбачим. У нас с Лёхой недалеко сеточка поставлена, а там и уху сварим.

Ах, какой это был счастливый день! Люся шутила, смеялась и тащила Юру в воду. Его бронзовое лицо и руки словно жили отдельно на фоне крепкого, молочно-белого торса и таких же белых сильных ног, но это лишь вызывало у неё уважение: загар явно был заработан на огороде и в саду.

Песчаный пятачок среди кустов ивняка, на котором они загорали, выбелило солнцем так, что было больно смотреть. Тем ярче выделялись на светлом фоне осколки ракушек, старые водоросли, прибитые к берегу, и чёрные, отполированные волнами куски веток и древесной коры. Люся лежала на мелком горячем песке, водила по нему рукой и горсть за горстью пропускала сквозь пальцы. Она погрузилась в покой и тишину, словно в глу-

бокие воды, откуда едва доносились редкие вскрики чаек, шорох волн и обрывки разговоров. Ей нравились Юрины друзья — милая, чуть излишне полная Наташа и неожиданно красивый с пронзительно синими глазами и тонкими чертами лица, подвижный и похожий на цыгана Алексей. Время от времени он одобрительно посматривал на Люсю: мол, хороший выбор Юрка сделал.

Весь день она исподволь наблюдала за Юрием, любовалась, как ловко он играл в мяч с Наташей, как бесшумно и ловко нырял. Люся вспоминала, что ещё тогда, семь лет назад, увидев его впервые, подумала, что за такого мужчину вышла бы замуж. За музыкой, танцами и весёлой болтовнёй эта мысль спряталась, а потом ушла и не возвращалась к ней до сих пор. Она вообще о замужестве тогда не думала. О чём же тогда? О науке, о работе, о книгах, о путешествиях и друзьях. Все её сверстницы думали только о замужестве и давно были замужем, некоторые не по одному разу. Пойди, разберись, кто тут прав. Она усмехалась, вспоминая отцовскую частушку: «Не ходите, девки, замуж, выйдете, покаетесь, со хорошим наживётесь, с худеньким намаетесь!»

Вечером вчетвером отправились за рыбой. Неподалёку от их маленького пляжа на глубине стояла сеть. Юра и Лёха в четыре руки быстро втащили её в лодку — в сетке бились несколько окуней, четыре больших леща и щучка. Лёша с женой отправились домой — варить уху, а Юру с Люсей оставили вдвоём.

У самой кромки воды стояли копёшки осоки. Оставшись одни, молодые люди сели под небольшую копну и стали смотреть на озеро, на заходящее за горизонт солнце. Похолодало, Люся придвинулась к Юрию, а он нерешительно обнял её за плечи и сидел, не дыша, боясь спугнуть то, что возникло между ними. И вдруг в сумерках вечерней зари на воду села пара белых лебедей. Люся и Юрий замерли и, не отрываясь, смотрели на птиц. А лебеди, как будто напоказ, плавали перед ними то друг за другом, то рядышком — неразлучная пара невероятной красоты...

Люся с удовольствием вспоминала тот день. Они с Юрой с тех пор не расставались. В начале следующего года она вышла за него замуж, а через полтора года...

Люся лежала на сохранении в областном роддоме. Её удивляла и коробила запись, которую сделали в журнале, когда привезли в больницу — «старородящая»! Хотя понятно, что это термин: так называют у нас мамочек сразу после двадцати пяти лет. А ей уже сорок! Утром врач осмотрел Люсю и сказал, что она, несмотря на годы, будет рожать сама, произойдёт это в ближайшие два-три дня.

Было воскресенье: в этот день, когда дежурят молодые врачи или только медицинские сёстры. Впрочем, лучше уж сёстры — опытные и много повидавшие на своём веку. Поздно вечером Люсе стало плохо, поднялась температура. Её лихорадило так, что она слышала, как вместе с ней трясётся и гремит железная сетка кровати. Она осторожно встала и, придерживая живот, медленно пошла на пост к дежурной сестре.

— Нельзя ли позвать врача? — спросила Люся. — У меня кажется, высокая температура.

— Вот градусник, присядь на кушетку и смеряй. А врач на выходной ушёл — заменить нечем, все в летних отпусках.

Её неприятно задевало это фамильярное отношение сестёр к роженицам, но она смолчала. Через десять минут сестраглянула на градусник и удивлённо подняла брови:

— Надо же! Сорок! Ты, вот что — прими пару таблеток аспирина и ложись спать, а там посмотрим.

— Кто же пьёт аспирин перед родами, может кровотечение начаться!

— До чего грамотные роженицы пошли, — недовольно скривилась сестра и выдала Люсе лекарство.

Люся шла в палату, держась за стенку, и думала, что ей делать с таблетками. И пить опасно, и не пить нельзя — уж очень плохо ей. Решила всё-таки принять аспирин, но всего полтаблетки. Выпив лекарство, Люся легла и заснула сразу.

Утром проснулась от ощущения, что лежит в луже, у неё отошли воды. Нужно было срочно рожать, но потуг не было. Люся снова побрела на сестринский пост и без сил опустилась на кушетку.

— Врача! Рожаяю! — прошптала она.

Прибежал молодой врач. Роженицу уложили на каталку и увезли в операционную.

— Будем кесарить, — бодро сказал врач. — Наркоз!

Когда Люся очнулась, перед ней стоял улыбающийся доктор:

— Поздравляю, у вас родилась дочка! Хотите посмотреть?

— Конечно, хочу! — слабым голосом сказала Люся.

Подошла операционная сестра и, придерживая младенцу головку, показала Люсе белый кулёк, из которого виднелось розовое личико с закрытыми глазами и обиженно опущенными уголками губ.

Люся заплакала и засмеялась одновременно:

— Здравствуй, Машенька, здравствуй, дочка моя! Бывает же такое, просто вылитый Юра!

— Не плачь, а то молока не будет, — проворчала сестра.

— Это я от счастья плачу, сестричка, от счастья...

Счастливые воспоминания успокоили Люсю, а утром она проснулась в слезах, но с лёгким сердцем. «Отчего так хорошо, так радостно на душе? — улыбнулась она. — Должно быть, погода налаживается».

Под ярким весенним солнцем снег бурно таял. Капель, пританцовывая, выстукивала на железной крыше балкона весёлую мелодию. Люся выглянула на улицу и увидела старую знакомую, толстую добродушную дворнягу. Собака неподвижно стояла посреди переулка и, подняв морду, с наслаждением втягивала ноздрями весенний воздух.

— До скорого, — улыбнулась ей Люся и пошла звонить мужу и дочке.

ВОЛОГОДСКИЕ СВЯТЫЕ И СЧАСТЬЕ

Иду и думаю: многие находят счастье в виртуальном мире – в социальных сетях, в компьютерных играх и т. п. Лично мне в виртуальном мире скучно, нового там для меня мало, а от чирикания в два-три слова мозги сохнут быстрее, чем от атеросклероза.

Недавно встала утром, а у меня день рождения и даже юбилей – семьдесят лет «стукнуло» и прямо по голове. «Стукнуло» в прямом и в переносном смысле.

В прямом – голова стала медленнее соображать. Например, забываю некоторые слова из своего давнего научного прошлого. Еле сегодня вспомнила, чем, извините за выражение, анапест от амфибрахия отличается. Странно, что при этом английские слова помню лучше, чем свои родные, я в прошлом веке английский преподавала и много переводила даже синхронно.

А в переносном – живу теперь, не переставая удивляться тому, что мне уже так много лет. Смотрю в зеркало и думаю: неужели это я?! Личико довольно скучное, хотя выглядит ещё вполне пристойно и на улице знакомые узнают. А в душе я, как ни странно молода и вся полна кипучей энергии, планов, желаний. Хочется поехать хотя бы в пределах родной Вологодской области, например, полюбоваться на Опоки, Липин Бор или Кичменгский Городок, куда я в своё время так и не доехала. Хочется встретиться с друзьями и знакомыми, написать ещё много сказок и историй для детей, обиженных временем, министерством образования и врагом рода человеческого. А взрослых хочется поддержать весёлыми и ироничными рассказами, чтобы уберечь их от разочарований и уныния. Себе-то я унывать не позволяю, потому как православная, считаю, что уныние – это грех! Как взгрустнётся, так почитаю про вологодских святых, и уныния как не бывало. Какое может быть уныние, когда мы нынешние в квартирах живём, даже если в маленьких и не очень удобных. Всё равно любая из них больше, чем кельи

святых и всё необходимое у нас есть, и мы не голодаем. А вот, например, преподобный Галактион Вологодский на болоте в дощатой будке жил, там даже ночью лечь негде было, и он, держась за подвешенные к потолку цепи, спал стоя или на коленях. А преподобный Павел Обнорский в семьдесят лет поселился в дупле старой липы и жил в нём три года, перенося холод, жару и тучи комаров. Не знаю, что страшнее. И оба этих святых были совершенно счастливы: они добились того, что хотели — ушли от мира и остались наедине с Господом Богом.

ОТВЕТ НА ВОПРОС

А может быть, вот он, ответ на вопрос, как быть счастливым — добиться того, что хочешь! И сразу себя спрашиваю: а чего я хочу? Оказывается, это очень сложный вопрос, не каждый раз я могу даже себе на него ответ дать. Значит, надо сначала определиться с желанием, а там — Бог в помощь!

УЧИТЕЛЮ ДЛЯ СЧАСТЬЯ НУЖНО...

Я всё думаю о счастье. Хорошо работать и учиться может только счастливый человек, хотя бы в момент работы и обучения.

Например, учитель, приходя к ученикам в класс, в идеале должен нести с собой заряд счастья, только тогда он сможет сделать учеников счастливыми, то есть способными усвоить то, что им преподают. Для этого учителю как минимум необходимы хорошие знания своего предмета, добрая и отзывчивая душа, острый ум, твёрдый характер и полный желудок.

Априори считается, что знания ему дали в вузе, а доброту, отзывчивость и характер привили родители. Но учитель дол-

жен быть ещё сыт, одет и жить в тепле. Разве может быть счастливым голодный, плохо одетый и замёрзший учитель?

Неплохо было бы ему вдобавок иметь свою собственную семью — жену и детишек, чтобы лучше разбираться в детской психологии.

А для этого ему нужна приличная зарплата, квартира. И не надо его отвлекать от учебного процесса всякой непонятной ерундой типа постоянного сочинения «проектов» и написания отчётов об их исполнении. За этими проектами он, бедолага, учеников не видит, а они не видят его. От беспрестанного бумагомарания учитель становится несчастным и сеет несчастье в своих учениках. И они тоже становятся несчастными и не хотят учиться...

Какой-то порочный круг получается, и никто не думает, как бы его прервать. Хотя это так просто — дать учителю квартиру, хотя бы в наём, дать ему хорошую зарплату, чтобы было чем за эту квартиру платить и на хлеб оставалось, забыть о «проектной» деятельности и учить детей по школьной программе, как встарь, в двадцатом веке. Хорошие были тогда программы, надо сказать, вон каких классных специалистов выучили и воспитали в СССР. Любо-дорого на них в Государственной Думе и в правительстве посмотреть и послушать! Это они уже потом в либералы записались и почему-то решили копировать без разбора всё, не обязательно самое лучшее, с наших европейских и американских друзей. А те за истекшие сто лет вырастили несколько поколений неучей и рабов, которые считают, что в России по улицам медведи ходят, мужики и бабы в национальных костюмах целыми днями на балалайках играют и все поголовно, включая младенцев, денно и нощно хлещут водку стаканами. А нынче при полной своей безграмотности эти же мужики и бабы непостижимым образом всё время вмешиваются в чужие выборы президентов и смеют завоёвывать медали на спортивных олимпиадах. Благодаря собственной внутренней либеральной опеке мы семимильными шагами двигаемся в ту же сторону, что и наши «партнёры» — навстречу идиотизму. Но ещё не поздно остановиться, а?

ПОДАРИ СЧАСТЬЕ

Каждый может подарить другому человеку счастье, и для этого не нужно денег, большого труда или насилия над собой.

Зашли мы с подругой в сетевой магазин электротоваров, понадобился ей новый фен для укладки волос. Магазин был почти пуст – вдалеке продавщица общалась с одиноким клиентом, и на наш призыв о помощи откликнулась важным наклоном головы и просьбой подождать, пока она освободится. Тогда мы подошли к девушке-менеджеру, сидевшей за компьютером. Девушка обрадовалась, что наконец-то ей представилась возможность проявить себя во всём блеске профессионализма. Она вышла из-за кассы и у стенда с фенами по всем правилам продаж отвечала на наши вопросы – из двух выбранных нами фенов настойчиво рекомендовала тот, что на пятнадцать рублей дороже. Но делала она это так открыто и бесхитростно, что я не удержалась и похвалила её за расторопность и внимательное отношение к покупателям, да ещё назвала по имени, прочитав на бейджике, что красовался на её полной груди. Кто бы, кроме нас, видел счастливую улыбку, которая расцвела на девичьем лице! А и всего-то – мы отнеслись к ней со вниманием и доброжелательностью. Девушка несколько раз поблагодарила меня, оформила покупку и отправила на кассу. Окрылённая успехом, я и тут не поскупилась на похвалы и назвала девушку-кассира по имени и фамилии. Фамилия у неё оказалась просто замечательная – Сократова (честное слово не вру!).

Нас провожали такими улыбками и добрыми словами, что я решила нести счастье во все магазины города, где часто бываю.

Желаю всем того же, увидите – вам понравится. Помните, как в известной песне поётся: «Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз ещё вернётся!» Поделись вниманием своим, и оно к тебе вернётся счастьем на лице другого человека. А это так приятно и весело.

СЧАСТЬЕ ЕСТЬ

Всем известно, что счастье мимолётно, но оно есть, и в этом я ещё раз недавно убедилась, когда ехала в автобусе из центра города домой.

В центре через переднюю дверь в автобус влез — именно влез, а не вошёл — пьяный мужик. В руках он держал большую чёрную матерчатую сумку, в которой тяжело позвякивали бутылки предположительно с пивом. Оглядевшись, мужик уселся на сиденье для инвалидов и детей, потеснив при этом молодую беременную женщину. В пьяном злом кураже он громко матерился и приставал к пассажирам, как будто ждал, что ему ответят, и тогда он сможет устроить настоящий скандал. Народ безмолвствовал. Я попыталась его урезонить, но в ответ получила свою порцию хамства. Чувствовалось, что не только я, но и все остальные бессильны перед этим пьяным уродом. Ощувив себя хозяином положения, мужик начал приставать с грязными предложениями к беременной соседке. «До каких же пор мы будем терпеть это безобразия!» — возмущённо думала я.

И вдруг с заднего сиденья поднялись двое молодых парней, молча подошли к хулигану и взяли его под белые руки. Пьяного мужика будто подменили, он обмяк, повис на руках у парней и лишь жалобно причитал: «Мальчики, только не бейте, только не бейте!» «Мальчики» попросили водителя остановиться и сначала вышвырнули на асфальт сумку, которая жалобно брякнула и растеклась тёмным пятном по дороге, а затем, тряхнув, поставили на ноги слабо сопротивлявшегося мужика, дали ему хорошего пинка и выкинули из автобуса вслед за сумкой. Дверца закрылась, и мы поехали дальше. В салоне стояла напряжённая тишина, а потом кто-то не выдержал и зааплодировал. Его поддержали все! А меня охватило небывало радостное чувство. Сойдя на своей остановке, я шла домой, улыбалась и думала: «Всё-таки счастье есть, и называется оно справедливость!»

НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ, ОСОБЕННО КОГДА ИХ НЕТ

Ларисе никогда не везло в лотерею: больше рубля она ни разу в жизни не выигрывала. Поэтому покупала лотерейные билеты редко: услышит, что кто-то знакомый выиграл, и купит один. А вот её муж везучий, он однажды в молодости даже машину выиграл — стиральную!

Как их общий друг Сашок выражался: «Дурют нашего брата!» Конечно, дурят, но люди всюду и везде очень хотят выиграть и с надеждой покупают билеты, исправно обогащая тех, кто их печатает и продаёт.

Ларисиной взрослой дочке с мужем нужно своё жильё: с ними молодые жить не хотят, а квартиру снимают. Поскольку ипотека — это многолетняя кабала, они копят деньги, каждый месяц откладывая небольшие суммы из своих скромных зарплат. Копить помогает бабушка — участница войны. Муж Ларисы тоже помогает, свою небольшую кубышку время от времени распечатывает. А вот сама Лариса — плохой помощник, сбережений у неё нет, одна пенсия. Недавно по телевидению прошла реклама лотереи, и Лариса подумала: а не предложить ли везучему мужу купить билет? Вдруг квартиру или много денег выиграет?

Муж над её предложением посмеялся и сказал, что самый большой выигрыш в его жизни — это сама Лариса. Между прочим, её мама с ним не согласна! Она считает, что это он самый большой выигрыш её дочери! Всем бы такую тещу!

А лотерейный билет муж купил и выиграл. Аж триста рублей. Надо же минимум два миллиона, чтобы детям помочь! Лариса махнула рукой, чем чёрт не шутит, и сама купила сразу три билета. Враг человеческий сразу над ней подшутил — она выиграла сто рублей, то есть с учётом всех инфляций только свой вечный рубль!

В общем, хреновый из Ларисы игрок! И слава Богу, считает она: не в деньгах счастье, особенно когда их нет.

ПРОСТОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

Есть большое счастье, так сказать в глобальном масштабе, а есть простое разовое человеческое счастье, похожее на вспышку, озарение, которое каждый из нас время от времени испытывает.

Вот я, например, две недели страдала из-за отсутствия горячей воды: прорвало у них там, в котельной, что-то. Уж я совсем приуныла, и вдруг вчера включаю воду, а из крана горяченькая пошла!

— Ура! — от полноты чувств завопила я. — Какое счастье, горячую воду дали, полноценно помыться можно!

Для моей девяностодвухлетней мамы пик счастья наступает, когда она, доехав на автобусе до дачи, быстро бросив вещи, не переодеваясь, проходит к грядкам и смотрит, насколько подросли её посадки за ночь!

У дочки два простых счастья. Первое — приехать к отцу в деревню, встать посередине сада-огорода, окинуть взглядом своё зелёное хозяйство и глубоко вдохнуть свежий деревенский воздух. Второе — съесть что-нибудь вкусное, например, томлёное в русской печи мясо с картошкой.

Мой муж живёт в городе исключительно из-за меня и тоскует по деревне, где родился и вырос. В городе ему всё противно — кирпичные и бетонные дома, переполненные автобусы, ежедневная суета человеческого муравейника, шум и грохот машин, воняющий выхлопными газами воздух, противна жизнь на пятом этаже, при которой человек может неделями не касаться ногами земли и жить как бы в подвешенном состоянии... Настоящее счастье, даже блаженство, я вижу на его лице лишь в тот

миг, когда он выходит из рейсового автобуса на остановке, повёрнутой лицом к деревне, и видит отчий дом.

Вот ещё пример. Недавно по телику показывали, как молодая, хорошенькая телеведущая вела репортаж из нового турецкого санатория, где в основном отдыхают наши туристы. Для демонстрации лечебного массажа она не пожалела себя и легла (в купальнике) в наполненную ароматной пеной ванну. Молодой красавец турок, мануальный терапевт, делал ей массаж спины. Вы бы видели, какое счастье было написано на его лице, когда он нежно гладил белую гладкую кожу смеявшейся русской блондинки!

А вчера я наблюдала, как чистенькая девчушка, этакая феечка в рюшах и в бантиках, пока её мама на минуту отвлеклась разговором по телефону с подругой, тихо высвободила ручонку из материнской ладони и рванула к огромной грязной луже во дворе. Ей туда запрещалось даже близко подходить. И вот феечка в бантиках с разбегу влетела в эту лужу, пробежалась по периметру, победно поднимая веера грязных брызг, и с наслаждением села в самой середине. От счастья она даже зажмурилась! И девочке в тот момент было всё равно, что скоро придёт неминуемая расплата за счастье: она получила то, о чём мечтала! (Забавно, но и взрослые женщины поступают точно так же — пускаются во все тяжкие, не думая о расплате!)

В сущности, счастье — это сбывшаяся мечта. И пусть оно большое или маленькое, простое или сложное, долгоиграющее или мимолётное; пусть за него часто приходится горько платить — зато существует этот дивный миг восторга, когда радость затмевает все остальные чувства и остаётся только абсолютное чистое счастье, ради которого стоит жить.

Глава III. Неотразимые приметы любви

Раньше думалось, что писать о своей любви ни за что не буду: уж очень это личное переживание, которое я не хотела выставлять напоказ. Но с годами поняла, что любовь многолика, как сама жизнь, — это любовь к Родине и к родителям, к детям и друзьям, к природе и братьям нашим меньшим... Конечно, любовь мужчины и женщины стоит на первом месте, как нечто большое, прекрасное и желанное — так задумано и создано Богом. Кто хоть раз в жизни любил, знает, что это одно из самых сильных переживаний, дающих человеку счастье. В этой главе найдутся рассказы и отдельные мысли о чужой прекрасной любви, истории, показывающие её со стороны, и о моей многоликой любви, такой, какая она жила и живёт во мне.

ЛЮБОВЬ — КОЛЬЦО

(Быль)

«Любовь — кольцо, а у кольца
Начала нет и нет конца»...

Популярная советская песня

Какие ясные звёзды были в том далёком августе! Они падали одна за другой куда-то за горизонт, оставляя за собой быстро гаснувший след.

— Загадай желание, Настёна, — прошептал Витюшка, обнимая любимую и глядя на очередную падающую звезду.

— Загадала, — ответила Настя, закрыла глаза и замерла в ожидании чуда. Август щедро дарил Насте и Виктору необъятность вселенной, волшебный свет далёких светил, оглушительную тишину лесов и полей, материнское тепло нагретой за день земли, дурманящий дух свежего сена и последних осенних цветов у опушки леса. Вместе с августом они провожали бессонные,

сладкие ночи, и Витюшка был так нежен с Настёной, так чутко ловил каждое её слово, что не верить ему казалось грешно. Они предавались любви, а потом часами лежали рядом у небольшой копны сена, глядя на далёкие звёзды, среди которых кружилась и летела вместе с ними Земля.

Виктор и Настя были неразлучны, сколько помнили себя: сидели за одной партой, из школы домой ходили вдвоём, не обижались, когда ребята дразнили их женихом и невестой. Они не сомневались — любовь навсегда соединила их судьбы, а дальше всё будет, как положено — свадьба, семья, дети и долгая счастливая жизнь.

Им и в голову не приходило, что всё может повернуться иначе. Настя с бабушкой Матрёной жили в старенькой потемневшей от времени избе с тремя косыми окошками, устало глядевшими на главную деревенскую улицу и отошедшим от избы крыльцом. Дом осиротел без мужской хозяйской руки — родители девушки давно умерли. От колхоза старая Матрёна не дождалась помощи, а трудодней бабушки с Настёной едва хватало на то, чтобы кое-как прокормиться.

Витюшка с матерью занимали крепкий пятистенок, построенный отцом семейства незадолго до войны. Отец намеревался жить здесь долго и счастливо, хотел обзавестись большим хозяйством, но вместо этого сложил голову за родное Отечество где-то в Крыму. С тех пор домом, хозяйством и Витькой заправляла его вздорная мать Марья, которая мечтала о богатой невестке.

В деревне всё всем известно, таись не таись. Знают люди и про дурное Марьино отношение к Насте, но за молодых радуются — уж больно баская парочка.

— У этих быстро дело сладится, вишь, по ночам вдвоём ходят, обнимаются, — шептались местные сплетницы.

Настёна хоть и не была в ряду первых красавиц, но не заметить её среди подруг было невозможно. Глянет, бывало, на неё какой парень — и уже не может забыть её озорные глаза, тяжёлые тёмные косы и статную фигуру. Ни в работе, ни на гу-

лянке никто не мог соперничать с девушкой — всюду была впереди. Бабы судачили:

— Ох, и бойкая девка! Цельной день робит, как заведённая, а на гуляньё выйдет как не рабатывала, откуда и силы берутся. Повезло Витьке, хорошая из неё хозяйка получится. Да и сам не хуже других! Хоть и не богатырской силы и роста да, как говорится, невелик кулик, а сотне ребят велит: то сядь да учись, то встань — разойдись!

Деревенским девчатам нравились Витюшкины светлые ласковые глаза и мягкая повадка. Разве такой обидит? Но главное, не напивается, не куролесит спьяна, как другие. Один изъян замечали за ним — больно уж покладист и робок.

В деревне шла своим чередом обыденная жизнь, трудная и полуголодная, несмотря на то, что война закончилась уже десять лет назад. Настина бабушка и тётка Тина, самая близкая её родня, не ждали от Витькиной любви ничего хорошего. Матрёна, зная его мать, пыталась упредить грядущие неприятности:

— Не связывайся с ними, Настюха, гнилая у Марьи кровь, и у Витьки такая же! Не ровня мы им, Марья даже в войну не бедствовала, умудрялась продукты где-то доставать да продавать втриморога. И сейчас у неё денежки водятся. А мы что? Денег нет, изба на ладан дышит. Да и подкаблучник Витька материн: что она скажет, то и делать будет. А что не любит нас Манька, вся деревня знает, давно ли около селпо перед бабами обзывала Тину «потюремщицей»!

Тётку и вправду в сороковых годах посадили в тюрьму за то, что она в голодный год насобираала в убранном поле чугунок колосков для Насти с бабушкой. Правда, держали в неволе недолго: видно, много было таких несчастных в деревнях, а работников после войны не хватало. Так что отмучилась она год на лесной бирже и вышла на свободу. На бирже Тина сильно застудилась и поэтому своих детей не родила — всю нерастраченную любовь отдавала племяннице.

Настя вспомнила бабушкины слова, поняв, что забеременела. Нехотя пошла она вслед за Витюшкой к Марье, ожидая сурового приёма. Та на Настю даже не взглянула, а сыну зло бросила, как гвоздями к столу приколотила:

— Не нужна мне сноха-голодранка! Не слушал мать, живи, как хошь, а её в моей избе чтоб не было!

— Ну, тогда и меня здесь не будет! — ответил Витька и ушёл жить к Настёне, впервые в жизни послушавшись мать.

Настина родня приняла Витьку осторожно, однако он быстро освоился. Вскоре на радость тётке Тине и бабушке поднял крыльцо и подтянул к срубам дома, скрепив брёвна стальными скобами. Под опустившийся угол избы подвёл с мужиками большущий валун, который всегда лежал во дворе и мешал ходить в огород. Долго возился с окнами — выставил летние рамы, подтесал, подправил и вставил обратно. Зимние рамы тоже подправил и отнёс на сарай до времени. Ходил с Настёной за сеном для козы Нюрки. Починил дверь в курятник, давно висевшую на одной ржавой петле. Видя такое рвение, старушки смирились с его появлением в доме и теперь мечтали о скорой женитьбе детей. Но пожениться Настя с Витькой не успели: подошёл срок идти в армию. На проводах хмельной призывник храбрился и кричал:

— Настюха, дождись меня! Береги дитё, вернусь — поженимся!

И она ждала. Письма из армии приходили часто, и подурневшая Настя спокойно дохаживала последние дни перед родами. Деревенские бабы говорили:

— Ишь как с лица спала: должно, девка будет, мать красоту отдаёт!

В апреле Настя родила дочку, рожала легко, будто не в первый раз. Девочка получилась тихая, спокойная, давала матери выспаться, её отцовские светлые глаза невозмутимо отражали Настёну, небо и облака.

— Дитё любви — красавица вырастет, — говорили бабы в деревне.

— Или больная, — недобро, шепотком добавляли другие.

Девочка росла на радость матери здоровенькая, летом уже делала по избе первые шаги, держась за Настин палец и путаясь слабыми ножками в деревенских половиках. А через два года на третий бегала с остальной малышнёй по деревне и помогала бабушке пасти Нюрку.

Витюшка писал Насте, что скоро приедет за ними. Писал, что скучает, часто смотрит фотокарточки её и дочки, радуется малышке, просил назвать её Людмилочкой.

Марья ни разу не навестила внучку, а весной поехала к сыну, который после армии неожиданно завербовался на Север.

Летом письма перестали приходиться. На вопросы Насти почтальонка Глаша, пряча глаза, сердито отвечала:

— Пишут!

Летние дни длинные, но в заботах о дочке и в работе время шло незаметно. Настя оправдывала Витюшкино молчание: ей хотелось верить, что там, на Севере, он занимается какой-то важной работой и ему некогда писать письма.

Осенью Марья опять собралась к сыну.

— На северах, небось, огородов-то нету, да и поросят, должно, не держат, — говорила она соседкам, складывая в мешок картошку, лук и домашний свиной окорок.

Домой Марья вернулась через месяц — довольная в новой плюшевой жакетке и в красивом павловском платке.

— Родня подарила, — хвалилась она.

Вот уж и осень минула, а от Витьки ни строчки. Матрёна и Тина ждали от него вестей не меньше, чем Настя, а та от неизвестности совсем извелась. Сердцем чуяла недоброе. На маленькую Милку тоже действовали эти переживания, она чаще капризничала и плакала.

Внезапно на Покрова к Марье нагрянули гости — приехал Витька с женой, густо накрашенной, богато одетой бабой.

— Золота на ей, что бус на ёлке, — говорили в деревне, — а раздень, тьфу, смотреть не на что: рябая да крашеная.

Настя, узнав, что Витька женился, закаменела, даже не заплакала. Тягучая липкая тоска оплела её, словно паутиной: казалось, она сама и время замерли навек. Настино существование поделилось на до и после Витькиного предательства. Радость ушла из её жизни, и к этой новой тягучей и серой поре надо было привыкнуть, приспособиться. Тихо, как больная, Настя ходила на работу, справляла домашние дела, не замечая ничего вокруг. Внешне она казалась спокойной, но в сердце бушевала обида. Жизнь казалась Настёне пустой, ненужной и лишь мысли о маленькой Милке удерживали её от слов и поступков, о которых потом пришлось бы жалеть. В те дни бабушка и Тина старались реже попадаться ей на глаза, перешёптывались по углам избы и горестно качали головами. Деревенские бабы искоса поглядывали на неё — кто с сочувствием, кто с любопытством.

Однажды вечером у колодца Настя встретила хмельного, помятого Витьку.

— Как живёшь, Настёна, как дочка? — спросил он, глядя в сторону.

— Живём — не тужим! — с деланой лёгкостью сказала Настя и замолчала.

— Прости меня ради Бога, не знаю сам, как всё вышло. Ночевали с матерью у родни в Мурманске, а у них дочка на выданье. Напился пьян. Как окрутили, не помню. Видно, судьба моя такая несуразная, — виновато бормотал Витька.

Не успела Настя ответить, как у колодца появилась Витькина жена, Полина.

— Витюша-а, пора ехать на станцию, — пропела она, сверля ревнивым взглядом Настёну. — А это кто же такая? Твоя .....?

Грязное слово хлестнуло Настю по щеке, болью отозвалось в замершем сердце. Она вспыхнула, но рябое лицо Полины, травленные красным стрептоцидом волосы и бесцветные глазки, в которых кипела ревность, показались ей вдруг смешными и глупыми. Она запрокинула голову назад и громко рассмеялась.

— Бери свою кикимору, Витька, и уезжай поскорей! У твоей матери пугало в огороде краше!

Баба опешила, подскочила к Насте, намереваясь вцепиться ей в косы, но та ждать не стала и плеснула в лицо сопернице колодезной водицы.

— Охолони! А то всех собак в округе перебудуешь!

Витька заметно протрезвел и крикнул жене:

— Иди домой, Полька, не срамись!

Настя тем временем снова набрала воды, вскинула коромысло на плечи и сказала, повернувшись к соседям, которые собрались посмотреть, что будет дальше:

— Всё, деревня, концерт окончен, артистам спать пора! — и пошла, гордо выпрямив спину, даже не взглянув в Витькину сторону.

После отъезда Витьки с женой Настя с горя пустилась во все тяжкие: то подруги у неё гуляют, то сама она с кавалерами до утра провожается. Тина, которая помогала ей нянчиться с маленькой Милкой, вместе с ребёнком ушла в свою избу ждать, когда в племяннице обида выгорит.

Неожиданно вернулся Витька — один, трезвый и виноватый. Он пришёл к Насте с чемоданом подарков. К Марье не показывался, но та быстро прослышала о появлении сына и примчалась к Настёне выяснять отношения. Дверь ей никто не открыл, а Витька побоялся выйти к матери.

Наутро Настя принесла Марье чемодан и сказала:

— Подарки дочери забираю, а сынка своего уводи сама. Жили без него — и сейчас проживём, не ахнем!

Марья долго бегала по деревне и вопила, что «тыщи» отдал сынок неблагодарной Настьке.

Витька вскоре исчез. И Настя покинула деревню, устроившись работать проводницей на поезда дальнего следования. Она моталась по всей стране, не брала выходных, соглашалась работать за сменщиц. Научилась у новых товарок зарабатывать продажей недорогих продуктов и вещей, которые покупала по дороге в раз-

ных городах. Приторговывала прямо в поезде конфетами, печенем, дешёвым вином. Предлагала пассажирам разный дефицит — то отрез яркого ситчика, то модные туфли, то кофточку. И ни разу никто не пожаловался на Настю за эту торговлишку, потому что она не жадничала, наценку на всё добро делала самую небольшую. Хоть и не праведный по тем временам был этот заработок, зато приносил ощутимый для семейства доход, особенно ценный в безденежной деревне — позволял помогать бабушке с Тиной и хоть немного баловать дочку. Не отказывала она и соседям, если кто-нибудь просил ссудить деньгами.

Как-то раз, вернувшись ненадолго домой, проходила Настёна мимо селы, где толпились деревенские бабы, ожидая открытия магазина. Форсистое городское платье и жакетка облегли стройную Настину фигуру, на ногах блестели аккуратные резиновые ботики, яркий платок красиво оттенял завитки тёмных волос. Экое зрелище! Есть за что языком зацепиться:

— Эй, краля-Настя, где денег на новую крышу взяла? — послышалось из толпы.

— Где, где? В Караганде! — ответила Настёна, громко смеясь, и добавила, — кудрявая крышу покрыла, слышь, бабы?!

И пошла, прочь, напевая: «Не спи, вставай, кудрявая»...

Бабы от неожиданности примолкли, а потом наградили Настёну таким звонким хохотом, что вороны на ближней берёзе всполошились. И хоть часто называли её теперь непутёвой, а всё ж не отвергали совсем. Многие прощали ей земляки за беззлобность, за желание помочь людям, за умение первой посмеяться над своей нескладной жизнью. Прощали за её стойкий характер и трудолюбие. Но уж и языками мололи что ни попадя, как всегда в таких случаях, больше придумывали, чем было на самом деле.

Тем временем Настя поднимала дочку одна. Одевала Милочку не хуже других, возила ей книги, купила гитару и, когда в селе открылся клуб, отправила учиться музыке.

Витька редко появлялся в деревне. Молча он проходил мимо Настиного дома и оставлял на крыльце то куклу, то конфеты, то

ещё какой-нибудь подарок для дочки. Однажды, встретив Милку на улице, присел перед ней на корточки и спросил:

— Помнишь меня Милочка?

— Да. Ты папа Витя-заблуда.

— Это мать тебе сказала?

— Не-а, вся деревня так тебя зовёт!

— Деревня, говоришь... А что бы ты хотела от меня в подарок?

— Мишку большого, как у Ирки Левоновой!

Маленькая Ира показывала девочкам «папкин подарок» — плюшевого медведя величиной с годовалого ребёнка, и все ей завидовали. Милке тоже хотелось играть с таким мишкой.

— Будет тебе доченька мишка, — дрогнул голосом Витька. — Ты меня только помни, договорились?

Время шло быстро, Мила уже заканчивала шестой класс, учёба давалась ей легко. Особенно нравилась девочке зоология. Ещё совсем маленькой она возилась с чужими кошками, подбирала больных и бездомных собак, лечила их, как умела и подкармливала. Дома ходила за козой Нюшкой и за курами. Тина научила её доить козу и находить яйца от двух непутёвых кур, которые неслись не в курятнике, а под крыльцом, в крапиве или в дровянике.

— Не иначе как фершалкой будет, — пророчили соседки. — Вот Мина Власьева уйдёт на пенсию, Милка её и заменит.

Совсем Настасья остепенилась после смерти бабушки. Старая Матрёна отдала все силы и здоровье родному колхозу, но по счастью не знала серьёзных болезней. Лишь на восемьдесят восьмом году жизни она почувствовала, как от усталости кружит голову, как к вечеру дрожат и не хотят ходить больные ноги, а ночью, подступая к горлу, неровно и быстро бьётся сердце и никак не может успокоиться. Вскоре она и вовсе занемогла. В больницу ехать не согласилась и легла помирать дома. Матрёна лежала около русской печки, изредка проводя натруженной рукой с искривлёнными подагрой пальцами по её шершавому

тёплому боку и думая о том, что скоро освободит Настёну от забот о себе. Она ни на что не жаловалась, будто стыдилась, что внучке приходится ухаживать за ней.

Матрёна умерла незаметно, во сне.

— Вот счастливица-то, сама не намучилась и родных не намучила, — говорили в деревне. — Хорошо, что соборовать успели, без греха отошла.

Врач сказал Насте, что у бабушки сердце остановилось от усталости, выработалось. Родные скромно похоронили Матрёну рядом с Настиными родителями, смерть которых она не помнила совсем, и это была её первая в жизни осознанная потеря дорогого человека. На похоронах Настя горько и безутешно плакала, как плачут только в раннем детстве, громко всхлипывая и не утирая слёз. И, как в детстве, время замедлилось, должно быть, для того, чтобы она в полной мере ощутила неправивость происшедшего. Нет больше бабушки, нет каменной стены, за которой она так славно жила. Она, Настя — теперь единственная защитница и кормилица своей маленькой семьи.

Однако отболела и эта боль. Постепенно жизнь снова разогналась и побежала, как на электрической тяге по прежней колее: работа, дом, подруги и опять работа. Милочка стала очень похожа на Настёну в молодости, а глаза Витькины, серые, ласковые...

Как-то раз ехала Настя домой в отпуск и везла подарки дочке и Тине, а себе купила новые модные туфли. Сдав смену, она сошла с поезда в районном центре и, нагруженная коробками и свёртками, направилась к стоянке такси.

— Настёна! — услышала она знакомый голос.

— Неужто Валька Кирин?

Валька учился вместе с Настей в седьмом классе, но затем вместе с отцом уехал в Вологду, где ему удалось устроиться работать на завод. Летом Валька обычно приезжал к бабушке. Виделись они с Настей часто. А теперь, видно, вернулся на родину и таксовал, не найдя в райцентре другой подходящей работы.

— Где ты пропадала?! О, покупки надо обмыть! — добавил он, увидев её поклажу.

— А давай! Обмоем и встречу отметим! — подхватила Настёна.

Они погрузили вещи в багажник и тронулись в сторону местной столовой, где по вечерам подавали и спиртные напитки.

Давно так не веселилась Настя. В столовой они с Валькой встретили ещё нескольких деревенских друзей и подруг, и пошло-поехало. Выпили, потом взяли ещё вина, вспоминали, перебивая друг друга, школу, учителей, родную деревню. Рассказывали кто, как и чем живёт, пили за старую, новую любовь, танцевали почти до утра. На автобус Настёна не пошла, переночевала у подружки. Валентин уговорил её погостить в райцентре ещё денёк, обещая довезти до деревни бесплатно.

Тина с Милой ждали Настю два дня. Уже и пироги, испечённые к её приезду, зачерствели, а её всё не было. Явилась Настасья лишь к вечеру второго дня. Подкатила к дому на такси, вышла из машины, а Валентин нёс гостинцы. Тина в это время колола чурки для бани.

— Колешь, старая? — весело спросила Настя.

— Ах ты, бездомовка, мы с ребёнком два дня её ждём, а она тут с мужиками вожжается!

— Это я-то бездомовка? — оторопела Настя, и новая лаковая туфля полетела в сторону тётки.

— Гулёна беспутная! — крикнула старуха.

Вторая туфля полетела вслед за первой и угодила тётке в плечо. Тина подняла туфли, швырнула их на чурбак, с хрустом разрубила топором пополам и бросила в сторону машины:

— Вот те сдача! Гуляй топерича. Пляши и песни пой!

Валентин вытаращил глаза на разъярённую старуху, бросил вещи в траву и поспешил обратиться подобру-поздорову. Настя зашла в избу. По всему виду, ждали её: на чистом полу ровно лежали стираные половики. Вымытые окна с новыми занавесками нарядно блестели, на столе стояла тарел-

ка с любимыми Настиными рогульками, прикрытая новым полотенцем, и подсунутой под неё запиской от Милы. Настёна развернула листок: «Мамочка, где же ты, мы ждём тебя уже два дня?»

Настя села и тихо заплакала, обида на Тину прошла сама собой, и стыдно стало, что не спешила к своим, понапрасну обидела старуху. Однако тёткина выходка её удивила. «Долго, должно быть, терпела она моё «веселье», накопилось в душе-то, вон как осердилась. А туфель вовсе не жаль, — думала она, — всё равно здорово ноги жали». Она улыбнулась сквозь слёзы:

— Господи, хорошо-то как дома и праздник нынче — Петров день! Бани топят. А я кругом виновата!

С того дня что-то стронулось в ней: таяли и исчезали в провалинах оживающей души накопленные обиды. Всё свободное от домашних дел время она проводила теперь с Милой и Тиной — ходила с ними в лес по малину и за рыжиками. Говорила и не могла наговориться с доченькой и всё повторяла где-то прочитанную, умную фразу:

— Каждая дочь повторяет судьбу своей матери. Не дай тебе Бог, Милка, моей судьбы! Больше всего на свете хочу я, чтобы ты была счастлива и никем не обижена.

Вечером они сидели рядышком на крыльце, укрывшись бабушкиной шалью, и смотрели в высокое звёздное небо.

— Мама, смотри, звезда упала! — воскликнула Милка. — Загадывай желание!

— Загадывала когда-то да не сбылось, — печально отвечала Настасья.

Но это была уже другая, светлая печаль. На самое дно памяти опустилось прошлое, связанное с Витькой, заглохло, затерялось где-то среди последних событий и впечатлений. И пусть она не вышла замуж, зато на свете жила не зря. Вон какую дочку вырастила! Всё труднее становилось ей расставаться с взрослеющей на глазах Милочкой и неумолимо стареющей Тиной. И не уезжала бы, да деньги причиной: Настя продолжала упорно тру-

даться, копила деньги на учёбу дочери в медицинском училище. Вот и ездила по-прежнему по всей стране.

В один из обычных декабрьских вечеров поезд мчался сквозь заснеженные леса из Вологды в Екатеринбург. Настасья напоила пассажиров чаем и готовилась мыть посуду. У титана с горячей водой стоял мужичонка в куртке «на рыбьем меху», он сильно кашлял и смущённо жался к стене, чтобы не задевать проходящих мимо пассажиров. Что-то знакомое почудилось Насте в его фигуре. Продолжая возиться с посудой, Настя заварила чай с малиной, достала таблетку аспирина и протянула мужику:

— На вот, выпей — легче станет.

В этот момент она перевела взгляд на лицо пассажира и вдруг узнала Витьку! Настёна охнула, сразу как-то ослабла, даже ноги подкосились. Виктор взглянул на проводницу и побледнел.

— Настёна, ты, что ли? — выдохнул он.

— Я, Витюшка, я...

Они присидели в её купе всю ночь. И как будто не было между ними долгих лет разлуки, горьких воспоминаний и обид. Витька, торопясь и сбиваясь, говорил и говорил, рассказывал о своей непутёвой жизни:

— Нескладный я человек, Настёна. Столько лет прожил с Полькой, а ведь любви между нами не было. Ей хотелось замуж поскорее выскочить, а меня родная мать подпоила и положила с ней в постель. А после они вдвоём на меня надели, убедили, что Полина забеременела. Я и женился, а потом всю жизнь жалел, что не вернулся к тебе в деревню! Один раз попытался, помнишь, приезжал с игрушками для Милочки, а ты меня прогнала. У Полины никакого ребёнка не было, провели меня, как последнего дурака. Последние годы мы с Полькой жили в Архангельске, она работала в магазине кассиршей, я — в порту рабочим. Получили квартиру. И город большой, и зарботки хорошие, но как был я там одиночкой и чужаком, так и остался, не нашёл ни доли своей, ни друзей, ни счастья...

Настёна слушала его и плакала, изредка делясь своими горестями. Но что стоили её горести по сравнению с Витюшкиными, ей-то не отказано было в тепле и защите.

— Детей Полина не хотела, мы с ней стали совсем чужими, перестали даже спать вместе. Я только о вас с Милочкой и думал. Приеду, бывало, в деревню, подойду поздно вечером к твоему дому и смотрю в окошко, как вы с дочкой разговариваете, или ты что-то шьёшь. А днём высматриваю Милочку на улице. Переброшусь с ней парой слов — вот уже и счастлив. Полина, конечно, узнавала об этом от моей матери и винила меня во всём: в бездетности, в том, что мало зарабатываю, а она, бедная, одна-одинёшенька при живом муже. Полька начала гулять, приходила домой поздно и навеселе. Я всё терпел и молчал. Её это ещё больше злило. Наконец она нашла какого-то морячка и ушла к нему насовсем. Вернее, он пришёл к ней, а меня выселили в портовое общежитие. Я смирился, жил по инерции, начал болеть. А сейчас вот еду в Норильск, подальше от пустоты душевной и горьких сожалений, да и денег заработать хочется. Через годок-другой, даст Бог, вернусь в деревню и начну новую жизнь... Или, думаешь, не сумею? — дрогнувшим голосом спросил Виктор. — Господь за всё меня наказал, за тебя и за Милочку, за то, что дураком был, слушал мать, а не собственное сердце. Верил Польке, когда говорила, что любит, а сам всю жизнь по одной тебе сох...

— Да что ты, Витюшка, что ты, не плачь! Ну, ошибся, с кем не бывает, — взволнованно шептала Настя. — Конечно, начнёшь всё заново и ещё счастливым будешь, не сомневайся! Только на этот раз возвращайся скорее, мы с Милой будем ждать.

Она достала с полки свой старый тулуп, в котором зимой сбивала наледь со ступеней вагона, накинула Витьке на плечи, положила в его бедный сидор все продукты, какие имела. На вокзале в Екатеринбурге, прощаясь с Витькой, она простила ему всё, долго-долго глядела вслед и думала о том, что была у них настоящая любовь, было счастье. Может, не выдержал Витька разлуки и предал её не потому, что был так уж плох, а потому, что

был молод, доверчив и глуп. Не один он такой на земле, мало кто смолоду пронесёт любовь до конца своих дней и ни разу не споткнётся, не оступится.

Но вот закончилась серая зима, мелькнула юная весна, отшумело короткое северное лето, и снова наступил тёплый и щедрый август. Быть, видно, ему особенным месяцем в жизни и судьбе Настёны... В августе гуляли они с Витюшкой под звёздами — в августе привезли его на родину хоронить. Убили Виктора в Норильске пьяного рядом с вокзалом, когда он собирался ехать домой. Вытащили все заработанные деньги, сняли тёплую одежду, оставили только плюшевого белого медведя ростом с годовалого ребёнка. Вёз дочери подарок обещанный...

Страшно кричала на похоронах Марья, в пояс кланялась Насте и Миле, просила прощения, говорила, что избу внучке отпишет.

— Не нужно, своя есть, — отрешённо отвечала сразу постаревшая Настёна.

Она ничего не чувствовала. Слова утешения родных и друзей долетали до неё откуда-то издалека, она не понимала их. Настя ясно видела только череду лиц, проплывавших мимо неё. Вот этот человек пришёл проводить Витюшку, а вот эта женщина вчера приходила к ней за чем-то... Казалось, что она падает в глубокую яму, где черным-черно, и нет из неё выхода... Голова туго болела, словно набитая тряпками, как у старой деревенской куклы. Настя пыталась и не могла вспомнить нужные слова, когда её о чём-нибудь спрашивали. Она даже плакать не могла, а только тихо шептала, постанывая:

— Господи, за что, за что?!

И тут же начинала быстро молиться, просить у Бога прощения, боясь, что иначе сердце разорвётся, а ведь у неё ещё Милочка не выучена. Настя целовала холодный любимый лоб Виктора, сложенные на груди руки и не верила, что это он лежит перед ней: Витюшка, которого она любила, навсегда остался в том далёком августе, на опушке леса, под небесами, усыпанными звёздами...

После окончания школы Милу приняли в медицинское училище. Сдав вступительные экзамены, она приехала к матери. Первое лето без Витюшки было необыкновенно тёплым и дождливым, грибов наросла тьма-тьмущая, и мама с дочкой ходили на свои излюбленные места, кузовами носили белые грибы, грузди и рыжики. Любовались рассветами в лесу, росными полянами, радовались последней крупной костянике, удивлялись невесомым паутинкам, что с лёгкостью отрывались от кустов и парили в лучах вечернего солнца.

— Хорошо-то как, правда, мам? — спрашивала Милка.

— Хорошо, Милочка. Жить хочется, но что-то ноет у меня душа, будто просится куда-то, — утомлённо отвечала Настасья.

Настёна погибла, когда чистила трубу в титане своего вагона, забыв отключить электрический ток. Её похоронили на старом деревенском кладбище рядом с Витюшкой. Мила и Тина потерянно смотрели, как падают комья земли на крышку гроба. Бледная, похудевшая Мила ещё не до конца понимала, что расстаётся с матерью навсегда: а Тине казалось, что она выплакала на прощании с племянницей все слёзы, которые накопились у неё за долгую жизнь.

ИСТИННЫЙ ПУТЬ ЛЮБВИ

На литературном вечере я познакомилась с череповецким дагестанцем Сефербеком Сефербековым. Этот удивительный человек сорок лет проработал на «Северстали» и прошёл путь от простого разнорабочего до мастера цеха. Сейчас он на пенсии и приехал в вологодский санаторий подлечиться: горячий прокат забирает здоровье и слух.

Когда речь зашла о поэзии, Сефербек с воодушевлением прочёл собравшимся стихи Омара Хайяма, а потом несколько любимых стихотворений Николая Рубцова.

— Я родился и вырос в Дагестане, — рассказал о себе Сефербек. — У нас была большая семья — бабушка, отец, мама, пять братьев и две сестры. Я был ещё маленький, но помню, как мы дружно жили: отец работал в школе, к ученикам ездил по горам на велосипеде, мама занималась хозяйством, старшие дети ей помогали, а бабушка в свои сто три года пекла хлеб для всей семьи. Младшие ребята и я вместе со всеми крутились у неё под ногами в надежде получить кусочек горячего хлеба. Бабушка разжигала дрова в дагестанской печке тандыре, а когда они прогорали, сажала большие круглые лепёшки на внутренние раскалённые стенки печи. Между круглыми лепёшками оставались пустые места. Туда бабушка помещала маленькие треугольники из остатков теста. Через некоторое время она доставала уже готовый хлеб, а горячие треугольники тут же раздавала нам, своим внукам.

Я и сейчас вижу старые бабушкины руки с узловатыми пальцами и тёмной сухой кожей, роднее их нет рук на свете: помню вкус и аромат того хлеба, и прилив счастья от соприкосновения с ним. И теперь, если мне грустно, я вспоминаю ласково улыбающуюся бабушку с покрасневшим от печного жара лицом, обжигавший руки дагестанский хлеб — мгновенно оказываюсь в нашем дворе рядом с нею, братьями и сёстрами, и моё сердце поёт от радости...

«Вот истинный путь любви, — думала я. — Бабушка вкладывала в маленькие кусочки теста всю свою любовь к внукам, и эта любовь, поселившись в их сердцах, живёт с ними всю жизнь и передаётся новому поколению детей и внуков. И так было, есть и будет, пока не прейдёт род их».

НЕОТРАЗИМЫЕ ПРИМЕТЫ ЛЮБВИ

Как-то подруга привела меня к своему знакомому ларингологу. «Молодой, симпатичный, и глаза добрые», — мелькнуло в голо-

ве. Пока доктор осматривал моё горло, подруга стояла в сторонке и ободряюще кивала головой. Закончив осмотр, доктор сказал:

— С горлом у вас всё в порядке, а вот зубы надо подлечить и заняться протезированием.

— Давно собираюсь это сделать, только подходящего зубного врача не найду, а просто к кому-нибудь идти боюсь. Дело ведь тонкое, надо, чтобы человек с душой ко мне отнёсся и постарался сделать всё в лучшем виде. А то протезы сделаю, а носить не смогу, и будут они лежать в стакане. У моей мамы такая история.

И вдруг лицо доктора преобразилось: глаза засияли, он улыбнулся и сказал:

— Знаю я одного хорошего стоматолога, рядом со мной живёт, могу посоветовать.

— Кто это?! Почему я не в курсе?! — воскликнула моя подруга.

— Неужели непонятно? — засмеялась я. — Это, наверное, жена доктора!

— Да, — немного смутился он, — могу адресок подкинуть.

По пути домой я размышляла о любви. Ах, как неожиданно, как мило доктор открыл мне свою тайну! Он ничего не говорил о жене, только намекнул на её присутствие в своей жизни, а любовь наполнила его глаза и озарила лицо. И эти тонкие приметы любви внезапно сделали доктора неотразимо прекрасным и притягательным. Смешно, но я, старая, усталая и не очень-то здоровая женщина, мучительно захотела, чтобы он поделился со мной своей светлой любовью.

И мне вспомнилось...

Мужа своего я и сейчас люблю, а когда мы только что поженились, это чувство меня переполняло. Я носила любовь в себе, и мне казалось, что эта тайна никому не доступна. Я не считала себя красавицей, но со мной произошло что-то странное: на меня стали обращать внимание многие мужчины. Это внимание скользило тогда по поверхности моего сознания, сосредоточенного на ощущении собственного счастья и летящей лёгкости бытия.

Помню, я шла по улице, и вдруг в ногу со мною зашагал рядом незнакомый молодой человек. Он предложил выйти за него замуж, вот так сразу, минуя всякие формальные переговоры и ухаживания. Я засмеялась и ответила, что уже замужем. «Как жаль, — сказал он, — я о такой девушке мечтал всю жизнь». И остановился, растворился в толпе, а я пошла дальше.

Один коллега по работе, к моему большому удивлению, начал проявлять ко мне совсем не дружеский интерес, а ведь несколько лет меня просто не замечал.

Влюбился в меня на потеху друзьям один мой студент, и каждый день, будто бы незаметно сопровождал с работы домой.

И из небытия возникли какие-то мои бывшие знакомые и друзья, которым хотелось вернуть мою дружбу и привязанность, быть рядом. Они все хотели света и нежности, которые я несла любимому, хотели получить кусочек моего счастья.

И теперь я тоже знаю, как неотразимы приметы любви!

ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Несколько лет тому назад я зимой выступала со своими скромными стихами в одном доме отдыха. Заезд отдыхающих был не вологодский и на удивление молодёжный. На встречу пришли молодые мужчины, что бывает крайне редко, а я в этом доме отдыха не редкий гость. Мой обычный контингент — женщины среднего и пожилого возраста, неприятельные и благодарные слушатели, которым нравится простой и понятный слог, простые темы. Я даже немного опешила: как, интересно, отреагируют на всё это молодые парни? Но делать нечего и я честно выполнила намеченную программу — почитала стихи о погоде, о природе, о себе и своей семье, причём очень старалась. Слушали меня внимательно. Когда я

просила задавать вопросы, сидящий ближе всех молодой человек спросил:

– А стихи о любви у вас есть?

Вопрос задел, и я ответила так, что сама удивилась:

– Они у меня все о любви! Видите ли, люди в разном возрасте любят по-разному. Вот у вас все чувства и любовь тоже обострены. Это огромная сконцентрированная сила, которая вас самого и тех, кого вы любите, неодолимо влечёт, тешит и мучает, подчас отталкивает и даже может убить. В моём возрасте любовь совсем другая: она, как широкая река, течёт в заданном многими годами жизни спокойном русле и ровным потоком питает всё, что встречается ей на пути: деревни и города, поля и леса, каждую травинку и цветок. Моя любовь изливается на всех людей, особенно на детей и стариков. Она согревает всё, что видит и слышит, не выбирая и не убивая любимых. Мои стихи о такой любви.

Ребята меня поблагодарили, а мой оппонент уважительно предложил:

– Сегодня очень холодно, если не возражаете, я провожу вас на автобус.

Я не возражала.

Глава IV. Зона рискованного земледелия

Никого не буду обвинять в том, что происходило в России с 1991 по 2008 год. Все поучаствовали – одни разрушили и продали за копейки всё, что не сами создавали почти сто лет, другие, конечно, не бесплатно, пустили в страну мошенников всех мастей, третьи разворовали оставшееся добро, четвёртые растерялись, глядя на происходящее, и ничего не предпринимали. Но лучшая часть народа думала о будущем, работала, не смотря ни на что, и сохраняла в национальной памяти те зачатки нашей истории и культуры, которые уже теперь помогают нам снова встать на ноги, обрести утраченное достоинство и начать всё заново. Ведь в так называемую перестройку дошло до того, что мы своими руками почти уничтожили отечественное сельское хозяйство, уверовав в «глобализацию», в то, что нас чужой дядя за наши нефтедоллары прокормит: как мантру, повторяли, что на нашем Севере ничего не может расти и плодоносить, потому что Север – это зона рискованного земледелия. Зарубежные консультанты внушали нам, что здесь вообще лучше туризм развивать, дешевле будет и скорее окупится! И это притом, что западные же учёные-футурологи, принимая во внимание климатические изменения на нашей планете, вычислили, что самыми перспективными землями в мире в ближайшее время будут районы Северо-Запада России!

ВОЛОГОДСКАЯ ДЕРЕВНЯ — МАТРИЦА ВОЗРОЖДЕНИЯ РОДНОГО КРАЯ

(Краткое историческое путешествие в прошлое глазами крестьянина)

Давайте, дорогие сограждане, вернёмся к своим истокам, вспомним, какой была северная деревня в начале двадцатого века, как жили и что производили вологодские крестьяне, не имея современных машин, смартфонов, компьютеров и даже настоящих дорог.

Пришла пора менять жизнь в лучшую сторону — вернуться к производству натуральных здоровых продуктов, сделать нашу деревню новой, современной и удобной для жизни. Мы сможем это сделать, у нас всё для этого есть: много пустующей земли, способной давать богатые урожаи, лесов, полей, рек и озёр, рабочие руки, ищущие применения, сердца, болеющие за своё государство и за свою малую родину, желание трудиться, современная техника.

У истоков. В 2012 году уже пенсионеркой я начала писать книгу «Вологодская бывальщина» и отправилась в путешествие по области в поисках рассказов вологжан о прошлой жизни, чтобы самой понять, как мы жили раньше, и оставить об этом память для наших детей и внуков. На северо-востоке области в селе Нюксенице мне показали записи работников районного центра традиционной народной культуры и разрешили их отснять. Познакомлю вас с живой историей крестьянина Дмитрия Христофоровича Щекина, родившегося в 1914 году в деревне Жилковской Шведеницкого сельсовета.

«Наша деревня была небольшая — домов десять. (В больших деревнях было от семидесяти домов и больше!) **Семья** состояла из пятнадцати человек. Мы двадцать пять лет жили такой семьёй (с 1914 года). Старший был отец, грамотой он не владел, не мог ни писать, ни читать, занимался сельским хозяйством. Мы

держали всякий скот — четыре лошади, одних дойных коров держали больше двенадцати, несколько поросят и овец штук сорок. (О птице он даже не вспоминает.)

Весной мы землю пахали, потом навоз вывозили, летом работали на сенокосе, а осенью убирали хлеб (рожь, овёс, ячмень). Для лошадей надо было сена накопить — много сена; коров всё больше овсяной соломой кормили, если не хватало, другой соломой добавляли. Но коровы весной уже тощие были, однако не было таких, чтобы подымали (как в колхозе), все сами вставали. Раньше без пастухов обходились, меня всё гоняли за коровами.

Наш большой дом состоял из двух летних изб, за ними в середине двор, сзади скотнюха была, в большие морозы там коровы телились. У нас был двор — коров сорок войдёт».

Представьте, какой величины был этот бревенчатый дом! В нём под одной крышей жили пятнадцать человек. Избой в доме назывался двухкомнатный отсек: две «избы» находились в передней части дома, которая окнами, как правило, выходила на деревенскую улицу. В задней части каждой такой избы располагалась большая русская печь с плитой и лежанкой. Двором называлось помещение для скота внутри дома. Дом и двор находились под одной крышей. От жилого помещения двор отделял мост — коридор с выходом на придомовую территорию. А уже за двором находилась скотнюха — тоже внутренний, тёплый скотный двор. Над двором и скотнюхой располагался сеновал, а у задней стенки сеновала, на случай сильных холодов, была уборная для людей — дыра в полу с двумя палками по бокам для удобства.

«Для коров воду на питьё грели, а лошадей прямо в проруби поили. Для лошадей конюшня была отдельно. Для овец рядом с конюшней — хлев. Вот сколько скота было — так ведь эдакую семью кормить надо.

Всё, что производили, сами ели, государства (в современном понимании) тогда не было, не сдавали ничего. Продавали зерно — какой-то год мешков двадцать свезли. Подать какая-то была,

за страховку. Кто работал, хорошо жили, а кому робить неохота, дак беднота и была. (Многие свидетели жизни в вологодской деревне того времени утверждали, что бедняками были в основном те, кто работать ленился.)

У нас помещиков не было. Здесь были государственные крестьяне. Наши места считались ссылкой: среди глухой тайги, вдалеке от городов, без дорог.

Раньше в школу начинали ходить, когда девять лет исполнится. Меня, семилетнего, в школу не принимали. Старший брат, который ходил в четвёртый класс, написал на дощечках буквы и научил меня читать. Когда я подрост, отец отвёз меня на лошади в школу в Шевденицы (большое село). Школа бедная — ни бумажки, ни карандашика не было. С благодарностью помню учительницу Марью Алексеевну Брагину: добрая была и много помогала.

Ошибочно считать, что деревенское население было сплошь безграмотным. Начальные школы находились в таких сёлах, как Нюксеница и Шевденицы. Все старались учить детей в школах.

Я без матери в три года остался. Ещё младше брата был, ему тогда и года не было. Он потом в Отечественную войну погиб. Всего семеро осталось от матери, все выросли. Не помню, как при царе жили, но рассказывали. При царе землю давали по душам и на женщин не давали, а при советской власти землю давали по едокам. У нас пятнадцать человек едоков, дак вон сколько земли давали.

Меня часто спрашивают, не раскулачивали ли нас? А за что нас раскулачивать? Мы ведь чужих работников не держали, мельницы у нас не было, чужих не нанимали батраков. Всё сами делали. Меня отец уже в десять лет отправлял боронить. Отец добрый был, пешком боронить не давал, только верхом — мало, на ногу ступит лошадь! Но за дело лупил, и на задницу не сядешь!

Отец хоть и неграмотный, а мастеровой был, всё сам делал — дровни, розвальни, телеги и сохи.

Ещё с нами жил дядя Иван — моложе отца. Пришёл после империалистической (Первой мировой войны) из плена. Чуть жи-

вой. Вместо матери тётка была, отцова сестра. Мы без матери остались, а нас воспитывать надо, дак она замуж и не выходила. Дядя меня любил, если наказывали за меня горой стоял, заступался».

Работы было круглый год! «Зимой дрова надо, корм скоту возить, хлеб, который за полем сжат да в обзороды (стога) сложен, обмолотить да привезти тоже надо — ой, работы было, некогда вздохнуть! У нас деревенские ребята да девки бегают (гуляют), мне-то ведь тоже охота, а меня разбудят молотить ни свет ни заря на гумно лезти на овин, скидывать оттуда снопы. Туды залезешь, а иной ячмень сухой, колючий. Остальные молотят, и у меня молотило есть. Я кончу выпёхивать и к ним спускаюсь молотить. Сейчас такое молотило есть в бывшей школе в музее. Эту школу я строил десятником, ещё до армии. В армию-то я пошёл двадцати трёх лет в 1936 году».

Как вырос, стал я на игрища ходить. «На игрища получше одевались, не как на работу, однако попусту не сидели. Девки на пресницах (прялках) пряли, а мы за пресницы к девкам садились, разговаривали. Кто к кому. Девки кого-то и не пускали, а кому-то и: «Садись, — говорили, — садись!» На вечеринах «Метелицу» плясали, «Плетень» заплетали. (Пляски так назывались «Метелица» и «Плетень».) Я плясун и певец худой: ничего этого я не мог. Девки в основном пели: «Заплетайся, плетень». А я ходил между ними, ту и другую за руки держал. Заплетут плетень, а потом расплетать начинают, поют: «Расплетайся, плетень», подныривают под руку и расплетают. Человек по двадцать в плетень встают. Собирались когда где. Когда и у нас собирались — изба большая была. Девки приберутся и играют, часов до двенадцати сидели. Запевали те, кто голосистые были. Бусырева (будущая жена) у меня пела и плясала. Голос у неё был, а плясала она с детства. А уж бойкая была — палец (в рот) не ложи, откусит. Если, что не по ней, так любому парню кулаком заедет! Мы с Бусыревой поженились. Свадьбы как таковой не было, гости приезжали, несколько недель отмечали».

Во что и как одевались. «На Семёнов день (первого сентября) и на Николин день одевались во всё лучшее. Тётку мою нарядку (нарядную) любили. Раньше ведь ничего не покупали, всё носили портяное (из холстины, льняной ткани). Девки пряли, ткани по насту расстилали (отбеливали на солнце), шили себе сами. Тонкое портяное ткали на рубахи, исподки (нижнее бельё) шили — стан внизу портяной. Сарафаны шили с двумя, тремя пуговками на груди. В нашей большой семье была зингерская машина (швейная машинка немецкой фирмы «Зингер»), до сих пор шьёт. Все сёстры у меня шили.

Так далеко от цивилизации жили, что всё делали своими руками. Из льна пряли нитки, на ткацких станках ткали портяную (льняную ткань — тонкую и плотную). Были свои швеи и сапожники, которые шили одежду и обувь. Скорняки выделывали шкуры овец и дикого зверья — лисиц, волков и медведей. Из овчины шили шубы и полушубки. Столяры делали домашнюю мебель — кровати, сундуки, шкафы, лавки, столы, табуретки и даже стулья. Могли изготовить телегу, деревянные колёса и сани (розвальни). Делали деревянную посуду. В какой-нибудь деревне находился человек, который умел делать глиняную посуду — горшки, плошки, тарелки кружки. Жили натуральным хозяйством».

Кое-что из еды. «Тётка, мы её божаткой звали (божатка — крёстная мать), была за стряпуху. Она пекла, обряжалась (выполняла домашние дела: топила печь, готовила еду, кормила скот, топила баню к помывке), на всю семью готовила, варила шти, суп мясной в промежговенье, а в говенье (в посты) — грибной и гороховый суп. Посты соблюдали. Будешь поститься, если тётка мясного супу не наварит! Но молоко давала иногда. Отец верующий был, а дядя Иван попа не признавал, потому что с ним в школе за одной партой сидел.

Ели всё молочное. Молоко в кринках стоит, сметана появляется сверху. Без сметаны простоквашу тоже хранили, из неё делали кислое молоко (творог) и потом его с пресным молоком

кушали. Сметану снимали и аккуратно мешали мутовкой — так делали масло. Конечно, ели картошку с мясом, блины и пироги.

Хлеб божатка пекла свой из ржаной муки. Иной раз добавляла ячную или овсяную муку».

Как пиво варили. «Первого сентября — Семёнов день, престольный праздник. В этот день пиво варили. Наварят десять-пятнадцать бочек, по пять-шесть вёдер в каждой. Прежде чем пиво делать, надо солоду наводить. Солод водили из ржи — мочили трое суток в реке. Потом сырую рожь вытащат оттуда, в передние избы чистую постилаху (подстилку) тканую расстелют и на неё рожь разложат, чтобы проросла. Она же размокла в воде, а в тепле росточки появляются. Когда росточки появляться, её сгребали в кучу и нас заставляли разминать. Когда рожь прорастает, то срастается и её надо раздёргивать и в мешки накладывать. Сверху на зерно постилаху не стелили, чтобы зерно не задохнулось: нужно, чтобы оно дышало. Сделают из ржаной соломы вязки и ей сверху застелют, а потом мякиной овсяной завалят, то есть загнетут. Ну, разные чурки положат, плахи, а то и камни, чтобы солод загнести, чтобы он там засолодеел. Дядя Иван приходит проверять.

Солод, когда загнетётся, его распечатают, уж оттуда пар пойдёт, и мы, дети, тут как тут, горстями его брали и ели — он сладкий-сладкий, вкусный и мягкий. Нам не запрещали есть его никогда, у других ведь не дают, а мы с братьями да сёстрами всё тут, как солод распечатают, горстями в рот и едим. Нас никогда не оговаривали, если хочешь, так ешь.

Потом его собирали и сушили. Это тётка делала, но, чтобы не сожечь, он ведь прелый такой, его высушат. Потом на мельницу и мукой измелют мелко в жерновах. В Тарногу (ближайшее большое село) ездили молоть. Овёс в ступах обмолачивали. Пиво варили не в избе, а на улице в железном котле. Оно получалось густое, сладкое, тёмное. Пить собирались в праздник всей деревней. От этого пива человеку было весело, голова оставалась чистой, а ноги не шли.

Чего только у нас в доме не было — к соседям не ходили, всё своё. Суп в чугуне эмалированном варили (когда-то из Вологды привезён был), чуть меньше ведра. Суп с луком ели. Мука больше ячная была (ячменная) и овсяная. Лук у нас растили двенадцать грядок. В сенокос, помню, тётка напекёт пирогов с луком, пестерь пирогов накладёт, лук сверху положит. Разбудит меня: «Митька, неси в холодный лог!» А туда больше пяти километров. Пестери покупали не то с Илезы, не то из Селенья (названия деревень). Пирогы хранили в ящиках на стене, там палки были, мыши не могли попасть».

Какая ещё работа была в деревне. «Были в нашей деревне кузнецы. Перед войной уже были МТС — Можелин, хороший кузнец, в МТС работал, жена у него медичкой была. Болотов — кузнец в стройконторе, Колька Обухов тоже был кузнецом.

Многие работали (в Нюксенице) на сплаве леса — плотили трёхрядку: два ряда (брёвен) целиком в воде, третий ряд сверху, тоже наполовину в воде. Работа тяжёлая и сложная, особенно если троса не было, у меня троса сначала не было, потом Прокопьев из Слободки мне дал. У меня одну плитку (плот) унесло за тридцать восемь километров, Сухона ведь большая вода. У нас с Раменья (село) мужик был, тоже не сухонский, его послали ко мне на работу, а он и реки не видал. Мало кто соглашался перегонять плоты, а он говорит: «Я утоню! Я уже плавал на пароме, буду кричать в Подсосенье (село), там меня перехватят хватальщики». Страшно было его отпускать, вдруг паром опустит (не удержит) или сам утонет. А он уж на второй день вернулся, ему ещё и продуктов дали. «Я, — говорит, — шибко и не правил. Ткнёт плот в берег, я оттолкнусь, да и другим концом поплыву. Так и догнал до Устюга». Он все паромы за сезон и перегнал. А и сам вроде придурковатый!»

«Плотники делали розвальни, сани на деревянном ходу. У нас их креслами звали, а на Сухоне звали не санями, а кошевками. Кошевки делали в Вятской губернии, а покупали их на ярмарке. Они лёгкие, красивые, на заднем борту материалом

разноцветным обшиты — не у всех были, на них ведь денежки надо. Дубовые полозья подшиты железными полозьями, поэтому ходили легко и набок не катились, прямо ходили. У нас отец тоже такие сани делал».

«В (деревне) Юрьевской Руфовна (фамилию не помню) делала из глины кринки, горшки, трубки. Она наделает много, наобжигает, муж в солому накладёт и поедет зимой в другие деревни продавать. А для нас она делала маленькие свистульки. Она глиняную свистульку сделает, обожжёт её, дырочки делает, пальчиками закрывает, на разные голоса заиграет сама — так любо. В форме петушка с гребешком, например, где хвостик, там дырочка. В рот берёшь, в дырочку дуешь. Кто её учил? Лет сорока женщина была — эта Руфовна. Красную глину в поле за рекой брала, её с одного места возили мягкую без камней. Прежде чем делать горшок, она глину приготавливала — ложила в неё определённое количество промытого песку с реки. Пока тепло, они с мужем её прямо на улице ногами топтали на специальной площадке. Он штаны закатает, она сарафан подымет тоже до коленок, и оба топчут эту глину. Глину намнут ногами, потом руками и делали посуду. Я запомнил, у них круг большой такой был, кружился. Рядом стоял стол специально для этого, на нём они не кушали — намнут глину и накладывают на этот стол. Она берёт определённое количество, катает его, мнёт, такой кружок делает, дно-то ведь надо начать у кринки или у горшка. На круг посыплет песку обыкновенного речного, иначе глина пристанет к кругу, будешь отдирать, спортишь горшок-то. На этот песок она кружок положит и потом берёт ещё глины и катает колбаску, руками её приплющит и начинает приклеивать. Прежде чем приклеивать, она пальцами часть этого кружка загнёт и сюда прилепит и загладит, как будто так и надо. Больно у неё ловко получалось, быстро и хорошо. Обжигала она просто, в своей русской печи. Сначала она сырцы на воздухе несколько дней сушила, а потом обжигала. Руфовна заберёт горшок, пальцем постукает — он не звенит. После обжига остудит, на руку

наденет и постукает, он звенит как колоколец — красиво! Своим (родственникам) делала корчаги — большие горшки с крышками на два ведра углей. В корчагах гасили горячие уголья. Также делала кринку. Кринки — это плоски такие, в них молоко разливали после дойки».

«Тесто творили в деревянных квашинках, их отец делал. Ещё делал из ёлки деревянные шайки для бани и деревянные ведра. А коромысла гнул берёзовые».

Из сосны гнали смолу, а из бересты дёготь. «До войны у нас были артели «Лесохим», они специально закупали по деревьям бересту и сами драли. Из этой бересты делали дёготь. Возьмут бересту, нарубят, в котёл закупорят, чтобы воздух не попадал, и на огне держат. Также гнали и смолу. Только вместо бересты в котёл закладывали смолистые пни и очень смолистые словые чурки, закрывали крышкой и грели на огне до тех пор, пока смола потечёт.

Дёгтем кожаную обувь мазали: ваксы и кремов не было. Сапоги, если засохнут, дёгтем намажут — мягкие станут, как тряпичные. Дёгтем и сыромятную сбрую смазывали.

Смолой колёса смазывали. Колёса-то деревянные были и оси деревянные. Колесо смолили (пропитывали горячей смолой), а ось и трубицу ею же смазывали. Лодки делали из пустой осины и тоже смолили, они так служили дольше, от воды не гнили».

«Из бересты отец научил меня туески плести да лапти. У нас один туесок ведёрный был, дак собранные рыжики прямо в нём солили. На лапти да туеса надо сначала лыка надрать. Лыко нужно драть весной. Хорошо дерутся, но не очень крепкие. Руками делать. Всех и инструментов для этого — топор да руки. В Нюксенице ещё «коточиг» (кривой ножик) используют. Подойдёшь к берёзе, тукнешь, проверишь, скала (береста) какая, плотная или не очень. Нужно выбирать не молодую, но здоровую берёзу»...

На этом месте воспоминания Дмитрия Христофоровича Щекина обрываются. Прочтёшь их, и встаёт перед глазами де-

ревня моего отца — Павлово Рослятинского уезда, почти такая же, как Жилковская. И родился мой отец тоже в 1914 году, и районы наши северо-восточные соседствуют друг с другом. Многие из того, что здесь описано, я сама видела, пробовала и ощущала в детстве и в юности. И мне кажется, я знаю, откуда начинать возрождение родного края — отсюда, из вологодской деревни.

Во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов Русская деревня вообще и вологодская, в частности, спасала Родину в тылу, кормила фронт, отдавая последнее и голодая сама, принимала беженцев из оккупированных территорий и блокадного Ленинграда. Честь, слава и вечная благодарность потомков ей за этот непосильный труд, доброту, самоотверженность и сострадание.

БЕЖЕНЦЫ

(Быль)

Шёл 1943 год. Над Грязовцем всю ночь кружила метель. Она заметала дороги, засыпала снегом железнодорожные пути. Во мгле раннего утра женщины из городка и ближних деревень, отправленные на расчистку путей, медленно собирались у сторожевой будки. Каждый день они работали здесь с утра до ночи, почти шесть месяцев в году. Столько длилась вологодская зима, то и дело уничтожавшая их труд.

— Господи, за что же нам такое? — горестно роптали бабы. — Целый день вчера чистили, а сегодня снова всё замело!

И Господь как будто услышал измученных женщин, раздвинул тучи, освободив высокое ярко-синее небо. Мартовское слепящее солнце озарило и хмурый лес за железнодорожными путями, и маленькую станцию, и лица работниц. Ждали санитарный эшелон, но он ещё не подошёл, и бабы побрели к

лесу разжигать заготовленные с вечера кострища. Они грели кострами землю — иначе она не поддавалась лопате. Вчера поездом привезли много умерших на пути в тыл раненых солдат.

Наконец подошёл эшелон. Женщины бежали к теплушкам и совали в протянутые руки кто вареную картофелину, кто горсть пареного гороха или луковицу, завёрнутую в чистую тряпочку.

— Слава Богу, сегодня все живы! — крикнул солдатик с забинтованной головой, высунувшийся из вагона. — Принимайте, бабоньки, беженцев.

Из теплушки на дощатый настил с трудом спустились две старые, бедно одетые женщины. Одна тащила сидор, мешок с завязанным устьем, другая несла завернутого в байковое одеяло ребенка. Марья, баба из рабочей команды, отогнула край одеяла и запричитала:

— Ой, горюшко — опять покойник!

Первая беженка после этих слов молча осела в сугроб.

— Нет! — вскрикнула вторая. — Живой он, живой! Марик, очнись! Это он от голода сознание потерял. Из Ленинграда мы — блокадники.

— Господи Иисусе! До чего же вы худые — кости да кожа. Бабы, тащи сюда, у кого что осталось!

Мальчик открыл глаза, похожие на две крупные ягоды чёрной смородины и зажмурился от яркого солнца.

— Слава тебе, Господи! — перекрестилась Марья.

Женщины окружили беженцев, зашумели, засуетились. Кто котелок с травяным настоем протянул, кто остаток варёной картошки.

Приезжие со слезами на глазах благодарили.

— Куды девать-то их будем? — спросил Федяй, одноногий возничий, приставленный бригадиром в помощь бабьей команде.

— Вези в Веняково к Лукичихе, у ей места много или к Паране — она баба добрая, не откажет, — сказала Марья.

В деревне Федяй подкатил к добротному, новому дому с резными наличниками и высоким крыльцом.

— Лукичиха, принимай людей! — бросил вожжи возничий.

На крыльце появилась костлявая, широкоплечая баба. Молча поглядела на беженцев, поджала тонкие губы и заявила:

— Племяш с бабой приехали — негде спать. Вези дальше!

— Ну, что ты за человек, Лукичиха! Побойся Бога, ведь они из самого Ленинграда бегут, две недели в пути да по теплушкам, пусть хоть обночуются!

— Негде! — обронила Лукичиха и закрыла дверь.

Федяй повернул сани в сторону крайней избы. В маленькой, старой, но ещё крепкой этой избе жила вдова Прасковья, попросту — Параня. Именно к ней обычно посылали приезжих.

— Прасковьюшка, принимай гостей! — крикнул возничий.

— Гостям всегда рады, вот только тесно у меня, спать придётся на печке да на полатцах, — улыбаясь, приветливо сказала маленькая ладная женщина, вышедшая им навстречу.

Добрую половину избёнки Прасковьи занимала русская печь. За дощатой переборкой, отделявшей печку и кухонный стол от тесной, но безусловно чистой горницы, стояли железная кровать с горкой подушек и пузатый комод, покрытый вязаной крючком салфеткой. Над комодом в рамке под стеклом — парадные фотографии Парани и её мужа. Всю мебель, включая комод, стол, пару грубых табуреток, скамью шириной в одну плаху, когда-то сколотил и покрасил коричневой масляной краской хозяин.

Беженки застыли у порога, обессиленные, измученные голодом, страданиями и дорогой. Первая выронила сидор из рук и тихо заплакала — просто оттого, что наконец попала в тепло. Вторая судорожно прижимала к груди ребёнка и озиралась по сторонам. Хозяйка засуетилась, принимая гостей:

— Проходите, гости дорогие, разболокайтесь, самовар на столе. Угощение, правда, никакое — кипяток да картошка!

— Что вы, что вы! Спасибо большое, мы картошки давно не ели, — слабыми голосами благодарили женщины.

— Давайте сюды мальчонку! Ох, какой лёгкий! Да у него, никак, жар, — хлопотала Параня.

— Он просто ослаб, устал в дороге, — робко отвечала одна из женщин.

Хозяйка подала гостям валенки, накормила, чем Бог послал, мальчика заставила выпить отвар лесных трав и всем постелила на печке. По избушке разлился аромат багульника, зверобоя и дикой мяты. Это было последнее, что они ощутили, прежде чем обеспамятеть в глухом сне.

Беженцы спали почти сутки. Они проснулись вместе с солнцем, через маленькие, низко поставленные окошки, осветившем избу и сиявшем в начищенных боках самовара. Стояла вселенская тишина: казалось, будто приезжие попали не просто на край света, а на край Галактики — война и смерть, страх, голод и холод, последние четырнадцать дней в теплушках — всё осталось где-то там, далеко позади... И на свете был только этот, маленький дом, затерянный в снегах, и в нём большая печка, по-матерински обволакивающая теплота и долгожданный покой.

Параня давно хлопотала по хозяйству — подоила козу, наносила дров, размела от снега дорожку, ведущую к калитке. Возвратившись в избу, она нашла своих постоялиц отдохнувшими и умиротворёнными. Только мальчик всё ещё спал и тяжело дышал во сне, на лбу мелкими капельками проступила испарина. Женщины всполошились. Хозяйка подошла к ребёнку:

— Фершала надо, — решительно сказала она и выбежала из избы.

Через час пришёл сухонький старичок-фельдшер Иван Ильич. Он осмотрел ребёнка и с облегчением сказал:

— Пневмонии нет, дыхание чистое, а температура — так ведь на печке спал! Питья больше давайте, да покормите мальчонку, только понемногу, чтоб с недоеда плохо не стало. — Как тебя звать?

— Марик, — слабым голосом ответил мальчик.

— Марк, значит. Святое имя. А вас? — повернулся он к женщинам.

– Мира, Фира, – представились они.

Мириам, Эсфирь, их сестра Маргарита и её сын Марк жили до войны в старом доме на Васильевском острове. Здесь, в большой комнате коммунальной квартиры, такой родной, пахнущей пылью и мастикой, с большим окном за прозрачной тюлевой занавеской, с книжным шкафом, набитым книгами в два ряда, с двумя узкими железными кроватями и широким пружинным матрасом на дощатой подставке, они обитали со своей старой мамой. В углу швейная машинка «Зингер», за занавеской – вешалка для одежды. В этой комнате, расположенной у выхода на чёрную лестницу, всегда жила их семья. Здесь звенел смех весёлой, подвижной толстушки Миры, миловидной и какой-то удивительно уютной и тёплой. Здесь витал кроткий голос Фиры, сияли её большие, печальные глаза. В этой комнате, полной света, росла самая молодая из сестёр, хорошенькая, стройная Рита.

Здесь же появился Марик, когда Рите исполнилось сорок, Мире шестьдесят, а Фире пятьдесят четыре года. И комната наполнилась его звонким голосом, беготнёй, смехом и счастьем.

Сёстры работали вместе в бутафорском цехе Кировского театра оперы и балета, или в «Маринке», так его называли все ленинградцы испокон веков. Они шили костюмы для спектаклей. Театр был их жизнью, работой и семьёй. Марик рос в бутафорском цехе, среди костюмов и ярких декораций, оторванный от реальной жизни и её нужд. Маленького милого мальчика, его красивую маму Риту и добрых тёток знали и любили все театральные. Так хорошо, так весело было жить – и вдруг война!

Мир сломался, как детская игрушка. Окружённый немцами город погрузился во тьму. С каждым днём становилось тяжелее. Голод и холод, эти главные враги людей, правили теперь их жизнью. Из дома постепенно исчезло всё, что можно было выменять на еду, и комната опустела. Остался лишь матрас, на нём спали все четверо. Думали, что нельзя жить без света и тепла. Оказалось – можно, если есть хоть немного хлеба и воды...

Мира, Фира и Рита бродили на работу и с работы, как во сне, едва переставляя распухшие от голода ноги.

Теперь вряд ли кто узнал бы Миру в седой, тощей старухе со слезящимися глазами. Но она не сдавалась и, неведомо как, держала своё маленькое семейство на плаву.

Тихая Фира неожиданно преобразилась: каким-то чудом она собрала все свои малые силы, зажала в кулачок и стала для старшей сестры настоящей опорой.

Рита посерела от усталости и голода, очень ослабла, но, преодолевая себя, после работы ходила отovarивать хлебные карточки всей семье.

Хуже всех чувствовал себя маленький Марик, он постоянно просил у мамы и тётюшек есть. Они с любовью отдавали ему большую часть своего пайка, но и этого не доставало для сохранения его маленькой жизни. Тельце Марика истончилось, сухая кожа обтянула ребра и косточки рук и ног. Женщины были близки к отчаянью, но друзья помогли устроить ребёнка в больницу, там детям давали чуть больше еды. Счастливый, он так и не узнал о гибели мамы.

Как-то раз, получив по карточкам хлеб на себя, сестёр и Марика, Рита решила сократить путь домой и зашла в тёмный переулок. Её убили за кусок хлеба и оставшиеся карточки. Тело нашла и увезла на кладбище похоронная команда — сёстрам даже не удалось попрощаться с ней. Горе, отчаянье, близость смерти заставили женщин забрать Марка из больницы. Ценой огромного напряжения сил в начале сорок третьего года они сумели выбраться из Ленинграда. Их отправили в Вологодскую область.

Слух о ленинградских беженцах прошёл по деревне, и уже вечером народ стал приносить еду для них: кто картошку, кто лук, кто «опекушки» — лепешки из травяной муки, картошки и воды. Небогато военное угощение, но дарилось оно от чистого сердца. Весь вечер в глазах Миры не просыхали слёзы — она благодарила и плакала.

Из любопытства заглянула и Лукичиха. Лидию, давно забывшую, как её звать-величать, прозвали Лукичихой за вредный характер: дескать, народ плачет от лука, а она многим в деревне до слёз насолить успела.

— Нероботь! — говорил про неё бригадир. — Как дома у себя, так всё приделает, а на колхозную работу не спорая, вечно хворает.

Войдя в избу Парани, она цепким взглядом обвела приезжих и, заметив на руке одной из женщин золотое колечко, быстро сказала:

— Меняю кольцо на мешок картошки!

— Бесстыжие твои глаза! — запрчитала Параня. — Картошки нам своей хватит!

— А может, у вас машинка швейная есть? — перебила её Мира. — Я бы поменяла: кольцо старинное, мамино, из червонного золота.

— Добро, — согласилась Лукичиха, — сейчас принесу.

У запасливой бабы было две машинки, старая и совсем новая.

Вскоре в избе застрекотала машинка, и народ потянулся к беженкам с заказами. Люди обносились, особенно плохо было с нижним бельём. Прасковья как-то призналась:

— Уж год, как без панталониев хожу, стыдно сказать, а делать нечего, других-то нет. И в Грязовце в магазине нет. Да и не одна я такая, все почти голые ходим, как в старину.

Время шло, вторая половина апреля выдалась на удивление тёплой. Природа будто хотела наградить людей за лютую зиму: на угорах из-под прошлогодней травы показались жёлтые глазки мать-и-мачехи, нежным жёлто-зелёным пухом оделись вербы у реки, на берёзах и тополях набухли почки, на лугу щетиной проклюнулась молодая трава. Прасковья с Фирой копались в огороде. Мира латала и перешивала старые вещи — кому пиджак, кому юбку, кому платье. Люди благодарили, кто чем мог: денег в колхозе отродясь не было.

Марик заметно выправился за те несколько недель, что они жили у Прасковьи. С лица исчезла нездоровая бледность, глаза сияли радостью.

Среди деревенских детей выделялся рослый парнишка со смешным именем Лялька — внук Прасковьиной соседки бабы Насти. На самом деле его звали Олегом, но городское имя в деревне не прижилось, вот и стал он Лялькой. Мать привезла мальчика из города к бабке Насте и сгинула в военном лихолетье, а отец погиб на фронте. Лялька белобрысый, ушастый и весны до осени обсыпанный яркими веснушками мальчишка, смотрел на мир широко раскрытыми бледно-голубыми глазами. Деревенская детвора, словно стайка воробышек, постоянно перемещалась с места на место в поисках чего-нибудь съедобного. И тут Лялька был впереди всех, беднейший, он знал, где и чем можно поживиться в поле, на речке и в лесу. При первой встрече с беженцем он смерил его взглядом и сердито спросил:

— Как ты звать?

— Марик, — тихо ответил тот.

— Ха-ха-ха! — покатались со смеху деревенские. — Бабье имя — Марья!

— И ничего не бабье! — покраснел Марик. — Мне тётя Мира говорила, что человек по имени Марк написал Евангелие.

Такую книжку Лялька видел дома, бабушка часто читала её по вечерам. Без молитвы баба Настя не садилась за стол и его заставила «Отче наш» выучить.

— Ну, ежели так, то пойдём с нами на гумно!

На крыше гумна бормотали дикие голуби, а под стрехой в гнёздах можно было найти кладки голубиных яиц. Лялька ловко забрался на крышу, набрал яиц и раздал их ребятишкам. Марик смотрел на пёстренькие голубиные яйца, и в глазах у него стояли слёзы.

— Чё ревёшь? — удивился Лялька.

— Птенчиков жалко! — прошептал Марик.

— Да я ведь не все взял, а по одному из каждого гнезда, и неча жалеть дармоедов, они колхозное зерно жрут, — успокоил его Лялька и крикнул, — робя, айда к речке, Федюнька поймал вчера щуку в бочаге!

Ребята стайкой понеслись к реке Ивняшке. Лялька добрался по мелководью до промоины, снял с себя рубашку и возбужденно закричал:

— Есть! Щука, подъязок и ещё, ещё! Марька, сымай рубаху!

Лялька связал рукава у рубашек, сунул в бочаг и стал водить ими из стороны в сторону, перекрывая рыбе выход на волю. Рыба заиграла, забилась. Ещё немного, и средних размеров щучка с несколькими подъязками и окуньками попала в западню.

— Ура-а-а! Попались! — радовались дети.

Лялька уговорил ребят искупаться в ледяной апрельской воде, и они дружно полезли в Ивняшку. У Марика сразу губы посинели от холода, худенькое тело покрылось гусиной кожей. Продрогший, но гордый, он нёс в подоле рубашки свою первую в жизни добычу. Лялька щедро отдал ему щуку и пару подъязков. Дома Марик вывалил рыбу в таз и с восторгом показывал её тетушкам и Паране.

— Неужели сам поймал!? — изумлялись Фира и Мира.

— Да он всему тут научится, — говорила Прасковья, ласково глядя мальчика по голове, — и нашим огольцам есть чему у него поучиться.

Ночью у Марика поднялась температура, он метался в жару и бредил. Жар не спадал трое суток. Фельдшер Иван Ильич сокрушался:

— Похоже на крупозное воспаление лёгких!

Он принёс для Марика оставшиеся от старых запасов порошки и велел ждать кризиса. Тётушки совсем пали духом и неподвижно сидели у постели племянника. Параня истово молилась, баба Настя подсунула под подушку мальчика иконку святителя Николая, а Лялька то и дело виновато заглядывал в окошко Параниной избы.

Марик поправился, но ещё долго помнил ледяную речку, пойманную рыбу и восторг, который испытал тогда, держа в руках трепыхавшуюся щуку. Он совершенно окреп за первое лето в Венякове, загорел и стал похож на остальных мальчишек. А

его тётушки втянулись в деревенские будни: кроме шитья, работали вместе с Параней в поле, помогали собирать и запасать на зиму грибы, ягоды и травы.

— Хоть и городские, а не белоручки! — одобряли бабы.

Старшие дети начали собираться в Грязовецкую школу. Младших собрали в пустующем доме на краю деревни и предложили Фире учить их читать и писать. К ней ходила малышня со всей округи, Марк тоже пошёл в первый класс. В импровизированной школе не было парт, книг и тетрадей, не было ручек и чернил, но было большое желание учиться. Писали карандашами на обрывках старых газет, на любой бумаге, будь то старые конверты, открытки или счета из лавки. Лялька учился лучше всех, на уроках быстрее всех выполнял задания, и Марик гордился дружбой с ним, рассказывал ему о городской жизни.

9 мая 1945 года по радио объявили День Победы, все плакали и смеялись одновременно. После Победы почти три года прожили беженцы в Венякове, не решаясь сразу вернуться в разрушенный немцами город. Мира выезжала в Ленинград несколько раз, и ей удалось вернуть их старую комнату, занятую чужими людьми. Неотвратимо наступала пора прощания.

На станцию Миру, Фиру и Марика провожала вся деревня. С обеих сторон было пролито немало слёз. Марик, не стесняясь, плакал навзрыд, Лялька хлюпал носом и просил писать, а лучше приезжать летом, говорил, можно будет ходить в ночное, жечь костер, печь картошку. Бабы, отворачиваясь, совали беженцам в руки деревенские гостинцы, звали в гости. Пришла и Лукичиха. В общей суматохе она вложила что-то в руку Мире и исчезла. Мира разжала ладонь, только когда поезд тронулся и стал набирать ход. В руке лежало мамино золотое колечко. Мира бросилась к окну, но Лидии и след простыл...

НА НИКОЛУ ВЁШНЕГО

Дачный кооператив «Розочка» — самый старый в нашей округе, здешние дачники — пожилые люди, выходцы из ближайших к городу деревень.

В нашем ряду дачных домиков самым авторитетным огородником считается семидесятипятилетний Вован. Ближайшие его соседки — Танька по прозвищу Комунистка и её мамаша, девяностолетняя слепая Ангелина. В отличие от пустой Таньки, она не может жить без сельской работы и поражает дачников, ползая из домика на грядки на четвереньках — руками ощупывает тропку, чтобы с пути не сбиться. Танька же ленива и бестолкова, но любит шуметь и командовать, за что её и прозвали Комунистой. Через домик от них сажает овощи городская огородница Петровна. Она завидует дачным успехам Вована и бывших колхозниц. Петровна и литературу специальную читает, чтобы урожаи повесить, а Танька, раскрыв рот, её советы слушает.

Впервые после долгой зимы Вован приехал на свой участок в конце апреля. Он стоял посреди разбитых, как по линейке, грядок и хозяйским глазом окидывал свои четыре сотки, когда к нему примчалась шепутная Танька.

— Вован, — заверещала она, — ты картошку посадил? Петровна дак уже посадила!

— Таня, я картошку на Николу Вёшнего сажаю — двадцать второго мая, — попытался утихомирить её Вован.

— С ума сошёл! Да она у тебя не успеет вырасти! — возмутилась Танька и улетела к себе на участок.

С начала мая и до двадцатых чисел Вован убирал участок от прошлогоднего мусора, размечал и вскапывал грядки, сажал зелень, окапывал яблони, кусты и вносил в землю пропревший за зиму в компостной яме навоз. Комунистка то и дело прибегала к нему хвастаться, что посадила картошку по науке вслед за Пет-

ровой и возмущалась недальновидностью соседа. Он молча качал головой и продолжал заниматься своими делами.

Вован посадил картошку ровно на Николу, как всегда. К большому удивлению Таньки, картошка на его участке взошла через десять дней после посадки. На их же с Петровной участках было пусто, хотя эвон когда посажено! Танька копнула с краю картофельную грядку и обнаружила, что её картошка скукожилась, размякла и всходить не собирается! Она побежала с этой вестью к Петровне. Проверили и её грядки — результат тот же!

Ох, и крику было — на весь кооператив. Комуника на чём свет стоит ругала Петровну и науку, та в ответ обозвала её дурой малограмотной, чуть не разодрались. Утихомирил их тот же Вован:

— Обе вы хороши! Говорил же я, что картошку надо на Николу Вёшнего сажать: после заморозков да в прогретую солнышком землю. Не послушали, кто вам теперь виноват?

«ГВОЗДИ БЫ ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ!»

Деревня, в которой родился и вырос Сергей Иванович, давно полуживая: в ней постоянно живут два-три пенсионера, а на лето собираются ещё несколько таких же пожилых людей, кто из ближайшего райцентра, кто из Вологды. Есть и приезжие из дальних краёв.

Что это, как не могучая тяга к земле и к совершению обряда таинства рождения новых растений? Это древнее чувство живёт в каждом бывшем крестьянине. Живо оно и в Сане с женой Ниной, которые прибыли в деревню аж из Североморска. Каждую весну они приезжают к Саниному восьмидесятилетнему брату Мишке, чтобы в конце апреля посадить огород. На лето уезжают обратно в Мурманскую область, а осенью возвращаются за урожаем.

Дома в Североморске Нина из года в год героически высаживает семена лучших сортов помидоров, пестует каждый сте-

белёк рассады, а потом бережно везёт её в большой коробке на поезде до Вологды, а оттуда на автобусе до деревни.

За три дня майских праздников Нина высаживает помидоры в грунт, а муж укрывает их плёнкой. Они отмечают с Мишкой Первомай, Саня даёт брату все необходимые наставления, как ухаживать за помидорами, и с чувством выполненного долга супруги уезжают обратно в Североморск.

А Мишка, запойный пьяница, и не думает заниматься огородом. Ему не до пустяков — День Победы праздновать пора. Племяш из города звонил: наварил самогону, скоро будет.

Всё, что у Мишки на участке вырастает, — это вопреки его полному равнодушию, безделью и беспробудному пьянству. И самое удивительное, что такая ситуация повторяется каждую весну! Саня с женой знают, чем это кончится, но Нина упорно продолжает выращивать рассаду и везти её из Североморска в деревню! Так и хочется сказать: «Гвозди бы делать из этих людей — не было б в мире крепче гвоздей!»

ЗНАКОМСТВО С СОСЕДЯМИ

В конце прошлого века мы купили старый домишко в деревне Ратино и приехали весной огород копать, картошку садить — в общем, отдыхать. И я сразу пошла в соседний дом знакомиться с местными жителями. Вхожу в горницу: у окна на лавке сидит молодая женщина, а перед ней стоит маленький такой мальчик лет пяти, и сосёт у неё грудь. Я от удивления онемела. Вдруг мальчик поворачивается ко мне и неожиданно басовито говорит:

— Фто вылупилась? Пофла на фуй!

«Удивительный ребёнок, — подумала я, — смышлёный такой! Должно быть, развитие у него раннее оттого, что в организм всё время натуральное молоко поступает».

НА ТУ ЖЕ ТЕМУ

(Трагическая история)

Дело было в Вологодском районе в 1947 году. Время голодное, особенно страдали от голода дети. Васятке исполнилось четыре года, а он всё у матери грудное молоко сосёт. Мать ушла на речку бельё полоскать, сынишка бежит за ней и кричит:

— Ой, мамка, дай титю!

— Да, поди ты к лешему, у меня молока нет, одна кожа осталась!

— Дай, хоть кожи: не могу больше, ись охота!

НАВОЗНА ОДЁЖА

Мне в те поры было шестнадцать лет, и я пасла коров и телят. Как-то раз в тёплый июньский день выгнала стадо на пастбище вдали от деревни и решила позагорать: разделась до пояса и, раскинув руки легла на нежную зелёную травку. Лежала на спине, как сейчас сказали бы, топлес и любовалась облаками.

Коровы и телята мирно паслись вокруг, я незаметно для себя крепко уснула. Проснулась оттого, что слышала топот копыт по дороге: это ко мне ехал бригадир проверить, как обстоят дела. Огляделась — коров нет, а я лежу полуголая посреди поля. Одеваться уже было некогда, я закрыла грудь руками.

И тут же почувствовала, что ладони погрузились во что-то тёплое и мягкое. Когда телушка успела выронить на меня навозную лепёшку? Не знаю, во сне не почувствовала!

Бригадир, увидев меня, хохотал до слёз и не стал наказывать за то, что уснула, а коровы ушли в хлеба. Он сказал:

— За глупую рожу и навозну одёжу я тебя Лизка не оштрафую. А теперь вставай и иди коров с поля выгонять.

ГОТОВЫЕ ПЕЛЬМЕНИ

Деревенские мы и много чего из городской жизни не знаем. Расскажу вам один случай из старых времён. Мне уже было за пятьдесят, когда мы с братом и с семьями решили хоть раз в жизни съездить на юг к морю. Собрались и поехали.

Надо же на дорогу едой запастись! В городском магазине брат увидел пачку с надписью «Готовые пельмени». Мы раньше никогда пельменей не только не ели — даже не видели, но слышали, что они очень вкусные и питательные. В общем, купили две пачки этих пельменей, колбасы, сыру — всего, чего в нашем сельпо никогда не бывало, сели в поезд и поехали. Едем, чувствуем — проголодались.

— А не попробовать ли нам пельменей? — говорит брат.

Он открыл пачку. Смотрю, морщится. Мне тоже пельмени не понравились, но выплюнуть жалко — деньги плачены. Только подумал, как люди эту скользкую гадость едят, да ещё и нахваливают.

На юге сняли комнату у очень хороших людей, они в первый же вечер пригласили нас за стол. Мы с радостью согласились. Брат пошёл руки мыть, возвращается взволнованный такой и шепчет мне:

— Хозяйка на кухне сама пельмени делает и варит! Понял? Их, оказывается, варить надо!

Так мы попробовали по-настоящему готовые пельмени. Они нам так понравились, что брат просил хозяйку научить наших жён, как их делать.

ХОРОШО ТОМУ ЖИВЁТСЯ, У КОГО ОДНА НОГА...

У моей подруги Натальи долго и тяжело болел любимый муж. Так и не выздоровел, скончался. Наташа — из тех

женщин, которые не выставляют напоказ своё горе, а тихо загружают себя работой так, чтобы и думать о беде времени не было.

Прошёл месяц. В деревне, где Наташа обычно картошку сажала, поспел урожай. Надо убирать, а гряды большие — никак одной не управиться. Кинула она клич среди подруг и родственников: помогите, мол, овощ убрать, дорогие. А одной близкой родственнице сказала:

— Знаю, что у тебя картошка не уродилась, копай у меня. Сколько соберёшь — вся твоя.

На том и порешили. Наташа с подругами по выходным три раза съездили и всё убрали. Родственница та ни разу не была. И вдруг звонит:

— Я готова к тебе ехать картошку копать.

— Да мы с подружками уже всё убрали, — отвечает Наташа и слышит в ответ:

— Всегда вот так! Всё себе! Тебе хорошо, ты всю жизнь как сыр в масле катаешься!

Моя подруга смолчала, а про себя подумала: «Да уж! Хорошо тому живётся, у кого одна нога: и ботинок меньше рвётся и порочина одна!»

ПОМЫЛСЯ

Эту историю мне рассказала одна пожилая женщина из Вологодского района.

— У нас в деревне стояли робята-дорожники. Один у меня в избе мисяць жил. Десять дён прошло, а он немытой ходил: бани у меня нету. Я ему и говорю:

— Мойся в печи — я тебе протоплю.

В старину многие в русской печи мылисе.

Вобщэм протопила, угли выгребла, под (место, где дрова горят) сырым веницькём обмела, соломы чистой постелила и позвала мыться. А сама пошла корову обрывать.

Возвращаюсь, а парень весь в саже у печи стоит. Я и скриццала:

— Господи, как ты мылсе, шчо цёрной осталсе?

А он отвечает:

— А я в предбаннике мылся (на шестке, значит), а в отделение (в саму печку) не пролез!

— Дура я старая — не рассказала парнёку, как в печи мыться надо!

Посмеялись мы с ним тогда.

ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ

Всем известный в нашей деревне старый пьяница Лёха увидел в окно, что на выходные из города приехала соседская взрослая дочка Саша. Она стояла у калитки в огород, искала глазами отца, когда Лёха подошёл к ней нетвёрдой походкой, ухватился за забор и заплетающимся языком старательно выговорил:

— Здравствуй, Са-ш-ша! Это я — пьяной офицер! Ты меня извини, Са-ш-ша!

Кстати сказать, офицером и вообще военным он никогда не был, но настолько часто повторял это другим, что в конце концов и сам поверил в своё военное прошлое. Не просыхая, он жил в воображаемом мире, где у него и у каждого в деревне были свои роли, не всегда совпадающие с действительностью. Оценив ситуацию, Саша сразу задала Лёхе прямой вопрос:

— Что надо?

Он так же прямо ответил:

— Восемь рублей!

— У меня денег нет, — соврала она, — нам перед праздником зарплату в школе задержали.

Лёха считал, что она учительствует, и Саша его не разочаровывала, хотя трудилась совсем в другой сфере.

— А может, у папы твоего есть? — с надеждой спросил он.

— И у папы нет: он в этом месяце ещё пенсию не получал.

Лёха не очень-то ей поверил, а потому придвинулся к Саше ближе и совершенно неожиданно по-мужски, заглянув ей в глаза, предъявил последний аргумент:

— Са-ш-ша, а ты красивая женщина!

В этот момент появился Сашин отец, всё понял и быстро выпроводил Лёху за пределы своего участка. Даже последний аргумент не помог, хотя он и веский, конечно.

СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Утеннадия Сергеевича из деревни Дор был друг — участник Великой Отечественной войны Андрей Павлович. Ему в шестидесятые годы прошлого века исполнилось сорок лет, и он решил из скотников в трактористы переквалифицироваться: там зарплата выше. Пошёл в колхозную контору записываться на курсы трактористов. Секретарша его спрашивает:

— Какое у вас образование?

— Среднее, — отвечает.

Секретарша глаза выпучила:

— С таким образованием и в трактористы?! Получше-то ничего не нашли?

А он ей:

— Среднее образование у нас в деревне — три класса! А я и так в школу всего две зимы отходил.

В общем, на курсы его определили.

ПОНЯЛИ ДРУГ ДРУГА

Внашей деревне у кривого Вали заболел глаз. Пришлось ехать в районную больницу к главному врачу. Тот осмотрел Валин глаз и сказал:

— Надо закапывать!

— Что, прямо в землю?! — ужаснулся Валя.

В общем, поняли друг друга!

СТАРОЕ — НОВОЕ СЛОВЦО — 1

Нет-нет, да и узнаю новое для себя словцо! Пришла сегодня в областную больницу навестить подругу, а дверь в приёмный покой заперта, рано ещё. Там посещение с семнадцати часов разрешено. Вроде выходной день, а такие строгости. Огляделась, вокруг ещё несколько человек мается. У крыльца стоит в растерянности высокий симпатичный мужчина примерно моего возраста. Он во мне тоже ровесницу разглядел, подвинулся ближе и заговорил:

— Представляете, мне жена позвонила, она тут на первом этаже лежит. Сказала, что родственникам по воскресеньям можно раньше приходить. Я и обрадовался, припёрся на час раньше, а тут не пускают.

— Да, — согласно кивнула я, — а у меня тут подруга из Нюксеницы на втором этаже после операции долечивается.

— Знакомые места, — продолжил он. — Я в шестидесятых годах жил и работал на лесозаготовках в посёлке Илезе Нюксенского района. Однажды мы с дружкой ехали из Илезы в Нюксеницу, и захотелось нам выпить. У нас с собой было. По пути увидели небольшую деревушку, остановились и зашли в первую попавшуюся избу. Видим, старуха у стола сидит и на нас смо-

трет. Сославшись на усталость, мы попросили у бабушки разрешения передохнуть и бутылку на стол поставили.

Бабка всё поняла и говорит: «Отдыхайте, ребята. Только у меня закусить особо нечем. Разве вот голожопиков могу дать».

Я изумился:

— В жизни не видал, не едал и даже не слышал о таком!

— Сей минут и увидишь, — отвечает хозяйка и достаёт из печи чугунок, а в нём варёная чищенная картошечка. Парок от неё такой аппетитный исходит, слюнки текут.

— Вот они, — говорит, — голожопики!

Мы рассмеялись, а тут и дверь в приёмный покой открыли. Пути наши разошлись: ему на первый этаж — мне на второй, а новое словцо я запомнила. Уж больно смешное!

СТАРОЕ — НОВОЕ СЛОВЦО — 2

Сегодня опять познакомилась с новым словом — «пАполза». Оказывается, так раньше называли в деревнях нерасторопных, ленивых людей, которые по избе не ходили, а ползали.

КИТАЙСКИЙ СЛЕД В РОСЛЯТИНЕ

Дело было в восьмидесятых годах прошлого века. В районный центр Рослятино привезли сто китайцев — строить новую городскую больницу. Кому пришла в голову эта экзотическая идея, неизвестно, да теперь уже и не важно.

Для того чтобы построить новую больницу, надо было сначала разобрать ветхое деревянное здание старой. Наши умельцы сказали, что эта работа займёт не один месяц, если не пол-

года. Китайские товарищи привязали крепкие верёвки ко всем четырём углам здания, одновременно за эти верёвки потянули — и старая больница раскатилась в одну минуту! Причем, думаю, не все сто человек принимали в этом действе участие. На удивление быстро китайцы возвели кирпичные стены нового больничного корпуса, сделали деревянные перекрытия, настелили чёрный пол на первом этаже, вставили оконные рамы и возвели деревянные стропила под крышу.

Для тогдашних областных руководителей этот проект, наверное, был очень заманчив, да и новая больница людям была нужна, а средств в обрез. Надеясь на авось, работы начали, но денег не хватило, и пришлось стройку заморозить.

В довершение всего случилась беда. Когда разочарованные иностранные строители начали разъезжаться, и большая часть их с чемоданами и тюками уже стояла на остановке около вологодского автобуса, внезапно загорелось общежитие, в котором они до этого жили. А поскольку дотошные китайцы намертво закрепили на окнах общежития металлические решётки, выбраться из горящего здания удалось не всем — погибло пять человек! На этом проект новой больницы в Рослятине трагически закрылся. Кстати, остов многострадальной постройки до сих пор стоит, как облезлый укор областному начальству, не сумевшему в своё время её закончить.

Нашли ли другую работу для гостей Рослятина неизвестно, но китайский след там появился: на селе начали то тут, то там возникать отдельные желтолицые люди с косым разрезом глаз, плохо понимающие по-русски. Их осталось немного, человек пятнадцать-двадцать. И всё бы ничего, но дело было в начале зимы, и стоял тридцатиградусный мороз, а на пришедьцах — резиновые сапоги и летние куртки. Местные руководители кое-как расселили бедолаг по домам и тщетно пытались найти им занятия по строительному профилю. Выжить и прокормиться несчастным помогали местные крестьяне.

Время шло своим чередом, с приходом весны и в ожидании весенних посадок приусадебные участки рослятинцев, как всегда, покрылись зелёной травкой и солнечными одуванчиками. И жители посёлка начали замечать, что к ним в огороды полезли китайцы — собирают цветки, листья и корни одуванчиков, что-то готовят из них и едят. Причём не то, чтобы с голодухи, а ради удовольствия.

На Пасху муж моей родственницы Андрей выпил и зашёл к соседу, у которого жили несколько китайцев. С хозяином и постояльцами выпили ещё, и восточные товарищи угостили рослятинцев салатом из листьев одуванчиков, приправленным растительным маслом, уксусом и солью с перцем. Андрей из вежливости попробовал салат и удивился, что на вкус блюдо оказалось хоть и необычным для нашего человека, но вполне приятным. Понравились и маринованные корешки одуванчиков, особенно под водочку.

Мужчина решил в ответ удивить иностранцев чисто русской едой и отправился домой за угощением. Жена с утра ушла в соседнюю деревню к матери, но оставила ему на обед кастрюлю с крошкой. Он попробовал — и нашёл, что не хватает остроты; перца на кухне не отыскал и надумал добавить хрена. Выкопал в огороде мощный корень, но тёрки под руками не оказалось. Тем не менее свою затею Андрей не оставил: он вытащил из кладовки жестяную банку из-под сайры, в которой обычно носил на рыбалку червей и опарышей, сполоснул её и пробил гвоздём несколько дырок в доннышке. Кое-как он протёр хрен на этом импровизированном приспособлении, сложил полученную массу в стеклянную банку, взял кастрюлю и вернулся к соседу. Там Андрей торжественно объяснил чужакам, что такое крошка и с чем её едят, затем разлил по тарелкам и в каждую бухнул по столовой ложке хрена! Китайцы с азартом хлебнули странного русского супа, да так и остались сидеть с открытыми ртами. По красным лицам текли слёзы, кто-то не мог унять кашель, кто-то махал руками и невразумительно мычал. Андрей удивился такой реакции, тоже хлебнул крошки с хреном — и чуть не помер! Зато хмель, как рукой сняло...

Куда китайцы подевались потом, уже никто не помнит. Забылись пожар в общежитии и гибель гостей из Поднебесной, но приключение с окрошкой вспоминают в Рослятине каждую Пасху!

ГРУЗИНСКИЙ СЛЕД В ВОЛОГОДСКОМ РАЙОНЕ

В начале семидесятых годов прошлого века в нашу область приезжали на заработки жители многих союзных республик, например, с западной Украины, из Дагестана, Армении, Азербайджана и Грузии.

В одну деревню Вологодского района на заготовку древесины приехала бригада грузин. Ребята молодые, темпераментные, темноволосые и кареглазые, а у нас девушки светловолосые и голубоглазые — для обеих сторон сплошной соблазн. Однако во избежание конфликтов грузинский бригадир строго присматривал за своими подопечными, поэтому до поры до времени они ограничивались лишь пылкими взглядами в сторону наших красавиц. А девушек стерегли мамыши и местные парни — предупреждали, чтобы они на всякий случай береглись от встреч и разговоров с горячими кавказскими гостями. Да разве уберёжешься — молодость всё равно своё возьмёт.

Одному из грузин особенно понравилась белокурая девушка по имени Тоня. Как-то раз вечером он поджидал её за углом дома и поманил пальцем, когда она проходила мимо. Тоня, чтобы не обидеть гостя, спросила:

— Чё надо?

А он, ни слова не говоря, схватил её за руку и потащил в кусты. Девушка закричала:

— На помощь, на помощь! — а в ответ услышала:

— Зачём арёшь?! Я и адын справлюсь!

ЗАШУМЕЛА

На очередной моей встрече с читателями речь зашла о деревенской одежде начала прошлого века. Говорили о приметках женской моды того времени — плюшевой жакетке, длинной чёрной юбке и обязательном платочке на голове. Вспомнили, что деревенские бабушки по старинной традиции не носили тогда нижнего белья. Одна пожилая читательница рассказала, как однажды в раннем детстве шла за ручку с бабушкой, когда та посреди деревни остановилась, расставила ноги и «зашумела». Лишь спустя годы читательница поняла, что бабушка была без трусов и просто помочилась. Что ж, в некоторых дальних южных странах такое до сих пор происходит сплошь да рядом — и никого, между прочим, не шокирует.

ОТВЕТ С ТОГО СВЕТА

В деревне Юрово Грязовецкого района я случайно оказалась на встрече ветеранов труда с представительницей местной администрации. Говорили о недостатках в работе этой самой администрации и высказывали пожелания трудящихся на будущее. Самая активная пенсионерка вспомнила, что ей в почтовый ящик постоянно кладут письма для соседки от «Грязовецких электросетей» с требованием погасить большую задолженность по оплате за электричество.

— Соседка-то уж десять лет как усопла! — возмущалась ветеранка. — Я этим бюрократам сто раз по телефону объясняла; да они, видно, ждут письменного ответа с того света!

ОТВЕТСТВЕННАЯ РАБОТНИЦА

Колхозная телятница, маленькая тихая Рая, надсадилась на работе: таскала своим подопечным полные вёдра воды и у неё «выскочила (разорвалась) венка» на ноге. В больницу её повезли на скорой. В дороге ответственная Рая беспокоилась о телятах:

— Кто их напоит, сменщицы-то нет?!

В больнице её сразу отправили в операционную. Под яркими лампами стоял высокий узкий стол, который доходил телятнице почти до плеч. Операционная медсестра сказала Рае:

— Раздевайся, лезь на стол и ложись, будем тебе наркоз давать.

Телятница два раза обошла вокруг стола, примериваясь, как бы на него взобраться, но напрасно. Медсестра рассердилась:

— Что ты тут голышом разгуливаешь?

— Скамейку ищу! — робко ответила Рая.

Наконец ей помогли влезть на стол, начали укладывать и готовить к операции: хирург телятницу за ноги к себе тянет, анестезиолог за руки — к себе.

Рая не выдержала:

— Зачем вы меня по столу таскаете, думаете, я длиннее буду?

— Скажите, пожалуйста, её оперировать пора, а она вопросы задаёт! — засмеялся анестезиолог и сделал Рае усыпляющий укол.

Она очнулась в палате с мыслью: «Скорее бы домой, кто там теперь телят поит?!»

ДОРОГА ЖИЗНИ

Инспектор рыбоохраны Василич, краснорожий от постоянного пребывания на реке мужик, пил по-умному: набираясь постепенно, с небольшими перерывами по стопке с утра и до конца рабочего дня. Явных признаков опьянения на его опалённой солнцем личности было не заметно. Последнюю критическую дозу спиртного Василич принимал непосредственно перед отходом домой и, как в тумане, следовал в пути двум главным ориентирам — яркому свету в окне Центра традиционной русской культуры и ведущей от него к родному очагу сухой канаве. Последние силы обычно оставляли инспектора у самого культурного центра. Он падал в канаву и на четвереньках полз домой. Местные жители по этому поводу беззлобно шутили:

— Вон Василич опять на дорогу жизни вышел!

Глава V. Всё как у людей

Над чем время не властно? Наверное, над чувствами человека к братьям нашим меньшим. Мы вслед за Сергеем Есениным снисходительно называем так кошек, собак и всякую деревенскую скотину. Веками животные пребывают в тесном сообществе с человеком и тянут нелёгкую лямку совместного труда и забот, мгновенно отвечая на малейшее наше внимание горячей привязанностью, преданностью, верностью и любовью, гораздо более сильной, чем та, которую мы дарим в ответ. А между тем чем дольше я живу на свете, тем чаще убеждаюсь в том, что любые живые существа ничуть не хуже, а подчас и лучше нас. Вне всякого сомнения, они чище и благороднее большинства своих «старших братьев».

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ-1. ЛЮБОВЬ ЗЛА...

Моя подруга Клава несколько лет назад купила дом в деревне и исправно ездит туда копать грядки, сажать овощи и дышать свежим воздухом. Пожилой сосед Николай, присматривающий за её хозяйством в Клавино отсутствие, держит двух собак – лайку Найду и таксу по имени Эркюль. Изящная девочка-лайка и толстенький с круглыми лоснящимися боками и короткими кривыми ножками мальчик-такса неразлучны. Они живут в одном сарае, едят из одной миски, вместе сторожат дом хозяина и ходят с ним на охоту, вместе преданно любят Клаву, которая в каждый свой приезд балует их сахарными косточками и остатками мяса от своих обедов.

Собачий слух не чета нашему, человеческому. Подруга, бывало, ещё за несколько километров от деревни едет, а Эркюль и Найда звук мотора её машины различают и уже у дома рядком

сидят и терпеливо ждут благодетельницу. После долгого ожидания такса с лайкой бросаются Клаве в ноги и, переполненные чувствами, прыгают, повизгивают, норовят её лизнуть. Подруга радуется встрече не меньше собак и весело обнимается с ними, доставая гостинцы.

Однажды Николай обнаружил, что лайка скоро принесёт потомство, и всё прикидывал, где она нашла кобеля: других-то собак в деревне не было. Когда Найда родила щенка, хозяин был просто в шоке! Счастливая мать, лежа на боку, кормила какую-то «неведому зверушку»: очаровательного уродца, в котором невероятным образом перемешались черты лайки и таксы. От Найды «зверушка» унаследовала острую мордочку и задорный хвост колечком, а от Эркюля – продолговатое, похожее на толстую сардельку тельце, длинные нежные уши и выразительные печальные глаза. Видно, природа улыбалась, создавая эту собаку, и напоследок подарила ей отцовские короткие ножки только размером и толщиной с лапы матери.

Николай нарёк свою третью собаку нездешним именем Линда, соответствующим, как ему казалось, её странному облику. Дитя неосторожной любви, Линда дарила своё сердце и преданность любому, кто оказывал ей хоть мало-мальское внимание. Клаву она обожала.

В очередной раз приехав в деревню, Клава с удивлением обнаружила, что её никто не встречает, и отправилась к соседу. На вопрос, где собаки, он хмуро ответил:

– Где Линда, не знаю, а Найда с Эркюлем в лес пошли.

– Зачем?

– Пенёк искать!

Да-а-а, любовь зла!

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ-2. ВСЁ КАК У ЛЮДЕЙ

Этой весной Клава ехала в деревню, как обычно, предвкушая радостную встречу с соседями и, конечно же, с любимой тройцей – Найдой, Эркюлем и Линдой.

Но навстречу выбежала только Линда. Собака сразу бросилась целоваться и «рассказывать», как она скучала всю зиму, как ждала встречи с любимой Клавой. От избытка чувств путалась у всех под ногами и мешала Клаве разгружать машину. Николай пригласил соседку попить чайку с дороги и угоститься, чем Бог послал. Клава с радостью согласилась и села за стол, выкладывая на клеёнку городские гостинцы Коле и своим друзьям-собакам. Линда жалась к ногам Клавы, безуспешно пыталась запрыгнуть к ней на колени и снизу вверх умоляюще глядела в глаза.

– Линда, зараза, отстань, дай человеку с дороги дух перевести и чаю хлебнуть! – крикнул Николай.

Линду будто вицей стегнули. Она отскочила в сторону, опустила мордочку и, понурившись, села невдалеке.

– Коля, не ори на собаку! Видишь – она расстроилась. Линка, иди сюда, посмотри, что я тебе привезла! – Клава взяла собачку на руки.

Линда выражала восторг всем телом – подпрыгивала, лизала Клаву в лицо, прижималась к груди и смотрела ей в глаза с такой нежной любовью и благодарностью, что Клава чуть не заплакала.

Говорят собака – как человек: всё понимает, только говорить не умеет. А зачем ей слова, когда она и без них может выразить гораздо больше, чем иной человек.

– А где же Найда? – спросила Клава.

– Да второй день в сарае лежит, носу не кажет. Приболела, что ли?

– У неё, наверное, токсикоз, – засмеялась Клава.

– Не-а, этого быть не может, – уверенно заметил Николай. – Эркюль у моего сына в Вологде уж полгода живёт.

Каково же было Клавино удивление, когда её диагноз подтвердился. У Найды в самом деле был токсикоз, и вскоре она родила трёх больших красивых щенков от гончего кобеля из соседней деревни. Возмущению Николая не было предела:

— Ну, блин, и шлюха ты, Найда! Столько зауголков принесла, куда я теперь с ими? Придётся утопить, хоть и жалко.

Однако не утопил, отдал в хорошие руки. А в неверности Найды Эркюль сам виноват: кто же надолго оставляет любимую женщину одну, природа ведь не терпит пустоты и своего требует.

Вот какие страсти бушуют иногда и в собачьем обществе. Здесь всё как у людей: дружба, преданность, страсть, любовь, верность и измена, рождение детей и даже токсикоз!

А ВЫ ЗНАЕТЕ?

А вы знаете, как кошек раньше называли в вологодской деревне, например, в селе Кубенском? То-то же. А называли так: «пяленная кошка».

Пяленная — значит, всюду лезет и смотрит. Любопытная!

МЫШКИ — КОШКИ

(Быль)

Кошки. Признаю, что они грациозные, красивые, ловкие, смелые, практичные и так далее. Мне даже смотреть на них нравилось. Издали.

Но я их никогда не любила и удивлялась, как любят кошек другие: ведь от них остаётся столько шерсти на вещах и на одежде. Вонь от кошачьей мочи отбивает желание заходить в некоторые подъезды и квартиры. А как нагло они ведут себя в

домах моих подруг и знакомых, вечно лазая по столам, креслам и диванам. И никто их не останавливает — все только сюсюкают с любимыми «кисочками», держат на руках, гладят и целуют в «уста сахарные», которыми те только что вылизывали у себя под хвостом! Эта моя брезгливая нелюбовь к пушистым и гладкошёрстым, однотонным и разноцветным, ласковым и вредным, умным и глупым кошкам продолжалась много лет, пока в моём собственном доме не появился кот.

В начале перестройки мой муж Серёжа, наша маленькая дочка Маша и я переехали из однокомнатной хрущёвки в такую же старую двухкомнатную квартиру в самом центре города. Рядом с нашим домом уже много лет ширился и рос городской рынок. Я почему-то не думала, что такое соседство может иметь неприятные стороны. Наоборот, мне казалось, что это огромное преимущество — жить рядом с рынком: всё близко, как нынче говорят, в шаговой доступности. Однако вскоре мы обнаружили, что вслед за нами сюда переехали и рыночные мыши вместе с крысами. Наверное, по причине того, что на рынке грызунов время от времени травили. По водопроводным и канализационным трубам они добрались до четвёртого этажа, на котором была наша квартира.

В старых домах полы клали на специальные поперечные брёвна — лаги, так что под полом образовывалось довольно большое пространство, тёплое и сухое. К моему ужасу ловкие твари настроили гнёзд под полом, скреблись, шуршали, нищали там по ночам, в незаметных местах прогрызли дыры в полу и совершали набеги на мои припасы. Их не пугали даже расставленные в разных местах мышеловки. Время от времени в них попадала какая-нибудь зазевавшаяся мышка-малолетка, но крысы избегали наших ловчих «сетей» всегда! Умные бестии умудрялись и приманку стащить, и не попасться.

Настал момент, когда моё терпение лопнуло. Однажды, придя летним тёплым днём на обед, я разулась и присела на диван. Вдруг из-под батареи центрального отопления выбежал мышенок. Ему явно не нравился ковёр, но другой дороги на кухню

не было, и он поскакал по неровному ворсу, высоко и смешно подпрыгивая, как в мультфильме про Микки-Мауса, при этом не обращая на меня никакого внимания. Я просто задохнулась от возмущения и бросила в него тапку. Только после этого мышенок юркнул обратно под батарею.

— Ну, нахал! — сказала я и твёрдо решила завести кошку.

Вечером пожаловалась мужу:

— Да что же такое, никакой управы на этих хвостатых нет, жрут всё, что не приколочено, даже бояться людей перестали. Ни днём, ни ночью от них покоя нет!

— Не горюй, Танюша. В нашей деревне у кошки Муськи как раз котята подросли — шестимесячные уже. Я для тебя выберу самого ловчего.

Через неделю к восторгу нашей дочери-первоклассницы котёнок был у нас. Сергей вёз его в автобусе, держа за пазухой, и выпустил нам с дочкой под ноги в коридоре.

Передо мной и Машей неуверенно стояло встрёпанное поездкой существо. В нём смешались цвета, особенности и, как мы впоследствии убедились, таланты многочисленных его предков и родственников. Говорят, что коты многоцветными не бывают, и даже кошки могут быть только трёхцветными. Честное слово, наш котёнок был четырёх цветов — весь неправильный и прекрасный: местами гладкий, местами по-сибирски пушистый. Тёмно-серая шея, горделиво оттенённая пышным белым воротником, несла голову, которой предстояло стать величественной. На белой мордочке сияли голубовато-зелёные глаза, подведённые, как у царицы Клеопатры, чёрной линией, идущей к ушам. Вот откуда взяли древние египтяне манеру подрисовывать глаза — у своего священного животного кошки! Рядом с влажным розовым носом как будто кто-то поставил чёрную кляксу. Но даже это неровное чёрное пятно не портило мордочку котёнка, а вполне мужественные усы придавали ему некую значительность. Мягкие чёрные лапы в белых носочках таили в себе острые и опасные когти. Белое пушистое брюхо, оторо-

ченное по краю светло-серой шерстью с рыжими подпалинами, было трогательно в своей незащитности. Гладкая серая спина в чёрную полосу предвещала необыкновенную гибкость, упругость и силу. Пушистый хвост, похожий на опахало, поднимался вверх столбом. Этому хвосту предстояло сотрясать воздух в минуты неудовольствия или презрения к брэнному миру и окружающим. В общем, котёнок являл собой великолепное, гордое и независимое существо, не терявшее достоинства даже в незнакомой обстановке.

Мы с дочкой зачарованно смотрели на это чудо. Оно помедлило в коридоре и, осторожно присев на все четыре лапы, быстро обошло территорию своего нового дома. После краткого осмотра жилья кот вошел в ванную комнату, совмещённую с туалетом, понюхал воздух и совершил поступок, за который я до сих пор его уважаю. Он сбоку вспрыгнул на сиденье унитаза, потом передними лапами опустил в сухую его часть, понюхал её, вернулся в исходное положение, развернулся мордочкой к стенке, всеми четырьмя лапами устроился на узкой боковине сиденья, протянул хвост через горловину унитаза, чтобы не забрызгаться, для равновесия задрал голову вверх и... помочился! Затем он стал царапать когтями сиденье, пытаясь «зачистить» место своего туалета. Мы втроём стояли в дверях ванной и, потрясённые, смотрели на кота, который до этого дня бегал в деревне по огороду и справлял свои нужды исключительно на природе. Сначала мы думали, что это единичный случай и на следующий день кот будет вести себя, как все его собратья: гадить в квартире, метить мебель и оставлять лужи в самых неподходящих местах, пока мы не приучим его к кошачьему туалету. Ничего подобного не случилось, наш кот определился сразу и навсегда. По малой нужде он, как все люди, ходил в унитаз, а по большой — на газетку под входную дверь, наверное, это была своеобразная метка. Мало того, если дверь в ванную была закрыта, он садился носом к ней и громко мяукал: мол, откройте, мне надо! Как я была ему благодарна за это, он освободил меня от многих проблем и забот.

Кстати, с появлением кота мыши и крысы нас больше не беспокоили. Мой муж и уже взрослая Маша говорят, что всё было совсем не так. Котёнок будто бы не сразу привык к новому жилью и к использованию унитаза по назначению пришёл опытным путём, начав с небольшого тазика в ванной. Но мне всё помнится именно так, как я описала. Будем считать, что таковы особенности моей памяти.

Память вообще — странная штука, она выбирает даже из кошачьего прошлого больше хорошего и героического, чем плохого и бесславного. Однако согласитесь, что кошки — удивительные существа и порой совершают поступки, совершенно выходящие за рамки нашего представления о них. Например, деревенский «дедушка» нашего котёнка в молодости «удочерил» брошенную кошечку и вырастил её. Он принёс крохотного котёнка домой и воспитывал, как положено: за шиворот подтаскивал к блюдцу с молоком, вылизывал шерстку, держал рядом с собой и не давал в обиду взрослым кошкам. Когда малышка подросла, кормил «собственнолапно» пойманными мышами и птичками, пока она не обрела способность кормиться самостоятельно. Вот как бывает!

В общем, мы полюбили своего кота как родного и нарекли незатейливым именем — Пушок.

Каждый день я открывала в Пушке новые достоинства. Например, он никогда не воровал мясо и рыбу, в отличие от кошки моей сестры Кассиопеи, для друзей — Каси. Каська нагло тащила всё подряд. Чуть хозяйка отворачивалась от стола, на котором разделывала рыбину или цыплёнка, как подлая кошка стаскивала целую тушку под стол и начинала её пожирать или прятать про запас, хотя сестра кормила её хорошо и баловала. И это при её-то благородных кровях — невской маскарадной породы! Однажды Лена испекла к празднику кекс, обмазала его кремом и обсыпала шоколадной крошкой. Поговорив примерно час с подругой по телефону, она удалилась на покой, забыв убрать кекс на ночь в холодильник. Утром её ожидало печаль-

ное зрелище: Каська облизала весь крем с кекса и спряталась, совершенно логично ожидая крупного скандала. Лена любила Каську, но была невысокого мнения о её интеллекте, называла кошку дурой, потому что та вечно лезла ловить воробьёв на балконные перила, отчего пару раз вываливалась с четвёртого этажа и падала на асфальт, оставаясь в живых только благодаря тому, что Бог подарил каждой кошке девять жизней.

Не таков был наш Пуша. Я могла оставить на ночь в мойке размораживаться мясо или рыбу, и он никогда не трогал то, что ему не принадлежало. Правда, кормила я его от души: варила ему рыбку с овсянкой, давала немного сырого мяса, а иногда баловала сметаной и творогом. От такой диеты кот рос и толстел не по дням, а по часам. Муж, глядя на Пушка, обиженно говорил:

— Да коту ты самые лучшие куски отдаёшь! И вообще Пушку твоему всё позволено!

На это я отвечала своей любимой фразой, которую, стоило мне открыть рот, вместо меня с жалостливой интонацией выговаривала Маша:

— Как тебе не стыдно! Разве можно такое говорить, ведь он же тварь бессловесная, попросить ничего не может!

И, конечно, это была чуть прикрытая любовью ложь. Наш кот умел всё. Он знал, как покорить каждого в семье. Например, он понимал, что Маша — ребёнок, и поэтому разрешал ей любые выходки, которые не позволил бы взрослому человеку. Любя Пушка, Маня могла таскать его за хвост, в гигиенических целях залезать пальцами в уши и в нос, брать за все четыре лапы и обворачивать как горжетку вокруг шеи. Пушок покорно лежал у неё на плечах, свесив лапы и хвост, и обречённо глядел на меня, как бы говоря: «Что поделаешь, она ведь маленькая!» Маша по часу заставляла Пушка неподвижно лежать в кресле и позировать ей. Он, конечно, порывался удрать на кухню, но она насильно укладывала его в прежнюю позу, гладила и говорила:

— Лежи, Пуша, я нарисую твой портрет, и все увидят, какой ты у меня красивый и умный.

Пушок терпел из последних сил, но в конце концов убегал и прятался где-нибудь в тёмном углу. Портреты его с каждым разом становились всё лучше. Один или два я до сих пор храню.

Мне он доказывал своё доброе расположение тем, что, как только я ложилась на диван отдохнуть, вскакивал туда же и ложился на то место, которое у меня в тот момент болело. Казалось, что кот греет и лечит меня. Я, как Пушкинская кормилица, уже начала претендовать на его исключительное расположение, однако главным человеком на своей территории Пушок выбрал Сергея и всегда демонстрировал это. Если в течение дня я была дома, кот находился рядом: выпрашивал еду, тёрся у ног, стоило мне присесть за стол, вспрыгивал на колени. Но в шестом часу вечера, как только на первом этаже хлопала дверь подъезда (не понимаю, как он догадывался, что это Сергей), Пушок стрелой летел навстречу, садился у входной двери, поднимал мордочку кверху и ждал, когда появится его лучший друг. Серёжа входил, и кот начинал жалобно мяукать, дескать, не любил, не кормили, обижали.

— Неблагодарная тварь, — говорила я Пушку, — попросишь у меня ещё мяска, ни за что не дам.

Весь вечер кот окружал Серёжу вниманием, ходил за ним, ластился к нему, сидел у него на коленях, лежал рядом на диване, и они вместе смотрели телевизор. Обо мне он эгоистично вспоминал ближе к ночи, когда приходила пора перекусить. Ночью Пушок прыгал на тахту к нам с Сергеем и, вытянувшись в струнку, располагался ровно между нами, положив голову на лапы или на Серёжину подушку. Прогнать его стоило больших трудов.

Уже в самые первые годы нашей с котом совместной жизни я поняла, что Пушок считает себя главой семьи. Причём он даже расставил нас по степени значимости. Самый главный — он, потом — Серёжа, следом — я, а затем — Маша. Утром, когда мы собирались, кто в школу, кто на работу, Пушок, уважая лишь грубую силу, терпеливо ждал, пока мы с Серёжей умоемся и выйдем из

ванной. Но, если туда входила дочка и усаживалась на унитаз, он немедленно вбегал следом, вскакивал позади неё, протискиваясь между Машей и сливным бачком. Затем кот начинал выдавливать девочку с места, толкаясь и мяукая так, что ей приходилось уступить. Пушок как бы указывал Маше на её положение в семье, но он же и покровительствовал ей. Например, однажды он при мне старательно вылизал Маше чёлку, видимо решив, что она недостаточно чистая. Дочка ликовала:

— Мама, мама, Пушок меня моет! Он думает, что он моя мама или мой папа?

— Он думает, что он твой старший брат и отвечает за твою чистоту! — смеялась я.

В другой раз Маша обиделась на что-то, убежала в свою комнату и расплакалась. Пушок тут же оказался рядом, стал утешать её, мурлыкать и лизать в щёки и в нос.

Серёжа учил его понимать слова, интонации, движения. Стоило Серёже сказать: «Иди ко мне» или «Не трогай», — Пушок выполнял команду.

Однажды к нам зашла наша пожилая соседка, которую Маша с детства называла Масанна, то есть Мария Александровна. Мы с Сергеем часто привозили ей из деревни то огурцов, то яблок, то кабачок, а она заходила к нам поболтать. Пушок тут же тёрся у ног. Масанна говорила:

— Какие вы все умные — Танечка, Сегёженька (она мило картавила), Машенька, даже кот у вас умный!

— Ещё какой умный, он читать умеет, — в тон ей отвечал Серёжа.

— Да что вы говорите, как это? — спрашивала Масанна.

— А вот так, — Сергей доставал из холодильника пакет сметаны, показывал коту и говорил:

— Читай Пушок, что здесь написано?

Пушок подбегал к Сергею и, с вожделением глядя на пакет, начинал громко «читать»:

— Мяу! Мяу! Мяу!

— Ну, надо же, и в самом деле читает, — смеялась шутке Массанна.

Прошёл год — и Пушок превратился в настоящего красавца: большого ухоженного кота, который весил почти шесть килограммов, что не мешало ему оставаться необычайно быстрым и грациозным. Настал день, когда у нашего питомца разыгрались инстинкты, и он потребовал встречи с дамой. В это время наши соседи очень кстати обзавелись изящной кошкой на длинных лапах нежного серо-белого окраса с тёмными полосками на спинке. Ни мы, ни соседи не выпускали кошек во двор и сговорились устроить им встречу на нашей территории. С самого начала Пушок вёл себя галантно, как настоящий мужчина, можно было подумать, что он всю жизнь любезничал с кошками на крыше. Но соседская капризница ни за что не хотела подпускать к себе кавалера. Она орала, носилась по квартире, выписывала немислимые кульбиты на настенном ковре, залезала в узкое пространство между отопительной батареей и стенкой, однако в конце концов сдалась. Это любовное свидание в означенное время принесло свои плоды в виде пары милых котят, которых разобрали нарасхват. Кошку больше не приводили, и разочарованный Пушок стал много времени проводить под дверью, слушая вопли своей одинокой подруги, сидевшей за дверью напротив.

Была весна, а так как, напоминая, наш двор располагался рядом с продуктовым рынком, он служил пристанищем для многих существ без определённого места жительства — не только людей, но и животных. Беспризорные коты повадились пробираться в наш подъезд и дико орать под дверью соседской кошечки. Пушок при этом выгибал спину горбом, шерсть угрожающе дыбилась у него на холке, он шипел, как Змей Горыныч, только что пламень не вырывался из его зубастой ощеренной пасти, и скрёб мощными когтями дверь! Очень сложно было в это время не выпустить его наружу, он всеми силами пытался вырваться на свободу и показать врагам, кто здесь хозяин. И однажды это ему удалось! Я не узнала тогда своего ласкового Пушу. Он всту-

пил в схватку с облезлым уличным котом — грязным, блохастым и голодным, но более опытным в боях. Они дрались насмерть. Пушок, защищая свою территорию, с яростью рвал пришельца когтями и зубами, только серые клочья летели во все стороны. Противник отвечал тем же. Время от времени, видимо, чтобы передохнуть, оба бойца вставали нос к носу, горбились, шипели и орали благим матом, а потом Пушок продолжал гнать чужака вон из своего подъезда. Зрелище было не для слабонервных. Я, например, так и не решилась даже попытаться их разнять. Пушок выставил врага за порог подъезда и вернулся домой с исцарапанной мордочкой, но гордый и счастливый.

Спустя некоторое время мы переехали жить на другую квартиру. Пушок освоился в ней так же быстро и не отказался от своих добрых привычек. Ему, конечно, не хватало свободы. Он с интересом наблюдал с балкона жизнь бездомных кошек, лазающих по заборам и деревьям и устраивающих кошачьи свадьбы, но на волю не рвался, должно быть, привык. Надеюсь, он счастливо прожил свою жизнь с нами в тепле, сытости и в любви. Иногда он грозно кричал во сне, лёжа на мягком диване. Должно быть, ему снились далёкие дни деревенской юности или тот самый бой с беспризорным котом в подъезде старого дома.

О себе могу сказать, что вскоре после появления у нас Пушка я перестала нервничать, злиться на родных и знакомых, расстраиваться по пустякам. Стоило коту прыгнуть ко мне на колени, потереться лбом о щёку или прижаться к ногам, как все невзгоды забывались, и мир становился гармоничным и спокойным. Серёжа, приходя с работы, первым делом интересовался котом, а уже после — остальными членами семьи и по-прежнему проводил с ним много времени. Маша выросла рядом с Пушком и любила его беззаветно. Эту любовь она перенесла на всё живое, особенно на кошек и собак.

Но вот Пушок состарился, тяжело заболел и пришёл его черёд отправиться в мир иной. Последние две недели своей жизни он почти не сходил с рук, лежал у меня на коленях, смотрел в глаза и

мурлыкал, хотя раньше был на редкость молчаливым котом. Он как будто прощался со мной, мой Пушок, самый благородный и умный из всех котов, которых я когда-либо знала.

Теперь, когда Пушка не стало, я разговариваю с каждой встречной кошкой, их в нашем Раздельном переулке несколько и все такие красивые, что хочется их погладить или взять на руки и послушать нежное мурлыканье. Время от времени Маша или я начинаем намекать Сергею, что с кошкой жить было бы веселее. Но он считает, что такого кота, как Пушок, не найти, а хуже нам не надо.

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ КОТОК

Федя, мужичок лет пятидесяти, — мой сосед по дому, трудяга и отец большого семейства. У чего и в деревне есть дом, куда он время от времени ездит отдохнуть от семейных хлопот и забот, от жены и двух взрослых дочек с мужьями и малыми ребятами. С собой он берёт только лучшего друга — кота.

— Кот маме не расскажет, как мы с ним отдыхаем, не пожалуется и про бутылочку не проболтается, — откровенничает он мне.

Так они и ездят в деревню вдвоём — Федя за рулём, а кот в поноске. Кот очень умный. Только Федя начинает собираться в поездку, он тут как тут — суетится, мяукает, будто говорит: «И я с тобой! Надоело в квартире сидеть, на воздух, на волю хочу!»

И вот они уже в деревне. Федя выпускает кота из поноски, и тот мгновенно исчезает по своим кошачьим делам, появляется только к вечеру. Они проводят в деревне дня два. Федя успевает что-нибудь полезное в доме по хозяйству сделать и бутылёк водочки на свободе оприходовать — без жениного глазу и оговору, с чувством, с толком, с расстановкой.

Время идёт. Вот уже пора возвращаться, а кота нет и нет. Федя весь дом и огород обегает, в соседней рощице поищет, по-

кличет кота — нигде нет! Чует пушистый, что скоро обратно в город повезут. А ему страсть как с волей прощаться не хочется! В деревне раздолье, живности в достатке — тут тебе мыши и птички всякие. Дома же никакого покоя: народу полно, проходу не дают, всем тискать надо, особенно малышам. Попробуй, сохрани в такой обстановке чувство кошачьего достоинства! Вот и прячется от хозяина.

Однажды Федя все вещи из машины обратно в дом принёс и давай тарелками греметь, будто решил остаться в деревне. Что вы думаете? Кот немедля прибежал домой. Федя схватил его, посадил в поноску и отнёс в машину, а потом уже снова погрузился и отчалил в город.

Мне это сам Федя рассказывал, с гордостью добавляя:

— Вишь, какой коток сообразительный, весь в меня!

НОВЫЙ МЮНХГАУЗЕН

В другой раз Федя рассказал, как он в деревне на охоту с котом ходил:

— Представляешь, идём по полю, смотрю: заяц из-за куста выскочил. Я — за ним, он — от меня и прямо к лесу. Эх, думаю, пока сачок расправлю (я на зайцев с сачком хожу), пока в нужную позицию встану, уйдёт зайчишко! Глядь, а кот забежал поперёд зайца и на меня его гонит, гонит!

— Ну и... убил? — спрашиваю.

— Да нет. Прыгнул хитрюга в сторону и в лесу схоронился. Так я его и не достал. Но котяра-то мой каков! Не кот, а гончая!

Наврал, конечно, но рассказчик каков! Не Федька, а новый Мюнхгаузен!

РЫБА НОЧЬЮ НЕ ВИДИТ!

Федя приехал в деревню осенью по грибы. С вечера приготовил пестерь для рыжиков и ведёрко для боровиков. По-сумерничали вдвоём с котом и легли спать. Вдруг среди ночи Федю разбудил шум на улице. Выглянул в окно: темно, ничего не видеть, только огоньки какие-то около дома двигаются к реке. Выскочил он на крыльцо и спрашивает:

— Кто здесь?

К нему подошёл мужик с фонариком и отвечает:

— Это мы, рыбаки.

А он:

— Что делать собираетесь?

А они:

— Рыбачить на реку пошли.

А он:

— Вы разве не знаете, что рыба ночью не видит? Идите-ко спать.

Они и пошли...

ДЖУЛЬБАРС

Рита с Тошей давно мечтали завести кота. Конечно, лучше бы внука Ритиной маме завели, но это уже их личное дело. В Интернете молодожёны нашли сайт с бездомными кошками и увидели фото хорошенького котёнка. Он им как-то сразу понравился: серый, полосатый, с яркими любознательными глазами. Видно, что умный и уши торчком. В общем, позвонили по указанному телефону и договорились. Девушка-волонтер привезла котёнка на следующий день.

Он стоял перед новыми хозяевами, расставив лапы, и пугливо недоверчиво озирался вокруг. Тоша сказал, что кот похож

на барса, такой же прекрасный и грациозный, и предложил назвать малыша Джульбарсом. Рите показалось, что малыш больше похож на несчастного потеряшку, который вот-вот описается посередине их чистой прихожей от страха, и ему никак не подходит такое гордое имя. Но она не стала спорить с мужем. Договорились, что пока он не подрастёт, пусть будет Жулькой.

Поначалу Жулька стеснялся и вёл себя прилично, должно быть, ждал, не попросят ли на выход, как с ним уже не раз случилось. Но вскоре понял, что его полюбили, выбрасывать никто не собирается и освоился.

В самые первые дни он просто много ел и спал — добирал то, чего ему не хватало в бродячей жизни. Сначала с опаской, а потом с азартом начал веселиться, прыгать по всей квартире, по кровати благодетелей и по самим благодетелям особенно, когда они укладывались спать. Как всякому малышу, ему хотелось играть, а хозяева почему-то ночью играть не желали. Приходилось будить, и это вызывало их неудовольствие. Но Жулька уже осмелел настолько, что не обращал внимания на ворчанье хозяев. Он и игрушки себе в доме нашёл. Рита раз в две недели покупала ему игрушечных мышек, предлагала бантики на верёвочке и прочую ерунду, с которой он расправлялся очень быстро. Больше всего кот любил всякие ручки и карандаши, а также губки для мытья посуды. Он всё это прятал и перепрятывал в своих тайниках — под кроватью, под Ритиной подушкой, за дверью и даже уносил в ванную комнату, где для него приготовили лоток с песком, мисочку для воды, еды и коврик для сна. Жулька быстро приучился к лотку и коврику, а ночью продолжал делать вылазки в комнату и на постель к хозяевам, в свою очередь, приучая их к собственному распорядку жизни.

Но самое удивительное было то, что ручки, карандаши и губки он брал зубами и переносил во рту так, как это делают собаки, а не кошки. Решили, что всё это из-за имени, которое выбрал котёнку Тоша. Рита нашла в Интернете статью про связь имён домашних животных с их нравом. Джульбарс — признанная собачья кличка,

какую обычно дают крупным, сильным, смелым и злым собакам. Значит, когда он подрастёт, то станет крупным, смелым, сильным, а может быть, даже злым? Какой ужас! В статье сказано: «Дал кличку — дал судьбу животному». Рита даже поссорилась с Тошей по этому поводу, но потом помирилась. Даст Бог, они любовью победят в котёнке развитие дикого нрава. Опять же, если называть его Жутькой, то он останется озорным, мелким воришкой карандашей и губок, а не превратится в страшного хищника...

ПЕРСИК

Эту историю рассказала мне старинная подруга Лиля С. Мы с ней в одном классе учились и на инязе в пединституте, а перед пенсией в одной административной структуре работали.

У Лили жил удивительный кот по имени Персик. Он получил такое прозвище не потому, что был персидским котом, а за чудесный бледно-персиковый цвет шерстки. Кот обладал странными, на взгляд хозяйки, пристрастиями: по утрам отправлялся к входной двери и брэнчал ключами, которые Лиля оставляла на ночь в замке. Затем, возбуждись, мчался в Лилину комнату, взмывал, цепляясь когтями за ворс, вверх по настенному ковру и, скатываясь вниз, лапой бил по кнопке включения бра. Судя по тому, с какой лихостью и скоростью он это проделывал, часто даже не по разу в день, Персику очень нравилось звенеть, взлетать вверх по стенке и включать свет. Со временем это превратилось в своеобразный ритуал.

В то время в соседней комнате лежала пожилая Лилина мама. Она уже не вставала — болела. Однажды днём в полной тишине мама вдруг услышала, будто кто-то, брякнув ключами, вошёл в дом, включил свет, снял ковёр со стены и уже его начал сворачивать. Больная так перепугалась, что спряталась под одеялом с головой и затаилась в ожидании самого плохого. Так как

больше никаких звуков не последовало, она постепенно успокоилась. «Наверное, почудилось», — подумала Лилина мама.

Когда вечером она рассказала об этом дочери, всё проянилось, и обе долго смеялись над Персиком и маминими страхами.

Прошли годы, мамы давно нет, а у Лили появилась подруга с двумя маленькими дочками. Лиля любит всех троих и часто остаётся с девочками, когда их мама уезжает в командировку. Однажды Лиля рассказала малышам о своей маме и о Персике, а потом они в лицах разыграли эту сцену. И с тех пор при каждой встрече девочки просят:

— Лиля, давай в Персика поиграем! — дети Лилю считают подругой, несмотря на очень большую разницу в возрасте.

И они увлечённо играют в кота. Персик стал легендой и живёт в детских душах как самый красивый, самый умный и весёлый кот на свете.

ЗАЯЦ

Деревня Поповкино стоит на высоком берегу чистой реки Обноры в Грязовецком районе. Для пенсионеров Ирины Модестовны и Юрия Михайловича Судыко она — родовое гнездо. Давно уж деревня полузаброшена, бывшие её жители приезжают сюда только на лето, пожить в отеческих домах, поработать всласть на огороде, посадить картошку, капусту, лук, морковь и свёклу, подышать чистым воздухом. Постепенно зарастает Поповкино некошенной травой, а дикий лес уже подбирается к порогу почти каждого дома. Часто вблизи деревни стали появляться лесные звери.

Как-то раз прошлым летом Ирина Модестовна работала на огороде, полола грядки. Устала, подняла голову и вдруг видит: на соседней гряде сидит заяц и внимательно на неё смотрит. Она, боясь спугнуть лесного гостя, потихонечку встала и жестами позвала мужа: он неподалёку находился, у сарайки. Тот подошёл без всяких

предосторожностей. Жена молча указала ему на любопытного зайца. Юрий Михайлович удивился, не спеша сходил за фотоаппаратом, вернулся и сделал несколько снимков. А заяц всё это время сидел на задних лапах и чего-то ждал, словно позировал.

— Ну, брат, ты обнаглел, — сказал ему Юрий Михайлович.

Только после этого гость из дикого леса нехотя удалился и исчез в высокой траве за забором. Зачем приходил? Поговорить, что ли, или сфотографироваться?

ПО ГРИБЫ

В другой раз Юрий Михайлович пошёл в лес по грибы. Вышел на заветную поляну, откуда никогда не возвращался с пустой корзиной, и ахнул: куда ни глянь, стоят перед ним боровики, да такие молодые и крепкие — залюбуешься. Он потом сосчитал — двадцать штук оказалось.

Только наклонился Юрий Михайлович сорвать первый гриб, как услышал топот копыт, будто лошадь в его сторону скачет. Оглянулся, а это не лошадь вовсе: лосиха с лосёнком-подростком в его сторону бегут. Увидели человека и встали. Лосиха матёрая, огромного роста, а при ней «малыш» выше Юрия Михайловича. С такими махинами в лесу встретиться опасно: лосиха за своего детёныша затопчет, копытами насмерть забьёт. Посмотрели лоси на человека внимательно, оценили опасность и в сторону побежали.

Юрий Михайлович вздохнул с облегчением и снова к грибам склонился, слышит шорох какой-то рядом. Глядь, а на тропинке перед ним молодой медведь стоит, смотрит и будто глазам своим не верит. А Юрий Михайлович от неожиданности даже не испугался, но на всякий случай стоял не шевелясь, а про себя думал: «Ну, точно такой, как в рекламе по телевизору показывают — «Сила тайги!»

Медведь помедлил и ломанулся в лес. Юрий Михайлович быстро собрал грибы – и к машине. Там только и почувствовал слабость и дрожь в коленках...

ВОРОНИЙ УМ

Сколько я знаю историй про умных ворон, но такого случая мне припомню. В деревне соседская лужайка примыкает к нашему огороду. Я искала орехи у забора под орешинной, когда заметила, что большая ворона кружит над соседским участком. Присмотрелась и обнаружила, что соседка вынесла на лужайку большую кастрюлю со свежим борщом и поставила на берёзовый пень, чтобы остудить. Смотрю, ворона приземлилась рядом с пенёчком, пару раз обошла вокруг него, увидела, что кастрюля закрыта крышкой и взлетела. А потом камнем бросилась вниз и с размаху села на край крышки кастрюли. Крышка встала на ребро и упала в траву. Ворона снова взмыла в воздух и на этот раз приземлилась на край кастрюли. Кастрюля перевернулась, борщ разлился по лужайке. Умная птица быстренько поклевала мясо и улетела, только её и видели.

Вот так птичка! И где она этому научилась?

СОБАЧЬИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Лёха, алкаш из нашей деревни, завёл щенка овчарки взамен пропавшего старого пса Малыша и назвал его Амуром в честь могучей сибирской реки. Щенок рос. Лёха подвергал его воспитанию, в основном словесно, но мог при случае и пнуть. Вскоре Амур начал понимать хозяина с полуслова. Несмотря на грубое обращение, Амур, как все малыши тянулся к хозяину. Он

неизменно надеялся на ласку и при встрече бросался к хозяину с поцелуями, пытаясь лизнуть в сизый нос. Проходя мимо, Лёха беззлобно изрекал:

– Ии на х...

Амур сразу понимал и, понурившись, шёл куда послали – в будку.

Мораль: вот вырастет Амур и по вине Лёхи будет иметь искажённое представление о человеческом языке.

ПОКОЙ НА ГРАНИ СТРЕССА: ВЕСЕННИЕ СТРАДАНИЯ КОТА ВАСИЛИЯ

В нашем Раздельном переулке в деревянном домишке, окружённом небольшим огородом, привольно живёт серый кот Васька сибирско-дворовой породы. Местами он пушисто-клокастый, местами полосатый и гладкий, а в основном грязный, но счастливый.

Перед хозяйским домом стоит невысокий дровяник с плоской крышей. Это излюбленное Васькино место, здесь он отдыхает после ночных приключений, отсюда оглядывает окрестности и зорко наблюдает за происходящим. Это его территория, и беда коту, который осмелится посягнуть на его собственность, только шерсть чужака во все стороны полетит. Через дорогу от дома Васькиных хозяев среди нескольких неухоженных яблонь, глухой травы и чахлых кустов стоит косая избушка. Там доживают свой век одинокие старики. Каждую весну в их двор и сад прилетает множество птиц, которые целыми днями распевают на все голоса. Солист среди певчих птичек – соловей.

Именно весной начинаются Васькины страшные муки: вместо отдыха на крыше дровяника, он вынужден слушать беззаботные и неумолчные птичьи песни. Не знаю, совершал ли он

попытки поймать хоть одну из этих певич, но я часто вижу его распластавшимся на своей крыше с обращённой в их сторону мордочкой. Он мается. Особенно страдальческое выражение появляется в глазах Василия, когда раздаётся трель соловья: вот он, рядом, лапой подать — но достать так ни разу и не удалось! А соловей в мае призывно поёт и утром, и днём, и вечером, выделявая невыносимые рулады в надежде привлечь в своё гнездо соловыху. Он и понятия не имеет, какое впечатление производят его арии на несчастного Ваську.

Если бы кот умел говорить и читать, думаю, он согласился бы с великим поэтом, который однажды сказал: «На свете счастья нет, но есть покой и воля!» Правда, Васькин покой — на грани стресса!

ШУРИК АНГЕЛИНЫЧ ОРЛОВ

По телевизору иной раз показывают сериал под названием «Пёс» — о немецкой овчарке, которая работает в полиции. До того она умная, что понимает не только человеческий язык, но и своего хозяина приучает к порядку. Всё время собака пытается что-то следователю сказать, но человеческого языка еще, как ни странно, не освоила.

Моя подруга Ольга рассказала историю о собаке, которая в прошлом веке принадлежала её маме — Ангелине Николаевне Орловой. Ангелина Николаевна работала в системе треста столовых в Вологодском районе. Собаку она как-то подобрала на улице: уж больно необычный и жалостливый был у неё вид. Это была странная помесь овчарки с таксой. Представляете?! Голова большая, уши торчком, туловище цилиндрическое, длинное, ножки короткие и кривые, а хвост колечком — чудовище, а не собака. Но было в ней что-то совершенно неотразимое, она смотрела в глаза Ангелине Николаевне с такой тоской и надеждой,

что добросердечная мама Ольги взяла её с собой. Собаке дали «редкое» имя — Шарик. Как-то само собой получилось, что через некоторое время пса стали называть Шуриком: определённо было в нём что-то человеческое...

Шурик отличался недюжинным умом, редким талантом и неслыханной преданностью хозяйке. Стоило сказать ему: «Мама ушла!» — и он летел искать Ангелину Николаевну и находил, где бы она ни была. Когда она однажды отправилась в Вологду на торжественное заседание треста столовых и последующий за ним банкет в ресторане «Север», Шурик немедленно увязался за ней и провожал до самого автобуса в надежде, что его возьмут с собой. Однако Ангелина Николаевна решительно отвергла его притязания и строго-настрого велела возвращаться домой. Дверь автобуса захлопнулась, и понурый Шурик остался стоять на остановке, а его хозяйка уехала восвояси.

Вот уже и торжественное заседание окончилось, и все участники мероприятия чинно перешли на банкет, а именно: на второй этаж, который как бы отделялся от всего ресторана. Любое мероприятие можно было провести там кулуарно, то есть не на виду у других посетителей.

Стоило директору треста встать из-за стола, чтобы вручить почётные грамоты и премии заслуженным работникам, как по залу пробежал смешок. Многие стали оглядываться в поисках причины такого необычного поведения лучших людей коллектива, да ещё в долгожданный торжественный момент. Тем временем снизу, под ногами, происходило какое-то шевеление и раздавались странные звуки, похожие на человеческие слова. Нерепительный сначала смех перерос в хохот, когда остолебеневший директор обнаружил у себя под ногами извивавшееся неуклюжее тело Шурика, который изо всех сил искал хозяйку и невнятно, но громко выгавкивал «ма-м-ма». На предложение что-нибудь съесть отвечал похожим на «гав» — «да!» Узнав, чья эта талантливая собака, директор треста предложил в награду за верность присвоить псу отчество и фамилию и отныне называть Шуриком Ангелинычем Орловым. А вдо-

бавок подать ему на блюдечке самую большую и вкусную котлету, что и было торжественно исполнено.

Никогда ещё так не веселились работники треста столовых, включая директора. В тот вечер они забыли обо всём на свете, и каждый старался лично поговорить с Шуриком Ангелинычем. Долго ещё люди гадали, как ему удалось незаметно (скорее всего, на автобусе) добраться до города, найти ресторан и свою любимую хозяйку.

Однажды Ангелина Николаевна уехала в командировку в город Алма-Ату. Шурика она оставила на попечении старого знакомого семьи — преподавателя биологии в местном институте. Шурику в институте понравилось: после звонка он вбегал в аудиторию и прятался под столом преподавателя. Если же после начала занятия в аудиторию входил опоздавший студент, Шурик хватал его зубами за штанину и к всеобщему ликованию вытаскивал в коридор, мол, нечего опаздывать и мешать другу моей хозяйки работать!

СУП ДЛЯ БИМКИ

Сан Санна сварила суп для любимой собаки по кличке Бим, поставила его охлаждаться в крыльце и ушла к бабушке мыть окна.

В это время её муж Петя с двумя закадычными друзьями отмечал конец трудовой недели. По этому случаю они ещё на работе махнули по рюмашке и отправились продолжать «банкет» к Пете. По дороге купили бутылку беленькой, на закуске сэкономили, надеясь, что у хозяина найдётся, чем закусить.

На месте Петя обнаружил только свежий холодец. Гости с большим аппетитом его ели и нахваливали. Сытые и весёлые, они уже разошлись, когда Сан Санна вернулась домой. Пора собаку кормить, а супа нигде нет! Спросила мужа, не видал ли?

— Нет, — говорит. — Мы с мужиками холодцом закусывали, а супа не было.

— Холодец-то где стоял?

— В крыльце.

Сан Санна только руками развела: мужики Бимкин суп слопали и не заметили ни кусочков кожи со щетиной, ни остатков копытец, ни хвостика! Мужу она ничего говорить не стала, мало ли ещё рассердится, что для гостей в доме нашёлся только собачий суп!

АПРЕЛЬ — ПОРА ЛЮБВИ

Почему-то раньше я не обращала особенного внимания на городских галок. Вороны, грачи и сороки казались мне интереснее и значительнее уже потому, что первые очень умны, вторые деловиты, а третьи — единственные птицы, которые узнают себя в зеркале! Галок я считала промежуточной ступенью между воронами и грачами, невзрачными и шумными птицами, которых всегда слишком много. Где бы ни появлялись галки, повсюду начинались гвалт и неразбериха. Особенно докучливы эти птицы осенью и зимой, когда сбиваются в огромные стаи и по вечерам с воплями перелетают с дерева на дерево, с крыши на крышу, усеивая землю большими белыми кляксами гуано. Недаром люди прозвали их «бомбардировщиками» и стараются не задерживаться под деревьями, которые они облюбовали. Замечены галки и в постоянном попрошайничестве на остановках автобусов, у скамеек в парках, не брезгующими отъёмом человеческих подачек у всякой более мелкой птицы типа голубей и воробьёв. Но всё поменялось этой весной, когда галки значительно выросли в моих глазах.

Пятнадцатого апреля я попала на вторую кардиологию в городскую больницу, которая окнами выходит на Советский про-

спект, окружённый старыми берёзами и тополями. Вдоль улицы между двумя больничными корпусами на деревьях постоянно проживает огромная колония энергичных, шумных грачей, что, впрочем, ничуть не мешает больным, а наоборот, скрашивает их пребывание в больнице и, думаю, способствует улучшению состояния. Сначала я с интересом наблюдала за грачами. К тому времени у них уже сложились пары: птицы ремонтировали старые и строили новые квартиры. На берёзе под моим окном в верхней развилке веток уже сидела на гнезде грачиха, наружу только хвост торчал. А грач с раннего утра и до позднего вечера клювом ломал свежие гибкие веточки на той же берёзе и носил их в гнездо, где с помощью подруги и будущей матери семейства вплетал их в похожее на огромную корзину жилище.

Однако вскоре я заметила, что с заходом солнца на мою берёзу слетается целая стая галок, но ведут они себя непривычно тихо: не галдят, а рассаживаются на ветках парочками, нежно прижимаясь друг к другу: головка к головке, крылышко к крылышку, и гортанно курлыкают, будто шепчутся о любви и преданности. Это забавное и трогательное ухаживание продолжается, пока птицы не устанут и не задремлют до самого восхода. С началом нового дня галки дружно улетают в поисках пищи и мест для гнёздования, чтобы вечером вернуться снова: апрель для них — пора любви!

Глава VI.

Особенности русского языка, книга, чтение и творчество в переходный период времени

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ: КНИГА И ДЕТИ

*(Статья опубликована в журнале «Вологодский ЛАД»,
здесь даётся в сокращении)*

Кто будет спорить с тем, что читать нужно и полезно для умственного и духовного развития человека? Однако школьные учителя и преподаватели высшей школы бьют тревогу по поводу резкого снижения общей грамотности своих подопечных, их односложной и малоинформативной речи, её засорённости ненормативной лексикой, неспособности учащихся выражать свои мысли и чувства.

Кароч, бывайте!

Кажется, что положение с чтением и родным языком из рук вон плохо, но так ли это? А если так – что послужило тому причиной? Снижение грамотности и культуры среди молодёжи не могло произойти в одночасье. Если обратиться к истории нашей страны, то можно убедиться, что мы это уже проходили в начале двадцатого века. Социальной революции сопутствовала культурная революция, которая драматически изменила язык, речь и литературу. Сейчас положение с литературой и языком очень напоминает ситуацию двадцатых годов прошлого столетия. Тогда на фоне революционных преобразований начали появляться новые слова, очень модными были всякие сокращения, новые понятия, новые имена. Например: Ревдит – революционное дитя;

Ким — коммунистический интернационал молодёжи; Люция — революция; Рэм — революция, электрификация, машиностроение; Вилюр — Владимир Ильич любит Россию.

Появился «новый человек», практически не владевший правильным литературным языком. Вспомните людоедку Эллочку из романа «Двенадцать стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова! Она владела всего тридцатью словами, из которых в речи использовала семнадцать! «Хамите!», «Знаменито», «Мрак», «Парниша» — вот некоторые слова, «придирчиво выбранные ею из всего великого, многословного и могучего русского языка». Как это похоже на нынешние незатейливые выражения: «Ты чё такая дерзкая?»; «Здаров, чуваки!»; «Ну, я это, кароч, бывайте!»...

Наверняка все, кто более или менее знаком с компьютером, слышали о геймерах — игроках. Это вполне взрослые дядьки, которые всю жизнь проводят за компьютером, играют в «стрелялки» и «войнушки» днём и ночью, дома и на работе, и больше их ничего не интересует. У них свой язык, который складывается из названий элементов игр и терминов, происходящих от английских слов. Например, один геймер сообщает другому: «Я на восьмом лэвэле зафэйлился!» Это означает, что игрок застрял на восьмом уровне. Поскольку мне это неинтересно, я и писать дальше о геймерах не буду.

А вот многие ли знают о существовании таких категорий пользователей Интернета, как «мамки» и «шкуры»? «Мамки» — это молодые мамочки, которые сидят дома с малышами и обмениваются между собой опытом ухода за детьми и воспитания в социальных сетях. У них тоже свой язык. Например, одна мамка пишет другой: «Мой годовасик тугосеря!» Перевожу: у моего годовалого малыша запоры. Об этом я тоже писать не буду — обидно за годовасиков.

Слово «шкура» для обозначения девушки появилось в социальных сетях в начале 2015 года. Можно предположить, что этот неологизм родился от старого выражения «содрать с кого шкуру — обобрать, ограбить». Изначально «шкура» — молодая де-

вушка необязательно красивая, но «пригламуренная», с модным маникюром и педикюром, регулярно посещающая массажиста, парикмахера, визажиста и спортзал, но, главное, постоянно тянущая деньги на всё это у своего молодого человека или жениха. Сейчас, как это ни грустно, обращение «шкура» применимо к любой девушке и не является в принципе обидным для самих «шкур».

Однако время лечит. В течение двадцатого века постепенно исчезли «новоязы», мы вернулись к привычным для нас русским именам, люди заново открыли для себя правильный русский язык. Эти перемены произошли не на пустом месте, а на основе великой культуры. То же самое должно произойти и сейчас. Нужно только, чтобы от государства поступил социальный заказ на образованных, хорошо воспитанных и творческих людей, а не только на «настоящих потребителей».

Просто — открой глаза

Вернёмся к мысли о постепенности процесса снижения грамотности и утраты интереса молодёжи к чтению. Как ни странно, этому процессу способствовал технологический прогресс. Впервые в новой истории книгу потеснило кино, будучи одним из первых объектов массовой культуры. Ведь, чтобы стать грамотным читателем, нужно долго учиться и развиваться в общекультурном плане: ходить в музеи, на художественные выставки и в театры, слушать классическую музыку и т. п. А чтобы смотреть кино, необходимо просто купить билет, сесть на стул и открыть глаза.

Вслед за кино в нашу жизнь прочно вошло телевидение, которое в ещё большей степени отвлекло людей от книги, поскольку для просмотра фильмов и развлекательных программ не нужно стало даже выходить из квартиры — лежи на диване и смотри «по ящику» всё, что нравится.

Появившиеся за телевидением электронные средства связи и передачи информации произвели настоящую технологиче-

скую революцию, значение и важность которой в полной мере нам ещё предстоит осознать и оценить. За последнее время развитие электронных технологий ускорилося невероятно. Об этом можно судить по тому, с какой скоростью появляются все новые гаджеты, какую огромную информацию они собирают, хранят, перерабатывают – пережёвывают и в виде дайджеста предлагают человеку, как упрощают и удешевляют средства связи и управления. Эти же средства, возможно, окончательно отвернули молодое поколение от бумажной книги. И тут ничего не поделаешь, всемирная паутина на выбор предлагает человеку как незамысловатые, но зрелищные развлечения, которые не требуют умственного и духовного напряжения, так и лучшие образцы мировой культуры: театр, музыку, живопись, литературу. Большая часть молодёжи более склонна к простым развлечениям и к простым формам общения, например в «Твиттере», онлайн-сервисе для ведения микроблогов. «Твиттер» был создан в 2006 году для общения в социальных сетях с помощью мобильных телефонов, что обеспечило ему массовость и постоянный рост.

В 2010 году в компьютерном мире появилась социальная сеть «Инстаграм», чтобы делиться с миром фотографиями и видеороликами. Она вообще переводит людей на бессловесное общение с помощью картинок! Сделай снимок, выложи его в Интернете и получи «лайк», одобрение!

И всё же надежда на то, что и в этот раз всё придёт в норму, есть. Нужно лишь с тем же усердием и желанием, как и в прошлом веке, «сеять разумное, доброе, вечное», возрождать свой язык и культуру.

Светлые силы вологодской литературы

Возвращение литературы в нашу жизнь может произойти усилиями нескольких сторон: родителей, библиотечных работников, учителей, литераторов и просто неравнодушных образованных людей. Начинать эту важную и трудную работу нужно

с младших классов общеобразовательной школы. Она уже проводится, но, к сожалению, держится лишь на энтузиазме лучших библиотекарей и учителей. Здесь я расскажу всего о двух талантливых женщинах, работающих в этой сфере. Пока такие работницы есть, есть и надежда на будущее.

В Год литературы отлично вписалась работа центра русской словесности, открытого в Вологодской областной детской библиотеке ещё в 2007 году, объявленном Годом русского языка. Заведующей центром стала Муза Васильевна Мельникова, которая также заведовала отделом документально-информационной поддержки образования в этой библиотеке. Муза Васильевна – профессионал своего дела, знаток литературы. Кроме того, она бесконечно любит детей. Эти качества в идеале должны быть у всех специалистов, работающих с детьми.

В работе центра русской словесности, задуманного Музой Васильевной и созданного ею совместно с коллегами, используются разнообразные формы: книжные выставки, выставки-викторины, выставки детских творческих работ, недели русского языка, собственная лингвистическая газета, творческие встречи с местными и приезжими литераторами, презентации и обсуждения книг, игры, посвящённые юбилеям великих русских писателей и поэтов. Для младших школьников Муза Васильевна разработала игровой цикл занятий по русскому языку «Необыкновенное путешествие с приключениями Кота Учёного, Коли, Пети и Бабы Яги в страну Русской словесности». Он записан на мультимедийный диск. Привлекая к сотрудничеству единомышленников, в первую очередь учителей, Центр ежегодно выпускает буклет «Родная речь».

В рамках центра Муза Васильевна разработала несколько авторских программ. Одна из них – «Путь к слову». Это шесть занятий, развивающих интерес и воспитывающих любовь к родному слову у детей 11-14 лет. В программу входит знакомство с вологодским диалектом, обучение работе со словарями русского языка, начальные сведения о происхождении русских имён,

а также знакомство с азами стихосложения. «Круг чтения» включает в себя восемь занятий, посвящённых творчеству лучших современных детских писателей и поэтов. Цикл занятий по культуре родной речи носит обязывающее название «Златоуст». Есть и программа по изучению вологодской литературы — «Светлые силы».

Программа состоит из 16 занятий по произведениям вологодских прозаиков и поэтов. Среди авторов — Василий Белов и Николай Рубцов, Александр Яшин, Сергей Орлов, Ольга Фокина, Сергей Чухин и другие наши известные земляки. Дети знакомятся с образцами вологодского фольклора, трепетной краеведческой публицистикой Вячеслава Белкова и Роберта Балакшина.

Изучая творчество писателей-земляков через родное слово, дети приобщаются к подлинно национальной культуре, которая способствует возрождению, в том числе и православного миропонимания, духовной опоры нашего национального бытия.

На занятиях у Музы Васильевны не бывает скучно. Дети рассказывают о прочитанном письменно и устно, выразительно читают стихи и прозу, рисуют иллюстрации, записывают семейные предания. Одно из заданий — найти в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля особые «вологодские» словечки. Конечно, после таких уроков невозможно остаться равнодушным к чтению! Недаром же итогом работы по программе «Круг чтения» становится небольшое сочинение на тему «Убедить нечитающего сверстника в том, что чтение — это лучшее занятие на свете».

Всё дело в учителе!

О совместной деятельности Вологодской областной детской библиотеки и школы № 1 города Вологды рассказала Анна Вячеславовна Попова, учитель русского языка и литературы.

— Почему возникла идея нашего сотрудничества? В течение ряда лет краеведческая литература преподавалась довольно

вяло. Это объяснялось тем, что на её изучение отводился всего 0,5 учебного часа в неделю, что всегда ставило учителя в тупик в отборе учебного материала и создавало проблемы в оценке знаний детей по этому предмету. Кроме того, существующая на сегодняшний день программа недостаточно учитывает возрастные особенности младшего и среднего школьника. Как считают мои коллеги, нет самого главного – стимула для развития читательского интереса. Учитывая все эти сложности, я обратилась за советом в детскую библиотеку, где судьба свела меня с Музой Васильевной Мельниковой. Мы стали работать вместе и уже с первых уроков увидели отличные результаты. Дети с огромным интересом начали изучать ту литературу, которая раньше была для них непонятной и скучной. Муза Васильевна на своих занятиях «проживала» за 40 минут кусочек жизни каждого вологодского поэта или прозаика. Её любовь к удивительной литературе нашего края, созданной замечательными людьми, талантливыми, чуткими, свято верящими в добро и справедливость, не оставляли детей равнодушными. Какой заряд положительной энергии, любви к окружающему и всему живому идёт от этих занятий, какое трепетное внимание уделяется на них нашему великому живому русскому слову, уникальному по своей красоте и значимости!.. Я с удовольствием отмечала, что дети слушают от начала и до конца урока, как замороженные, задают вопросы, переживают, если что-то не удалось записать. А с каким энтузиазмом ребята выполняют творческие задания, которые всегда подбираются с учётом детских возможностей и желаний!.. Ребятам нравятся эти занятия ещё и потому, что на них каждый чувствует свою успешность, ведь отметки, которые они получают за работу, – только положительные. Муза Васильевна – светлый, добрый, образованный и интеллигентный человек. Дети это очень хорошо чувствуют, с удовольствием общаются с ней, раскрывая свои души и впитывая все лучшее, что можно взять для себя и нести в жизнь.

Уже сейчас с уверенностью могу сказать, что мои шестиклассники растут хорошими людьми, умеющими сопержи-

вать и сочувствовать, они никогда не обидят беззащитное животное, не посмеются над чужой бедой, протянут руку помощи тому, кто будет в этом нуждаться. Вся наша совместная деятельность направлена на то, чтобы воспитать прежде всего Человека.

«А историю про Муську не забуду никогда!»

Лучшим доказательством успеха этой программы являются отзывы детей, которые они написали после окончания курса занятий. С детской непосредственностью и открытостью они рассказали о том, что осталось у них в душе после знакомства с творчеством вологодских писателей. Вот эти отзывы.

Я обожаю уроки по литературе Вологодской области. Я столько теперь знаю о наших поэтах и писателях! В наших учебниках этой информации нет, а Муза Васильевна, как книжка, знает всё!

Даша В.

Если бы программа «Кто хочет стать миллионером» была построена на вопросах о писателях Вологодчины, я бы легко выиграл три миллиона рублей и сразу же отдал бы их на то, чтобы в нашем городе построили приюты для бездомных животных.

Алёша Л.

Когда я прихожу домой после уроков литературы Вологодской области, я дожидаясь с работы папу и маму, рассказываю их и пересказываю то, что говорила Муза Васильевна. Я даже в тетрадку не подглядываю, всё запоминаю с урока. А историю про Муську не забуду никогда!

Яна С.

Я очень люблю эти уроки. Они добрые и учат нас доброте. Оказывается, сколько хороших людей жило и живет в Вологде! Очень люблю свой город и горжусь им.

Марина Я.

Когда Муза Васильевна задала нам написать небольшое сочинение на тему «Что значит для меня жить в России», я настроил три страницы. Папа увидел и сказал, что тоже бы написал на эту тему, а потом ещё и разобиделся, когда у меня оказалось лучше. Так оценила наше творчество мама.

Дима Б.

Мне нравятся эти уроки тем, что нас не заставляют зубрить, учить правила и писать контрольные работы. Нам дают задания, которые хочется делать. А самое главное – никогда не ставят плохих отметок. Муза Васильевна всегда хвалит, мне это по душе.

Даниил Ч.

Я узнала, что наши поэты и писатели – очень хорошие, добрые люди. У них были сложные судьбы, но они всё пережили и не растеряли доброты и человечности. Я хочу равняться на них.

Даша П.

А моя соседка мне завидует, говорит, что в нашей школе интересно: на уроки приходят из библиотеки, а в библиотеке всегда работают добрые и всезнающие люди.

Вероника К.

Литературные миры

24 мая 2015 года в Вологодской областной детской библиотеке с большим успехом прошли VII Кирилло-Мефодиевские чтения. Они были посвящены Году литературы в России и назывались «Литературные миры». В чтениях приняли участие ребята не только из многих школ города Вологды, но и из Сокола, Устюжны, Харовска, а также из Харовского, Сокольского, Устюженского, Кирилловского, Бабаевского, Сямженского, Кичменгско-Городецкого и Вологодского районов.

Всего было представлено 118 работ, в чтениях участвовал 141 школьник.

В организации и проведении этого мероприятия принимали участие Ольга Александровна Смирнова — директор Вологодской областной детской библиотеки, Татьяна Игоревна Лукьянова, специалист областного методического центра культуры, Юлия Александровна Симонова, заведующая инновационно-методическим отделом ВОДБ. Кураторы Кирилло-Мефодиевских чтений — Муза Васильевна Мельникова, учителя русского языка и литературы районных и городских школ.

Следует отметить, что так же самоотверженно, как областная детская библиотека, работают и все остальные детские и взрослые библиотеки Вологды и области, и вклад их в возрождение любви к отечественной книге неоценим. Это не голословное заявление. Я постоянно бываю в нескольких библиотеках, знаю чудесных людей, которые в них работают. Радуюсь тому, что у нас есть энтузиасты, высокие профессионалы. Это не только Муза Васильевна Мельникова, но и Ольга Германовна Голубова и Ольга Юрьевна Андреева (Грязовец), Нина Владимировна Малафеевская (Нюксеница), Людмила Евгеньевна Христова (Вологда), Татьяна Борисовна Курочкина, Антонина Ивановна Маркова и Алёна Викторовна Армеева (Вологда).

Престиж библиотекаря вырастет

На самом деле положение с книгой и с чтением не безнадёжное. Вспомним: несмотря на огромную популярность кино, книга в течение почти всего прошлого века оставалась с человеком, являясь сильнейшим средством воспитания. Сможет ли она устоять в нынешних информационных бурях?

Думаю, да: ведь среди гаджетов есть и такие новинки, как электронные книги, способные вместить в свою память целые библиотеки. Появились звуковые книги. Читать электронные и звуковые книги удобно в любом месте и в любое время. Думается, что будущее принадлежит электронным учебникам и библиотекам, а также дистанционному образованию. Бумажная

книга постепенно перейдёт в разряд предметов искусства и роскоши, доступных лишь немногим.

Среди новых вызовов нам важно не утратить свою национальную идентичность, то есть язык и культуру.

«АХ, ЭТА МУЗЫКА!»

Иду и думаю, как слово отражает разные процессы в нашей культуре и жизни! В двадцатом веке мы использовали слова: музыка, серьёзная музыка, лёгкая музыка, эстрадная музыка. И всё это была музыка, которую обычные люди знали, слушали, любили и относились к ней с уважением. Лишь в конце века появилась поп-музыка. Народ быстро и неуважительно переименовал её в «попсу».

В новые времена обычный человек, особенно молодой, знает, слушает и говорит только о «музоне» и «музле»! Чувствуете разницу?! Что это? Деградация?

Лично я не унываю: замечено, что в театры и филармонии в последнее время стало ходить больше народу, в основном молодого!

ОТКУДА БЕРУТСЯ ПРОЗВИЩА

В 1949 году вологодская деревня жила впроголодь. Родители семилетней Райки с утра отправились на работу: мать — в коровник, отец — в колхозную мастерскую старый трактор чинить, готовить к уборочной страде. Райка страсть как хотела есть. Она поискала во всех местах, где обычно хранился хлеб: в горнице на столе и на кухне в буфете, заглянула в печь — не осталось ли с вечера картошек... Ничего не обнаружила. Весь дом осмотрела и только в голбце заметила припрятанную литровую

банку сметаны. Голодная девочка торопливо съела сметану, а уж потом осознала, что сделала... Мать вернётся с работы, заругает, а то и приберёт. Райка всплакнула, написала записку «Ушла в Крым» и покинула родной дом. Кто теперь разберёт, почему в Крым, а не в другое место? Видно, слышала разговоры взрослых, в которых прозвучало это название далёкого и прекрасного места, где тепло и сытно живётся. Райка не знала, в какой стороне находится Крым, но возвращаться домой боялась и сидела на опушке леса неподалёку от деревни. Однако вечером совсем оголодала — пришлось вернуться домой.

Девчонку с тех пор прозвали **Райкой Крымской**, так зовут и по сей день.

Примерно в то же время жил у нас в деревне Сашка Петров. Отец его плотничал и часто работал прямо во дворе своего дома — топорича делал. Сашке было пять лет. Он вертелся тут же, с интересом наблюдая за отцом. Когда тот отлучился, Сашка взял маленький топорик и, подражая отцу, начал подрубать какую-то плашку, да и рубанул себе по пальцу. Поначалу боли не почувствовал, а лишь удивился, что палец легко отскочил в сторону. Он взял его другой рукой и, не обращая внимания на кровь, подошёл к бабушке:

— Бабушка, смотри — пальчик! — сказал он.

От вида окровавленного обрубка бабушка потеряла сознание. А Сашку с тех пор в деревне прозвали **Сапо-пальчик**.

Прозвища дают в деревне не только в память о каких-то событиях. Например, Николая, который жил в соседней деревне, прозвали **Колькой-грачом** оттого, что невероятно на эту птицу похож: смуглый, с чёрными прямыми волосами, хищным носом. Колька даже ходил по полям, словно грач: слегка наклонившись вперёд и широко переставляя длинные, худые ноги.

В той же деревне жил мужик средних лет, маленького роста, кривоногий, горбатый и с длинным носом. Прозвище у него было **Паша-католик**. Сразу хочу оговориться, что деревенские жители не хотели сказать ничего плохого о настоящих католи-

ках, тем более обидеть их религиозные чувства. Откуда же взялось такое необычное прозвище? Первое, что приходит на ум, — ассоциация с героем романа «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Скорее всего, так и было. Есть и другой вариант — прозвище возникло на основе признаков противоположности: оно означало — человек на односельчан никак не похож, они все православные, а он, значит, католик. Кто же ещё?

КОГДА ПЕРЕВОДЧИК НЕ ТРЕБУЕТСЯ

Я уже рассказывала о своём знакомом череповецком дагестанце Сефербеке Сефербекове — большом любителе и тонком ценителе восточной и русской поэзии. При первой встрече он заинтересовался моими скромными стихами. У меня как раз готовилась книжка к изданию, и я обещала ему сообщить, как только она выйдет.

Когда книжка вышла, я сразу позвонила Сефербеку. Мы поговорили о том о сём, и он весело сообщил мне, что у него гости из Дагестана пьют вино, а он читает им стихи. И тут Сефербек сказал замечательные слова:

— Представляете, сидим мы сейчас на кухне — даргинец, табасаранец и лезгин, у каждого свой родной язык, а понимаем мы друг друга только потому, что говорим на русском, и переводчик не требуется!

Оказывается, в трёхмиллионном многонациональном Дагестане одних только официальных языков — тридцать шесть! Поэтому русский язык не только устраняет трудности общения между разноязыкими людьми, но и объединяет их. Думаю, что и Советский Союз, кроме политики и экономики, объединял русский язык, охватывая культуру каждого входящего в него народа. Союз давно перестал существовать, а русский язык как объединяющая и скрепляющая сила остался. Жители всех стран

СНГ общаются друг с другом и ведут торговлю исключительно на русском. И даже на Украине, где пытаются его вытравить силой президент и депутаты Рады в самые острые моменты «дискуссий», направленных против России, когда все аргументы исчерпаны, сами не замечая, переходят на ненавистный им русский язык. Это смешно и грустно.

Пройдёт время, остынут горячие головы, уйдут в небытие многие сегодняшние политики со всем их экстремизмом и глупостью, а русский язык останется, и мы по-прежнему будем собираться в гостях друг у друга, пить заздравное вино и общаться без переводчика.

СВОЁ — ЧУЖОЕ

Однажды мой старый приятель спросил меня:

— Знаешь, что такое личико, ручки, ножки и тельце?

— Ну, скажи, — ответила я.

— Это свои руки и ноги, своё тело и своё лицо!

Мы посмеялись, и я вспомнила, что в детстве наш сосед по коммуналке, дядя Миша, которому тогда было лет сорок, именно так и говорил о себе: «умою личико», «помою ручки», «вытру ножки», «согрею тельце». И вещи свои называл: сапожки, штанишки, пиджачок, шинелька и так далее. Так что когда говорят о ножищах, ручищах, сапожищах, морде, портках, пиджачишке и шинелишке, то чаще всего имеют в виду не своё, а чужое.

ЮБИЛЕЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Дело было в отдалённом районе Вологодской области, центр которого расположен среди природы, которая сказочной

красотой и гармонией освещает жизнь местного населения и радует самый взыскательный вкус приезжего человека.

Настя, дочь моей любимой подружки, учительницы литературы и русского языка, воспитана мамой в лучших традициях российской интеллигенции. Мама научила её беззаветно любить русскую литературу, помнить и почитать наших великих поэтов и писателей. Настя, возвышенная душа, особенно любит стихи М. Ю. Лермонтова, многие из них знает наизусть, а самого поэта считает частью своего существования и чтит как живого.

Ежегодно они с мамой и подругами отмечают день рождения поэта. Само собой юбилейный для Михаила Юрьевича год Настя решила отметить с близкой подругой в популярном местном кафе. Обе принарядились, сделали макияж и причёски, и в радостном настроении появились в кафе, всем своим видом показывая, что у них сегодня особенный праздник. Подруга для такого случая даже захватила с собой томик стихов любимого поэта.

Только они устроились в уютном уголке, как к ним подсели два молодых незнакомца — приезжие инженеры-газовики. В районных центрах, где недостаёт рабочих мест, да и свободные мужчины в дефиците, такие кавалеры ценятся на вес золота. Наши героини заулыбались им навстречу в предвкушении приятного знакомства.

— Что празднуем, девчонки? — игриво спросил один из молодых людей.

— День рождения Михаила Юрьевича Лермонтова, — в тон ему кокетливо ответила подружка Насти.

И тут случилось непредвиденное. Газовики переглянулись, молча встали и вышли из кафе.

P.S. Эта миниатюра была написана в 2015, а в 2017 году она получила неожиданный отклик из уст известного филолога-вологжанина, приверженца русской культуры, пропагандиста правильного русского языка и родной литературы, профессора Вологодского государственного университета Сергея Юрьевича Баранова. Вот уже с десятков лет профессор задаёт студен-

там нового набора один и тот же вопрос: «Читали ли вы «Трёх мушкетёров» А. Дюма?» (Выбор объекта эксперимента не случаен, в прошлом веке не было взрослого человека, студента или школьника, который не читал бы эту известнейшую и популярнейшую во всём мире книгу.) К огромному сожалению Сергея Юрьевича, таких студентов с каждым годом становилось всё меньше, а в прошлом, 2017 году их не осталось вовсе.

Сегодня, 26 декабря 2017 года, я почерпнула в Интернете убийственную информацию: «Экспертный совет при Центре творческого развития русского языка составил топ-10 главных русских слов 2017 года». В списке на первом месте стоит слово «реновация», на втором — «биткоин, на третьем месте — «хайп»! Ни одного русского слова!

И всё-таки я оптимистка: будем считать, что падение популярности русского языка вот-вот закончится и начнётся его возрождение. Только само по себе, без нас, оно не начнётся.

ПРИБАЛТИКА И НАСТЕННЫЕ ПИСЬМЕНА

Обычно я хожу в аптеку на Ленинградке вдоль длинного дома по улице Петина. Там хорошая мощёная дорожка, а под окнами дома стоят роскошные черёмухи и старые кусты сирени. Особенно в зелёных куцах приятно в мае, когда всё это богатство цветёт и благоухает.

В конце дома на коричневой железной двери, ведущей в подвал, белой краской и крупными буквами написано: «Русский — значит трезвый!» Мне нравится эта надпись. Всегда, как её увижу, думаю: вот бы посмотреть, кто это написал!

В этот раз я торопливо шла в аптеку, но глаза всё равно скользнули по знакомым словам. И вдруг сбоку на меня налетел какой-то старый дядька и заорал:

– Кто написал это безобразие?

Я оторопела. Но продолжала двигаться по своим делам. Дядька наскაკивал на меня, как петух, и повторял свой риторический вопрос.

– Не знаю, я в этом доме не живу, – отмахнулась я.

– Ты что, нерусская? – крикнул он. Потом присмотрелся ко мне и уверенно припечатал словом к тротуару, – нерусская – Прибалтика.

Я так и не поняла, что этого мужика оскорбило в надписи, которая мне так нравится.

Разговаривать с ним было некогда, да и незачем – он уже всё за меня решил.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Подружка моей дочки оригинально использует французское слово «неглиже». Когда Маша зовёт её прогуляться, она отвечает:

– Я сегодня не в гляже (то есть плохо выгляжу)!

Другая подружка тоже вольно использует это слово:

– Я сегодня в неглаже, – говорит она, имея в виду, что не погладила одежду на выход!

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА «ЗАКУЛИСЬЕ»

Не буду рассказывать, где и с кем это было, уж очень свежие впечатления и узнаваемы герои.

Один мой старинный товарищ поехал летом в гости к родственникам в далёкий сибирский город, славный наукой и искус-

ствами. У товарища выросли два племянника, которыми он справедливо гордится. Старший — музыкант и дирижёр симфонического оркестра — работает в известном театре, а младший заведует лабораторией, занимающейся биохимическими исследованиями.

Старший племянник решил показать дяде любимое место работы. Театр стоял пустой, гулкий и тёмный: летом коллектив ездил на гастроли или пребывал в отпусках. Освещая путь мобильными телефонами, они пробрались в партер, а затем и за кулисы.

В закулисы царила волшебная тишина. Вдруг тонкий лучик фонарика выхватил из темноты неподвижную фигуру, засиявшую позолотой.

— Это наш «золотой» Ленин, — серьёзно сказал племянник. — Правда, он без головы. Вон на полу лежит, видишь? Зато каждый может встать позади скульптуры и подставить свою голову. Мы все так фотографируемся, давай я и тебя «сфоткаю».

Мой приятель, конечно, не устоял перед искушением.

В глубине просцениума они наткнулись на бутафорский крейсер «Аврору», оставшийся в театре ещё с доперестроечных времён. Плоский фанерный корабль одним боком смотрел в зал и издали казался настоящим. Дядя с племянником зашли с тыльной стороны и увидели лестницу, ведущую к видимой части палубы «Авроры». С этой стороны на борту крейсера виднелась крупная надпись — «Титаник»!

Шутки шутками, а есть в этом некая последовательность и символичность. Народ, даже если он не до конца понимает, что делает, когда пишет на заборе или на бутафорском крейсере, видит глубже и больше, чем кажется.

НОВЫЕ СЛОВА ДЛЯ ЛЮДЕЙ РОДОМ ИЗ XX ВЕКА

Отец спрашивает дочку:
– Ты как шефу звонила, по кацапу (имея в виду «вацап»)?

Слыша в чужом термине созвучие со знакомыми словами, он называет «Инстаграм» «Имстограм»!

А вот моя старенькая тётя Густя понимает, кто такой бойфренд, но слово это не может запомнить. И спрашивает меня:

– Таня, как Сонькиного грейпфрута зовут?

ЕШШО ЧЕГО?!

Недавно я побывала на презентации альманаха грязовецких самодельных поэтов – выступала с отзывом.

Очень нелегко отзываться о стихотворных трудах людей, мало знакомых с правилами стихосложения, но пишущих от всей души, вдохновенно воспаряющих над обыденностью и стремящихся постичь тайны творчества.

Чтобы подбодрить их и не обидеть, я процитировала слова Михаила Веллера, как надо работать над текстом, чтобы он приобретал грамотный и художественный вид. М. Веллер советует всем без исключения авторам, опытным и неопытным, упорно и долго работать над текстами: «писать, читать, перечитывать» свои произведения и «править, пока не треснет!» Я и сама так делаю. И тут мне вспомнился давнишний случай из собственной практики, который я немедленно поведала аудитории.

Как-то раз я приехала в один районный центр: пригласили послушать стихи местных поэтов и почитать свои. Меня принимала подруга – учительница русского языка и литературы и

очень просила уговорить поэтов больше работать над стихом, исправлять ошибки, придерживаться правил стихосложения, изучать эти правила, прислушиваться к специалистам: подруге часто приходилось редактировать их творения...

В районном центре, где постоянно живёт три тысячи человек, в то время было тридцать самодеятельных поэтов! Они регулярно собирались и читали друг другу свои произведения. Как это водится в подобных объединениях, если в них нет разбирающегося в поэзии человека, да ещё с твёрдой позицией критика, то все главным образом восхищаются талантом друг друга и не видят ни в чём недостатков и промахов. Я уже знала этих милых людей, обижать их не хотелось. А так как я твёрдо обещала подруге выполнить её просьбу, придумала оригинальный, как мне казалось, ход: решила на собственном примере показать, как надо работать над стихом. При полном зале в мёртвой тишине я изложила свои доводы и прочла все три варианта своего стиха.

Выступил только один поэт, тракторист и механизатор на пенсии, но, как я поняла, он говорил за всех:

— Переделывать стихи? Ешшо чего, пусть читают, как вышло, ведь я от души писал! А из ваших стихов мне всё равно первый вариант больше нравится, он как бы из сердца написан, простой и незаумный!

Тогда я не нашла, что ответить, и с неприятным ощущением подпорченного авторитета вернулась к подруге.

Русский человек задним умом крепок. Уж потом я поняла, что надо было ответить поэту-механизатору. В стихе и сердце, и ум должны присутствовать, слушателей же и читателей уважать надобно. Вот так.

Грязовецким поэтам история понравилась, они обещали изо всех сил над своими стихами работать.

Я ВОЛОГЖАН УЗНАЮ ПО СЛОВЕЧКУ!

В Вологду приехал известный писатель из Москвы. На встрече с читателями он сказал:

— Я очень люблю Вологду, вологжан и в любой точке мира узнаю их по определённому словечку.

Одна читательница спросила:

— По какому?

А он:

— По слову «дак»: вологжане им часто пользуются.

А она:

— Ну, не знаю! Я дак никогда им не пользуюсь!

БАБКИНА ПРИСКАЗКА

Людмила пришла с дискотеки поздно ночью и с синяком на лбу. Бабушка увидела это безобразие и спрашивает:

— Где это ты убилась?

— В клубе на танцах — толкнул кто-то, я и ударилась об стенку.

— Не ври, не расстраивай меня: мне и так жить осталось три понедельника!

Это у Людмилиной бабушки присказка такая. Чуть что, кричит на весь дом:

— Доконать бабуку хотите: мне и так жить осталось три понедельника!

Глава VII. Больничный оптимизм

Где люди обычно рассказывают посторонним о себе всё? В поездках, в ожидании приёма в поликлинике и в больнице, что, в общем, одно и то же. Чувствуют, что скоро разбегутся в разные стороны и больше никогда не встретятся, — вот и говорят откровенно.

ДАВАЙ С ТОБОЙ ПОГОВОРИМ ОБ ЭТОМ

Вот уже второй день я прохожу профилактику своего поношенного организма на дневном стационаре городской больницы. Сегодня пришла на УЗИ сосудов шеи. Сажу перед кабинетом, ни к кому не пристаю: голова кружится, так и чувствую: обнаружит сейчас доктор в моих сосудах какую-нибудь гадость — склеротические бляшки, например. В прошлом году ведь обнаружил, так с тех пор забляшенная и живу.

Рядом пристроился мужичок пенсионного возраста с довольно сердитым выражением лица. Видно, один из тех, кому всё на свете не нравится и все им должны. В общем, худой, седой и бледный старикан с узкими поджатými губами. Сразу меня спросил, кто последний в очереди. А зачем? Очередь — я одна, и я же — последняя, то есть к врачу первая, о чём ему с улыбкой ласково сообщаю. А он у меня перед носом медкартой машет и говорит, что пришёл лечиться на платной основе. А я ему: уж не хотите ли, мол, вперёд меня пройти? А он — ни да, ни нет, а сам так и норовит без очереди прорваться. Ну, думаю, иди, больше нервов сохраню.

Видно, он в моём лице прочёл, что я его, скорее всего, пропущу, обрадовался и разговорился. Доктор занят, время есть... Отчего не поговорить? Начал с самого своего детства: родом он из большого дальнего села, нагляделся дома на бедняцкую

крестьянскую жизнь и решил про себя, что уедет в город, не будет дома коров пасти, огороды копать и на лесопилке за гроши вкалывать. Он себе другую жизнь наметил — богатую, успешную и лёгкую. Уехал в город в восемь лет, окончил школу, выучился на экскаваторщика и до пенсии на стройке работал. Говорит с таким видом, будто он генерал какой, а не экскаваторщик на пенсии. Я не удержалась и стала ехидные вопросы задавать:

— А что, на экскаваторе легче работать, чем на лесопилке?

— Конечно, легче! И свободы больше. С лесопилки-то не убежишь, даже в отпуск не отпускают.

— И зарплата больше была?

— Не в пример больше!

— А чего же вы такой недовольный сидите, раз всё хорошо сложилось?

— Я недовольный потому, что сейчас болею, а врачи на меня внимания не обращают. А должны! Я всю жизнь работал, пусть теперь уважают, лечат и разговаривают со мной по-человечески. Мне, между прочим, недавно операцию в Питере делали, живот разрезали от пупка до лобка, — добавил он и посмотрел на меня так, будто его одного-единственного в стране оперировали.

Я ему сказала, что меня тоже в прошлом году оперировали и нечего заикливаться на своих болячках. Радоваться надо, что живой остался и на горшок без посторонней помощи ходишь.

Он посмотрел на меня как-то по-новому и, когда доктор пригласил на приём, пропустил вперёд.

Поговоришь вот так в больничной очереди — и добрый совет получишь или дашь его страдающему человеку, который свой невидимый страх за видимой гордостью прячет.

«Я У ТЯТИ СЫН ОДИН»...

Шестидесятилетний Лёха лежал в больнице на хирургии. У него застарелая язва закровоточила. В палате вместе с ним лежали ещё четверо мужиков разного возраста: трое помоложе с грыжей и один довольно бодрый старикан по имени Никанор Иваныч. Привезли его вроде бы в плохом состоянии, но врачи пока с болезнью не определились. Иваныч лечащему доктору не признался, что накануне вечером впервые попробовал у соседа «хренодёр», восхитившись новым для себя вкусом. Сосед поделился с ним рецептом:

— Всего и делов-то — натереть хрена, чеснока и добавить томатов!

А вот пропорции ингредиентов не сообщил. Поражённый простотой изготовления деликатеса, Иваныч, как только вернулся от соседа, приступил к делу. Пока указанные продукты тёр, несколько раз прослезился, потом взял литровую банку, натолкал туда поровну хрена и чеснока, перемешал, посолил и доложил до краешка банки резаными помидорами. Перед сном не удержался и своего собственного «хренодёра» с хлебом от души поел. А наутро его прихватило.

Лёха для чистоты диагноза очень советовал Иванычу признаться в содеянном, но тот упрямылся, сокрушаясь:

— Вот такой я азартный человек, Алексей! Всё делаю с размахом: со всей дурацкой мочи. Представь, мне восемьдесят шесть лет, а я всё ещё за соседскими старухами бегаю, как петух за курами. Про таких, как я, мой папа говаривал: «Я у тяти сын один, интересный мальчик, хорошо работает двадцать первый пальчик!» Так ведь бабки эти — такие шельмы: обслужи их, а они ещё норовят за мой счёт пожрать и денег как бы в долг просят! Денег страсть как жалко, а отстать не могу, азарт не позволяет!

Лёха слушал деда и думал: «Ну и здоров старикан врать, хватает, а на вид не ражий! К такому только за деньгами и ходить!»

ДАВАЙТЕ, ДЕВЧОНКИ, НЕ БУДЕМ О БОЛЯЧКАХ!

Наталья Алексеевна лежала в горбольнице на хирургии. Неделю назад ей удалили желчный пузырь, но она уже упорно ходила по палате и в коридоре, придерживаясь за стенку.

— Молодец вы, Наталья Алексеевна, — с некоторой завистью сказала ей Маруся, тридцатипятилетняя повариха из детского сада. — После такой операции люди минимум по две недели встать не могут.

— Так то люди, а я — старая, закалённая в боях со злом и в скитаниях по области журналистка! Мне залёживаться в больнице никак нельзя. Во-первых, молодёжь подпирает, а во-вторых, я — работоголик. Меня из родной газеты до сих пор на пенсию отправить не решаются, знают: я без работы помру. Хотя я давно уже пенсионерка. А хожу потому, что мечтаю выбраться домой поскорее. Скучно мне здесь, да и разговоры у нас всё об одном: о болезнях — тоска! Давайте, девчонки, не будем о болячках!

«Девчонок» в палате, кроме Натальи Алексеевны и Маруси, было ещё двое: библиотечарша Ольга лет сорока и Екатерина Зосимовна, учительница биологии на пенсии. В общем, коллектив зрелых и много повидавших на своём веку женщин. В больницу они все попали по скорой. Марусю, скорчившуюся от боли, привезли с грыжей, которая уже не в первый раз вылезала у неё в паху — потаскай-ка полные бачки в детсадовской кухне, ещё и не то вылезет. Остальных доставили с острыми приступами желчнокаменной болезни, «прокапали» и отправили на операционный стол удалять желчный пузырь. Всех четверых оперировали на прошлой неделе, и теперь они лежали на долевывании. Разговоры, как водится в хирургическом отделении, шли о животрепещущем: кто как себя чувствует, кто чем болеет и у кого что отрезали.

— Правильно, Наталья Алексеевна, чтобы быстрее выздороветь, мы не должны касаться болезней и унывать, мы будем говорить исключительно об интересном и весёлом, — чётко выговаривая каждое слово учительским тоном сказала Екатерина Зосимовна.

— Девочки, предлагайте тему для разговоров, — добавила она. — Ну вот, хотя бы вы Оля, как человек, работающий с книгами и людьми.

Ольга слегка задумалась и мечтательно сказала:

— А давайте поговорим о чудесах! Я недавно прочла такое высказывание Альберта Эйнштейна: «Есть два способа жить: вы можете жить так, будто чудес не бывает; и вы можете жить, как будто всё в этом мире является чудом!» Лично я предпочитаю жить там, где всё — чудо.

— Да, да, — согласилась бывшая учительница биологии. — Ведь всё живое — чудо. Это и человек, и растения, и животные, от самого маленького жучка или букашки до самого огромного слона, кита, белого медведя или сивуча. Это и среда обитания всего живого — земля, воздух, леса и поля, реки, моря и океаны.

— Сначала договоримся, что считать чудом, — прервала её рассуждения журналистка. — Для меня это нечто необъяснимое, необычное и внезапное, как блеск молнии. Это то, что надолго остаётся в памяти, о чём говорят и думают люди хотя бы до тех пор, пока не изучат, не разберутся в чудесном явлении.

— А мне кажется, что не нужно абсолютно всё понимать и во всём разбираться, — заметила Ольга, — скучна жизнь, в которой не остаётся тайн и волшебства.

Екатерина Зосимовна, глядя в окно, за которым качались ветки высокой старой липы, задумчиво сказала:

— Сегодня я видела маленькое чудо по телевизору: рекламу кошачьего корма, где кошка заглядывает в кроватку с младенцем. Причём кошка знает, что перед ней детёныш и ей неважно, что он человеческий, а не кошачий. Она с ним осторожна и нежна и смотрит так, будто спрашивает: «Малыш, хочешь, я с

тобой поиграю?» А малыш ещё не умеет говорить, но каким-то образом понимает, что перед ним пусть и кошачья, но мама. Он бесстрашно протягивает к кошке ручонку, прикасается к ней и радостно улыбается. Они смотрят друг другу в глаза, общаясь на уровне взглядов и прикосновений, и понимают друг друга! А потом начинают играть одними и теми же человеческими игрушками и радоваться! Это ли не чудо?!

— А меня, представьте, одна женщина научила по-новому проращивать семена, — неожиданно вставила Маруся. — Я этой весной его и опробовала. Огуречные семена завернула вечером в сырую марлю, положила в полиэтиленовый пакет и на ночь засунула под майку, на грудь! Я их всю ночь парила, как курица яйца, только что не высиживала! Смотрю утром — набухли и вот-вот проклюнутся. В общем, я на ночь как бы превратилась в огуречную маму!

Наталья Алексеевна засмеялась:

— Вот так чудо! Да у меня сестра всю жизнь такими чудесами занимается. Она всем овощам на огороде, ягодам и яблокам — мама: разговаривает с ними и любит их нежно, как своих детей. Даже, наверное, больше, потому что растения не прекословят, не сопротивляются, не капризничают, а отвечают любовью на любовь и благодарно растут, как сумасшедшие. Кстати, большую часть выращенного она раздаёт соседям и тем, у кого, по её мнению, своего мало или нет совсем. Всю зиму она ждёт чудесного возвращения весны и лета, чтобы вновь ощутить радость от участия в процессе рождения.

— Девочки, как, по-вашему, это чудо или нет? — воскликнула учительница биологии. — Вчера вечером я видела, как мокрая муха на окне сушила крылышки после дождя. Она медленно поднимала попеременно то одно крылышко, то другое до тех пор, пока они не становились перпендикулярно тельцу, разворачивала их против потока воздуха и держала какое-то мгновение, а потом также медленно опускала, прижимая к бокам. И видно было, что ей это стоит больших усилий. Раньше я, хоть и

биолог, ничего подобного не видела или просто не замечала. А ведь такие кажущиеся мелкими чудеса постоянно происходят у нас на глазах, как в детстве, когда каждый день полон открытий и приключений!

— Какая разница, маленькое чудо или большое, оно всё равно — чудо! — с жаром сказала Наталья Алексеевна.

— Марусенька, — заметила Ольга, — настал и ваш черёд рассказывать. Не может быть, чтобы в вашей жизни совсем не было чудес.

— Ладно, я тут вспомнила одно чудо, пока вас слушала. В общем, было это года четыре назад в августе. У меня сестра живёт в Верховажье, мы с ней в это время года обычно ездим в один лесок, о котором никто не знает, а там всякий раз грибов — не обрать! Сестра у меня предпринимательница, у неё всё есть: дом, большой сад и машина. Вот на этой машине мы и поехали. Съездили очень удачно, наломали два больших рюкзака белых грибов и ведро рыжиков. Едем обратно по лесной дороге, я вперёд смотрю и вдруг вижу: вся дорога сделалась коричневатого цвета и шевелится. Мне показалось, что это кузнечики по дороге прыгают. Кричу сестре:

— Стой, Нинка! Мы кого-то давим.

Она остановилась, я из машины вышла, глядь — а это не кузнечики, а маленькие лягушата прыгают! И лягушат этих тьматьмущая. Просто какое-то переселенье лягушачьего народа! Я Нинке говорю:

— Давай подождём, пока лягушки схлынут, жаль их — изничтожим ненароком.

А они всё прыгают и прыгают, поток этот не кончается. Нашу машину обтекают и дальше стремятся. Ждали мы, ждали, да и поехали прямо по лягушатам. Надеюсь, немного передавили. Я так до сих пор и не знаю, куда они двигались, зачем, почему их так много было? А помню это чудо, будто вчера всё видела...

В этот момент в палату вошла медсестра и сказала:

– Хватит, девочки, о болячках болтать. Подставляйте пятую точку – буду вам уколы делать. И спать пора.

«Девочки» молча, переглянулись. После уколов медсестра ушла, а Наталья Алексеевна улыбнулась и сказала:

– Спокойной ночи, девчонки, пусть вам приснятся самые чудесные, целебные сны, а о болячках мы вообще больше болтать не будем!

ЗДОРОВЬЕ

Моей давней и горячо любимой подруге Тамаре Казаковой столько же лет, сколько и мне, – много. Обоих осаждают возрастные болезни, о которых даже говорить не хочется. Мне очень нравится её ответ на традиционный вопрос о здоровье. Когда Тамаре плохо, она отвечает:

– Здоровье отдельно, а я отдельно!

С удовольствием повторяю эту фразу, когда меня достают с подобными расспросами или говорю:

– Не знаю, как моё здоровье, я с ним не разговариваю, а если приставать начинает – сразу посылаю к врачу!

КОНКРЕТНО ЗАПАЛ

Мы с Татьяной – две пенсионерки с опытом –познакомились в больнице: в одной палате лежали. Характерами сразу сошлись: она общительная и я такая же. Она, несмотря на целый букет болячек, – весёлая, оптимистичная и обаятельная, и я стараюсь не отставать. Она – дама пышная и приятная во всех отношениях, из тех женщин, на которых все мужики сразу западают. А я – тётка средних параметров, но тоже не тощая и

постарше Татьяны лет на пять-шесть. И на меня иногда западают, но теперь в основном дворники и алкоголики. Впрочем, не будем о грустном.

Пошли мы с ней утром в трансфузионную комнату на капельницы. Свободное место осталось одно. Татьяна великодушно меня на него определила, а сама села на край уже занятой каким-то мужичком кушетки у специального столика, как она выразилась, в позе «сиджа». Пока мы «прокапывались», мужичок сзади Танюши всё чего-то ёрзал и бормотал, но так как я от него далеко была, то ничего не разобрала. Таня же сидела смиренно, как положено, и лишь один раз громко спросила, не мешает ли ему.

В палате она мне рассказала, как в трансфузионной дело было. Оказывается, мужичок не просто так за её спиной ёрзал. Несмотря на то, что ему тоже капельницу поставили (под капельницей шевелиться не рекомендуется), он пытался до Тани хоть одним пальцем ноги дотянуться и потрогать её мягонький бочок. А на вопрос, который Татьяна задала ему со смыслом, тихо ответил, что она ему не мешает, а он просто наслаждается! Вот же зараза, воспользовался, что дама не могла ему по морде дать. С тех пор он старался на капельницы в одно с нами время ходить, разговоры с Таней заводил, даже в палату заглядывал — в общем, выражаясь внучкиным языком, запал на Танюшу конкретно. А кто бы на такую красавицу не запал, я вас спрашиваю?

СИЖУ В ПОЛИКЛИНИКЕ И ДУМАЮ...

Сиджу в поликлинике, зажата между двумя пышнотелыми дамочками, и думаю: «К кому бы это обратиться, чтобы стулья в медицинских учреждениях шире делали, а то среднестатистическая пациентка на одном стуле не помещается!»

Изложила эту тему своей подруге участковому врачу. А она говорит:

— По моим наблюдениям, среднестатистическая пациентка уже на двух стульях с трудом помещается! Не поспевает наша промышленность за развитием потребительского общества. Может, нам лучше рот скотчем заклеить и без конца жевать перестать? Глядишь, стройнее станем, и здоровье резко улучшится, меньше по поликлиникам будем шастать и на узких стульях в очередях маяться.

ПОРА БАБУ МЕНЯТЬ

Друг нашей семьи — замечательный врач К. (он категорически запретил упоминать своё имя и фамилию) — заходил к нам в гости по праздникам. Как-то раз зашёл он к нам на огонёк, и я тут же бросилась к нему с жалобами на здоровье: то у меня болит и это. Доктор поморщился, но выслушал мои стенания очень внимательно, а потом развернулся к мужу и серьёзно сказал:

— Серёга, пора бабу менять!

Больше я к нему с жалобами не приставала.

ИНФАРКТ

Пожилая, полная, с короткой, почти мужской стрижкой, Лидия очнулась в тёмном коридоре областной больницы на запасной койке в коридоре, которая стояла у стены и даже не была отгорожена ширмой. В конце коридора под потолком слабо мерцала лампа.

«Как я сюда попала? — мысли медленно ворочались в голове. — Ах, да! У меня же случился инфаркт, вернее, два инфаркта под

ряд, второй — пока скорая за мной ехала. Как везли, не помню. Как попала на эту койку, тоже не помню. Надо же, в коридоре бросили, видать, в палатах мест нету. Сколько же времени прошло? В туалет-то как хочется! Говорят, при инфаркте нельзя вставать двадцать один день. А я в коридоре при всех на утку ходить не буду! Ни за что! Я стеснительная, особенно мужиков стесняюсь!»

Лидия осторожно повернулась на бок, спустила ноги вниз и, держась рукой за спинку кровати, медленно встала и пошла в туалет. Она с наслаждением освободилась от лишней жидкости и, усмехнувшись, вспомнила, как шутил по этому поводу сосед по коммуналке. «Это сладкое слово свобода!» — обычно говорил он, выходя из туалета после употреблённых в честь выходного дня двух литров пива.

Лидия побрела обратно, держась за стенку. Она невольно заглянула в открытую дверь одной из палат: показалось, что там никого нет.

«Ах, так, значит, мест у них нет! Сейчас я сюда перелегу», — решила она, дошла до своей койки, сняла с неё простыню, подушку и вернулась обратно. В палате она заняла крайнюю кровать у двери, и сразу заснула.

Рано утром Лидию разбудила медсестра. Она трясла её за плечо, громко и сердито шипя в самое ухо:

— Вы что?! Как вы сюда попали?! Это же мужская палата, посмотрите — кругом мужики спят! Да ладно бы только это. Я полночи вас по всей больнице ищу, думала, ушли да и упали где-нибудь! Ждала, что уволят меня за недосмотр.

Над Лидией смеялась вся больница, из других отделений приходили на неё посмотреть. И даже серьёзный доктор каждый день перед осмотром шутил:

— Надо же, два инфаркта у женщины, а туда же — прямым к мужикам.

СТРАШНОЕ РЕШЕНИЕ

У одного деревенского мужика жена сильно животом маялась: иссохла вся, пожелтела. Врачи в районной больнице поставили ей диагноз – рак кишечника. И доктора-то её лечили, и муж-то к знахарям возил, ничего не помогло. Она ужасно страдала и уже не вставала, но всё жила. Сердобольный мужик на это спокойно смотреть не мог и принял страшное решение – жену отравить, чтобы она сразу померла и не мучилась.

Съездил в райцентр, купил бутылку дихлофоса, вечером плеснул отравы ей в кашу и ушёл на реку с ночёвкой, будто на рыбалку.

Утром, не заходя домой, он с тяжёлым сердцем отправился к местному милиционеру и признался, что насмерть отравил жену. Тот надел на него наручники и повёл домой – смотреть, что там произошло. Вошли в дом, а жена, как ни в чём не бывало, у стола суетится, самовар ставит и приглашает горячего чайку попить...

Оказалось, что у неё вовсе не рак был, а ленточный глист – солитёр, он-то и маял её годами, но определить, что с ней, местные эскулапы не смогли. Так что не она, а солитёр дихлофосом отравился и вышел наружу. В общем, нет худа без добра!

Однако никому этот способ лечения не советую: всё могло закончиться трагически!

НОВОЕ СРЕДСТВО ОТ ГРИППА!

Во время эпидемии гриппа встречаются две молодые подружки. Обнялись, поцеловались:

– Фу, Дашка, от тебя чесноком шмонит! И... французскими духами?

– О, это мой любимый микс, а если ещё курнуть, грипп вообще не догонит!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЛИННОГО БЕЛОГО ЖАКЕТА

У меня есть длинный, прямой белый жакет с короткими рукавами, строгий и элегантный. Я его обычно летом ношу в тёплую погоду: и красиво, и солнечные лучи отталкивает. Но этим летом он подарил мне пару неожиданных приключений.

На прошлой неделе я надела свой любимый белый жакет и отправилась в супермаркет за продуктами. Уже на выходе из магазина увидела молодую маму с коляской. В коляске сидел чудесный малыш — розовощёкий, голубоглазый и смыслёный. Он с любопытством вертел головой и весело гукал, показывая маме ручкой то на одну полку, то на другую. Я пока не дождалась от дочки с зятем собственных внуков и в последнее время стала заглядывать на чужих малышей. И на этот раз, восхитившись ребёнком, я сунулась к нему с какими-то глупостями, сказала что-то вроде: «Ах, какой милый мальчик!» Обычно дети относятся ко мне снисходительно и улыбаются, а их мамы и вообще радуются, что кто-то посторонний оценил их ненаглядное чадо. А этот посмотрел на меня исподлобья и вдруг громко и сердито заревел! Такой реакции я никак не ожидала и недоуменно шарахнулась в сторону. Только на улице, пройдя в расстроенном состоянии один-два квартала, поняла, в чём дело: ребёнок из-за белого жакета принял меня за врача и решил, что я сейчас буду делать ему укол! Я ещё немного посокрушалась и забыла об этом приключении напрочь.

Сегодня, надев по погоде свой белый жакет, отправилась я в поликлинику на ЭКГ и, пока шла с этажа на этаж до нужного кабинета, с удивлением замечала, что со мной здороваются незнакомые врачи, фельдшера и медсёстры. Чудеса продолжились, когда из кабинета ЭКГ вышла сестричка и пригласила меня пройти на процедуру вне очереди! И тут до меня дошло, что всё утро благодаря любимому жакету меня принимали не то за фельдшерицу, не то за

врача. Сейчас в медицинских учреждениях такая текучка кадров, что медики не удивляются, когда видят кого-то нового.

Теперь, отправляясь в поликлинику, всегда буду надевать свой белый длинный жакет: может, не придётся в очередях маяться.

НАСТОЯЩИЙ РЕНТГЕНОЛОГ!

Сегодня я ходила к маме на смотрины жениха её любимой внучки Натальи. Бабушка, неоспоримый девяностотрёхлетний авторитет по вопросам семьи и брака, впрочем, и по всем остальным вопросам тоже, тут же приступила к допросу жениха Алексея: кто таков, где работает и чем славен? У нас женщины составляют пассионарный блок семейного состава, поэтому не успел Алексей рта раскрыть, как в разговор вступила его невеста и сообщила, что он заведующий рентгенологическим отделением серьёзной клиники и врач высшей категории, пользующийся уважением руководства и огромным спросом среди больных.

— Прекрасно, — сказала бабушка и поинтересовалась, — а что подвигло вас в выборе именно этой профессии, молодой человек?

Алексей смущённо ответил:

— Я с детства мечтал об этом из-за мамы-рентгенолога. Она всё время пропадала в клинике, а я оставался дома один. Уходя на работу, мама строгим голосом говорила: «Сделай уроки, не забудь полить цветы и помни: я всё вижу!» Я свято верил, будто она каким-то чудом и вправду видит всё, что я делаю, и я тоже хотел стать всевидящим рентгенологом. И стал им.

Я слушала его, как зачарованная. И тут Алексей посмотрел на меня так, словно видит меня насквозь и даже читает мои мысли: ну, настоящий рентгенолог!

СТАРЫЕ КАДРЫ

Моя подруга Лена А. приехала из деревни, где у неё огород, и только через пять дней случайно обнаружила, что её укусил клещ. Мылась и почувствовала, что бок болит. Потрогала — на боку какое-то уплотнение или прыщик. Посмотрела в зеркало, а там красное пятно и напившийся крови клещ висит. Перепугалась, конечно: энцефалит, боррелиоз и всё такое, и поехала в поликлинику за помощью. Клеща удалили, сдали на анализ, а мою подругу пригласили на следующий день к дежурному терапевту, поскольку её участковая врачиха ушла в отпуск.

Лену встретила старая Роза Марковна, бывший детский врач с огромным опытом и добрейшей души человек. Её несколько поколений вологжан добрым словом вспоминают, а поликлиника всегда приглашает летом подежурить вместо отпускников. Взяв у моей подруги направление и результат анализа, она улыбнулась и сказала:

— Вам повезло, клещ не инфицирован. Однако если в течение недели у вас поднимется температура или заболит голова — срочно ко мне. Ну, рассказывайте, деточка, где это вы клеща подцепили?

— Наверное, в деревне, хотя я свой участок вот уже восемь лет каждую весну опрыскиваю. И откуда он взялся, не понимаю?

Роза Марковна посмотрела на Лену сквозь очки, подперла щеку ладошкой и молвила:

— Откуда, откуда... А соседи по даче у вас имеются? — Лена кивнула, и врач продолжила, — ну так вот, бежала по соседнему участку мышка, хвостиком махнула, а в хвостик вценился клещ. Мышка ничего вкусного вокруг не обнаружила и прибежала на ваш участок, снова хвостиком махнула, клещ и свалился в травку. Клещу здесь очень понравилось, а тут вы приехали — тёпленькая да вкусная. Он прыгнул на ваши джинсы и полез

вверх, в поисках незакрытого одеждой места. Смотрит клещ: футболка короткая, шашь под неё и за бочок вас ухватил. Жаль, что сразу не обнаружили, можно было бы противовирусный укол сделать и больше не беспокоиться. Ну, а теперь приходите через недельку проверим, как у вас дела.

Лене очень понравилось похожее на сказку объяснение Розы Марковны.

— Вот что значит старые кадры, — смеясь сказала моя подруга. — Как она со мной разговаривала, ничего, что мне шестьдесят пять лет, а не шесть! Зато я теперь знаю, как младшему внуку о клещах рассказывать.

Глава VIII. Иное сказание, или Сказка-подсказка

Волшебные сказки приходят к нам в детстве и остаются навсегда. Сказка – это литературная форма, вышедшая из народных недр, простая, мудрая и прекрасная. Она позволяет взглянуть на настоящее и предвидеть будущее через волшебную призму, и хороша тем, что иносказательно, в развлекательной форме говорит о серьёзных и нужных вещах.

В этой главе представлены мои последние сказки и фантастические истории, основанные на сегодняшних событиях и впечатлениях.

ВЕНЬКА-ДУРАК И ЯДРЁНА ФЕНЯ

Жил да был в одном селе парень, мамкин сын и лежебока. Прозвали его Венькой-дураком, потому как проку от него никакого не было – только языком чесал да на гулянки ходил девок тискать.

Как-то раз время уж за полдень клонилося, а Венька всё в избе на кровати валялся, о красивой жизни мечтал. «Эх, – думал, – был бы у меня ковёр-самолёт, улетел бы я отсюда к ядрёне Фене и зажил бы по-новому, красиво да богато!»

Это у нас главная мечта всех дураков.

Слушала его кровать, слушала, вздохнула так, что пружины застонали, и молвила человеческим голосом:

– Никто ещё не желал к ядрёне Фене за счастьем лететь! Помогу я тебе, Вениамин, дурья твоя башка: может, и выйдет что из этой затеи. Полезай на чердак, там уж двести лет как валяется ковёр-самолёт, всеми забытый, молью побитый! Возьми его, да уважь: на снежок кинь, расправь и венничком по нему пройдишь, а то он, бедный, совсем пылью

задохнулся. А уж потом падай пред ним на коленки и проси, что загадал.

Удивился Венька, что кровать с ним разговаривает, однако поблагодарил её за совет, полез на чердак и нашёл ковёр-самолёт:

— Вот так так! Чуть, было, не свёз я тебя, коврик, на свалку, а оказывается, вещь-то ценная, хоть и на старую тряпку похожа. Теперь непременно к ядрёне Фене улечу, знать бы только, где она обретается. Уж, наверное, не в нашем захолустье, а где-нибудь за тридевять земель, за морями, за лесами, за высокими горами. У нас-то всё обыкновенно: хошь красоты — приберись, поработай! Хошь богатства — укради или всю жизнь работай, с насадой спину гни и не факт, что заработаешь! А мне и работать неохота и красть страшно: в тюрьму посадят или прибьют.

Вытащил парень ковёр в огород, расстелил на белом снегу, веничком припорошил и почистил. Ковёр от такого внимания помолодел, яркими красками заиграл и говорит:

— Спасибо, Венюшка, уважил, дал дохнуть свежим воздухом. Теперь я твой навеки, все пожелания выполню!

— Вот чудо-то! И коврик заговорил! — воскликнул Венька.

— Некогда лясы точить, дружок, садись на меня скорее и говори, куда лететь? — заворчал ковёр.

В чём был парень — в трениках, в фофане да в старых кедах на босу ногу, в общем, одет по последней моде, — сел на коврик и приказал:

— А лети-ка ты, благодетель, за тридевять земель ядрёну Феню искать.

Подхватился ковёр и полетел, только деревни, города, моря и страны внизу мелькают. Долго ли коротко ли — осуществил коврик мягкую посадку прямо на самый главный аэродром в незнакомом государстве. Видит Веня: какие-то люди к нему от высокого стеклянного здания бегут, руками машут. Подбежали и трещат на незнакомом наречии, парень понять ничего не может: английский в школе плохо учил. А ковёр ему шепчет (он,

оказывается, со всех языков на русский переводить умел, так ведь на то и волшебный):

— Спрашивают они, Венюшка, чей ты будешь, из какой страны и зачем прибыл?

Веньке ко рту подносят какую-то штуковину, на микрофон похожую, и кивают, мол, сюда говори. Подбоченился он и с достоинством отвечает:

— Русский я человек, прибыл в ваше государство лучшей доли искать: быстро разбогатеть хочу, а для этого мне надобно с ядрёной Феней встретиться, говорят, она в здешних местах проживает.

Сказал этак и слышит, штукovina его слова на незнакомый язык переводит. Подивился парень и себе её взял, пригодится, думает.

Люди, что его встречали, загалдели, а штукovina переводит:

— Мы, — говорят, — русских знаем и не любим вовсе, как они нам не подчиняются, в нашу демократию и толерантность не верят и почему-то слушаются своего сердца, а не разума. У нас же тут все разумно живут и о глупом сердце не вспоминают. Нам главное — получить как можно больше денег, и каждый дурак в нашей процветающей стране мечтает стать миллионером. Раз ты тоже желаешь разбогатеть, мы разрешаем тебе пожить у нас и себя показать. А ядрёна Феня в нашем правительстве работает и на все вопросы отвечать может. Вот к ней и лети на своём невиданном аппарате. А не то отдай его нам за хорошие деньги, мы же тебе подержанный автомобиль со скидкой продадим.

Венька, хоть и дурак, а сообразил, что его коврик цены не имеет: не только сюда, а и в любую другую страну его доставить может. Ковёр продавать вежливо отказался, вскочил на него быстрёхонько и махнул к ядрёне Фене.

В дороге Венька и говорит коврику:

— Видать, куда надо прилетели, тут все на халяву миллионерами стать мечтают. А скажи-ка мне, ковёр-самолёт, сделай ми-

лость, что такое есть их демократия и толерантность? Фу, еле выговорил! Я университетов-то не кончал и таких слов не знаю.

— Долго объяснять, Венюшка, — отвечал ковёр. — Но если вкратце, то по-ихнему демократия — это когда им всё можно, а нам, русским, и всем остальным ничего нельзя. А толерантность — это когда два мужика, али, к примеру, две бабы меж собой женятся. А эти, что здесь живут, не плюются, а радуются нехристи!

— Тьфу ты, грех какой!

— Вот и я говорю: чистый грех!

Слово за слово, а подлетают они к белому дворцу огромному, и стоит тот дворец посередине большой зелёной лужайки, кругом цветами обсаженной. На лужайке стоит шезлонг, а в нём лежит ядрёная тётка — старуха толстая, крашеная, глаза круглые веками полуприкрыты, нос острый, крючком загнутый — чистая баба-яга! На солнышке греется, и всё время государственным документами шелестит. А за каждым кустом охранник с рацией сидит — как бы кто не обидел госсокровище носатое. Увидала она Веньку на ковре да как вскочит, как зыкнет, а коврик шепчет:

— Шибко недовольна бабка, что её потревожили без разрешения. Хочет знать, кто ты таков и что тебе надобно.

Парень и объяснил старухе — через штуковину, конечно, — что, мол, русский он, зовут Венькой и ищет ядрёну Феню, чтобы научила, как разбогатеть. Сообразила бабка, что к чему и говорит:

— Я есть ядрёна Феня, и, раз такое дело, присаживайтесь, дорогой Бенджамин, на травку, будем с вами беседу вести.

Нажала она на какую-то кнопку в шезлонге, и сбоку появился столик, на нём — бутылка минеральной воды и два стакана. Венька удивился такому скромному угощению и подумал: «Не так бы я гостью из тридевятого государства принимал! Накормил бы и напоил до отвала! Ну да ладно, в гостях не своя власть! Лоб перекрестил, шепнул: «С Богом!» — и выпил голой водицы.

А старуха начала разговор:

— Наше правительство, конечно, даст тебе денег, Бен, много денег, но ты должен открыть нам главную русскую тайну. В последнее время, где бы мы свою демократию ни строили, всюду, как ваши говорят, у нас облом. А уж как мы вашу страну обхаживали! Столько денег вашему бывшему руководству вывалили, народ по-всякому пугали, а вы не сгибаетесь, нас не боитесь и к себе не пускаете! Тут должна быть какая-то страшная тайна!

«Вона куды клонит...» — рассудил Венька, а вслух отчеканил:

— Была бы тайна, не открыл бы её тебе, не предатель я своего Отечества! Вот говорят, что вы одним разумом живёте, а разум без сердца во зло превращается! Вы всех своим аршином меряете, дураками считаете и хотите силком заставить по-вашему думать и жить. Мы же по-христиански живём: каждого человека с уважением выслушаем, понять попытаемся и поможем, чем можем. Мы — православные, а вы — Бога забыли. А потому — не скажу я тебе больше ничего!

— Ах, так! Слуги мои верные, хватайте его и в тюрьму на сто лет! — завопила ядрёна Феня.

Да не тут-то было! Прыгнул Венька на ковёр-самолёт и взмыл ввысь, как на ракете, только его и видели. Вот летит он, верного коврика по ворсу оглаживает:

— Правь домой, друг любезный! Не стал я миллионером — и слава Богу! Зато поумнел: видно, каждому дураку полезно на чужбину не на отдых, а по делу смотаться, сразу мозги на место встанут. Эх, скорей бы домой, маманя-то, небось, меня с блинами да щами ждёт.

С такими мыслями и таким манером прибыл он прямо к своей избе, соскочил с ковра-самолёта, пал на колени посреди огорода и поцеловал родную заснеженную землю.

Дальше Вологды пока лететь не желает. А когда спрашивают, где он целый день пропадал, только смеётся и всех обнимает, будто год не виделся. Опять же на кровати не валяется: у мамы на хозяйстве изо всех сил трудится и на гулянки — ни-ни!

Венькина мамаша им гордится и всем рассказывает: сынок в армию идти собирается, Родине служить, от врагов её защищать. А после армии учиться в университете хочет на дипломата.

Теперь парня никто дураком не обзывает; напротив, считают умницей и уважительно кличут Вениамином.

А ковёр-самолёт Веня над кроватью на стенку повесил. Нет-нет, да и глянет на него, вспомнит своё путешествие за океан и головой покачает:

— Хорошо в гостях, кому дома скучно! А нам скучать некогда — дел невпроворот!

КЕНЮШКА-ЦАРЕВИЧ И «СЕРЫЙ ВОЛК»

(Сказка, похожая на быль)

— Кенюшка, сынок, вставай, пора на работу, — сквозь дрёму услышал Кеня мамин голос и плотнее завернулся в тёплое одеяло.

«Ещё чуток полежу, — подумал он. — Это надо же такое имя ребёнку дать — Кеня, Кенсорин! Деда так звали, ну и что? Он в деревне кузнецом был, такое имя только весу ему придавало. В Интернете читал, что Кенсорин — значит тот, кто к знаниям и творчеству тянется. Не тянусь я никуда, разве к пиву и к сигаретам! Лучше бы как-нибудь волшебю меня назвала — Иваном-царевичем, что ли. И стал бы я волшебником, и наколдовал бы себе дворец с разными прибабасами, а в нём отдельную палату каменную, полную самых новых гаджетов — компов и смартфонов. И тачилу в гараже не слабее, чем мерс или бэха. А то живу в маманиной проходной двушке, как нищий! Уже два года после училища на стройке крановщиком вкалываю, где могу, бабло спибаю, а едва хватило на старый комп и гнилой серый «Жигуль» да и то свезло: его из Питера моему другу пригнали, а он отказался — слишком старый, мол.

А ведь я большего достоин: из себя хоть куда — умный да пригожий, роста богатырского, кудри русые, глаза синие, в плечах косая сажень. В общем — чистый царский сын. А звучит-то как важно — Кенсорин-царевич!»

— Кеня, опоздаешь, вставай! — прервала его мысли мама.

«Эх, вечно мамаша на самом интересном месте встрянет», — зевнул он и потянулся за трениками.

Кроме мамы и самого Кени, умницей, красавцем и завидным женихом считала его только соседка Васька, Василиса то есть. Не прекрасная и не премудрая, зато скромная, на работу спорая и верная с детства подруга. Ребята во дворе между собой называли его Кеней-придурком за мечтательное выражение лица и отсутствующий взгляд. Но, поскольку мечтательность странным образом совмещалась в нём с крепкими кулаками, в глаза все уважительно величали его Кенсоринном.

А наш герой, бывало, появится утром на работе, взойдёт на свой кран высокий, окинет взором раскинувшийся под его кабиной город, бросит взгляд на людишек, бегающих далеко внизу, — и размечтается. Видит он себя царевичем, повелителем этого города и этих людей. Вот и «Серый волк» у него есть, так нарёк он своего серого подержанного «Жигуля». А ведь известно, первый автомобиль, даже старый и ржавый, словно первая любовь — безоглядная, нежная и навеки. Своими руками перебрал его Кеня по винтику, смазал, подкрасил, и вот уже бегают машинка легко и быстро. Отвечая на любовь хозяина полной взаимностью, готова увезти его в неведомые края, где всё волшебно прекрасно и где ждёт его какая-нибудь Царь-девица, ужасно богатая да страшно красивая.

«А чё, возьму и женюсь, — думает добрый молодец. — Работа у меня есть, комнату в общежитии дадут, и «Серый» помощник при мне. Прямо в новогодние праздники отпрошусь в отпуск и уеду, куда глаза глядят — на другой конец города суженую искать».

Едва дождался Кеня первого января, залил бак своего «Серого» лучшим бензином, взял с собою денег, всё, что за полгода

заработал, да костюм выходной, чтоб перед невестой и её родней лицом в грязь не ударить, и отправился в путь-дорогу. Едет он, едет, петляет по своему микрорайону, а неведомых краёв всё не видать.

Взмолился тут «Серый волк» и молвил человеческим голосом:

— Купи, дорогой хозяин, навигатор, сил моих больше нет ездить в неведомом направлении и незнамо кого искать. Этак ты мне последнюю резину сотрешь, и мотор истреплешь, а он нам ещё ох как пригодится!

Кенсорин, будто только и мечтал услышать от «Серого» слово доброе, человечесьё, ничуть не удивился и ответил:

— По дороге куплю, помощничек, и помчимся мы с тобой в края богатые, там царевны ворохами на выданье от безделья маются, в окошки глядят и нас с тобой ждут не дождутся.

На том и порешили.

Купил Кеня навигатор, тот быстро привёл «Серого волка» в шикарный посёлок, недавно выросший на другом конце города. Там стояли волшебной красоты терема с островерхими красными и зелёными крышами. Окружали их высокие глухие заборы из резного камня, парковки ухоженные, невиданные магазины, кафе и рестораны. Оставил Кеня «Серого» в тёмном переулочке, а сам пошёл прогуляться, к девкам красным присмотреться.

Идёт добрый молодец по хорошо освещённой улице, а на встречу ему красна дѣвица, словно лебедь дивная плывёт. Узкие джинсы кривые ножки обтягивают, модная обувь, «артапеды», тощее тельце к земле тянет. Норковая курточка, не смотря на мороз, едва-едва голый пуп прикрывает. Розовые волосы на головке справа выбриты, слева дыбком стоят, а в носу два малюсеньких колокольчика вставлены. Во рту у девицы длинная сигарета дымится. Сделает она шажок, дым изо рта малым облачком вырвется, и колокольчики скажут: дзинь-дзинь!

— Полный улёт! — восхитился Кеня. Но девица глянула на его простонародный прикид — джинсы палёные, кожан китайский, — скривила, накачанные гелем губищи и молвила:

— Ну, блин, ва-а-ще!

И потащилась дальше.

«Не больно-то и хотелось с таким чудом-юдом знакомиться, — обиженно подумал Кеня и отправился своей дорогой. По пути решил, — а зайду-ка я в кафе, там девиц всегда много, выбор какой-никакой представится».

Неподалёку от переулка, где Кеня припарковал «Серого волка», призывно сияло витринами модное кафе, а над парадным входом его бегущая строка подмигивала яркими вспышками, сообщая «Кафе «Блёвка.Ру». С вами навсегда!» «Где-то я уже это слышал или видел», — подумал Кеня. В это время автоматические двери кафе приветливо распахнулись, его внесло внутрь волной тёплого воздуха, и он очутился в гостеприимных объятиях официанта.

— Как мы рады вас видеть, дорогой сотый посетитель нашего кафе! — бодро соврал улыбчивый официант в длинном клетчатом фартуке. — Присаживайтесь за мой столик, я вас немедленно обслужу, накормлю, напою и обсчитаю! — и подал Кенсорину карту с названиями вин и закусок.

Кеня сделал вид, что изучает меню, а сам потихоньку поглядывал по сторонам. «Эх, темновато здесь, ничего не видать, только копошится кто-то по углам в полумраке. Пройти разве к бару?» — мелькнуло в голове, и наш царевич двинулся к барной стойке. Там под лампой сидел скучая какой-то парень и допивал из бокала зелёную жидкость. По другую сторону от него, ни на кого не глядя, протирал фужеры бармен. Как только Кеня присел на высокий стул, к нему из полутьмы зала выплыла девица. Кеня остолбенел: такого даже с его буйной фантазией невозможно было представить. От запястий до красных сапог странно большого размера девица была вся обтянута комбинезоном из искусственной кожи цвета пятнистой пантеры. Она разложила мощную

грудь на барной стойке, отключила в сторону могучий зад и хищно впилась ярко-красными ногтями в Кенину ладонь.

— Скучаем, бубусик? — нежно пропела она. — Грешно такому красавчику сидеть одному. Угостите девушку шампусиком, будем дружить! — неожиданным басом заключила она и часто задышала.

Кеня от избытка чувств поперхнулся воздухом, опустил глаза и вдруг заметил, что у девушки под подбородком двигается вверх-вниз мужской кадык, а на тыльной стороне ладоней видна грубая рыжая поросль. «Хренасе! Да это мужик!» — ужаснулся Кеня, вырвался из рук непонятно жуткого существа и бросился вон. Несётся он в переулок, а мысли в голове одна другую обгоняют: «У него же бабьи тела — силиконовые, как я это сразу не просёк! Ну и лошара я!»

Забежал Кеня за угол, вскочил в кабину «Серого» и крикнул:

— Гони в ближайшую гостиницу! Будем тут ночевать, а завтра с новыми силами отправимся на поиски невесты, авось повезёт.

— Слушаюсь, хозяин! — рывкнул «Серый волк», мотор взвыл, и они умчались в ночь.

Но едва Кенсорин расположился в небольшом номере гостиницы с загадочным названием «Обломoff», как в дверь постучали. Кеня открыл — перед ним стояла миловидная девушка. Нежность лица подчёркивали аккуратно уложенные тёмные волосы, естественную красоту оттенял скромный макияж. Тёмным платьицем с белым воротничком и манжетами она напомнила Кене его первую учительницу, которую он в детстве обожал. Девушка смущённо порозовела и сказала:

— Извините за беспокойство. Я остановилась в соседнем номере, стала собираться ко сну и обнаружила, что у меня фен в розетку не включается. Если вам не трудно, помогите, пожалуйста, сама я никак не справлюсь.

— Какие проблемы! Конечно, помогу, идёте в ваш номер и покажите, где эта непослушная розетка, — глядя девушке в глаза, с затаённой радостью проговорил Кеня, а сам подумал: «Неужели это она? Неужели повезло?!»

Номер был совершенно такой же, как у Кенсорина, только брошенная на кровать кружевная ночная рубашечка и сладкий запах духов выдавали присутствие женщины и кружили добру молодцу голову. На столе у окна стояла бутылка сладкого вина и поднос с фруктами. Кеня быстро разобрался с феном, подправил розетку и, пожелав девушке спокойной ночи, собрался уходить.

— Я вам так благодарна! — пролепетала она — Сколько я должна за работу?

— Что вы, тут и делов-то на две минуты! — воскликнул Кеня.

— Ну, тогда я вас вином и фруктами угощу, — потупилась она.

Кеня открыл бутылку, разлил вино по бокалам:

— Давайте выпьем за чудесную встречу и за вас!

— Ах, как это мило с вашей стороны, — нежно ворковала девица. Выпили ещё и ещё. Кенсорин разомлел, включил приёмник и пригласил даму танцевать.

— Давайте ещё по глоточку выпьем, — шепнула она и уронила на пол яблоко, которое держала в руках. Кеня метнулся его поднимать, а девушка тем временем бросила ему в бокал какую-то таблетку...

Очнулся он на следующее утро в пустом чужом номере. С трудом вспомнил вчерашний вечер, скромницу-красавицу, имени которой он так и не узнал, и кинулся в свой номер. Дверь была широко распахнута, выходной костюм с вывернутыми карманами валялся на полу.

— Дрянь! Воровка, Евина дочь! — бушевал Кенсорин. — А ещё порядочной прикидывалась! Всё из карманов вытрясла — деньги, мобилу и паспорт! Хорошо, ключ от «Серого» у меня в джинсах остался — не нашла, видно, сильно торопилась. А я как есть простодыра, придурок!

Подхватил Кеня с пола оставшиеся вещички и ринулся из гостиницы бегом к своему верному другу «Серому волку».

«Серый» ждал хозяина, сразу завёлся и помчал Кеню домой. В дороге Кенсорин плакал навзрыд, держась одной рукой

за руль, другой размазывая слёзы по невымытым щекам, и на чём свет стоит ругал себя:

— Говорила мне мама: «Сыночек, не езди в неведомые края: дома и солома едома! Не ищи богатых да красивых невест: лучше синица в руке, чем журавль в небе! Вот хоть бы Василиса...» А я не послушался!

«Серому волку» стало жалко Кеню, он не удержался и воскликнул:

— Добрый мой хозяин, я всего лишь старая железяка! Но бензин в моём сердце кипит от жалости и благодарности: ведь, кабы не ты — гнить мне на свалке! Не горюй, Кенюшка, пройдёт твоя обида и быльём порастёт! Помяни моё слово, встретишь ты ещё свою невесту!

Кеня всхлипнул и хотел ответить, но в этот момент они подъехали к родному дому. Навстречу спешила Василиса. «Серый» замолчал и встал перед ней как лист перед травой. Глянул добрый молодец на дЕвицу и глазам своим не поверил. От Васькиной одежды в глазах рябило: тут тебе и модные джинсы в обтяжку, и яркая майка с глупой надписью. Голова как у Лиха одноглазого в детском фильме про Коцея Бессмертного: один глаз чёлкой закрыт, другой чёрной краской намазан. Волосы рыжие, брови чернущие — за версту видать, губы от синей помады бледные, как у мертвеца, разве что сигарета изо рта не торчит, и колокольчиков в носу нет!

— Только не это! — молвил в сердцах Кенсорин, взял Василису за белу руку и повёл умываться...

Тут и сказке конец! Остальное додумывайте сами любезные мои читатели, каждый по своему разумению да по доброте сердечной.

Эта сказка пестрит словечками из молодёжного жаргона, но куда же от него деться, если он существует и им пользуются? Другое дело, если его показать в сравнении с правильным русским языком: может, кто-то и обратит внимание на то, как говорит и как живёт...

БОГ ЕСТЬ!

(Сказка для взрослых и подростков)

Зачинается-починается сказка не очень долгая, повесть добрая о трёх современных добрых молодцах, что живут-поживают в старинном русском городе и о волшебной дЕвице-лягушке.

На заводской окраине в сером панельном доме живут три пацана, кореша с детства, и все из рабочих семей. Каждому из них по семнадцать лет от роду и у каждого есть прозвище: Колесо, Косяк и Микс. Не подумайте, что эти прозвища произошли от их любимых занятий, хотя и этой мыслью пренебрегать не стоит. Просто Колесо с детства носит гордую фамилию Колесников, Косяк — это Коська Сапожников, а Микс зовётся Мишкой Горшковым, и это говорит об их благородном происхождении от трудовых крестьян и ремесленников. Только они об этом не думают, потому что благодаря ненапряжной городской жизни и разным новшествам, ввезённым в последние годы из-за бугра бездумны, малограмотны и быстро дичают в окружении таких же, как они, добрых молодцев. А в остальном, особенно внешне, пацаны — хоть куда!

Колесо соответствует своему прозвищу на все сто. Он весь какой-то округлый и говорит на «о». Дешёвый спортивный костюмчик дополнительно смягчает его движения и разболтанную походку. Лик светлый, мягкие русые кудри выются — никак не скажешь, что этот милый юноша без мата слова не проронит, носит при себе ножичек, задирается с прохожими и вот-вот станет полноценным алкоголиком и наркоманом.

Микс — самый красивый из всех: высокий, на загорелом лице — ярко-синие глаза и весёлая улыбка. Он тоже носит спортивный костюм и «туфела», модельные туфли с узкими носами. Одним словом — смерть девкам! Но, судя по количеству выпиваемого в день пива и съедаемых семечек, к сорока годам он должен превратиться в брылястого импотента с обвисшим брюхом и заплывшими жиром глазками.

Косяк резко выделяется среди друзей какой-то особенной некрасивостью: в лице его нет соразмерности черт и гармонии, свойственных юности, колючий взгляд всегда скрыт козырьком кепки-уточки, узкие губы свидетельствуют о закрытом и жёстком характере. Худое тело кажется слабым, но на самом деле Косяк остр, как бритва, силен, как сжатая пружина. В его душе — глухое честолюбие, зависть и злость, возвращённые отсутствием родительской ласки и заботы, голодным детством, бедной одеждой и презрением старших ребят. Правда, изредка взгляд его теплеет, а это значит, что не всё ещё потеряно, что у него есть надежда на светлые дни и отрадную в будущем жизнь.

По молодости лет пацаны не успели пока совершить ничего такого, что тянет на тюремный срок, хотя из школы их «попёрли» за неуспеваемость, а на работу они не пошли, потому что хотели отдохнуть после девятилетней «отсидки» в среднем учебном заведении. И вообще они считали, что жизнь даётся человеку для веселья, постоянно искали этого веселья и раздражались, если не находили. «Череп», по-пацански родители, откупались от чад мелкими подачками. Друзья сбрасывались, в ближайшем ларьке брали по «полторахе» пива (а нынешнее пиво, как известно, щедро сдобрено химией и женскими гормонами для долгого хранения) и по пакетику «семок». «МиксЫ» тут же у ларька им предлагал бледный парень с дрожащими руками. Затарившись, приятели обычно шли за гаражи, где стояла трансформаторная будка с лесенкой, на которой было удобно стоять, «сидеть на кортах» — в общем, «зависать». Туда же подтягивались «тёлки», бывшие одноклассницы и девчонки из своего дома, «тусить» и слушать «чёткий музон».

— Вчера от своих черепов слышал, что в молодости у них тема была: «водка без пива — деньги на ветер»! Молодцы, перцы, тоже кой-чѐ в жизни кумекали. А по-нашему выходит, пиво без косяка — деньги на ветер! — хихикнул Микс.

Пацаны открыли первую полтораху и пустили по кругу. Вдруг, откуда ни возьмись, из-за будки высунулась тощая старуха с буханкой чѐрного хлеба подмышкой. Услышав голоса, она сунулась за угол будки, увидела пацанов и пискнула:

— Бог есть!

— А как же! — со значением ответил Косяк и затянулся сигаретой, — мы его каждый день да через день видим вместе с ангелами и чертями. Ёк-макарёк, вечно кто-нибудь припрѐтся и кайф испортит! Вали отсюда, бабка, пока цела! А ты, Миксяня, взрывавай косячок, а то что-то «заторчать» не выходит.

Утреннее солнце начинало припекать, и от мусорного полигона, который находился в паре километров от города, потянуло гарью и гнилью.

— Против вони и скуки один приѐм — пиво да дурь. Давай вторую полтораху, Колесо, — повернулся к товарищу по счастью Микс.

— Бог есть! — упрямо повторила старуха и исчезла, как не бывало.

С лестницы будки хорошо просматривался двор родного дома. Только что к песочнице приблизился пятилетний Колька Телегин из третьего подъезда. Пыхтя от напряжения, он тащил пластмассовые формочки, совок и игрушечный лук с тремя стрелами, которые то и дело вываливались у него из рук.

— Ха, а у меня по ходу план есть! — пропел Колесо, спустился с лестницы и подошёл к Кольке.

— Дай сюда, — процедил он сквозь зубы и отобрал у малыша лук со стрелами. — Не вой: поприкальваемся и вернём.

Колька ещё долго всхлипывал, но смирился с неизбежностью и, глотая слѐзы и сопли, начал «выпекать» песочные пирожки.

Колесо вернулся на лестницу и провозгласил:

— Пацанчики, шас с классными тёлочками «замутим», как в сказке про Царевну-лягушку!

Парни заржали, каждый взял по пластмассовой стреле. Стреляли по очереди и, как полагается, в разные стороны. Миксова стрела улетела во двор соседнего крепкого особнячка, Колесова упала в собственном дворе, а Косякова скрылась в осоке на берегу ближайшей речки.

Кореша застыли на мгновение, что-то изменилось вокруг: то ли воздух стал свежее, то ли видеть лучше стали, но в душах ребят странно потеплело. Правда, они ничего не поняли, только глаза вытаращили. А к ним уже подходили две знакомые девчонки.

— Ой, я в натуре торчу! — взвизгнул Микс.

Первой показалась красотка Анжела, дочка владельца ларька, в котором они обычно покупали пиво. Её крепкие ножки обтягивали модные лосины, на майке блёстками переливалась какая-то надпись на чужом языке. Девчонка нехотя шла прямо к Миксу и удивлялась, что ноги сами её к нему несут, будто кто на аркане тащит. Отдавая парню стрелу, Анжела ругалась на чём свет стоит:

— Послал же чёрт женишка! Такого «утырка» свет не выдывал, а делать нечего, сама хотела красивого да весёлого.

— Ну и чё? — хихикнул Микс.

— Ну и всё! Пошли, Мишка, к моему батяне знакомиться. Коль понравиться, разрешит отец с тобой гулять, а коли нет — напинает и выкинет.

Вторая девчонка Нинка из крайнего подъезда была похожа на воробыху: маленькая с пёстрым от мелких веснушек личиком, по-птичьи подвижная и болтливая. Нинка ничему не удивилась, отдала стрелу Колесу и повела его к своим родителям. Парней в их дворе, да и вообще в городе, было мало, так что она и этому обрадовалась. Если бы не глупая стрела и какое-то неясное чувство, которое посетило её всего минуту назад, сидеть бы ей в девках до морковкина заговенья.

Косьяк не дождался невесты и пошёл на берег реки искать свою стрелу. Среди осоки на кочке увидел он зелёную лягушку в платке и с игрушечной стрелой во рту. Ахнул Косьяк, но что-то ему подсказало, что это всерьёз. Делать нечего — сами затеяли игру с поиском невест, самим и расхлёбывать.

А лягушка вдруг заговорила человеческим голосом:

— По здорову ли живёшь, Константин?

— Ну, блин, ваще! Лягуха, а по-нашему базарит! — просипел Косьяк севшим от неожиданности голосом. — Чё ты, чё ты хочешь? Отвечай, овца!

— Я невеста твоя наречённая, а не овца, и кличут меня Евдокия-лягушка, попросту — Дуняша.

— Кончай парить, говори, откуда взялась?

— Как откуда? Ты что, сказку о Царевне-лягушке забыл? Сам же в мою сторону стрелу пустил, а теперь спрашиваешь. О себе могу поведать, что я не царевна, а деревенская деушка. Давным-давно жила я у батюшки своего в большой деревне. Я у тяти седьмая, любимая доченька была. Больше всех он меня баловал. Женихи в Оронами надо мной кружили, а я переборчива была, да и батюшка всё жалел со мной расставаться. Однажды пришла меня сватать за своего сынка злая баба — чистая ведьма. А я возьми да и откажи! Пришлось жениху оглобли поворачивать! «Ах, так! — жутким голосом закричала ведьма. — Быть тебе лягушкой мерзкой и жить в сырости до тех пор, пока не согласится взять тебя в жёны какой-нибудь ду..., добрый молодец!» В тот же миг превратилась я в лягушку и оказалась в вашем городе. Долго я женишка дожидалась, уж думала так и останусь лягушкой пупырчатой на веки вечные, а тут ты объявился! Видно, пришёл мой час, пора мне снова стать девицей Дуняшей и за тебя замуж пойти!

— Ты чё такая дерзкая? — попятился Косьяк. — Не спеши, зелёная! Мне ещё по ходу втюриться в тебя надо! Во расклад! И не отмажешься, придётся тебя с собой взять.

— Бери, Константин, не пожалеешь!

Взял Косяк лягушку в руки, пошёл, было, обратно, да поскользнулся на топком бережке, подвернул ногу и упали они в омут, где бил на дне святой ключ. Вода закружила, завертела Косяка и лягушку, бросила их на дно и сняла с заколдованной Дуныши лягушечью кожу, а мутную Костину душу омыла светлыми струями. И стала его душа чистой и прекрасной, какой дарована была ему при рождении. Вымыла святая вода из его памяти и те убогие гнилые слова, которыми он до сих пор пользовался. Человеку нужно за чистое слово держаться. За какое слово держишься, так и живёшь!

Константин и Дуныша неведомо как очутились посреди цветущего луга на тропке, бегущей к деревне, которая венчала собой высокий угор. Поднял глаза добрый молодец, а перед ним стоит ладная, голубоглазая дЕвица с русой косой. На ней белая рубашечка, цветастый сарафан, смотрит на него сияющим взором и тихо молвит:

— Какой же ты стал ладный да пригожий, Константин, жених мой наречённый! Пойдём скорее к батюшке, знакомить вас буду.

А Костя отвечает:

— И ты у меня хороша, словно майское утро, Дуныша! О лучшей невесте я и мечтать не мог.

Отвечает и ушам своим не верит, и сердце в восторге замирает, так чисто льётся его собственная речь. Взял парень девицу за руку и пошли они по тропочке через зелёный луг в деревню, большую и сказочно прекрасную. В той деревне бревенчатые избы с высокими крышами и рублеными коньками стоят плечом к плечу, словно солдаты в строю. Под окнами, изукрашенными резными наличниками, пышно кудрявится сирень, из густой листвы черёмух лукаво выглядывают лакированные чёрные ягоды и свисают над плетнями нежные рябиновые ветви. Позади каждой избы виднеется ухоженный огород. До самого горизонта протянулись полоски ржи и овса. Ближе к лесу начинают желтеть поля отцветшего льна. Смотрит Костя на эту красоту и не может насмотреться.

Улыбнулась ласково молодцу Дуняша и повела его к родительскому дому, который стоял на отлёте — самый большой в деревне, двухэтажный и богатый. Уже они подходили к плетню, когда Евдокию заметили маленькие племянники и с криком бросились ей навстречу:

— Дуня, Дунюшка вернулась! А с ней чужак! Уж не он ли её даве уташшил? Вор, буди: больно оболочка у его подозрительна!

— Кличьте дедушку, робятки! — засмеялась Дуняша. — Это не вор, а жених мой наречённой, он меня от беды спас.

На шум передняя дверь отворилась, на пороге показался высокий худой старик. Увидел он Дуню, распахнул руки и бросился к ней:

— Доченька, дитятко моё родимое! Воротилась — счастье-то какое! Уж мы горевали-печаловались, думали, сгинула ты безвозвратно. И не было-то тебя всего сутки, а для родительского сердца всё равно, что сто лет минуло!

— Здравствуешь, сударь-батюшко! — поклонилась отцу Дуняша, — Дозволь слово молвить. Как околдовала меня ведьма проклятая, чудом оказалась я в городе. Там время течёт по-другому — на сто лет вперёд, и жила я на речке в лягушачьем обличье ждала, когда какой-нибудь добрый молодец признает своей невестой. Вот и дождалась, пришёл за мной Константин. А как в руки взял, пали мы в речку и омыли нас воды святого ключа. Сошло с меня заклятье, в образе человеческого вернулась я домой вместе с женихом. Прошу любить его да жаловать.

Поклонился Костя батюшке в ноги и спросил его:

— Как звать тебя величать, милый батюшка?

— Величают меня Андреем Логиновичем! А ты — Константин, стало быть, постоянный! Хорошее имечко, надёжное.

— Отдай, свет Андрей Логинович, дочку твою Дуняшу за меня замуж. Век буду ей верным мужем, а тебе сыном.

— А скажи-ко, Константин, по силам ли тебе семью кормить да одевать, малых детушек поднимать и воспитывать? Сможешь ли жить в крестьянской общине? Наша жизнь строгая, много-

трудная, чистая! У нас не пьют зелена вина, только домашнее живое пиво и то по великим праздникам да понемногу. У нас живут с жёнами до последнего часу в любви и согласии. Детей воспитывают в трепете перед старшими, в труде да в строгости. Осилишь ли?

— Если научишь и поможешь, батюшка — не убоюсь, смогу! Буду жить, как все. Обещаю старших слушаться, жену любить, тестя и тещу почитать, как родных отца с матушкой.

— Что ж, согласен я отдать за тебя дочь, — отвечал Андрей Логинович.

На том и поладили. И началась у Кости новая жизнь. То он с батюшкой ранним утром на телеге в луга едет — учится по росе травы косить, то привыкает топор в руках держать — брёвна с братьями невесты тешет, и сруб новой избы кладёт. Ни минутки попусту не проводит, всё в трудах да в хозяйственных заботах. Дуня же, если не знает Константин, что дальше делать, подскажет, где сил ему не достанет, поможет. А ещё ягодиночкой да светиком Костю зовёт, сердцу в радость.

От крестьянской работы развернулись у Кости плечи молодецкие, в руках и ногах такая сила взялась, что, кажется, горы бы своротил. Скоро признали его в деревне своим, полюбили за трудолюбие и добрый нрав.

Таковым побытом всё лето протянулось, уж и богатая дарами осень нагрянула. Уборка урожая закончилась, и наступила в деревне пора свадеб. Дуняша с матушкой приданое приготовили — сундуки с новой одеждой и постельным бельём, посуду всякую. Андрей Логинович с Костей и сыновьями рядом с отцовским домом новую избу изладили.

Как-то раз пошли Евдокия с Костей вечерком погулять. Небо над ними звёздный шатёр раскинуло, запоздалые цветы ароматами голову кружат. Приблизились они к своей любимой речке, обнял Костя невесту, потянулся её поцеловать да поскользнулся на топком бережке и упали они в омут, где бил на дне святой ключ. Вода закружила, завертела их и вернула в город, на то

самое место, откуда всё началось. Посмотрела Дуня на жениха своего наречённого и молвила:

— Чему быть, того не миновать, свет мой Костенька. Знать, судьба наша такая. Не зря лягушкой попала я в город в ваше время, предстояло мне научить тебя крестьянскому труду, показать, какая деревня была раньше и где крестьянину жить следует, если хочет он быть счастливым, здоровым и богатым.

Пришли Костя и Дуняша домой, челобитье Костиным родителям справили, потом поздоровались в охачку. Рассказали, им на удивление, свою сказку от начала до конца. На другой день расписались в загсе, обвенчались и уехали в заброшенную родительскую деревню, где и зажили припеваючи.

Друзей с собой звали: земли-то свободной вокруг много всем хватит. Однако дружки Костины дома остались и продолжили свою городскую жизнь.

У нас говорят: «Бог даст и в окно подаст, сам не возьмёшь!» А Миксу Бог в окно не подал, пришлось потрудиться. Отец Анжелы — ещё не старый крепкий мужик, хоть и не очень обрадовался такому зятю, как Микс, но дочку за него замуж выдал: своего-то сына у него не было. А потом с азартом принялся за его воспитание, где словом, а где и делом. Быстро к работе зятюка приставил — товар грузить-разгружать, с базы в ларёк возить, а впоследствии торговать доверил. Главное — научил Мишку цену деньгам знать, счёт им вести и не транжирить понапрасну.

Нинка с Колесом тоже обженились и живут свой век, в точности как их «черепа», — родили деток, на первое время остались в старом доме. Колесо под нажимом родственников выучился на токаря и пошёл работать на подшипниковый завод. Там дисциплина железная, чуть что — выговор, второй — и штраф! А без денег чем детей кормить? Пришлось Колесу стать сначала Пашкой, потом Павлом Колесниковым, а, когда во вкус вошёл, уважаемым Павлом Ивановичем, начальником смены. Получил он квартиру от завода и купил в кредит «Ладу-Калину». Ездят

они теперь с женой и чадами в гости к Константину в деревню на клубнику да свежую картошку.

Однажды решил Костя навестить старых друзей в городе. Шёл он по родному переулку мимо трансформаторной будки, как вдруг, откуда ни возьмись, на пути встала давешняя старуха с буханкой чёрного хлеба подмышкой. Глянула она на Костю и молвила:

— Вишь, парнёк, как тебя святая вода, любовь да старая деревня преобразили! Так что, милоч, Бог есть! Помни об этом!

Сказала и исчезла, как не бывало.

Тут и сказке конец, кто слушал — молодец, а мне мёду корец!

СТОЛИЧНАЯ ШТУЧКА

(Сатирическая фантазия)

*В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зелёная была...*

Ёлочка стояла посередине маленькой уютной поляны и кастерилла всех на чём свет стоит:

— Провинция непролазная! Гады ползучие! До каких пор я, такая юная и прекрасная, общительная и модная, почти столичная штучка, должна торчать в этой дыре. Кругом серость, бытовуха! Лес чапарыгой зарос. Никто и веткой не шевельнёт его расчистить, чтобы все видели мои достоинства. Осины — брёвна этакие, болтают без передышки, отдыхать мешают. Да ладно бы о прекрасном — обо мне, например. Так всё о каких-то гнилых грибах, о грязной воде и о семейных отношениях зайцев. Фу! А уж как одеваются?! То в зелёное, то в красное, то в жёлтое! Никакого понятия о классике, о трендах сезона!

(Тут она повела вечнозелёным плечиком.) Ольху с ивой так паутиной затянуло, что не поймёшь, сколько им лет — то ли морщины старческие, то ли паучьи дорожки по рожам протянулись. А туда же. Сплетничают обо мне с утра до вечера — ни одного доброго слова от них не слышать. Сосны — воображалы, делают вид, что навеки задумались, а сами, дуры, дрыхнут с утра до вечера и с вечера до утра. Звери между собой постоянно грызутся, жрут всякую падаль! На болотах вонища — не продохнуть. Каждый мелкий зверёныш норовит мне пакость сделать: то корешки подгрызут, то под нижнюю ветку нагадят. Уеду! Брошу всё и уеду!

Давеча сорока на хвосте новость принесла: в столицах, мол, ёлочки в цене. Все ими восхищаются, к Новому году готовят, прелестными игрушками украшают, песнями славят и подарки под них складывают. О, как я хочу такой жизни, я достойна её, я...

Не успела ёлочка договорить, как заезжий мужичок срубил её под самый корешок.

Теперь она нарядная на празднике стоит, только не дышит больше столичная штучка наша и молчит. А когда иголки засохнут — выбросят её на помойку...

ТОЖЕ МНЕ КРИЗИС! А НЕ ПОПИТЬ ЛИ НАМ ЧАЙКУ, РЕБЯТА?

(Ироническая выдумка на злобу дня)

Кризис называется! Кризис — это когда зайдёшь в магазин, а там пусто, и у людей, как говорится, зубы на полке. Какой у нас кризис, я поняла, когда возвращалась из Питера в Вологду в плацкартном вагоне. Вологжане в поезде, по всему видать, к ночи оголодали: ложками возят, только боркоток стоит! Продукты вином запивают да чайком балуются, будто бояться, что

нынешний сытный кризис сейчас кончится и опять, как прежде, придётся за продуктами в столицы метаться!

Рядом со мной небольшое семейство обосновалось — муж с женой, обоим за пятьдесят, и высокий, плотный старик, как потом выяснилось, отец жены, с ними кошечка в поноске. Люди как люди, кошка как кошка, но очень уж мне спать хочется. В общем, лежу на полке, в их дела не встречаю. Да куда денешься: мне сверху видно и слышно всё.

— А не попить ли нам чайку, папка? — нарочито бодро спросила женщина, как только поезд тронулся.

Она то и дело обращалась к отцу с разговорами и всё время называла его папкой. Старик был глуховат, и связь между ними по большей части сохранялась односторонней. Не дождавшись от папки ответа, женщина достала из-под полки объёмистую сумку, вскрыла её и ну метать на стол всякую всячину: хлеб белый и чёрный, большой кусок запечённого мяса, огурцы и помидоры, орехи, сушёные яблоки, шоколадные конфеты и чай в пакетиках. На верхосытку к чаю был подан торт из магазина. Ну, полный... кризис!

Тут надобно сказать, что ехать им предстояло всего лишь до Бабаева, то есть шесть часов с половиною. Можно бы и чаем с хлебцем обойтись. Да куда там, почти всё слупили! Спать утолклись только в полдвенадцатого.

Оглядевшись, однако, поняла, что кризис набирает нешуточную силу не только в нашем купе, но и во всём вагоне!

Вижу на боковых полках напротив снизу — старушку, а сверху — молодого парня. Бабулька осторожно жуёт вставными зубами домашний пресновик, вологодский пирог с картошкой. При этом она, как заправский тинэйджер, запивает его кока-колой из поллитровой бутылки. Вот тебе бабушка и связь времён с поколениями!

Джинсовый парень на голой верхней полке с наслаждением поглощает гамбургеры и чизбургеры, сдабривая их сладкой газировкой.

В середине вагона стоит ровный шум весёлой беседы, время от времени прерываемый здоровым молодецким ржанием. Там следуют домой дембеля и, конечно, отмечают это событие, повышая градус общения соответственно градусу того, что они пьют. Эти ребята ничего не едят, но выпили уже изрядно и спать не собираются.

Да и проводница с десяти до одиннадцати мечется по вагону и, кроме чая с кофе, предлагает пассажирам свежую пиццу и горячие ужины из ресторана.

В полудрёме мне кажется, что весь поезд, наполненный жующими, пьющими и спящими туда-сюда людьми, — это живое существо, сытое, пьяное и весёлое. Довольнёненькое, оно бездумно летит со своими пассажирами вперёд вне времени и пространства.

Ровно в три часа утра мои соседи дружно засуетились, и дочка бодрым утренним голосом в последний раз крикнула на ухо деду: — А не попить ли нам чайку, папка?

И они ещё раз попили и ещё раз поели: сумка, видимо, была бездонной.

Мы остановились в Бабаеве в половине четвёртого утра. Поезд нехотя простился с моими попутчиками и с кошкой. «Ну, вот теперь-то я посплю», — подумала я, закрыла глаза и немедленно провалилась в глубокий сон.

Во сне передо мной открылась волшебная дверь, и солнечный свет залил всё вокруг. Я увидела мчавшийся по голубым рельсам паровоз, который тащил, пыхтя и отплёвываясь белым паром, длинный-предлинный поезд. А я — внутри этого поезда, только маленькая еду вместе с молодыми мамой и папой, с братом и сестрёнкой на юг. У родителей — отпуск, а у нас — каникулы, и мы все вместе, такие свободные, радостные и счастливые, путешествуем к Азовскому морю. Стучат колёса на стыках рельсов, наш вагон заносит на поворотах, он качается, баюкает меня. О, как чудесно это ощущение быстрого движения! Тёплый ветер врывается в открытое окно, я лежу на верхней полке и не

отрываясь смотрю, как убегают вдаль, меняясь непрерывно, картины леса, полей, рек и полустанков. Я знаю, что впереди нас ждёт мелкое, тёплое и солёное море, белый, горячий песок, малюсенькие завитые ракушки, которые я буду нанизывать на нитку, и ракушки-блюбочки с перламутровым доньшком. Мы будем жариться на солнце, ловить в море бычков; обливаясь сладким соком, будем есть спелые арбузы и дыни, груши и абрикосы. А мама будет кормить нас невероятно вкусными южными обедами. Борщ, вареники с вишнями и домашнее мороженое — у нас на севере ничего этого нет, поэтому и фрукты, и мамины обеды кажутся нам сказочно вкусными и богатыми.

В дороге в предвкушении чуда мы тоже много едим. Мы выходим на перрон во всех крупных городах, и мама покупает всякую всячину — варёную курицу, яйца, малосольные огурцы, помидоры, яблоки и орехи. Мы едем двое суток, и по мере приближения к югу фрукты и овощи на остановках становятся всё дешевле, их уже продают не кулками газет, а вёдрами! И мы просто объедаемся яблоками и абрикосами. Мама смеётся и останавливает нас, чтобы животы не заболели. У нас всё впереди...

Меня разбудил внезапный гудок электровоза, последовал резкий толчок, за ним торможение — и мы прибыли в Вологду. Я проснулась, но ещё не отошла от очарования сна; мне даже казалось, что от подушки пахнет спелой дыней. «Как странно, — думала я, — в советское время мы не всегда были сыты, у нас не было модной одежды, секса, кризиса, да много чего ещё не было, но мы были счастливы! Или нам так казалось».

«Разруха начинается в головах», — устами профессора Преображенского в «Собачем сердце» говорил мой любимый писатель Михаил Булгаков.

Кризис начинается и живёт там же, добавлю я.

И мне захотелось созвать гостей, усадить их за щедро накрытый стол, как это исстари ведётся у нас в России, и, несмотря на кризис, весело сказать:

— А не попить ли нам чайку, ребята?

КОША

— Как надоело жить! — стонал Кощей Бессмертный, лёжа на скрипучем диване в своей панельной «однушке» на окраине города N. и с ненавистью слушая последние новости. Изображение едва просматривалось сквозь рябь на экране старинного телевизора марки «Рекорд».

— Разве это жизнь? — причитал он. — Никто меня не боится, прозвали унижительной кличкой — Коша! В волшебном прошлом невозможно было представить, чтобы кто-нибудь позволил себе такую фамильярность! Никогда! В старину я был неуязвим: тело крепче стали, зубы как у молодого волка, сила в руках немереная — подковы гнул, ноги выносливее, чем у Конька-горбунка, глаза острые, как у Ильи Муромца, голос громче, чем у Соловья-разбойника! И был я воплощённым злом, готовым покорить весь мир и править им. И не было мне соперника, кроме Ивана-дурака, да и тот полез со мной сражаться только потому, что ничего обо мне не знал, а то бы непременно сдрейфил. К тому же он со мной до конца не справился, это только в сказке наврали, что я помер, хотели слабость свою прикрыть. А я до сих пор живее всех живых!

Другое дело, что жизнью это назвать нельзя! Что сделали со мной супостаты-людишки! Сначала убили веру в меня у добрых молодцев, а вместе с нею — и страх перед моей мощью и непобедимостью. Потом и сами добрые молодцы исчезли с лица земли Русской, остались одни парни да мужики, а с ними как-то даже и связываться неохота: не мой уровень! В общем, враг измельчал! И пошло-поехало — красные девицы с охотой за меня замуж пошли, несмотря на то, что я страшный, лысый, тощий и бессмертный. Сочли, что так даже лучше, был бы несметно богат, а за любовь к молодым парням шастали. Этого я не стерпел и отказался от девиц на веки вечные. Думал, буду радоваться жизни в одиночестве. Ну, и запил, конечно, как всякий нормальный Кощей. Запил широко, по-русски, на пару сотен лет примерно.

А в результате? Телом ослаб, руки меч не держат, ноги трясутся. От современной еды зубы сгнили и выпали. Глаза из-за телевизора и компьютера ничего не видят, голос стал скрипеть, как пластинка заезженная! А о том, чтобы мир покорить, даже не мечтаю! Был мировым злом, а стал злобным брюзгой, старикашкой немощным. Никому-то я теперь не нужен и девушки меня не любят! Подскажите, люди добрые, к кому обратиться, чтоб с жизнью моею никчемной проститься?

Никто не ответил Коше, только ветер по крыше пробежал да за окном бездомная собака завyla. Заплакал Кощей Бесмертный, бочком протиснулся в книжку со старыми сказками, распластался с грозным видом на тринадцатой странице, приосанился и замер навек. К нам больше носу не кажет. Туда ему и дорога.

ГРАНИЦА, или ХРЕН РЕДЬКИ НЕ СЛАЩЕ!

Мирно спит хуторок в лесу — затерялся среди сосен и ёлок. Рядом бежит просёлочная дорога, а за нею виднеется лужайка, заросшая полевыми травами и цветами. На хуторе — всего одна бревенчатая изба, окружённая старательно возделанным огородом. На нём — ровные грядки овощей и теплица.

Дорога, отделяет прибранный огород от давно не кошенного, местами заболоченного луга. Со стороны лужайки вдоль дороги тянется неглубокая канава. Жители огорода, культурные овощи, называют свою территорию Грядландия, для краткости — Грядки, а дикие травы гордо именуют свою луговую сторону Канавские острова, в простонародье — Канавы. Для них дорога — Граница, она отделяет их государства друг от друга.

С приходом утра из-за деревьев показался краешек солнца, лучами раздвинул завесу ночных сумерек и залил золотисто-багряным светом Канавы, Грядки и Границу.

— Хороший нынче будет денёк у нас на Канавах, — потянулась луговая Повилика и нежно обвилась вокруг стебля высокого Пустырника. — Кончай ночевать, проспишь всё самое интересное!

— Да что тут интересного, каждый день одни и те же физиономии, — заворчал Пустырник. — Я ещё понимаю — Иван-чай, этот хоть такой же высокий, как я, и смотреть на него приятно: всегда рядом, весь в цветах и мёдом пахнет. Мята полевая тоже ничего, на меня похожа. Правда, ростом не вышла, мелковата и зубным порошком от неё несёт. А так — и цветёт, как я, и в лужи смотрится, как я, и на ветру вертится, как я. Ещё уважаю Лопуха с Чертополохом, они — высокие и мощные. Я их даже слегонца побаиваюсь: такие рядом вырастут — всю воду из-под ног высосут, а лопух так и от солнца загородит. А Крапива, Мать-и-мачеха с Одуванчиком, Клевер, Пижма, Сурепка да Кашка — сплошь сорная трава! Только под ногами путаются!

— Дорогой, ты недооцениваешь Крапиву! Она — чудо, какое растение: темпераментная, жгучая, а какой у неё насыщенный зелёный цвет, сколько в ней силы, активности, желания занять как можно больше места!

— То-то и оно. Куда ни глянь на самых хороших местах, где земля мягкая да питательная, Крапивища укрепились. Мало ей места у дороги, так она норовит и нас из Канавы вытеснить. Только кто ей даст, меня так просто с места не сдвинешь, я и сам кого хочешь выживу. Посмотри, сколько пустырника растёт в нашем захолустье вдоль Границы и по всему лугу!

— Видишь, и ты ещё на крапиву обижаешься. А чем тебе Мать-и-мачеха с Одуванчиком не угодили? Мать-и-мачеха каждую весну первая зацветает. Только-только снег сойдёт, а она уже золотыми глазками подмигивает, будто говорит: «Весна пришла, пора, друзья, на свет вылезать, стебельки и листочки солнечным лучам подставлять, силу копить». И так это радостно на душе ста-

новится, думаешь: «Вот, мой Пустырник выйдет на свет Божий, к солнцу подтянется, и я из земли поднимусь, обниму его крепко, и заживём мы с ним, как прошлым летом, в полном согласии!»!

— Ты и правда обо мне даже под снегом думаешь?!

— А как же? Я без тебя жить не могу: в моём тонком стебельке силёнок не хватает, чтобы до света дотянуться. А ты всегда готов подставить своё крепкое мужское плечо!

— Да я, да за такие слова, — растрогался Пустырник, — готов даже с этим задавакой Одуванчиком примириться. Он сразу за Мать-и-мачехой появляется, да в таком количестве... Куда ни плюнь, там Одуванчик сидит, головёнкой вслед за солнцем крутит, всем понравиться норовит. Только и слышно со всех сторон, что и «золотой» он, и «медовенький», и первый красавчик на Канавах! А этот красавчик непрост, ох непрост! Как только отцветёт, весь луг пушистым семенем засыплет, чтоб на следующую весну ещё больше одуванчиков выскочило. Тогда уж совсем от него никому житья не будет!

— Зря ты так! Одуванчик, конечно, любит принарядиться и прихвастнуть, но это он для пчёл старается, а в душе — простой и общительный малый. Пчёлы, между прочим, к нему первому летят, и мёд от него получается вкусный, прозрачный и с горчинкой.

— Может, скажешь, что и Сурепка — медоточивая девчонка?! Да этот сорняк из-за каждой травинки выглядывает: мелкий, жёлтый и наглый!

— Да, Сурепка — тоже медонос и не наглый, а живучий. За Границей в Грядландии её даже специально выращивают, чтобы пчёлам было, где пыльцу и нектар собирать. А уж Клевер какой сладкий! Его вместе с культурным горохом для пчёл культивируют. И сено из него получается просто объеденье — коровы за него готовы всё молоко отдать!

— Ой, «куль-ти-ви-руют»! Раз уж ты такая умная и всякие мудрёные слова знаешь, скажи: чем твои соседки Пижма и Кашка славятся?

— И скажу! У нас на Канавах Пижмы столько, что её можно в промышленных масштабах заготавливать и лекарства из неё делать. Она сердечникам очень полезна.

— И откуда ты всё это знаешь? Университетов вроде бы не кончала!

— У нас тут один университет — луговой: травы круглый день между собой шепчутся, новости друг другу передают, а вестник-ветер разносит их по всей округе. Я же всегда на самом ветру, как антенна, у твоей головушки качаюсь, слушаю да на кудрявый ус мотаю! Вот недавно от белой Кашки узнала, что Пижма о своей красоте и пользе думает.

— Это такая длинная, тощая и в жёлтой шляпке, да?

— Скажешь тоже! Пижма — красавица! Высокая, стройная, жёлтые цветочки на корзинки похожи и собраны в пучок. У неё ещё фишка такая есть — пахнет приятно, но резко, поэтому её все насекомые боятся, даже комары, а уж про бабочек и мух я не говорю. А ещё у неё листочки на рябиновые листья похожи. За это её «дикой рябинкой» называют, и она этим очень гордится: не каждую травку с деревом сравнивают! Ну, Кашку ты, конечно, знаешь — вон она, рядом с Сурепкой стоит: невысокая такая, стебелёк прямой, листочки почти как у Пижмы, только мелкие и тонкие, а сверху соцветие белых или розовых цветков, на щиток похожее.

— Да, Кашку я знаю, мне её скромность и тихий голос нравятся. Она никуда не лезет, на чужую территорию не претендует и нос в чужие дела не суёт.

— Она ещё людям животы лечит — клад, а не травка!

— Добрая ты, Повилика, все у тебя красивые да полезные. Что же ты о себе ничего не расскажешь, или это секрет?

— Не люблю хвастаться. Я незаметная, всегда в чьей-нибудь тени живу. В твоей, например...

В этот момент солнышко окончательно встало и осветило оба растительных государства и Границу. Тут же все травки повернулись лицом к Грядкам и с завистью вздохнули, а Пустырник проворчал:

— Живут же некоторые! Вы только посмотрите на Грядки, какой порядок, уют и благоденствие! Морковки в земле сидят стройными рядами да кудрявыми хохолками покачивают. Крутобокая Свёкла вся в соку — даже зелёные листья бордовыми сосудами пронизаны. Красота — глаз не отвести! У Капусты нижние листья губой загнулись, верхние, как кулачки, в кочаны туго свились; кажется, сейчас от сытости лопнут! Молодая картошечка окучена, не по дням, а по часам наливается. Вечером всю эту братию навозным коктейлем подкормят, сверху из леечки освежат, прополют и за то, что быстро растут, по головке погладят! И будут они друг перед другом бахвалиться, кто самый съедобный да витаминный!

Развесистый Лопух от негодования листьями всплеснул и воскликнул:

— Меня хоть бы раз в жизни кто приласкал да покормил, я бы выше их забора вымахал! А тут только и слышишь: «лопоухий», «колючка», «весь свет загородил!» Между прочим, корни у меня не хуже картошки, даже слаще и мучнистее, а молодые листья вместо салата можно употреблять.

— Да, да, — подтвердил Чертополох, — мы с Лопухом давние соседи, я всё про него знаю!

— Спасибо, дружище! Жаль они о нас с тобой ничего не знают, и знать не хотят. А ведь ты тоже не лыком шит! С виду колючка колючкой, а известный медонос, из твоего нектара пчёлы самый вкусный мёд делают, — поблагодарил соседа Лопух, приосанился и продолжил: — Эти иностранцы из Грядландии — страсть, какие заносчивые, а всё потому, что сытый голодному не товарищ! Пожили бы, как мы, вместе с лягушками в канаве по колено в стоячей воде, в голоде, в холоде и в обиде! Я сколько на Канавах живу, столько хочу за Границу перебраться, чтобы и у меня все удобства были, охота сытой жизни попробовать. Почему их все знают и уважают, а нас никто не ценит? Мы тоже съедобные, тоже витаминные! Почему им всё, а нам ничего? А ведь мы здесь до этих окультуренных

появились, сотни лет людей кормили, кто вершками, кто корешками. Да ещё и лечили!

— Людское племя добра не помнит, — прошептала лекарственная Ромашка, которая жила у самой Границы. — Мы им всегда себя целиком отдавали со всеми цветками, листьями и кореньями, а они о нас и наших полезных свойствах нынче забыли: химией лечатся, а потом удивляются, почему она им мало помогает! Того не хотят понимать, что травы сами из Земли-матушки силы черпают без посторонней помощи, а потому полны сил и здоровья и другим исцеляться помогают! А химия что — она из пробирки, чистая, но вредная, от одного помогает, другое калечит!

Но её тихого голоса никто не услышал.

— Хотим за Границу, хотим, хотим! — хором кричали жители Канав и даже пытались подпрыгивать, да корни мешали...

Между тем на Грядках митинговали культурные овощи. Морковка, Свёкла и Капуста смотрели со своих высоких грядок в сторону Канав, возбуждённо делились впечатлениями и обменивались мнениями.

— Ах, как надоело это однообразие! — ворчала самая крупная и толстая Морковь. — Утром поливка, перед обедом прополка, вечером подкормка и снова поливка, и так без конца! Никто с нами не разговаривает, поощрений никаких. Изредка хозяин доброе слово проронит — в этом году морковь будет хороша, и всё! А мог бы на конкурс красоты отправить. Я от знакомой Петрушки слышала, что такие каждую осень в городах проводятся, — тут она мечтательно закатила глаза и воскликнула, — ах, в городах! А здесь о наших качествах, вкусе и внешности — ни словечка! А ведь мы с вами, девочки, не только красавицы, но и полны витаминных соков, минералов и полезной клетчатки. Да нам цены нет! Уж если по-настоящему не ценят, так пусть хоть за нашим здоровьем лучше смотрят. Хозяин, видите ли, за всеми следить не успевает! Зато с помидорами и огурцами в теплице болтает с утра до вечера! За мной, может, тоже особый

присмотр нужен. Где лечение от серой гнили, нематоды, где охрана от вредителей? На меня, сладкую, кто только не покушается: и голые слизни, и медведка, и морковная муха, и тля! А проволочник! Этот подлый вредитель всем овощам своими ходами корешки портит — мне, Свёкле, Картошке и даже Капусте.

— Вот именно, — поддакнула Свёкла, — меня те же вредители мучают, да ещё свекловичные мушки и блохи. Какая гадость эти блохи!

От возмущения она ещё больше покраснела и сердито проговорила:

— Ты, Морковка, ещё мышей и кротов забыла. Эти отпетые негодяи самые спелые и вкусные корни выбирают — подгрызут и бросят, а хозяин вместо того, чтобы с ними бороться, сердится. И эта невыносимая теснота! Прореживают нас с тобой, прореживают, а всё равно места мало. Вы только взгляните на Канавы: какой там простор, какие перспективы, так и хочется уехать туда за Границу, чтобы хоть раз в жизни выпрямиться, расправить плечи, полной грудью вдохнуть вольный воздух.

Капуста, которая славилась широтой политических взглядов и смелостью мысли, скрипнула тугими листьями и заявила:

— А мне в этой несносной Грядлашке неравенство надоело! Правду Морковка говорит: неженок, помидоров и огурцов, в теплице холят и лелеют, а нас простаками считают, за второй сорт держат. На сквозняках, под дождём, под палящим солнцем морят! Я, может, тоже в теплице произрастать желаю! Вот на Канавах — настоящая демократия, там все равны! Все братья и сёстры! Без теплиц — так все без теплиц! Как свободно они передвигаются по своей территории, растут, где хотят, дружат, с кем хотят, болтают, о чём хотят! Они могут критиковать кого угодно, а мы? Попробуй что-нибудь этакое про хозяина сказать, живо поливать перестанет! Сделает вид, что забыл! А у них, представьте, вообще хозяина нет! Мне об этом один Хрен по секрету сказал: он у забора растёт и всё, что на Канавах происходит, своими глазами видит и своими уша-

ми слышит. Оказывается, и заборов у них нет, и заповор нет. Опять же у них весело — птички с утра до ночи поют, трава под ветреные песни западного ветерка танцует. И ни одного сумасшедшего Петуха в округе! А у нас Петух круглые сутки орёт, как подорванный! Говорит, что это рок, музыкальный стиль такой! Может быть, и рок, потому что ни слов не разобрать, ни мелодии. Скучно! И болезни меня мучают, и вредители — не меньше, чем вас, девочки. Взять, хотя бы голых слизней. Не заметит хозяин — к осени они мне все листья продырявят и запачкают, а я товарный вид потеряю. Муха капустная и бабочка капустница тоже по хозяйскому недосмотру надо мной издеваются. И вообще, хватит нам терпеть несправедливость и халатность, призываю всех собраться на митинг у забора на тему: «Долой неравенство, хозяина вон, овощам свободу выезда за Границу»!

— А не слишком ли радикально это звучит? Может, как-нибудь мягче тему сформулировать, типа: «Призовём хозяина к порядку, пусть он чаще ходит к нам на грядку!» — примирительно пискнул Горох.

— Неплохо! А сейчас-то что делать будем? — настаивала на немедленных переменах Свёкла.

— Эврика! Придумала! — воскликнула Морковка. — У многих наших по ту сторону Границы родственники есть. У меня — Морковник, высокий, красивый, морковным парфюмом от него пахнет, правда, на этом сходство и кончается. У Гороха родственник — Мышиный горошек, мелкий, усаый, стручки с горошинками крошечные, смешные, но совсем неглупый парнишка и приветливый такой. Как наш Горох, с друзьями и родными всё время обнимается. Сурепка — дальняя родня нашей красавицы Репы. Вон сколько своих у нас за Границей. В солнечный денёк у забора мы можем с ними о встрече договориться, а там и до обмена специалистами и до взаимных туристических поездок недалеко...

Картошка лениво слушала эти разговоры, удовлетворённо дремала и никому не завидовала. Про неё Свёкла сплетиича-

ла, что, дескать, она деревенщина и таких слов, как «демократия», «свобода» и «равенство», не знает, а потому с неё и взятки гладки. Ошиблась матушка! Картошка потому молчит, что знает: её-то исторические клубни находятся в дальнем зарубежье, за Океаном. И она может не то, что на Канавы, а в Америку спокойно уехать. Только это ни к чему, ей и здесь хорошо.

Помидоры с огурцами на болтовню простых овощей не реагировали, гордились своим иностранным происхождением: они тоже приехали сюда из дальних стран, хоть и давно это было. Но им часто снилась Родина: Помидорам — жаркая Южная Америка, а Огурцам — не менее жаркая Индия.

Однако до переговоров, обмена специалистами и взаимных туров так дело и не дошло: вечером притащилась к ним с севера толстая сизая Туча и пролилась на землю шумным ливнем. По обе стороны Границы все умиротворённо затихли и уснули.

Овевшие золотыми снами, счастливые травы видели себя на Грядках сытыми, ухоженными и нарядными, а овощи, кроме Огурцов и Помидоров, во сне резвились в поле на свободе, танцевали и пели вместе со свежим ветром. А их хозяин стоял на коленях посреди этой весёлой толпы и умолял вернуться, обещая всё простить и всех поселить в теплицы.

Похудевшая Туча улыбалась и думала: «Вот глупые растения! Кому завидуют, о чём мечтают?! Ведь всем известно, что там хорошо, где нас нет! И кому же, как не растениям знать, что хрен редьки не слаще!»

И она поплыла в сторону дальнего озера — влагой напитаться. Может, ещё кому-нибудь освежающая горячие головы мощь потребуется...

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец!

ДНЕВНИК ДОМОВОГО САНИ

(Научно-фантастический рассказ)

«Что бы это могло быть?» – подумал робот-хранитель Альберт, или попросту Алик, доставая из кучи бумажных носителей информации пыльный предмет. Никому не нужные книги, тетради и документы ждали своего часа в запасниках ИКПЦ (историко-культурного просветительского центра) со времён массового перевода библиотек в электронный формат. Центр занимал двадцатипятиэтажную башню на радиальной улице, от которой в разные стороны разбегались дороги и движущиеся тротуары по направлению к предприятиям, зелёным спальным районам, учебным и оздоровительным заведениям.

Люди получали теперь всю необходимую информацию здесь, в ИКПЦ. Бумажные носители, имеющие историческую и культурную ценность, были давно оцифрованы и хранились в электронном виде в гигантской памяти матричных компьютеров центра. Студенты, школьники, специалисты, просто любители почитать в тишине и в приятной обстановке приходили сюда получать знания. Но большинство людей запрашивало их через Сеть. В запасниках хранились лишь те книги и записи, которые вызывали у роботов-хранителей сомнения в необходимости их оцифровки. Время от времени Алик и ещё несколько роботов разбирали их, а затем отдавали наиболее интересные на экспертизу специалистам.

– Вот ведь штука какая, – бормотал Алик, так и этак поворачивая неопознанный предмет, – ни на ней, ни в ней нет никакой информации, совершенно чистые листы! А должна быть, шестым уровнем дешифровки чую, что здесь кто-то из далёкого прошлого руку приложил.

Робот поднёс предмет к датчику определения химико-биологического состава и уловил непривычный сигнал: едва уловимый

след белка, напоминающего органическую жидкость под названием «молоко». Чистая органика ни в питании, ни в промышленности давно не применялась. Порывшись в собственной электронной памяти, Алик нашёл сведения о древних невидимых человеку объектах, любивших молоко, а затем место и время их соприкосновения с неопознанным предметом. До технологической революции и вплоть до конца двадцать первого века эти объекты жили вместе с людьми, помогая им оберегаться от неких враждебных сил. «Что за чудеса?» — подумал Альберт и нажал на встроенной в левую руку клавиатуре кнопку «Показать». Перед ним тотчас, словно живое, возникло голографическое изображение того, что происходило в январский сочельник двести лет тому назад.

На голограмме сначала появилось здание старинной библиотеки, затем развернулось помещение читального зала, по которому кто-то медленно и задумчиво прохаживался мимо столов и стульев. В информационном разделе «Легенды и мифы славян» этот кто-то числился библиотечным домовым. В файле «Город X» указывалось место его работы — «Молодёжная библиотека», а также имя — Михаил.

Медитации библиотечного внезапно прервались появлением похожего объекта, который проходил в списке как бытовой домовик Саня. Он был одет как в старой сказке: в лапти с онучами, чистый армячок и картуз, что говорило о его почтенном возрасте. «Судя по одежке, ему не меньше пятисот лет», — подумал робот. Подмышкой Саня держал точь-в-точь такой же, как у Алика, предмет, но совершенно новый и чистый. Домовик называл его дневником. В этот момент он объяснял Михаилу, что начал писать дневник недавно и использовал в качестве симпатических чернил молоко, чтобы не каждый досужий мог прочитать его записи. Ёмкая память Алика подсказала ему, что невидимые молочные чернила следует нагреть и тогда содержание написанного откроется.

«Вот оно что!..» — прошептал робот, бережно поднёс дневник к электронному обогревателю и ахнул: на бумаге чётко проступили записи...

Дневник

«Сего дня, 1-го апреля 2016 года, я, домовый Саня, решил начать дневник в связи с постигшим меня горем: владелица старой деревяшки по улице Благовещенской, швея-мотористка на пенсии, Серафима, забыла позвать меня с собой при переезде на новую квартиру. Всю давешнюю неделю она суетилась, собирала *вещи*, упаковывала чемоданы и коробки, а про меня и не вспомнила! Накануне переезда, прячась от шума и пыли, я забился в подпечье и от сильных переживаний крепко уснул. Мне приснился сон, будто я помер и попал на тот свет. На том свете оказалось страшно тесно. Что-то холодное и скользкое жалось ко мне со всех сторон, было жутко и противно. Я отбивался от этого чего-то ногами и руками, беззвучно кричал. Проснувшись в слезах, в поту и с бьющимся сердцем, я выпал из подпечья в опустевшую комнату... Боже! Один, совсем один — впервые за два столетия! Я плакал от отчаяния, и слёзы скользили по щекам, застревая в бороде. Неблагодарная Серафима! Шестьдесят лет вместе! Я ли не сторожил её дом, смотрел за чистотой, оберегал от злых людей и ничего не ждал взамен, разве иногда плюшку молока на ночь да корку ситного! Неужели это много? Даже безмозглой нахалке кошке больше внимания уделяли! Что делать? Остаться здесь и помереть в тоске или отправиться на поиски неверной хозяйки? Раньше бы остался, ждал бы, пока она вспомнит, кого потеряла. Но нынче не те времена, кто о нас, домовых, думает? Кому мы нужны? Пойду искать Серафиму. От неё же слышал, что всё можно узнать от «тернета» или в библиотеке. С «тернетами» не знаком, а в библиотеку попробую добраться. Есть тут одна недалёко, рядом с рынком, «Молодёжная» называется. Думалось, молодые нынче много знают, чай помогут мне, старику.

Из дому вышел, когда *стемняло*: домовые всегда работают и передвигаются по ночам, хотя люди *зреть* нас не могут, а только

слышат и чувствуют наше присутствие. Через несколько минут я уже был в центре города. Вот и библиотека! Чёрная доска на стене гласила, что это именно она. Стоя перед старым зданием с облупленной розовой штукатуркой и белой лепниной, я разглядел открытую форточку во втором этаже. Проскользнуть внутрь *помешшэния* оказалось делом пустяшным.

Остатнее напишу потом, сейчас не до того.

3 апреля 2016 года

Даве случилось непредвиденное: я встретил библиотечного домового! Вот уж не думал, что *здакие сушшэствуют*, однако очень обрадовался. Всё-таки свой! Описываю, как дело было.

В тёмной библиотеке, в которую я проник, дремала осторожная тишина. В зале рядами стояли полки, набитые книгами, лунный свет едва проникал сквозь плотно задёрнутые занавеси, похожие на ризы приходского батюшки.

Эк, красиво написал! Да у меня талант! Был бы человеком, мог бы зарабатывать!

Но я сразу почувствовал, что там кто-то есть. Тут из-за ближайшей полки показалась лохматая голова.

— Кто вы такой и что вам нужно? — сердито спросил хозяин библиотеки. Он с недоверием посмотрел на меня. — Это мой дом и чужаков здесь не ждут.

— Прости, мил друг, не знаю, как тебя по имени кличут, я по делу зашёл и на *жилплошшадь* не претендую.

— Меня зовут Михаил библиотечный, — смягчился хозяин.

— Знатное имечко! За что же тебя так нарекли? — спросил я.

— Не за что, а почему. Дело, видите ли, в том, что нам, библиотечным домовым, дают имена любимых писателей или поэтов — такова специфика нашей работы. Меня назвали Михаилом в честь знаменитого русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова: очень его наша заведующая уважает.

— *Не серчай*, брат, не знал. Не больно-то я начитанный, потому как из простых, деревенских. Да и у Серафимы на книж-

ной полке всего две книги стояли: «Библия» и тринадцатый том из собрания сочинений В. И. Ленина — не разбежишься читать. Вот ты, сразу видать, из интеллигентных будешь, эвон какой на тебе *пинжак с карманАми и галстух*, чисто *прикашшык* из *магАзина*. Меня-то прозывают Саней, прибыл я *сюды помочи* просить.

— За помощью? Как вы себе это представляете? — удивился Михаил.

— Говорят, вы тут всё знаете и умеете найти кого угодно. Помогите, друг, мою хозяйку Серафиму *сыскать*. Стыдно признаться, но она меня при переезде на новую квартиру в старом доме по забывчивости оставила. По-ихнему, по-человечьи — не молодая уж, шестьдесят годов *лонись* стукнуло, вот память и подкачала.

— Чистый срам: она вас бросила, а вы её же ищете? — удивился библиотечный. — Вот уж не стал бы я этим заниматься, пусть бы без вашей защиты пожила, помаялась.

— Да привык я к *ей*, ровно к родному дитю, жалко глупую.

— Чем же я могу вам помочь, коллега?

— В книгах своих посмотрите или этот, как его, «тернет» поспрошайте!

— Вы имеете в виду интернет?

— Да, да, он самый. Не знаю только, кто он такой.

— Это аппарат такой вроде телевизора, совмещённого с печатной машинкой. Впрочем, не суть важно. Назовите фамилию вашей бывшей домовладелицы.

— *Ея фамилие* — Петухова, — торжественно сообщил я.

В этот момент внизу раздался щелчок, кто-то открыл дверь и на лестнице послышались шаги.

— Ой! — пискнул Михаил, — прячьтесь скорее за стеллажи, это наша Масанна, заведующая библиотекой. И что это она в такую несусветную рань объявилась?

Впервые в жизни я увидел живых библиотекарей и услышал любопытные *вешшы*, о которых и пишу далее.

Масанна, то бишь, Мария Александровна, энергичная *женщина* средних лет, вошла в читальный зал, за нею следовали ещё две библиотекарши.

— Девочки, — простионала заведующая, тяжело опускаясь на стул, — у нас ЧП! Помните, в прошлом году нас предупредили, что библиотеку закроют, а нас — кого отправят на пенсию, а кого переведут в другую библиотеку. Мы не верили, мы боролись и вроде бы нас оставили в покое, приняв во внимание, что наша библиотека единственная в своём роде — молодёжная, и так успешно работает, что известна всей стране. Но, как я и предполагала, это была лишь уловка: тянули время, чтобы не «прославиться» в Год литературы. А теперь всё решено! Наше здание передадут в аренду какому-то торгашу. Что будем делать? Я в отчаянии. Ну, ладно нас разгонят, а библиотечные фонды — книги — куда денут? В прошлом году втихаря закрыли несколько библиотек, в том числе и одну детскую, а фонды, как я слышала, до сих пор валяются в запасниках, от сырости гниют. Это притом, что государство уже два года не выделяет средств на приобретение книг для провинциальных библиотек!

Но главное — пострадают наши читатели. Вся областная культура пострадает! И ведь известно — свято место пусто не бывает — на сколько детских и молодёжных библиотек меньше станет, на столько же в городе вырастет детская и подростковая преступность!

«Девочки» долго шумели, грозились до президента дойти, но так в этот раз ни до чего и не договорились. Напоследок всплакнули и разбрелись по домам. В читальном зале снова всё стихло.

— Выходите, Саня, — позвал Михаил библиотечный. — У меня сердце чуть не разорвалось, когда я слушал наших девочек. Опять же, если нас закроют и мне придётся скитаться, где-то место искать. Что делать? Задаю этот вопрос и чувствую себя прямо Чернышевским, хоть садись и одноименный роман пиши на основе современности!

— Да-а-а. Моя беда — малая *бедка* по сравнению с вашей. Однако надо это дело обмозговать, может, вместе что путное придумаем.

— Правильно, Саня! Какой вы, однако, умница. Пожалуй, устрою я вас пока отдыхать. У меня за дальними стеллажами закуток есть, я там днём обретаюсь. Пойдёмте покажу. А ближе к ночи я вас разбужу и поговорим.

Пошли мы с Михаилом в его *помешшэние*, устроились ночевать, то есть дневать. Он меня спать *повалил* на сундук. Я сразу заснул. Только голову преклонил — и ровно в глубокую воду упал.

10 апреля 2016 года

Постепенно привыкаю к новой жизни. Про Серафиму стараюсь не вспоминать. Чтобы не скучал, библиотечный дал мне читать «Историю одного города» Михаила Салтыкова-Щедрина! Знатная книга! Когда *ещиэ* написана, а всё как ныне. Ничегошеньки не изменилось. Много узнал о градоначальниках, о жизни горожан и их взаимоотношениях в далёком прошлом — нелестные сравнения с нашим временем приходили в голову сами собой.

22 апреля 2016 года

До сего дня отдыхал: книжки почитывал. Душевные переживания и смена места сильно отразились на моём немолодом организме. Михаил обо мне заботился, *быдто* о родном. За что ему земной поклон.

Сидя днями в его закутке, мы подолгу говорили о жизни. Мой новый друг поведал, что таких, как он, много: сколько библиотек, столько и домовых. На вид все примерно такие, как он. Мне любо, как Миша (он мне разрешил так себя называть) одевается — небогато, но опрятно и по-городскому. Носит *очечки*, потому как много читает и много чего знает. Нраву доброго, *боле* всего печётся о книгах и читателях. *Шшиэтаэ*, что важнее на свете ничего нету. Может, и правда.

Сегодня рассказал мне о себе, открылся как на духу.

— Знаете, Саня, — говорил он, — чтобы библиотечным стать, нужно особое призвание иметь. А я с детства книги люблю. Меня всегда поражало, как такая малая вещица может вместить целую жизнь человека, да что там жизнь — целую науку, историю стран и народов. И как это замечательно, что есть писатели — люди, которые хотят сделать жизнь лучше и пишут о красоте, о любви и верности, о Родине, о прошлых и современных героях и победах. Одни пишут о деревне и городе, о простых людях, их трудностях и радостях, другие обладают такой фантазией, что могут сочинить даже то, чего на свете никогда не было, но читать об этом ужасно интересно. После чтения хорошей книги душа от радости ширится и хочется тоже совершить что-нибудь прекрасное. Я уж не говорю о том, что книга — это маленькое хранилище мыслей, идей, впечатлений и чувств человека, которое позволяет делиться всем этим богатством с другими. Она, словно клад, который ты неожиданно находишь и вдруг видишь: в нём зарыты настоящие сокровища!

Миша задумался, и в глазах его появилось мечтательное выражение:

— А сама библиотека!.. Я дрожал от радости, когда впервые входил в наш читальный зал. Я сразу понял тогда, что здесь моё место и лучше, чем в библиотеке, мне не будет нигде. В тот миг в зале не было ни души. Окна посылали мне навстречу призрачный свет растущей луны, а мерцание далёких звёзд золотым песком оседало вместе с пылинками на всё вокруг, подчёркивая торжественное беззвучие ночи и темноту, съёжившуюся в углах. Вдоль стен высились стеллажи с ровными рядами книг. Читальный зал был пуст и загадочен, будто собирался с мыслями, готовясь к встрече с теми, кто придёт сюда утром. Напротив стеллажей на свободной стене, поблёскивая стеклом, висел поясной портрет М. А. Булгакова...

С тех пор прошло много лет. Я прочёл все книги, которые здесь есть, в том числе и романы Булгакова, и стал полноцен-

ным библиотечным домовым. Но то первое впечатление всё живёт во мне, не давая угаснуть восторгу перед сказочным богатством и мудрой силой библиотеки. Не меньше книг я полюбил Масанну и наших девочек: великих тружениц, настоящих хранительниц культуры и просто милых, добрых и отзывчивых женщин. Я понял, что библиотека для них не только работа, это — их жизнь, их радость и счастье. Поэтому они так горюют о её судьбе, о судьбе книг и читателей.

У меня в голове после этого разговора, много чего прояснело. А каков Миша! Душевный, добрейший домовый, дай Бог ему здоровья!

27 апреля 2016 года

Сегодня мы с Михаилом продолжили нашу беседу. Девочки тоже не дремали, собирались по утрам и вечерам, перед закрытием библиотеки, пытались найти выход из положения. В это время мы с Мишей их и подслушивали. *Боле всех убивалась Масанна.*

— Что делать? — восклицала она на утренней сходке, которая у них пятиминуткой называется.

— Ничего себе пятиминутка! — удивлялся я. — Почти до обеда галдели. Масанна говорила, что искать ответ надо там, где кроется корень зла. А кроется он *быдто* бы в создании у нас какого-то «потребного» али «непотребного» *общества.*

— Потребительского, — поправил Михаил. — В потребительском обществе всё — товар, даже школьные программы и библиотечные планы, а уж книги — само собой. И на первый взгляд в этом ничего плохого нет.

— Отчего же такой сыр-бор разгорелся? Почему Масанна с «девочками» слезами умываются? Библиотека не товар, что ли? — спросил я.

А он мне:

— Товар, товар. Только читатели денег за него не дают. Библиотеки выгоды городу не приносят, поэтому в трудное время

(сейчас у нас очередное трудное время) их первыми начинают закрывать, чтобы, значит, сэкономить.

А я ему:

— Но ведь книги не картошка, это — *пишиша* духовная. И всяка власть должна это понимать, если хочет, чтобы люди грамотными и культурными были. А как нынче без грамотных, когда кругом космос и тернеты всякие? Сам слышал и видел по телевизору.

А он мне:

— Всё вы, Саня, правильно говорите. У нас без библиотек вырастут целые поколения ленивых, малограмотных, зато весёлых ребят с микрофонами в ушах, в модных тряпках и с гаджетами наперевес!

А я ему:

— Посмотреть бы на тех, кто библиотеки закрывают. Должно, они никогда не любили читать и *сюды* из-под палки ходили.

А он мне:

— Похоже на то. Или с памятью у них стало плохо? Забыли, как люди без знаний дичают. Опять же удивляюсь, почему читателей никто не спросит, нужны им библиотеки или нет? Ведь в нашу библиотеку ходит много людей, молодых и старых, и все находят у нас нужные им книги, всех сердечно встречают наши «девочки». Многие читатели всю жизнь сюда ходят, считают эту библиотеку родным домом. Как же можно лишить их этого дома?

А я ему:

— Мы-то с тобой что можем сделать?!

Вдруг в нижнюю дверь громко постучали.

— Кому это приспичило в такую пору в библиотеку явиться? — поинтересовался я.

— Понятия не имею, — насторожился Миша и выглянул из-за стеллажа.

Масанна, уж было, домой собралась, но, услышав настойчивый стук, спустилась вниз и открыла дверь. Перед ней стоял

хорошо одетый, пахнувший дорогими духами господин средних лет. Холёной белой рукой он отодвинул нашу заведующую в сторону и прошёл внутрь помещения.

— Кто здесь главный? — обернулся он к Масанне.

— Я, — робко сказала она.

— Ну, вот что: я выиграл конкурс на долгосрочную аренду этого дома. Даю вам три дня на всё про всё — и чтоб духу вашего здесь не было! Если не уберётесь, пеняйте на себя.

Так же внезапно, как появился, посетитель исчез, а Масанна осталась стоять, пригвождённая горем к стене. Минуту спустя она обречённо собрала сумку, тяжело вздохнула и поплелась домой, горько прошептав на прощание:

— Утро вечера мудренее!

— Нет, вы видели, что происходит? — в отчаянии вскричал Миша. — Мы этого так не оставим! Смотрите, Саня, сюда, — и он указал на портрет М. А. Булгакова, — вот кто нам поможет!

— Как же он поможет, если он портрет? — удивился я.

— А так! Я слово знаю, которое его оживит. — Мишин голос от волнения зазвенел, — Мастер! — громко произнёс он.

А *ещишо* говорят, чудес не бывает. Бывает! Стоило Мише сказать «Мастер» — и писатель на портрете с улыбкой повернул к нам голову.

— Дорогой Михаил Афанасьевич, — горячо заговорил Миша, — я знаю, вы — великий писатель, волшебник слова и вообще волшебник! Сделайте что-нибудь, спасите библиотеку от разорения, ведь это и ваш дом!

Писатель нахмурился и начал:

— Чем же я, собственно...

В эту минуту внизу тихо скрипнула дверь, и в читальный зал, никем не замеченный, прокрался давешний господин.

— Никого, — сказал он. — Надо бы здесь осмотреться без свидетелей. Посетитель прошёлся по залу, потрогал книги на стеллажах и, потирая руки, добавил, — так, если убрать это старье, получится вполне подходящее для ресторана помещение. На

первом этаже сделаем кухню и гардеробную. Ресторан будет в старинном русском стиле — дубовая мебель, ковры, еду разносят половые в фартуках и с картой блюд в руках. Доходное получится местечко, не напрасно я за него столько денег выложил.

Тем временем на улице *стемняло*, на небе показалась *зловещая* красная луна, свет её упал на портрет писателя.

— А это ещё что за мужик? — заметил портрет посетитель. — Хорош, ничего не скажешь, может стать «фишкой» ресторана, а историю я ему придумаю.

Но тут перед изумлёнными глазами хорошо одетого господина на портрете сначала исчезло стекло, словно растворилось в воздухе, а затем изображённый на нём человек встал во весь рост и, держась за раму, вышел в читальный зал. Лёгким кивком головы он приветствовал посетителя:

— Разрешите представиться — Михаил Афанасьевич Булгаков, писатель. А вас, извините, как величать?

— Этого не может быть! — оторопел тот и ущипнул себя за руку.

— И всё же представьтесь, — стоял на своём писатель.

Хорошо одетый господин, заикаясь от страха, ответил:

— Ша... Шариков моя фамилия!

— Ах, Шариков, — засмеялся Михаил Афанасьевич, — то-то мне лицо ваше знакомым показалось. Так вот, друг мой, тут вас уже заждались. Прошу, — Булгаков подошёл к невесть откуда взявшейся занавеси на стене, откинул её — и перед остолбеневшим Шариковым открылась потайная дверь. Из-за неё вышли два человека в белых халатах.

— Профессор Преображенский и доктор Борменталь к вашим услугам, — усмехнулся писатель.

— Наконец-то, — воскликнул профессор, — наконец-то мы нашли его! Всё ли готово к операции, доктор?

— Готово! Пора вернуть этому негодяю его естественный вид. Пусть будет, как прежде, бездомной дворняжкой Шариком!

Профессор с доктором подхватили побледневшего Шарикова под руки и унесли в операционную.

Прошло каких-нибудь два часа, и из-за портьеры с визгом вся в окровавленных бинтах выскочила лохматая дворняжка. Она бросилась вниз по лестнице и выскочила на ночную улицу. Дворняжка летела вперёд — подальше от этого страшного места. И чем дальше убегала, тем скорее менялся её внешний вид. Вот она встала на задние лапы, вот выросла на пару аршин, с неё ключьями начала отваливаться густая чёрная шерсть, и, наконец, она снова превратилась в хорошо одетого, хоть и слегка помятого, господина, который мелко дрожал от пережитого ужаса. Его дорогая одежда и холёные руки пахли странной смесью дорогих французских духов и псины.

Наутро Шариков очнулся в центральном сквере на скамейке. Он мучительно всматривался в лица прохожих, но не мог вспомнить ничего.

Вобщем, память ему отшибло. Его увезли на скорой в городскую больницу, и ихний врач назвал его болезнь красивым и незнакомым мне словом — «амнезия»! Говорят, лечить будут в доме для умалишённых.

28 апреля 2016 года

Утром, когда Масанна пришла на работу, от бурной ночи не осталось и следа. Всё вокруг сияло чистотой, а с портрета ласково смотрел любимый писатель. В своём закутке уставшие, но счастливые отдыхали мы с Мишей.

Если вы думаете, что на этом все беды Молодёжной библиотеки закончились, то сильно ошибаетесь. Этим же вечером в читальный зал проник новый арендатор и спрятался за стеллажами, чтобы осмотреться, когда все уйдут.

— Наконец-то я один! — удовлетворённо бормотал он, в густеющих сумерках на цыпочках пробираясь от стеллажей к окну и от окна к стене. — Славное местечко эта библиотека. И знатный получится здесь обувной магазин — не зря водил я мужика из мэрии в ресторан водку пить. А это что за портретец на стене? — арендатор ковырнул неопрятным ногтем раму и продолжал,

— человек на нём представительный, покупателям можно будет наврать, что это мой предок: потомственный обувщик, который когда-то завещал мне этот дом под магазин.

Как бы в ответ на эти слова мужчина на портрете усмехнулся и прямо с полотна протянул арендатору руку. У того от страха оборвалось сердце и ноги подкосились, а мужчина представился:

— Михаил Афанасьевич Булгаков, писатель.

— Степан Бездомный, предприниматель, — просипел перепуганный арендатор.

— Ах, вот как? С каждым днём мои встречи здесь становятся всё удивительнее! — Булгаков указал на что-то большое и тёмное в углу читального зала и продолжил, — прошу любить и жаловать! Это мой друг, кот Бегемот.

За столом, прямо перед Степаном, закинув ногу на ногу сидел огромных размеров чёрный кот, который стучал когтями по столешнице и фальшивя напевал:

— Где же ты, где, звёздочка алая...

«Я, наверное, схожу с ума! Говорящие портреты и поющие коты — это уж слишком, — подумал Бездомный и попятился. — Говорили мне, что в этом доме нечисто. И надо же было к ночи сюда притащиться. Пропади пропадом этот магазин! Бежать, бежать скорее!»

И арендатор бросился вон. Кот махнул за ним вслед, да так ловко, что оказался впереди Степана. У самых дверей он внезапно прыгнул Бездомному на грудь и заорал благим матом:

— А ты думал сможешь заграбастать чужую собственность?! Кровью, кровью заплатишь за всё, собачий сын! — при этом одной пухлой лапой кот расцарапал Степану физиономию, а другой открыл дверь и, наподдав Бездомному под зад, рывкнул:

— Брысь!

Бездомный катился по улице колесом, пока его не остановил полицейский. Степан отвечал на его вопросы заплетающимся языком и подозрительно закатывал глаза, а потому был тут же отправлен в вытрезвитель. Больше его не только в библиотеке, но и

в городе никто не видел. Говорят, уехал на ПМЖ в деревню к бабке — копает огород, развёл кур, а о магазинах и слышать не желает.

30 апреля 2016 года

Городские торговые люди в последнее время только и говорили о том, что в «Молодёжке» творится *чертовщина* какая-то: уважаемые люди пропадают, с ума сходят. Масанна с «девочками» на удивление всей этой суеты не заметили. Видя, что арендаторы больше в библиотеку не заглядывают, они решили предупредить будущие покушения на свой дом и собрали читателей, чтобы всем вместе пойти к градоначальнику — воевать за правду до победного конца. Делать этого, однако, им не пришлось: градоначальник вдруг сам забежал в библиотеку. Он осмотрелся, спросил, не надо ли чего, и надолго исчез.

Тучи над головой наших девочек рассеялись. Масанна успокоилась и занялась, как она выражается, текучкой.

По-моему, и времени-то прошло немного, а описанные *здесь* события как бы маленько выцвели, ушли в прошлое. Мы с Мишей теперь часто сидим под портретом писателя и беседуем о вечном: о быстротечности времени и неизбежности перемен. Я начал понимать друга с полуслова.

— Верите ли, Саня, — говорил Миша, — всё в руках самих людей. Мне кажется, что им нужно чаще вспоминать историю. Сейчас, как в начале каждого нового века, вся жизнь меняется, и мы со своей библиотекой оказались в самом водовороте перемен, на пороге великой технологической революции, которая сметёт всё старое и заставит по-новому взглянуть на многое, в том числе и на культуру и науку. Это случится довольно скоро, может быть, к концу нашего века. Вы сами видите, как быстро меняются, например, телефоны. Люди не успевают приспособиться к новой технике.

А я ему:

— Хочешь сказать, *что* бумажные книги станут не нужными, и мы зря воевали за эту библиотеку?

А он мне:

— Милый мой, я лишь хочу сказать, что мы услышали только первые звоночки грядущих перемен, хотя книгу и библиотеку в любом случае надо рассматривать наособицу. Бумажная книга обладает бесценными качествами. Она хранит в себе живую сердечность авторского слова и накапливает душевное тепло прочитавших её людей, чтобы передать его дальше. Кроме автора, в книгу вкладывает свой труд множество людей: редактор, корректор, верстальщик, художник, печатники и упаковщики. Но настоящая её жизнь начинается лишь здесь в библиотеке. Без библиотеки никак!

Я, конечно, с ним согласился, потому что и сам приохотился к чтению. Прочёл я и книги Михаила Афанасьевича — чудописатель, мало кто ныне так писать умеет. Очень веселился, вспоминая, как ловко он проучил горе-арендаторов с помощью героев своих книг.

— А все-таки жаль, — вздохнул Михаил, — что эта библиотека в будущем перестанет существовать или изменится до неузнаваемости. Я переживаю из-за того, что процесс этот будет непростой и болезненный, особенно для моих милых девочек. Мне хочется, чтобы прошло ещё много лет, прежде чем бумажные книги исчезнут, а библиотекарей переучат и сделают из них экспертов по хранению и предоставлению информации. Хочется помочь Масанне и всем остальным пройти через испытания прежде, чем мы, библиотечные домовые, вместе с бумажными книгами уйдём жить в сказки. Вы же, Саня, скоро найдёте свою Серафиму и будете служить ей до самого конца. Надеюсь, мы ещё встретимся в сказочной стране. Нам будет весело и интересно вместе. Нас перестанут бояться и будут любить дети.

— А как же...»

На этом дневник домового Сани оборвался: остальные страницы пострадали от пыли и сырости.

«Печально, что эти славные домовые исчезли. Я бы с ними с удовольствием подружился, — думал Алик. — Интересно, чем

Санины приключения закончились, где он Серафиму нашёл и сколько ещё лет домовые в квартирах жили. А насчёт технологической революции Михаил был совершенно прав. Умница — всё точно предвидел. Надо будет об этих ребятах ещё почитать. Видно, мы их недооценили в плане знаний и хранения информации. А какой сочный язык у домовика Сани! Да по нему можно диалекты изучать! Пойду, передам этот дневник экспертам, пусть оцифруют».

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Сказки на современный лад

Здравствуйте, мои милые деточки и взрослые, сядьте поудобнее и слушайте, что я вам расскажу. Жила-была в одной библиотечной книжке старых русских сказок волшебница по имени Василиса Премудрая — добрая и прекрасная. И обитала бы она спокойно в своей книжке, да нерадивый ученик третьего класса, не буду называть его имени, забыл сборник сказок в школе на подоконнике. И решила Василиса найти этого ученика, чтобы он её дом-книжку в библиотеку вернул, а заодно хоть одним глазком посмотреть, как в наше время дети живут, чем занимаются.

Как и полагается, имелся у неё волшебный платочек. Василиса махнула им и стала невидимой. Хотя могла бы и без таких старомодных штучек обойтись: переоденься в современную одежду — и никто в тебе не узнает волшебницу из сказки. Да у сказочных героев исстари свои повадки.

В общем, оказалась Василиса Премудрая в нашем городе...

Сказка первая.
Пятачок и свиный хвостик

Шли по улице два упитанных, «клёво прикинутых» шестиклассника — Витька и Мишка. Им казалось, что все девчонки любят их рваными «джинами», яркими «бомберами» и модными «кросачами», надетыми на босу ногу. Ребята только что покинули супермаркет, каждый держал в руках по пластиковому стаканчику кофе с молоком. Они важно беседовали и с удовольствием прихлёбывали горячий кофе. Витька первый допил и отбросил пустой стакан в сторону. За ними следовала старушка, которая несла два тяжёлых пакета с продуктами.

— Мальчик, — негромко, но внятно сказала старушка, — подними, пожалуйста, стакан и выбрось в урну, она всего в пяти шагах от тебя.

Витька сделал вид, что ничего не слышал, и продолжал разговаривать с Мишкой, только уши слегка порозовели. Женщина не отставала:

— Мальчик, ты ведь дома не бросаешь под ноги всё, что тебе больше не нужно: мама заставит тебя убрать, да ещё и отругает. Я бы и сама подняла твой стакан, да руки заняты.

Витька покраснел и буркнул:

— Это не я бросил, он тут уже валялся!

Женщина не выдержала:

— Поросёнок ты и лгун! Будешь мусорить и врать, вырастет из тебя настоящий свин!

И только она это сказала, как мальчишкин нос превратился в розовый влажный свиной пяточок, он сам по себе подёргивался — точь-в-точь как у поросёнка! А на Витькиных джинсах сзади появилась дырка, и из неё наружу пружинкой выскочил поросёнок!

Рядом со старушкой, непонятно откуда, появилась молодая красивая женщина в старинном русском сарафане и кокошнике.

— Я — волшебница Василиса Премудрая, — сердито сказала она. — Приказываю тебе, шестиклассник Витька, ходить в пороссячем обличье три дня и три ночи, чтобы ты понял, в чём твоя вина, и исправился.

С этими словами она махнула платочком и исчезла, а мальчишки от неожиданности и страха бросились бежать. По дороге Витька судорожно пытался прикрыть пяточок шарфиком, а свиначий хвостик заправить в джинсы, да не тут-то было! Спрятались друзья под ближайшим кустом и стали думать, что делать, как ситуацию исправить. Витька плакал, хлюпая пяточком и похрюкивая, а Мишка пытался утешить друга. Решили, что в таком виде Витьке ни в школе показаться — ребята задразнят, ни домой пойти — мама потащит к врачу. И «прославится» парень на весь город... Счастье ещё, что это случилось в пятницу, в конце рабочей и школьной недели. Мишкины родители на дачу уехали, на все выходные. Друзья решили: Витька позвонит матери и соврёт, что будет у Мишки к контрольной работе по математике готовиться. Дождались сумерек и отправились к Мишке.

Три дня и две ночи просидели ребята дома, а на третью ночь прокрались на то место, где стаканчик из-под кофе бросили. Оказалось, что его там уже нет, зато валяются бумажки от конфет и шоколадных батончиков, старая газета и коробка от детской игры. Бросились друзья этот мусор собирать и в урну складывать. И как только всё убрали, Витькин нос стал прежним, а свиначий хвостик и вовсе исчез.

Парнишка от счастья крикнул на всю улицу:

— Дорогая Василиса Премудрая! Я больше никогда не буду врать и мусорить! Спасибо, что ты вернула мне человеческое обличье!

Волшебница тут же появилась и весело сказала:

— Молодец, Витенька! Всё понял и вину свою загладил. Осталось только найти женщину, которую ты обманул и обидел, и извиниться перед ней. Ну, эту встречу я тебе завтра устрою. А

теперь беги домой и помни, если ещё раз намусоришь — станешь всю жизнь работать дворником, метлой махать да за другими грязь убирать. Уж я за этим прослежу!

— Понял, понял, — воскликнул Витька и помчался домой к маме.

И таким после этого стал чистюлей! Витя (так уважительно его теперь в школе величают) не только сам больше не мусорит, но и другим не даёт.

Сказка вторая.

Не рой другому яму — сам в неё попадёшь

В некотором городе, в некоторой школе, в 4 «Б» классе училась Юлька Печёнкина. И была она всем известная злока и вредина. О таких девочках говорят: «У всех в печёнках сидит!» Однажды решила Печёнкина испортить своей соседке по парте Милочке Цветиковой настроение. Обидно ей стало, что Мила написала диктант на пятёрку и заслужила похвалу учительницы русского языка. Сама-то она этот диктант еле-еле на тройку написала.

В это время по школе ходила невидимая Василиса Премудрая. Она всё ещё искала мальчишку, который её книгу сказок на подоконнике оставил. Почувствовала волшебница, что Юлька какую-то гадость замышляет, и вошла в класс. А та уже придумала, как соседке по парте насолить, чтобы девочка расстроилась и перестала радоваться отличной оценке: незаметно сбросила Милочкину тетрадку с диктантом на пол и наступила на неё сапогом, оставив грязный след рифленой подошвы. А сама села за парту, как ни в чём не бывало. Когда Мила вернулась и увидела свою растоптанную пятёрку, она, глотая слёзы, дрожащим голосом спросила:

— За что, Юля? Что я тебе плохого сделала?

— Ой, смотрите, разревелась! — противным голосом выкрикнула Печёнкина. — Тупая ты, Милка, нашла из-за чего выть! И с чего ты взяла, что это я на неё наступила? У нас в

классе почти у всех девчонок «артапеды» как у меня. И у тебя, кстати, тоже!

Юля выхватила у Милочки из рук несчастную тетрадку и побежала по классу, всем её показывая и злорадно смеясь:

— Есть чем перед мамочкой похвастаться — то-то она обрадуется, когда узнает, что её дочурка тетрадки на пол бросает и об диктанты ноги вытирает! Попробуй, догони меня, чучело, отбери своё имущество!

Милочка побледнела и тихо сказала:

— Ну и гадина ты, Печёнкина!

Юлька открыла рот, чтобы ответить пообиднее, но вдруг у неё изо рта высунулся длинный, тонкий, раздвоенный на конце язык, а вместо слов послышалось громкое шипение. Девчонку всю перекосило от ярости, но, как она ни старалась, ничего сказать больше не смогла. Только рот открывала. И все увидели, что у Печёнкиной, кроме змеиного языка, — два страшных острых клыка, и с них на парту капает яд.

Одноклассники в ужасе отскочили в сторону, а мерзкая девчонка от бессилия ещё больше злилась и менялась прямо на глазах. Вот и голова у неё стала плоской, и хищные глаза пожелтели, и волосы исчезли — ещё немного, и она совсем превратится в гадюку. Только Федька Сидоров с задней парты не растерялся и швырнул в неё увесистый портфель с учебниками. Юлька увернулась и по-змеиному выскользнула вон из класса.

Милочка Цветикова, добрая душа, забыв про обиду, пожалела Печёнкину и побежала за ней, чтобы хоть как-то утешить. Она нашла обидчицу недалеко от школы возле сточной городской речушки Золотухи. Девчонка сидела на высоком берегу в самом жалком виде и рыдала. Мила осторожно подошла к ней, обняла и сказала:

— Не плачь, Юля, я с тобой.

Омытая слезами, Юлька частично обрела дар речи:

— Вс-с-сё из-за тебя, курица! — с трудом выговорила она, змеиное шипение делало её речь неразборчивой. — Ты ви-

новата в том, ш-ш-то со мной с-с-случилось! Куда мне в таком виде податься? В ш-ш-школу ребята не пус-с-тят, а дома меня прос-с-сто не уз-з-знают и выкинут в канаву или даже при-бьют!

– Видишь, какая ты: навредила мне, а я же ещё и виновата. Послушай! Говорят, у нас в городе появилась добрая волшебница Василиса Премудрая, давай её позовём и спросим, как тебе быть.

А волшебницу и звать не надо – она тут как тут, махнула платочком, стала видимой и сказала:

– Юлия, попроси у Милы прощения и дай слово, что впредь не будешь никого обижать и гадостями заниматься.

Напуганная девчонка так и сделала. Она обещала отныне вести себя не по-змеиному, а по-человечески и со всеми дружить.

– Смотри, Юля, ты слово дала! – заметила Василиса, – и ещё крепко-накрепко запомни русскую поговорку: «Не рой другому яму – сам в неё попадёшь!»

Сказала, взмахнула платочком – и Юлька снова стала такой, как была, а Василиса Премудрая исчезла.

Переглянулись девчонки, взяли за руки и весело побежали обратно в школу.

P.S. А Василиса Премудрая невидимкой вернулась в 4 «Б», провела волшебным платочком по тетрадке Милочки Цветиковой – и грязного пятна в ней как не бывало...

Сказка третья. **Слово свято!**

После случаев с пятачком и свинячьим хвостиком, а также со змеиным языком и ядовитыми зубами слава Василисы Премудрой росла. Все только и говорили о ней и её волшебных приключениях.

Особенно заинтересовалась чудесами волшебницы Тамара Степановна, бабушка третьеклассника Лёвки Примерного. Она очень переживала, что у внука фамилия никак не соответствует его характеру: Лёвушка на самом деле был лентяй и шалун, да ещё злоупотреблял в речи нехорошими словами. Стоило ему

рот открыть, как непечатные слова сыпались, словно семечки из пакета. И где он их брал? Папа у Лёвки — врач, мама — учительница, сами они никогда не ругаются. Кто только ни пытался Примерного от грубых слов отучить — учителя и родители, бабушка и дедушка, даже соседи, а ему хоть бы что! Зато ребята во дворе и в школе с удовольствием слушали его сквернословие. А Лёвка и рад стараться. Соберутся ребята вокруг него и уши развесят, а он в ругани упражняется, и с каждым разом хороших слов в его речи всё меньше становится, а плохих — всё больше.

Думала, думала бабушка, как ей внука научить правильному русскому языку, и решила обратиться за помощью к знаменитой волшебнице. Стоило ей только вспомнить Василису Премудрую, как та тут же явилась.

— Я вся внимание, — говорит, — чем могу помочь?

— Ах, дорогая Василиса, нет больше сил моих слушать жалобы учителей и соседей на Лёвушку! Милая волшебница, отучите нашего мальчика материться!

— Да уж, — покачала головой Василиса Премудрая, — это всем проблемам проблема! В моё время матерными словами изъяснялись только неграмотные мужики, извозчики, дворники да всякий дрянной люд — бездельники, воры и мошенники. А нынче грязным словом никто не брезгует, даже женщины и дети! И ведь известно, что слово волшебное: как говоришь — так и живёшь. Однако помочь вашему внуку, дорогая Тамара Степановна, можно, — утешила бабушку волшебница и растворилась в воздухе.

Воскресным утром Лёвка вышел во двор. Как обычно, его сразу окружили ребята и стояли, посмеиваясь в предвкушении представления. Лёвка взошёл на крыльцо и толкнул речь:

— Привет вам, любезные моему сердцу друзья и украшение нашего двора! Безмерно я встече нашей рад!

Ребята от неожиданности затихли, а Лёвка, не веря собственным ушам, в мёртвой тишине продолжал вдохновенно говорить:

— Что же вы уста в недоумении раскрыли, а затворить забыли? Что очи ясные вытаращили? Или я, господа хорошие, не то слово молвил? Что обомлел, сударь Вовка? А не пойти ли тебе к матушке своей, по хозяйству помочь? Чем очами сверкать, поспеши к сударыне Нинке из второго подъезда, утешь её ласковым словом и отблагодари за то, что она намедни сравнила тебя с одним милым рогатым животным, от которого так и веет неземными ароматами!

Ребята недослушали странную Лёвкину речь и на цыпочках разошлись по своим подъездам, сокрушаясь и крутя пальцами у виска. Они решили, что паренёк «с дуба рухнул». А тот в растерянности громко заревел и бросился домой.

В понедельник с утра Примерный бодро отправился в школу. Всё, что случилось вчера, казалось ему страшным сном, и он решил продолжать жить беззаботно и весело, как прежде.

Войдя в класс, Лёвка от двери швырнул ранец на свою парту и только приготовился смачно выругаться, как вместо слов у него изо рта вывалился комок грязи и шлёпнулся под ноги. Лёвка упрямо пытался выкрикнуть грубое слово, но каждая попытка заканчивалась одинаково, и вокруг него скоро образовалась зловонная грязная лужа. Одноклассники зажали носы и бросились в коридор.

— В чём дело?! — входя в класс, строго сказала прямая, как восклицательный знак, классная руководительница Ирина Михайловна. — Кто в школу грязи натащил? Наверное, без Примерного и тут не обошлось! Не прячься, Лев, а немедленно неси ведро с водой и тряпки: пока за собой не уберёшь, урока не начну!

— Ирина Михайловна, я не виноват! Я не знаю, откуда берётся это... — он хотел по привычке сказать грубое слово, но изо рта опять выпал комок грязи. Учительница с отвращением посмотрела на Лёвку и с достоинством удалилась.

Несчастный мальчишка пошёл домой. На третий день он и вовсе умолк, только размахивал руками, мычал и плакал в ответ на расспросы родителей.

— Лёвушка, мальчик мой дорогой, — говорила бабушка, вытирая ему слёзы и глядя по вихрастой голове, — прости меня, старую, это по моей просьбе волшебница наказала тебя за грязный язык. Обещай, милый, что с завтрашнего дня ты начнёшь читать книги и учиться разговаривать правильно. А мы с Василисой Премудрой тебе поможем.

Лёвка за эти три дня так измучился, что согласился на всё.

— Вот и прекрасно, — сказала бабушка, — а теперь спи и помни, что я тебя очень, очень люблю.

Василиса Премудрая, довольная результатом своего волшебства, явилась Лёвкиной бабушке Тамаре Степановне и сказала:

— Вот видите, дорогуша, всё у нас получилось как нельзя лучше. А и всего-то я заменила в речи мальчика дурные слова прекрасным старинным слогом, превратила ругательства в грязь, которой они, собственно, и являются, а под конец и вовсе дара речи лишила! Помогло! Ещё как помогло!

Сказка четвёртая.

Украсть — в беду попасть!

В нашем городе наконец наступила весна! Василиса Премудрая прогуливалась вдоль улиц и речек, по паркам и садам, рядом со школами и детскими садами и восхищалась вставшей ото сна природой.

— Какая прелесть, словно в городе появился волшебный художник! — поделилась волшебница своими впечатлениями со мной. — Он всем ребятам подарил весну и новорожденную красоту: травку, листья на деревьях и цветочки! Успел художник и птиц на небесном полотне нарисовать! Смотрите, вон стриж со свистом носится по воздуху, ищет мошек и радуется. А вы слышали, как сегодня ночью пел соловей?

— Конечно, слышала! — ответила я. — Целых два часа стояла на балконе, завернувшись в одеяло, и восторгалась соловьиными трелями.

Василиса Премудрая засмеялась, махнула платочком, и мы с ней оказались в соседнем дворе, по которому четвероклассники из школы № 13 домой возвращаются. Мы с волшебницей проходили мимо клумбы около длинного серого дома, когда заметили, что Владька Петров из четвёртого «А» огляделся, нет ли кого рядом, и, удостоверившись, что за ним никто не наблюдает, потихоньку пробрался на клумбу и сорвал большой красный тюльпан. А Василиса, вместо того чтобы читать парню нотации, неожиданно бросилась к нему с криком:

— Мила-а-й, дай-ка я тебе помогу! Небось ты в школе-то маялся, задачки решаючи да на вопросы учителей отвечаючи! Подвинься, я сей момент к тебе проберусь! Ты для кого цветочки рвёшь? Поди-ка, для девочки какой-нибудь?

— Нет, я для мамы! — сердито крикнул Владька. — Где мне ещё цветы достать? А у мамы сегодня день рождения!

— Какой ты благородный мальчик! — воскликнула Василиса. — Для мамы и украсть не грех, правда?

Однако Владька почему-то не ответил. Он покраснел, как тот тюльпан, который только что сорвал, и засопел — вот-вот разревётся.

— Да ты не переживай, деточка! — продолжала волшебница. — Для мамы мы с тобой сейчас все тюльпаны вокруг прямо с луковицами вырвем, а если нас заметят и захотят уши надрать или в полицию сдать, — убежим в другой двор, и там все клумбы будут наши. Верь — я на твоей стороне! Мы с тобой такое безобразие учиним, весь район целый год только о тебе и будет говорить! Мама-то, мама как обрадуется, она всю жизнь мечтала, чтобы ты воришкой стал! А хочешь, я с тобой и этим тюльпаном селфи сделаю и в «Инстаграм» выложу? Ты на весь город, да что там город — на всю страну прославишься!

Но вместо того чтобы волшебнице ответить, Владька заревел в голос, отшвырнул в сторону цветов и бросился бежать по дальше от этой сумасшедшей тётки.

Василиса Премудрая засмеялась, махнула платком и как будто испарилась. А я домой пошла.

Сказка пятая.

Ласковое слово — что вешний день

Василиса Премудрая мне как-то сказала, что для неё главное в общении с детьми — это ласка. Она уверена: «Ласковое слово — что вешний день!» — действует лучше всякого назидания. Мне эта поговорка очень понравилась.

Иду сегодня в магазин, смотрю: в нашем дворе мальчишка лет восьми влез на нижнюю ветку молодого невысокого ясеня, одной рукой держится за ствол и подпрыгивает так, что ветка трещит, вот-вот обломится. При этом он громко хохочет и кричит дружку детсадовского возраста, который внизу стоит:

— Смотри, Витька, как я умею!

Витька стоит, раскрыв рот, и восхищённо смотрит на друга.

В это время мимо ребят проходила девочка-старшеклассница и крикнула мальчишке:

— Слезай с дерева, дурак, свалишься и шею сломаешь!

А он развернулся и грубо так отвечает:

— Да пошла ты!

Вспомнила я слова Василисы, подбегаю к дереву и ласково, но громко, чтобы все вокруг слышали, говорю:

— Дорогой мой, а хочешь на самую верхнюю ветку взобраться? Давай я тебя поддержу! Ты, наверное, скалолазом желаешь стать, раз тебя ввысь так и тянет. И обязательно станешь, ты ведь такой храбрый, сильный и ловкий. Я тобой просто восхищаюсь! И все соседи на тебя не нарадуются! Да мы знакомы: ты из второго подъезда — Шурик. Я и маму твою знаю, Валентину Ивановну, сегодня же к ней зайду и расскажу, какой у неё замечательный сынок: все деревья во дворе облазил и кучу веток наломал. Я ей посоветую тебя в спортивную школу определить на стеновое скалолазание — тебе понравится. Правда, там на

стенку со страховкой лазают, а ты без страховки любишь тренироваться, как самый храбрый! А ещё я ей посоветую тебя на джампинг отправить — это когда спортсмен на стенке с одних зацеп на другие перепрыгивает. Здорово, правда? Давай прямо сейчас на дереве попробуем. Прыгай на ветку, что повыше! У тебя получится!

Шурик побледнел, но прыгать с ветки на ветку почему-то не стал, а ухватился покрепче за ствол своего ясеня. Я же продолжала говорить от всей души:

— Дружочек, мне, наверное, следует и в школу зайти, подсказать твоему учителю физкультуры, чтобы обратил на тебя особенное внимание. Я ему про все твои подвиги расскажу, уж он тобой займётся.

— Только не к маме и не в школу, тётенька! — заскулил Шурик. — Я сейчас вниз слезу и домой пойду уроки делать.

— Куда же ты, милый? А я хотела с тобой в соседний двор пойти, там такие высоченные черёмухи растут! Я тебя на ветку посажу — и прыгай, сколько хочешь, а если падать будешь, постараюсь поймать. Только не знаю, удержу ли, руки что-то слабеют стали.

Глядь, а Шурика как ветром сдуло! Только пятки засверкали. Должно быть, это на него так моё ласковое слово подействовало...

«Что-то не очень сказочно получилось, — подумала я, прочитав сказку ещё раз. — Позвать, что ли, на помощь Василису Премудрую, уж она-то эту историю точно волшебной сделает!» Только успела подумать, как Василиса рядом со мной встала и говорит:

— Давай начнём с того места, когда Шурик девочке нагрубил. Помнишь, он крикнул: «Да пошла ты!»

Волшебница обернулась к Шурику и сказала:

— Нет, это ты пошёл! И пойдёшь, негодник, по всему вашему микрорайону от дерева к дереву, и каждая сломанная ветка отзовётся в твоих руках и ногах такой болью, будто это по тебе

скакали и тебя ломали! Может быть, тогда поймёшь, как страдают деревья: они ведь как люди — живые.

Не хочет идти Шурик, куда послали, а ноги его сами несут; не хочет работать, а руки сами за дело берутся. Подбежит он к дереву со сломанной веткой, обнимет его и плачет, слезами от боли и жалости обливается. Плачет и думает: что же такое сделать, чтобы всё исправить? Наконец, пришла ему в голову счастливая мысль: надо позвать друзей, вместе обойти район и полечить искалеченные деревья. Он видел, как мама на даче ножовкой отпиливала больную веточку у яблони и замазывала срез раствором извести. Палец порежешь — йодом смазывают, а обломанную веточку яблоневою — извёсткой. Подумал об этом Шурик, и сразу рядом появился его лучший друг Колька и два одноклассника — Мишка с Юркой. Василиса Премудрая подсобила. У Шурика в руках оказалась мамина ножовка, ведёрко с разведённой извёсткой и малярной кистью. Обошли ребята свой микрорайон и вылечили все поломанные деревья. С каждым исцелённым деревцем работать становилось всё приятнее — люди-то, видя, как ребята стараются, хвалят их — не нахвалятся...

На следующий день созвал Шурик всех ребят в своём классе, организовал команду спасателей деревьев и назвал её «Зелёный патруль». С тех самых пор сам на ветках не скачет и другим не даёт. Девчонки-одноклассницы фотографируют «зелёных патрулят» и в «Инстаграм» выкладывают, а мы с Василисой Премудрой ими гордимся.

Сказка шестая.

Что посеешь, то и пожнёшь

Иду как-то раз по улице Петина, а передо мной небольшая компаньша пятиклассников в школу направляется — четыре мальчишки и девочка Лиля. Мальчишки как мальчишки, а девочка аккуратненькая в розовой курточке, с белыми бантиками в волосах и в нарядных туфельках. «Должно быть, одноклассники», — подумала я.

Ребята перед Лилечкой так и выставляются, чтобы её внимание привлечь. Она же не сводит глаз с самого высокого мальчика — Митьки, внимательно его слушает. А уж он старается: что-то смешное скажет — все от хохота за животы держатся. И всё время Митька этот к одному из ребят цепляется — Саньке: то толкнёт его, то обзовёт как-нибудь, лишь бы больше обидеть. Остальные ему в рот смотрят и льстиво хихикают, а Санька плетётся сзади. Он тихий, забитый какой-то, одежда на нём беднее, чем у всей компании, и смартфона в руках нет, а на ногах — резиновые сапоги. Остальные-то мальчишки в модных кедах щеголяют, хоть и сыро на улице.

Митька вдруг сорвал с Саньки вязаную шапочку и бросил вверх с криком: «Лови!» Мальчишка едва успел шапку поймать, а то бы она в лужу упала. Все опять засмеялись и стали Саню дразнить. Он опустил голову, отстал от компании и свернул в другую сторону: не выдержал насмешек...

Я так рассердилась, что решила к Василисе Премудрой за помощью обратиться. Глядь, а она уже рядом со мной стоит и улыбается:

— Что случилось?

Описала я ей ситуацию вкратце и такую идею предлагаю:

— Давай, Василисушка, переоденем Саньку в Митькину одежду и наоборот — Митьку в Санькину, а потом посмотрим, что будет.

— Неплохая идея, давай попробуем, — отвечает. Взмахнула платочком, и... вся компания остолбенела. Санька хоть и по-прежнему сзади стоит, а выглядит — просто отпад! Новенький школьный костюм отглажен, белая рубашка накрахмалена, на ногах — фирменные «кросачи» и за плечом модный кожаный рюкзак висит. Держит Санька в руке последнюю модель смартфона и фотки рассматривает. А Митька как стоял в центре компании, так и стоит, но изменился до неузнаваемости. Ребята смотрят на него и глазам своим не верят. Куда подевался их лихой предводитель?! Перед ними Митька

в растерянности с ноги на ногу переминается, а на нём — застиранная рубашка, вытянувшийся линялый свитер старшего брата и брюки с заплаткой. На макушке чудом держится вязаная шапчонка, а худые ноги торчат из резиновых сапог на вырост. Попытался Митька что-то смешное сказать, но на него никто внимания не обратил, а потом и вовсе один из его бывших приятелей оттолкнул парнишку в сторону и процедил сквозь зубы:

— Топай отсюда, пока цел!

Лилечка направилась к Саньке смартфоном восхищаться. Остальные ребята за ней потянулись, по спине мальчишку одобрительно похлопывают и в глаза ему заглядывают. Санька вспыхнул от такого внимания, оживился и неожиданно для себя сострил. У него это с непривычки не очень получилось, но вся компания так и покатилась со смеху.

Митька остался один-одинёшенек: в школе одноклассники тоже от него отвернулись, а на Саньку смотрели, будто впервые увидели. Дети и взрослые его хвалили, дескать, и талантливый-то он, и симпатичный, и остроумный, а уж выглядит лучше всех: модный такой и чистюля! Митьке же целый день пришлось слушать то, что он раньше Саньке говорил: «Отвали! Не порть компанию, убогий!» После уроков он убежал в школьный парк, спрятался в кустах и горько заплакал. Откуда ни возьмись появилась Василиса Премудрая:

— Ну что, Дмитрий, понял, почём фунт лиха? Каково было Саньке от тебя насмешки и унижения сносить... И всё из-за пустяка, одежды какой-то! А что Санька человек хороший и верный друг, ты даже не замечал. Погуляй-ка до вечера в таком виде, может, образумишься!

Сказала и исчезла.

До вечера бродил Митька по городу, а потом подловил Саньку у самого дома и смущённо сказал:

— Прости меня, Саня, за все прошлые обиды. Давай дружить. Я ни одного человека больше в жизни не унижу. Знаю

теперь, как это больно бывает, больнее, чем самому битому быть.

Мы с Василисой Премудрой рядом стояли и все слышали. Василиса аж расцвела:

— Вот и хорошо, вот и славно!

Вышла она из-за дерева и говорит мальчику:

— Возвращаю тебе, Митенька, прежний облик... Да вспоминай почаще мою науку и старую русскую поговорку: что посеешь, то и пожнёшь!

И снова Митя оказался в модных кроссовках, а Саня — в резиновых сапогах. Только мальчики на одежду уже не смотрели. Заметишь ли заплатки на штанах друга, если знаешь, что сердце у него золотое!

Тут и всей сказке конец, а кто читал — молодец!

Послесловие

О том, состоялась ли эта книжка, судить читателю и ему же решать, ужились ли в ней серьёзные рассказы с забавными миниатюрами, статьи и фантазии со сказками и ироническими заметками.

Всё написанное мной в этой книге создавалось на фоне перемен, происходивших в нашем обществе в последние тридцать лет, и представляет собой попытку понять, оценить, разобраться в событиях и людях, сравнить нынешнее время с ушедшим двадцатым веком и заглянуть вперёд.

Незаметно течёт и сменяется череда дней, в которой отражаются ещё не получившие полного осознания и оценки события нового времени. Ускоряется процесс перемен. Это заметно хотя бы в частоте появления новых технологий во всех областях жизни. И чем быстрее движется время, тем больше мы, старшее поколение, отстаём от прогресса, а дети и молодёжь удаляются от того мира, в котором жили мы, не стараясь его понять и почувствовать ценность того, что было до них. Но мы видим, что отрицание прошлого ни к чему хорошему не приводит. Чем лучше люди знают своё прошлое, чем больше черпают из него опыта как положительного, так и отрицательного, тем меньше они ошибаются в пути, тем стабильнее настоящее и увереннее будущее. Эта книжка написана для того, чтобы показать читателю ещё и неизбежность, а также значительность вечного движения времени и переменчивости событий.

Мои рассказы — это не столько констатация фактов, сколько попытка вселить в читателей оптимизм, веру в то, что талантливость и пассионарность лучшей части наших людей — детей, молодёжи и зрелых людей — уже сейчас сквозь все трудности, грязь, пустые слова и обещания помогает нам подниматься из тьмы постперестроечной разрухи. Какими темпами, и в каком направлении мы будем развиваться, зависит он нас самих.

Литературно-художественное издание

Андреева Татьяна Александровна

СВОИМ ЧЕРЕДОМ

(О нашей жизни — всерьез, и не очень)

Формат 60х90/16. Усл. печ.л. 24,75.

Тираж 250. Заказ 779.

ИП Киселев А. В.

160022, г. Вологда, Пошехонское шоссе, 18, к. Н

Публикации автора:

«Прощай, XX век». (Память сердца), мемуары, Вологда, ООО ПФ «Полиграф-Книга», 2010 г.

«Уходящее лето», сборник стихов, Вологда, ООО ИПЦ «Легия», 2012 г.

«Вологодская бывальщина», сборник рассказов, Вологда, ИП Киселёв А.В., 2014 г.

«Сказочная повесть о городских птицах», Вологда, ИП Киселёв А.В., 2015 г. (Победитель V областного конкурса «Вологодская книга года» в номинации «Лучшее издание для детей и юношества»).

«Вологодский альманах», рассказы: «Память старых фотографий» и др., 2015 г.

«Сказки из Вологды для взрослых и детей», Вологда, ИП Киселёв А.В., 2016 г.

«Уходящее лето», стихи, издание II, исправленное и дополненное, Вологда, ИП Киселёв А.В., 2017 г.

«Стихи для детей», Вологда, ИП Киселёв А.В., 2017 г.

«Как баба Паша к труду внучек приучала», рассказ, I Всероссийский литературный журнал «Лифт», № 2 (5), декабрь 2017 г., Москва

«Люсино счастье», рассказ, литературно-художественный журнал «Крым», № 3-4 (47-48), 2017 г.

9 785906 945235